

НОВЫЙ МИР

1-2

МОСКВА

1942

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1942 г.

№ 1—2

Год издания XIX

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Ц. Солодарь — Стихотворения	3
Лев Славин — Мои земляки, повесть	5
Сергей Марков — Козьма Минин, стихотворение	34
Леонид Соболев — Татьяна, рассказ	36
Павло Тычина — На земле священной, на советской, стихотворение. Перевел с украинского Борис Турганов	40
А. Корнейчук — Партизаны в степях Украины, пьеса	43
Вл. Ставский — Фронтовые записи	64
Ник. Ушаков — Горбун, стихотворение	134
Теодор Пливье — Пуговица Алоиза Матеробера, рассказ. Перевел с немецкого Марк Живов	135
Александр Дроздов — Два рассказа	145
Алексей Карцев — Связисты идут вперед	153
Б. Земенков — Истра	161

В. Линецкий — Война в африканской пустыне	170
Акад. А. Е. Ферсман — Война и стратегическое сырье	179

А. Еголин — Патриотизм и народность Пушкина	206
В. Кирпотин — Сердце русского	213
О. Резник — Рождение современного эпоса	222
Н. Замошкин — Родина — большое слово	229
Вл. Андри — Стефан Цвейг	234

Библиография	238

Стихотворения

Ц. СОЛОДАРЬ

★

Уже я трактом этим ездил.
Я помню: вечер, пыль, июль.
Густое летнее созвездье,
Полет транссирующих пуль.

Безмолвных женщин мы встречали
С детьми на скрещенных руках.
Уже не детские печали
Мы в детских видели глазах.

И поднятые из постелек
На материнскую ладонь,
Детишки на небо глядели,
Откуда наземь шел огонь.

На их ресницы в эти ночи
Легла бессонницы печать.
И все же, сбившись у обочин,
Умели матери молчать.

И снова шли, и шли в потемки,
Их на восток война гнала.

И были легкими котомки,
А ноша горя — тяжела.

... Сейчас — февраль. Снега, морозы.
Знакомый тракт опять шумит.
Идут военные обозы —
Патроны, сахар, динамит.

Обозы держат путь на запад,
Куда уже прошли полки.
И вдруг мелькает детский капор,
Салазки, женские платки.

В салазках дети спят тревожно —
Приснилось им тепло квартир.
И ездовые осторожно
Берут салазки на буксир.

И запевают ездовые,
И эту песню слышит мать,
И детство смятое — впервые
Здесь начинает оживать.

★

Снега... Как будто мир завьюжен
Напором белой кутерьмы.
Куда ни глянешь — полукружьем
Растут, растут, растут холмы.

Уже немецкие могилы
По самый крест заметены...
Здесь даже деды-старожилы
Такой пурге удивлены.

Снега... Им нет конца и края —
Сухим и жестким, как песок...

К березе немец льдом припаян
И смотрит, мертвый, на восток.

Закостеневшим трупным взглядом
На деревушку смотрит он,
Откуда только-что отрядом
Немецкий выбит батальон.

Отряд по вражескому следу
В снега уходит вдоль реки,
И говорят в деревне деды:
«Видал, прошли сибиряки...

Сибиряку не много надо,
 Везде в доме, везде согрет...»
 А ночью двое из отряда
 В сугробе залегли в секрет.

И звездный свет им виден не был.
 В ту ночь, подернутую мглой,
 Земля в снегу казалась небом,
 А небо черное — землей.

Зарывшись в снег, под вой метели
 Дни детства вспомнили они:
 Один — рионское ущелье,
 Другой — ферганские огни.

В избе — от пламени спасенной,
 Еще не спали старики,
 И всё твердили убежденно:
 «Им нипочем — сибиряки...»

★

В пятнадцать — в бой пошел
 соседний батальон,
 А нам приказано пойти в шестнадцать
 восемь...

Хочет бас, грустит аккордеон —
 Концерт идет среди снегов и сосен.

Чтоб в этот час мечтательный
 сержант

Согреться мог теплом своей улыбки,
 Рукой изящней старый музыкант
 Сжимает гриф помолодевшей скрипки.

★

Вот он стоит с лицом от страха белым,
 На тонкой шее дрожь багровых жил.
 Изящный нож и грузный парабеллум
 На черный пень конвойный положил.

Поля моей земли броней топтал он,
 Повсюду оставляя смрадный след.
 Когда он добирался до привала,
 Ему служили нож и пистолет.

Он белоруску-девушку замучил,
 Литовский город затопил огнем,
 Поил мотор награбленным горючим,
 Себя поил награбленным вином.

Мой дом хотел он смять железным танком,
 Хотел из пистолета расстрелять
 Мою жену — елецкую крестьянку,
 Мою еврейскую задумчивую мать...

Кривит он губы жалобной гримасой,
 Подергиваясь, он кусает ус.
 Стоит поникший, сумрачный, безгласый —
 В насильнике всегда таится трус.

Но помню все я. Ненависть нетленна
 К орде врагов, закованных в броню.
 Да, помню все! Забвение — измена,
 И я своей стране не изменю.

Мои земляки

ЛЕВ СЛАВИН

Повесть.

★

1.

Аркадия Дзюбина я услышал прежде, чем увидел.

Это было в лесу. Я лежал под деревом. Немцы крыли из артиллерии. Пальба была типично немецкая, ураганная и неточная. Все-таки голову поднять не хотелось. Грохот стоял адский. Он проникал, казалось, не только в уши, но и в глаза, в рот, в нос.

Часам к двум огонь вдруг прекратился. Какая тишина! И я замечаю, что листва на деревьях нежная-нежная, как всегда в сентябре под Ленинградом. Летают золотые жуки с тихим медным врчаньем. В воздухе марево от жары, и солнце сквозь него кажется туманным и серебряным. И на всем покоится мягкий, прелестный свет. На фронте обычно не замечаешь природы. Но эта красота без спросу лезла в душу.

В эту минуту я услышал пронзительный голос:

— Фрицы потопали шамать.

Другой голос, густой окающий бас:

— Сейчас ихни-то самолеты вылетят.

Первый:

— Чудак! В небе тоже обеденный перерыв. Ангэлы и дэмоны тоже должны пошамать.

Я насторожился. От этого голоса на меня повеяло чем-то бесконечно знакомым. Эти смягченные шипящие и горланые. Это полное пренебрежение к звуку «ы». Этот шикарный «апашокий» прононс. Так говорят только в Одессе.

Я оглянулся и увидел двух бойцов. Они сидели на земле и набивали патронами диски ручного пулемета. Один был долговязый, с тонкими, так называемыми «хулиганскими» усиками на бледном лице. Маленькие глазки его смотрели насмешливо и надменно. Другой был огромен, прямо гигант. Своими тяжелыми руками он с неожиданной ловкостью производил те точные, аккуратные движения, какие необходимы для зарядания пулеметных магазинов. В грубом лице его было что-то детское.

— Очень рад познакомиться, — с южной учтивостью приветствовал меня долговязый, — сидайте, пожалуйста, будьте, как дома. Приятно видеть человека с Одессы. А это мой второй номер, Александр Свинцов, более известный под кличкой Саша-с-Уралмаша, будьте знакомы.

Саша-с-Уралмаша промычал что-то невнятное.

— Смелей, смелей, Саша, дай дяде ручку. Вы его извините, пожалуйста, он очень робкий, он только с немцами смелый. Саша, дружок, расскажи человеку, как ты притопал с немцем.

Бойцы, лежавшие там и сям в траве, засмеялись. Гигант покраснел и буркнул:

— А ты помолчи...

— А шё такое? Это же интересно. Ну, хорошо, скромность украшает юношей. Так понимае, мы как-то видим из лесу чешет немецкий офицер. Прямо галопом, как призовой жеребец. А рядом с ним не кто иной, как наш Саша-с-

Уралмаша. Возле штабного блиндажа Саша докладывает командиру: так и так, зацапал живьем германского офицера. А офицер стоит рядом и сопит, и прямо весь в мыле. Правда, ребята?

Ребята смеялись. Саша-с-Уралмаша кидал по сторонам умоляющие взгляды. Мне стало жаль его.

— Так вы думаете, немцы сейчас обедают? — сказал я, чтобы переменить разговор.

Но долговязый неумолимо продолжал:

— А командир, значит, говорит: «А шё ж это вы, говорит, чуть ли не верхом на нем приехали?» А наш Саша отвечает: «А это для того, товарищ командир, шёб он не сбежал по дороге». Вот умник! Наркомовская голова ни за копейку пропадает.

Бойцы заливались хохотом. На войне любят смех. Он облегчает тяготы фронтовой жизни. Молоденький шустрый артиллерист подскочил к Саше и тряс его за плечо.

— Экий ты, Сашка! — кричал он. — Знаешь что, отчисляйся к нам в дивизион, будешь у нас ребят потешать, вместо циркового клоуна, честное слово!

Саша молчал. На большом лице его бродила мучительная улыбка.

— А ну, убери с него руку, — решительно сказал долговязый.

И так как артиллерист смотрел на него, не понимая, долговязый пояснил:

— Это я тебе говорю, артиллерист: скидывай с парня свою лапку. Ясно?

И своими немигающими глазками он уставился в артиллериста с такой твердостью, что тот смущенно пробормотал: «Будто ясно», и отступил.

— Так его, Дзюбин! — закричали в траве. — Под натиском пехоты артиллерия в панике бежала, бросая материальную часть.

— Ну, ну! — закричал артиллерист, хорохорясь. — Ты, Дзюбин, не очень... А то, знаешь... как бы мы с тобой не стукнулись!

— Пожалуйста, — сказал Дзюбин гостеприимно, — пойдём в кусты на парочку слов. Там я с тобой поговорю по-одесски.

— Подумаешь! — сказал артиллерист. — Видали мы ваших одесских.

Дзюбин вскочил. Его длинное, тощее тело разогнулось с такой стремительностью, словно в нем не было костей...

В это время принесли почту. Разговоры прекратились. Бойцы лежали в траве и читали письма под вялое уханье артиллерии.

— Дзюбин Аркадий, тебе письмо, — крикнул кто-то.

Но Дзюбин не слушал. Он подошел к артиллеристу и сказал со зловещим спокойствием:

— Вот, дружок: ты мне Одессу не трогай. Ясно? Если я еще услышу такую вещь, так я из тебя сделаю бэфстроганов. На месте. Не отходя от кассы.

Он яростно скрипнул зубами, и артиллерист, не говоря ни слова, исчез.

Дзюбин взял письмо и спустился в свой блиндажик. Через минуту мы услышали его голос:

— Вы слышите? Фугаска упала прямо посередке Дерибасовской улицы! Это же одна такая шикарная улица на весь Союз... Ай-ай-ай, слышите, они разбили памятник Пушкину на бульваре... Кошмар подумать, что вытворяют эти фашистские жабы!..

Долго еще гремел у себя в блиндаже Дзюбин. Саша-с-Уралмаша сунулся было с утешениями, но Аркадий напустился на него:

— Шё ты сравниваешь? Ну шё ты сравниваешь? Шё ты вообще видел в своей жизни, ты?

Аркадий вошел в раж. Он припомнил Саше все его ошибки, все задержки пулемета, все неточности в корректировке огня. Заодно гиганту досталось и за его медлительность, молчаливость, за его тяжеловесное глубокомыслие, — все, что так раздражало пылкий, нетерпеливый нрав одессита.

Из землянки пулеметчиков доносились скрипучие крики Дзюбина:

— Почему это мне так не везет? У людей вторые номера, как вторые номера. А у меня какая-то медуза, прости господи, вместо человека. Молчи, не возражай, не действуй мне на печенку!..

Саша только тихо сопел под этими стрелами южного красноречия. Особенно оскорбляло его непонятное слово «меду-

за». Ярость гиганта разгоралась медленно. Аркадий знал ее признаки. Увидев, что глаза сашины начали темнеть, а руки сжимаются в кулаки, Аркадий вынул из вещевого мешка мандолину. Это была настоящая итальянская мандолина, сработанная в Одессе старым чехом Драгошом. Трудно понять, как Аркадий ухитрился пронести этот хрупкий инструмент сквозь огонь военных передраг. Но он таскал ее в мешке по всем фронтам, как кусок своей любимой Одессы, и ухаживал за ней не меньше, чем за своим пулеметом.

Вынув мандолину, он взял шикарный аккорд и запел своим резким, но верным голосом:

Надену шляпу я, взбегу по трапу я,
Махну в Анапу я, там жизнь легка...

И глаза гиганта постепенно светлели. А грубое лицо его становилось мечтательным и трогательно нежным.

А Дзюбин все пел одну песню за другой. О кочегарах — «Товарищ, не в силах я вахты держать...» О любовных муках некоего благородного вора — «... и слезы катятся, братишечка, в тумане по исхудалому моему лицу...» И, наконец, свой коронный номер — песню о портовых грузчиках, из которых он сам происходил:

Грубее лицо у меня впереди,
Грубая спина у меня позади
И нежное сердце в груди...

Мандолина звенела. Скрипучий голос Аркадия звучал по-необычному мягко и мелодично. Казалось, что в этих песнях изливается вся его душа, нежная, печальная, мечтательная.

Но тот не знал Аркадия Дзюбина, кто не видел его в бою.

2.

Он лежит на земле, среди картофельной ботвы. Он широко раскинул ноги носками наружу, как и полагается наводчику, левая рука под прикладом пулемета, правая на спусковом крючке. Маленький круглый глаз, не мигая, смотрит в прорезь прицела. Временами он поворачивает лицо, бледное, с задор-

ными усиками, в сторону лейтенанта Рудого, ожидая команды. Но нет команды стрелять.

Чуть позади и чуть правее распластал на земле свое огромное тело Саша-с-Уралмаша. Инструмент и запасные стволы у него под руками. Он приготовился подавать магазины, наблюдать, советовать, как и полагается второму номеру. Но нет команды стрелять.

Я следую с этим взводом четвертый день. Сейчас мы все лежим в поле. Впереди золотая пыль солнечного заката. В ней чернеют неясными пятнами избы и палисадники. Это деревня Р. Нам приказано взять ее к восемнадцати ноль-ноль. Я дважды поднимался и помогал раненым отползти назад в рожищу. Сейчас восемнадцать двадцать.

Вначале я понимал отсутствие продвижения как особый тонкий замысел лейтенанта Рудого, как хитроумный маневр, который должен привести к внезапной и эффектной победе, вроде того, как это происходит в картине «Чапаев».

Но вот я слышу, уже второй раз телефонируют из штаба батальона и спрашивают, до каких, собственно, пор мы собираемся лежать? Еще несколько раненых уползают в рожищу. Рудой нервничает. И я понимаю, почему мы не можем двинуться вперед. Нам мешает огонь немецких автоматчиков. Мы не можем пробиться сквозь этот низкий и хлесткий огонь.

Аркадий вглядывается куда-то вдаль. Я неуверенно посматриваю на других бойцов.

Аркадий повернулся к Саше и ткнул пальцем вправо, в какую-то кучу, темневшую вдали.

— Шёб я пропал, — проскрипел он, — если в этой соломе не сидят минимум две жабы с автоматами.

— Кака ж то солома, то — сено, — с презрением сказал Саша.

— Это роли не играет, — сказал Аркадий и пополз вперед, придерживая пулемет.

Гигант смотрел ему вслед с явно выраженным волнением.

Тощее змеевидное тело Аркадия ловко извивается между неровностей поч-

вы. Иногда оно пропадает за холмиками и буграми. Потом появляется снова. Вот он остановился, прижался к земле, сливается с ней. Глаза устают смотреть на него. Теряешь представление: Дзюбин это или кочка? Но нет, кочка пошла. Саша отвернулся, он не мог смотреть. Он только изредка спрашивает: «Виден?» — «Виден». — «Ползет?» — «Ползет». А потом вдруг сосед сказал: — Больше не виден.

И, действительно, Аркадий пропал. Люди посмотрели друг на друга с значительным видом, — знаете этот взгляд, когда все понятно без слов?

Саша приподнялся, забыв о пулях.

— Да вот же Аркадий! — крикнул Саша.

И верно! Это его долговязая фигура. У самого стога. На фоне заката все так четко. Мы видим, Аркадий делает два резких движения рукой.

— Гранаты бросил!.. — задыхаясь, шепнул Саша.

Два взрыва! Черный столб дыма закрывает солнце. Стог горит. Из него выбегают три силуэта в коротких куртках с автоматами в руках. Аркадий припадает к пулемету. Очередь, молниеносная, мастерская — и немцы валяются.

Рудой ведет нас вперед, и мы бежим к деревне, стреляя, и связисты бегут за нами, пригнувшись, разматывая катушки.

Скоро околица. Новый шквал огня. Мы залегли. Огонь хлещет из-под домов. Немцы подрывались туда. С чердаков они стреляют тоже. Появился Аркадий. Лицо его в копоти. Рукавом он стирает пот и еще больше размазывает грязь по лицу. Только глаза блестят често и весело. Саша ползет к нему. Аркадий устраивает свой пулемет на гребне воронки от снаряда.

— Чего не взял меня давеча? — сурово говорит Саша и располагается рядом с ним.

Аркадий не отвечает. Он ушел в работу. Он стреляет с такой же страстью, как поет или ссорится. Дуло его пулемета некоторое время подрагивает, как нос легавой на стойке. Аркадий вынюхивает цель. И вдруг дает очередь. И полуобгорелая изба слева смолкает.

А Аркадий уже на новом месте, у остатков плетня, когда-то, видимо, ограживавшего поле. Мгновенно втыкает он сошку пулемета в землю и снова строчит. При этом он крякает и что-то бормочет сквозь стиснутые зубы. И если прислушаться, то можно разоб-
брать:

— Вот тебе за Дерибабушку... Вот тебе за памятник Пушкину... На, кушай...

Саша лежит рядом и басит:

— Два пальца вправо...

Так. Точно.

К плетню тем временем подползает с новыми дисками подносчик патронов Галанин, ленинградский студент из добровольцев. На юном лице его изумление: где Аркадий?

А Аркадий с Сашей опять на новом месте, у кучи бревен. Он поминутно меняет позиции. Он стреляет то короткими очередями, то длинными, то одиночными выстрелами. Он находит цель молниеносно — по вспышкам, почти незаметным сейчас в дневном свете, по едва уловимым шевелениям за углами домов, по слишком желтому цвету травы, маскировавшей бойницы, а иногда просто по звуку. И найдя цель, он вламывается в нее своим огнем с быстротой, почти непостижимой. Каждая его очередь поджигает дом, прошибает укрытие, настаивает перебегающих немцев, валит их и косит, и каждую очередь он сопровождает своим яростным бормотаньем про какие-то улицы, бульвары, морские купальни, ресторанчики, про дорогие его одесскому сердцу скалы Ланжерона и белые акации Пале-Рояля. Внезапно с другого края деревни взлетает ракета. Она рассыпается в вечеряющем воздухе белым огнем. Задравши головы, мы смотрим на нее. И в ту же минуту мы слышим пальбу и крики «ура!» То пошел в атаку другой наш взвод, обошедший деревню с тыла. Его повел политрук Масальский.

И вдруг скрипучий крик:

— За мной!

И мы видим — встал Дзюбин. Он пошел вперед, насмешливо и прозно поглядывая по сторонам и выставив перед собой пулемет, притороченный ремнями

к туловищу. Рядом шагает своим медвежьим шагом Саша-с-Уралмаша, держа в одной руке винтовку, а в другой свое маленькое хозяйство второго номера — коробку с запасными магазинами и сумку с инструментом.

— Вперед... — попытался снова крикнуть Аркадий, но вместо ожидаемого могучего крика, из его груди вырвался жалкий писк. От большого усилия он сорвал голос.

Он тогда поворачивается к Саше и гневно хрипит:

— Давай голос!

И тот мощным, каким-то девственным басом закричал, перекрывая пальбу:

— За родину! За Сталина-а-а!..

И ринулся вперед. Все за ним. Аркадий тоже. Все же он успел повернуться, насмешливо подмигнуть мне в сторону Саши и прохрипеть:

— Ничего голосок у мальчика, а?

А Саша был далеко впереди. Винтовку свою он схватил за конец ствола и действовал ею, как дубиной. Долго была видна его гигантская фигура. А потом он исчез в сутолоке боя.

3.

Уже стемнело, когда мы взяли деревню. Остатки немцев отошли к дачной местности П., где у них был сильный оборонительный узел.

На маленькой круглой площади происходит встреча с политруком Масальским, который брал деревню с тыла. Это рослый краснолицый атлет с оглушительным голосом, настоящий воин по наружности и повадкам. До войны он был доцентом по кафедре истории искусств. Он уговаривается с лейтенантом Рудым о ночлеге для бойцов и о расстановке сторожевого охранения.

Мы бродили по улицам, с любопытством осматривая следы пребывания немцев. Мало изб сохранилось здесь. Среди обгорелых развалин торчали, как журавлиные шеи, длинные голые дымоходы. Странным образом уцелело двухэтажное здание сельсовета.

Возле него стояла целенькая немецкая штабная машина. Она была размалевана для маскировки в желтое и черное.

За рулем в позе спящего человека сидел убитый шофер. На рукаве его белая свастика и пониже крылатое колесо.

От крыши сельсовета поперек улицы висело длинное белое полотнище. На нем было крупно написано: «Langsam fahren! Ohne Signalen!» На перекрестке стоял дорожный знак — стрелка с надписью: «Nach Leningrad». К стене сельсовета была прилеплена листовка с лубочным изображением солдата на берегу реки и надписью: «Германский солдат на реке Вольга».

Мы заглянули в сельсовет. Пол был закидан полуобгорелыми бумагами и расстрелянными гильзами. На подоконнике валялся подбитый крупнокалиберный пулемет. В углу на сенниках лежали два трупа — босая девушка в разорванном платье, с окровавленной головой и немецкий солдат без куртки, между его лопатками торчал кухонный нож. Мы постояли над ними, стараясь разгадать, какая драма разыгралась здесь незадолго до нашего прихода.

Из второго эшелона примчался старшина на полуторке. Мы сгрузили с нее термосы с обедом. Полуторка спешила обратно в тыл. Мы положили на нее немецкие шинели, минометы, винтовки и прочее трофейное добро. Туда же поместили четырех пленных. С ними сел Галанин, наш подносчик патронов. В свободное время он работал переводчиком. Я попросил его завезти на полевую почтовую станцию маленькую корреспонденцию, которую я только-что набросал. Ребята тоже надавали ему писем. Их набрался целый мешок. После боя много пишут.

Немцы испуганно поглядывали на нас. Галанин перегнулся через борт машины. В полумраке белесой северной ночи весело сверкнули его зубы. Он сказал нам, живнув в сторону немцев:

— Трусят! Ай, как же они трусят! Все время спрашивают меня: «А нас не убьют? Мы все скажем, пусть только нас не убивают».

И он засмеялся своим счастливым молодым смехом. Было тихо кругом. свежо, хорошо пахло.

Из темноты раздался сердитый хрип Аркадия:

— Шё ты смеешься, Галанин? Эти жабы понаделали таких гадостей, шё это в мире не видано. Они это понимают. Оттого они и чересчур волнуются, когда попадают к нам.

— Нет, почему же, Дзюбин, — сказал Галанин назидательным тоном, — нельзя так огулом. И среди немцев, без сомнения, немало хороших людей.

— Ты эти номерочки оставь, студент, — сказал Аркадий свистящим от ярости шопотом. — Я не видел на нашей земле среди фрицов хороших людей! Возьмем, например, финнов. Тоже не ай-ай-ай. Тоже порядочные дешевки. Но все-таки в них есть какое-то самолюбствие. А эти? Солдаты! Без танков ни на шаг. Сами вшивые, пьяные, в голове только одно — набить кишки на шермака, шё-нибудь стянуть, поймать где-нибудь девочку. Не пропустят случая шё-нибудь поломать, шё-нибудь пожечь, кого-нибудь повесить и причем желателью за ноги, шёб помучить. Так это люди?

Он помолчал и прибавил с угрюмой злобой:

— Можеть, одни только румыны еще хуже их...

Успокоившись немного, он сказал:

— А шё, ребята, никто не видел этого разяву Сашу?

— Не волнуйся, Дзюбин, — сказал санитар Гладышев, — среди убитых его нет.

— Кто волнуется? — огрызнулся Аркадий. — Я волнуюсь не о нем, я волнуюсь о том, шёб он почистил пулемет.

Мы пошли на ночевку в темный еловый лес за деревней. Поспать, поспать! — вот от чего мы никогда не могли отказаться. Мы растянулись на мягкой толстой хвое. Едва прильнули мы щеками к изголовьям — ранцам, каскам, противогазам, — как тотчас впали в длинный и крепкий, как в детстве, сон.

Один Аркадий не спал. Он бродил меж деревьев, склонялся над бойцами и пускал им в лицо луч своего фона-

рика. А если кто просыпался, Аркадий спрашивал:

— Извиняюсь, вы, часом, не видели моего дурня?

Он вышел на опушку леса и стал здесь, опершись на пулемет и беспокойно вглядываясь вдаль своими маленькими повелительными глазками. Плащ-палатка, эта защитная мантия, скульптурными складками ниспадала вокруг его длинного тощего тела. Так простоял он всю ночь. А утром появился Саша.

— Живой! — с возмущением сказал Аркадий. — Где ты пропадал всю ночь? Почему бросил грязный пулемет?

Гигант робко сказал:

— А меня увезли к командиру.

— К какому командиру? Шё ты, не можешь быстрее говорить?

— К командиру полка.

— Майору Чернову?

— М-гм.

— Зачем?

— А он хотел меня видеть.

— Зачем? За-чем? Ты понимаешь русский язык?

— А он мне сказал: «Молодец, товарищ Свинцов, хорошо дрался, грамотно дрался».

— А шё ты такое сделала?

— А я положил немножко немцев в рукопашную.

— Сколько?

— Семь штук.

Аркадий молча смотрел на Сашу. Саша виновато переминался на своих слоновых ногах, бормоча:

— Пулемет-то я сейчас почищу, так уж вышло, понимаешь...

— Не, кроме шуток, семь штук?! — закричал Аркадий, и его худое надменное лицо расплылось в довольную улыбку. — Вот это да! Вот это спасибо! Поддержал марку пулеметного расчета.

И своей длинной тонкой рукой оч крепко потряс тяжелую сашину руку. Гигант покраснел от радости. Похвала друга была для него, пожалуй, не менее дорога, чем боевая медаль, к которой он был представлен за это дело.

На следующий день, когда мы отражали контратаку, Аркадия и Сашу постигла неприятность. Снаряд разорвался возле них. Они окликнули друг дру-

га: «Жив?» — «Жив?» Потом они поднялись, стряхивая с себя землю, и разом вскрикнули в гневном изумлении: их пулемет, их дорогой «примус», как они его называли, был испорчен.

Запасного пулемета в этот момент под рукой не оказалось. Надо ждать, пока доставят новый из тылового склада. А пока-что лейтенант Рудой приказал им взять винтовки.

— Дожили, на старости лет, — сказал Аркадий.

А к ночи, пошептавшись о чем-то с лейтенантом, он исчез.

Теперь для Саши наступило время тревожиться и не спать всю ночь, и в тоскливом волнении бродить по лесу, разыскивая Аркадия, а, может быть, его бездыханное тело.

Но час Аркадия Дзюбина еще не пробил.

На рассвете он появился. Вид у него был измученный, но довольный. За спиной у него висел немецкий ручной пулемет. Он стал было рассказывать Саше о своих ночных похождениях. Но рассказ плохо давался Аркадию. Он падал от усталости. Вскоре он пошел в землянку и лег спать.

А Саша разостлал под деревом кусок брезента и положил на него пулемет. Собралась кучка бойцов, с интересом приглядываясь к незнакомому оружию.

— Не нравится мне этот примус, чудной какой-то, — пробормотал Саша.

Тем не менее он ловко и быстро разобрал его. Отсутствие инструмента не мешало ему. Он отвернул ствол голыми пальцами, которые, казалось, были не менее крепки, чем сталь пулемета.

— А как же Аркадий доставил цей кулемет? — спросил Окулита, наводчик из другого пулеметного расчета. В глосе его была профессиональная зависть.

— Спроси его, — холодно сказал гигант.

Он был обижен тем, что Аркадий не взял его ночью с собой.

Он придвинул к себе банку со щелочью и опустил в нее конец ствола. Потом наverts на шомпол аккуратную подушечку из пакли, осторожно ввел ее в канал ствола и принялся водить шом-

пол взад-вперед, с удовольствием прислушиваясь к аппетитному чавканью, какое издавала мокрая пакля, снуя по стволу.

Потом он поднял ствол и заглянул в него одним глазом, как в подзорную трубу.

— Я б тому немцу дал четыре наряда за небрежное хранение оружия, — сердито сказал он.

Из землянки вылез Аркадий. Он спал не более часа, но был свеж и весел. На губах его играла обычная насмешливая и слегка надменная улыбка. Он с удовольствием подставил лицо под еще нежаркое солнце. В руках у него была консервная банка, и он то-и-дело запускал в рот ломти сочного жирного мяса. Самодовольно улыбаясь, он посмотрел на пулемет.

— Дэ ж тобі, Аркадий, высторчили цей кулемет? — спросил Окулита.

— Личный подарок генерала-фельдмаршала фон-Леэба, — сказал Аркадий, зевнув.

— Я ж тэбэ с правди пытаю.

— Ну как такие вещи достаются, дружок? Одним солдатом в фашистской армии меньше, одним пулеметом в Красной Армии больше. Конечно, до нашего примуса ему далеко. Но зато дорог как память.

— Чего меня не взял с собой? — сурово сказал Саша.

— Тебя?

Аркадий посмотрел на Сашу с веселым озорством. Гигант беспокойно заржал, предчувствуя недоброе. И действительно, Аркадий продолжал, повысив голос, чтобы привлечь к себе внимание:

— Тебя? Шёб ты мне своим сопеньем разбудил всю фашистскую армию? Саша, дружок, расскажи человеку, как ты один раз поднял на ноги целую германскую дивизию СС.

— Ну, пошел молоть, — сказал Саша, покраснев.

Но Аркадий, у которого всегда была в запасе какая-нибудь издевательская история о Саше, продолжал:

— Сашенька наш где-то в бою достал трофейный маузер. Знаете, такой здоровецкий, как пушка. И красивый,

никелированный, с какой-то немецкой надписью. Шикарная вещь. Ему сколько раз меняться предлагали. Но Саша ни в жизнь не хотел расстаться со своим маузером. Только ему никак не удавалось из него стрельнуть. Он же в атаку идет без оружия, он клепаёт фашистов кулаками. Сами видите, мальчик здоровый.

Кругом засмеялись. Санитар Гладышев, мужчина серьезный, обстоятельный, сказал неодобрительно:

— Ну, пошел гвоздить своего дружка.

Саша пригнулся к Аркадию и сказал угрожающе:

— Говорю, брось!

Аркадий, не слушая, продолжал:

— Ну так вот, как-то на нашем участке было затишье, и Саша решил попробовать свою пушку. Он потопал куда-то далеко в лес. Там он, значит, сорвал белянский цветочек, неженский такой, ромашка чи шё, и прицепил ее к дереву заместо мишени. Ну, хорошо. Сам отошел шагов на тридцать, нагнул свою умную голову, прицелился и пальнул. А у маузера, знаете, звук здоровый, как у хорошей морской шестнадцатидюймовки, честное слово. А Саша пальнул еще раз и еще раз. Все не мог в свою ромашечку попасть. И вдруг с левого фланга как жажнули немецкие минометы — они в полукилometре стояли. А за минометами как вдарили пулеметы. А немецкая полковая артиллерия услышала этот шум и тоже давай крыть. Даже, кажется, авиация вылетела и бомбила. И все по этой ромашке и по Саше. Они, наверно, подумали на сашин маузер, шё это мы артподготовку псвели перед наступлением. Так Саша еле живой из лесу притопал. И сейчас же давай менять маузер. Ну, конечно, цена на него после такого случая здорово упала. Шё вам говорить! Саша отдал свою пушку за пятьдесят граммов махорки. И знаете, шё я вам скажу? Он сделал хорошее дело. Так, на вид, маузер был ничего. Но если покопаться, так у него не доставало самой главной части.

Аркадий интригуяще замолчал, ожидая вопроса. Но никто не рещался

спросить, зная каверзную манеру Аркадия ошарашивать ехидным ответом.

Не выдержал сам Саша.

— Чего выдумываешь? — сказал он. — Маузер-то был в полном порядке. Какая главная часть в нем не доставала?

— Какая? — сказал Аркадий, торжествующе блеснув глазами. — А какая главная часть каждого оружия? Главная составная часть каждого оружия, дружок, — это соображение головы его владельца. Вот этого до твоего маузера и не хватало.

Как всегда, поднялся хохот. Аркадий, смеясь, глянул на Сашу, ожидая увидеть то беспомощное и растерянное выражение, которое он так любил вызывать на лице своего друга.

Но, против обыкновения, Саша-с-Уралмаша оставался спокоен. Он отложил в сторону собранный и смазанный пулемет, основательно оперся своей широкой спиной о ствол сосны и посмотрел на Аркадия даже с некоторым вызовом.

— Вот, ребята, — сказал Саша, — Аркадий-то про меня байки рассказывает. А пускай он вам лучше свои-то сапоги покажет.

Аркадий быстро подобрал ноги. Однако все успели заметить, что он обут не в обычные свои добрые яловые сапоги, а в старые ботинки с обмотками.

— Видали? — сказал Саша. — Аркадий, расскажи, желанный, человеку, в каком это месте ты свои сапоги-то посеял? Не хочешь? Дак я сам, пожалуй, расскажу.

— Шё ты людям голову морочишь! — вскричал раздосадованный Аркадий. — Людям через час в бой итти.

— Давай, Сашка! Рассказывай! Вали! Крой! — закричали со всех сторон.

— Вчерась ночью Аркадий пулемет, видали, приташил. Это он немецкого часового тюкнул втихую. Ну и задал стрекача. А немцы хватились и за ним в погоню. А он от них сиганул куда-то влево. И чувствует — итти не может. Кто-сь его за ноги держит. И молчит. Он того финкой пыряет. А финку обратно не взять. Тот финку хватает и держит. И ноги держит. И молчит. Чо за нечиста сила! «Ну, думает Аркадий, вот я его сейчас!» И лопатой

его—жах! А он лопату хватает и держит. И финку держит. И обе ноги Аркадия держит. И молчит. Тут Аркадий, на что храбрый воин, взвыл с перепугу-то, да как рванется, чуть ноги не вырвал, ей-богу!

— О-го-го! — хохотали кругом. — Ну и что?

— Вырвался. Побежал. Только, чувствует, бежать-то легко-легко. Смотрит себе на ноги. Ноги-то — босые. Сапоги-то у того остались. У молчаливого.

— А кто ж то был?

— Болото! Это Аркадий с болотом всю ночь резался. А болото молчало. Оно, брат, хитрое.

Бойцы покатывались со смеху. Громче всех смеялся Саша. Видимо, он был очень доволен, что сумел поддеть Аркадия. В конце концов и Аркадий махнул рукой и расхохотался.

Долго катился по лесу, испугивал белок и птиц крепкий дружный смех, такой раскатистый, такой неудержимо-веселый, словно всем этим людям не предстояло через какой-нибудь час идти в жестокий бой, откуда многим из них, как знали они сами, не суждено было вернуться живыми.

4.

Мне пришлось уехать в другие части Ленинградского фронта и я надолго потерял из виду Аркадия и Сашу.

Пришел октябрь, пришли долгожданные туманы. Фрицы избегали летных дней, они не любили встречаться с нашими истребителями. А в тумане им легче удавалось прошмыгнуть к Ленинграду и среди дня набросать бомб.

В тот день, когда я снова встретил Аркадия и Сашу, погода выдалась на редкость хорошая. Солнце, ясное бледно-голубое небо, видимость километров на двадцать. И все же фрицы прилетели. Но то был особенный день.

Аркадий и Саша, гремя подкованными сапогами, шагали по улице Желязова.

Внезапно заревели гудки, над городом пронесся трескучий и хриплый вой воздушной тревоги. Улицы опустели. Оста-

новились трамваи. Город стал похож на кинокартину в тот момент, когда она рвется и неподвижно застывает на экране.

Высоко в небе кто-то невидимый быстро чертил белые пушистые полосы. Там, на страшной высоте, реяли над Ленинградом фашистские самолеты. Раздались первые разрывы зениток.

Оба фронтовика неспешно шагали по пустынной улице, с хладнокровным любопытством оглядываясь по сторонам. Они были в касках, широкие штывки висели у них на поясе, сапоги были покрыты рыжей пылью фронта. Они прибыли с передовых. В те дни на это требовалось не более часа времени.

Мы поздоровались, и Аркадий сказал:

— Ну шё вы скажете на этот шум? А мы приехали за боеприпасами. Так пока они грузятся, мы решили сходить в универмаг. Ребята просили кое-что привезти: лезвия для бритвы, знаки различия, воротнички и прочее. Мне лично нужны струны на мандолину. Между прочим, вы не забыли, какое сегодня число? Сегодня...

В эту минуту раздался оглушительный взрыв. Зазвенели стекла. Нас хлестнула воздушная волна. Мы вскочили в подворотню. Недалеко за домами поднялся багровый столб дыма. Раздались еще три взрыва. У нас под ногами качнулась земля.

— Четверку положили, жабы, — пробормотал Аркадий.

Он посмотрел на меня со значительным видом и сказал:

— Так сегодня мы имеем пятнадцатое октября...

Неистово грохотали зенитки. Железный дождь осколков стучал по крышам. Да, это была работа для ушей! Тонко и прерывисто звенели в вышине немецкие самолеты. Изредка слышалось глухое уханье падающих бомб. Со стороны залива мощно рывкала морская артиллерия. Сквозь этот грохот доносилась отдаленная пальба фронтовой артиллерии.

В этот день — пятнадцатого октября — генерал фон-Лееб поклялся взять, наконец, Ленинград. Правда, он передвигал этот срок трижды. Но ни-

когда еще фашистские полчища не подходили к городу так близко.

Двадцать германских дивизий рванулись к Ленинграду отовсюду. Это были лучшие полки, старые вояки, переброшенные сюда из Норвегии, из Франции, с Крита. Впереди шли отборнейшие из отборных СС-овские отряды с мертвыми головами на рукавах и с жадной уби́йства в сердце. Ничто в Европе до сих пор не могло противостоять им. Они уже видели смутные очертания города.

Да! Видение города стояло перед ними, видение богатого, прекрасного города. Сотни танков грохотали по всем дорогам, ведущим к Ленинграду.

Город напрягся в героическое усилие. Рабочие, служащие, штатские люди, официанты ресторанов, счетоводы, регистраторы жилищных отделов влились в отряды народного ополчения. В трамвае они прибывали на фронт и, вооруженные бутылками с горючим, кидались навстречу танкам.

Балтийские моряки сошли с кораблей в окопы. Они шли в атаку во весь рост, забрасывая немцев гранатами и поощряя друг друга лихим морским свистом. И СС-овские полки, носившие пышные названия — «Великая Германия», «Север», попятались перед этим неслыханным натиском.

Новые дивизии, сразу с пути, бросились в бой. К западу от города бился латышский полк. Латыши дрались стойко, верные своей национальной традиции не отступать, и еще более молчаливые, чем всегда. Летчики кидались в неравные бои, каждый из них насчитывал по несколько сбитых самолетов. Зенитки работали без смены, и весь Ленинград повторял имя лейтенанта Петюнина, маленького, веснушчатого, с простуженным голосом, — он сбил в течение дня семь «юнкерсов» одного за другим.

Всеми этими частями командовал в те дни генерал Федюнинский, герой Халхин-гола. Плотный, черноусый, со смелыми и насмешливыми глазами, он поспевал всюду, где кипел бой. Судьба хранила его. Несколько раз снаряды взрывались на том месте, где минуту

назад был он. Завидев генерала, бойцы кричали ему из окопов: «Иван Иванович, не сомневайтесь! Отобьем гада!» Этого невиданный бой достиг наибольшего напряжения к середине дня пятнадцатого октября, когда Аркадий и Саша вышли из универсама, нагруженные покупками.

Машина их еще не была готова. Они прошли по городу. Саша раза два кому-то звонил по автомату. «Так, земляк один, — сказал он удивленному Аркадию, — все дома его нет...»

У Финляндского вокзала они увидели памятник. Он был обложен мешками с песком. Милиционер объяснил фронтовикам, что это памятник Ленину. Ильич стоит на броневике и, простерши руку, говорит народу.

Друзья постояли возле памятника, стараясь вообразить его очертания.

Аркадий сказал задумчиво:

— А все-таки хорошо, что Ильич укрыт от осколков.

— Хорошо, — согласился Саша.

— А все-таки жаль, что он нам не виден.

— Жаль, — подтвердил Саша.

Они помолчали, и Саша сказал, запинаясь:

— Слышь, Аркадий, что думается мне. Думается мне, Ильичу-то глянулось бы, как мы бьемся за его город. Право!

Он замолчал, боясь насмешек Аркадия, который не выносил никаких чувствительных разговоров.

Аркадий молчал. А потом он сказал, скрипнув зубами, как он это делал в минуты сильных переживаний:

— Раньше, Сашка, я страдал, шё воюю не под Одессой. А теперь мне страшно нравиться, шё я не даю этим жабам войти в город Ильича.

Они пошли дальше, и Саша снова побежал к автомату.

Аркадий решил проверить эту таинственную историю. Он подкрался к телефону и прислушался.

Саша с трудом втиснул себя в будку. Он растерянно мял трубку в огромном кулаке и орал:

— А где ж она?.. А в том институте есть телефон?.. А когда она придет?..

Непрекращающийся гул артиллерии мешал ему слушать.

Он вышел, и Аркадий немедленно заявил ему:

— А твой землячок, оказывается, в юбке?

Саша смущенно засмеялся и вынужден был признаться, что у него есть здесь знакомая, как он выразился, «барышня», по имени Тася, и что он с ней познакомился месяц назад, когда приезжал в Смольный для получения своей боевой награды из рук члена Военного совета фронта.

Они достигли Невского и здесь поглазели на «Окна ТАСС» в витрине Гастронома № 1. Постояли, качая головой, у огромной воронки возле Александринского театра. Почитали расклеенное на домах объявление Ленинского полка, которое предписывало всем магазинам, парикмахерским и столовым во время воздушной тревоги не прекращать торговлю.

Потом они подошли к кафе «Астория». Обычно в это время здесь стояло много людей в очереди на обед. Сейчас из-за тревоги очередь разбрелась по соседним убежищам и по блиндажам, вырытым в сквере напротив «Астории». Друзья зашли в кафе.

Здесь было много народу. Свободные столики были только возле окон, где обычно избегали садиться во время тревоги. Аркадий и Саша сели у окна и огляделись. На столиках мягко светили лампы под шелковыми колпаками. Высокие окна снаружи были наглухо закрыты песком и досками, а изнутри завешаны тяжелыми портьерами, и пулеметчиком казалось, что здесь необыкновенно уютно. Они попросили обедать, и заведующая из уважения к их фронтовому виду, поставила им по бутылке пива.

Грохот зениток то удалялся, становясь еле слышным, и тогда бойчее начинала звенеть посуда, громче звучали разговоры и смех, то вдруг огонь зениток приближался, и тогда все в кафе стихало, прислушиваясь.

Сквозь стены пробилось жужжание мотора, тонкое, настойчивое. Зенитки загрохотали сильно и часто. Видимо, палили с соседних крыш. Потом раз-

дался свист, тот тонкий, воющий, умопомрачительный свист, с каким бомба, падая, раздирает воздух. Он нарастал секунду, две, три... Где-то разбилась тарелка, упал стул.

И потом — страшный грохот, словно раскололось небо. Дом качнулся. По полу пробежала волна. Все бежали в убежище. В кафе, кроме Аркадия и Саши, остались два лейтенанта, громко и напористой вспоминаявшие какое-то дело под Кингисепом, пожилой актер, уплетавший свой суп с азартом изголодавшегося человека, да капитан-связист, который тщетно пытался заказать обед. Заведующая несколько нервничала и плохо его слушала.

Поевши, друзья закурили. Аркадий, размлевший от пива, нежно бормотал:

— У нас с тобой, Саша, ничего не берет. Ни снаряд, ни пуля, ни мина, ни бомба. Тьфу, тьфу, шёб не слгазить. А жаль будет после войны расставаться. Я к тебе очень привык, Саша.

— И я к тебе, Аркаша, — с чувством сказал гигант.

— А зачем нам расставаться? — воскликнул Аркадий. — Разве черноморский грузчик и рабочий с Уралмаша не могут жить вместе? У нас в Одессе, знаешь, если дружат, так дружат до отказа.

Саша слушал с восхищением. Бесконечные рассказы Аркадия привели к тому, что у Саши образовалось представление об Одессе, как о сказочной стране, где под вечно голубым небом, среди благоухания цветов живет великодушное, счастливое и богатырское племя одесситов.

— Так, смотри же, возьми меня после войны в Одессу, — сказал Саша.

— Будь спокоен, — сказал Аркадий. — Я из тебя сделал классного пулеметчика? Так я из тебя сделаю классного грузчика.

Он хлопнул гиганта по плечу и пошел к телефону позвонить насчет машины.

Из артсклада ответили, что машина тронется не раньше двадцати четырех часов.

Друзья задумались, как бы им убить время до полудня.

— А шё, если нам пройти до твоей знакомой девушки? — предложил Аркадий. — Или она встретит нас без охоты?

Саша обиженно возразил, что девушка его приглашала и что он ей, повидимому, не противен.

— Смотрите на него! — с восхищением воскликнул Аркадий. — У него есть девчонка! Она в него безумно влюблена. И он это скрывал.

Когда они вышли на улицу, тревога кончилась. Трамваи зажигали свои синие огни. На вечеряющем небе рисовался шпиль Петропавловской крепости, затянутый в защитный чехол. Улицы были полны народа, шли служащие из учреждений, школьники с вечерних смен. На перекрестках девушки-милиционеры регулировали фонариками уличное движение. Пятнадцатое октября кончалось, и Аркадий, толкнув Сашу под локоть, сказал:

— Ну, Саша, шё-то я не замечаю в Ленинграде генерала фон-Леоба.

5.

Недалеко от зоопарка друзья вышли из трамвая. Саша остановился у большого дома и сказал:

— Это, наверное, здесь.

Они поднялись на шестой этаж по темной лестнице, не подметавшейся, видимо, с начала войны.

Толстая девушка открыла им дверь.

— Это она, — шепнул Саша своим громоподобным шопотом.

Девушка удивленно взглянула на него.

— Вам кого? — сказала она.

Саша смущенно закашлялся.

— Здравствуйте, Тася, — сказал он.

Девушка пожала плечами.

— А вы, простите, кто? — сказала она.

— Ты не ошибся? — сказал Аркадий.

— Нет, это она, — сказал Саша.

Девушка удивленно переводила глаза с одного пулеметчика на другого.

— Вы — Тася, — решительно сказал Аркадий, — а он — Саша. Вы же

его знаете. Саша-с-Уралмаша. Он мне про вас уши прожужжал. И я вижу, стоило жужжать. Шё ж вы нас держите в дверях? Мы специально с фронта приехали, шёб вас повидать.

Тася засмеялась.

— Ну что ж, — сказала она, — заходите, раз вы уж здесь.

Они пошли по длинному полутемному коридору, освещенному синей маскировочной лампочкой.

Саша плелся сзади, повесив голову. Она его забыла! Она забыла те блаженные пять минут на задней площадке трамвая, когда он передал ей билет, а она кивнула головой и сказала: «Спасибо». А потом сошла, посмотрев на него, только на него из всех, кто был в вагоне, и он поднял оброненную ею открытку и потом опустил ее в ящик, но предварительно заучил наизусть ее телефон и адрес ее квартиры, той самой, где они сейчас шествуют, — он сзади, а она и Аркадий впереди, весело разговаривая и смеясь. Как забывчивы девушки!

Тасина комната оказалась маленькой, но уютной. Друзья осторожно уселись на узенькой тахте. На стене висели фотографии каких-то почтенных стариков и старушек. («Приличная девушка», — одобрительно подумал Аркадий.) Стол был завален чертежами, учебниками по радио-связи, там же лежала счетная линейка и готовальня. («Интеллигентная девушка», — с уважением подумал Аркадий.) Аккуратный вид комнаты портила фанера, вставленная в окна вместо стекол.

— Сегодня вылетели, — сказала Тася, — фугаска упала совсем рядом, в зоопарке. Говорят, убило слона.

Из коридора доносились голоса, скрипы дверей, топот детских ножек, бряцание кастрюль, кто-то играл на фортепьяно. На друзей повеяло полузабытым за время войны милым теплом домовитости. На минуту им взгрустнулось.

Аркадий встряхнул головой и вскричал грубовато:

— Я вас спрашиваю, так нужно было тому слону уезжать в Ленинград из своей родной Австралии, чи Патогония,

где ему жилось, наверное, довольно не дурно?

Тася хихикнула. Толстушка оказалась хохотуньей. Живописные остроты Аркадия смешили ее до упаду. Она включила электрический чайник и выложила на стол несколько тоненьких ломтиков хлеба. Поколебавшись немного, она прибавила к ним кусочек сахара. Она с некоторой гордостью посмотрела на стол — он ей показался пышным.

— Угощение просто царское, — вежливо сказал Аркадий.

— Ешьте, ешьте, — сказала она, — вы приехали с фронта, вам надо подкормиться.

(«Добрая девушка», — подумал Аркадий.) Он подмигнул Саше, и они принялись извлекать из своих объемистых карманов жестянки с консервами, галеты, сырки в серебряных бумажках и прочие дары богатого и щедрого фронта.

Тася восхитилась.

— Какая прелесть! — воскликнула она.

Она произносила: «Какая прелешть». Она говорила с пришепетыванием. («Некрасивая девушка», — с сожалением подумал Аркадий.) Он посмотрел на Сашу. Гигант не сводил с Таси глаз.

Аркадий говорил, не умолкая. Он говорил о Саше. Он снова рассказал историю о маузере и много других. Но теперь он рассказывал все это, не издеваясь над Сашей, а напротив, выставляя его храбрым, благородным и пронзительным человеком.

Но Тасю, казалось, интересовал не столько герой этих историй, сколько их рассказчик. Сногшибательные остроты Аркадия, черные стрелы его усиков, его одесская, несколько старомодная галантность и даже его черноморское произношение, певучее и намеренно небрежное, очаровали ее. Она никогда не видела таких людей. И чем красноречивее распространялся Аркадий о достоинствах Саши, тем с большим восхищением смотрела Тася на Аркадия, не переставая закладывать в рот основательные куски колбасы и шоколада.

Посреди всех этих разговоров вдруг зашипел репродуктор. Тася со страхом

установилась в его черную тарелку. И репродуктор проскандировал торжественным голосом:

— Граждане, воздушная тревога...

А с улицы сквозь фанеру уже пробивался жалобный вой тревожных гудков.

— Господи, — вскричала Тася с тоской, — десятый раз сегодня! Что это за день такой!

Она пошла к дверям.

— Куда вы? — сказал Аркадий.

— В убежище.

— Смысл?

— Вы забыли, что мы на шестом этаже?

— Самый безопасный этаж.

— Знаете, мне не до шуток.

— Я вам серьезно говорю. Бомбы взрываются в самом низу. А верхние пять этажей она протыкает, как пирог. Поверьте мне: в чем, в чем, а в бомбах я немножко разбираюсь. Саша, скажи же девушке словечко, шё ты сидишь, как жених?

Аркадий взял тасину руку и нежно поглаживал ее, продолжая молотить всякий смешной вздор. Тася улыбнулась, ей стало спокойней, хотя она продолжала вздрагивать при каждом выстреле зениток.

Она сказала, не отнимая руки:

— Знаете, у нас в квартире живет один старичок. Он, между прочим, никогда не спускается в убежище. Он профессор математики. Так он вычислил, что Ленинград занимает около ста квадратных километров. Потом он подсчитал, сколько места на этой площади занимает его тело. И в общем у него получилось по теории вероятности, что есть только одна десятиллионная часть возможности, чтобы бомба попала именно в него. И он никогда не спускается в убежище.

— Молодец! — сказал Аркадий.

Страшный грохот потряс дом.

— Нет, нет! — закричала Тася. — Я не могу!

И она выбежала.

— Мы вас проводим, — галантно сказал Аркадий.

В убежище было много народу. Некоторые спали, растянувшись на скамьях, а то просто на полу. Двое сонных

мужчин и одна девушка играли в домино. Девушка бойко стучала костяшками с видом бывалой посетительницы убежищ. В углу плакал ребенок на руках у матери. Маленький старичок в золотых очках пробирался через убежище, осторожно переступая через спящих.

— Профессор! — окликнула его удивленная Тася, — вы здесь? Ведь вы же говорили, что по теории вероятности...

— Мало ли, что я говорил, — ворчливо перебил ее старик, — на весь Ленинград был один слон и его сегодня разбомбило. Какая уж там, матушка, теория вероятности...

Он махнул рукой и пошел дальше.

Аркадий, Саша и Тася пробрались в дальний угол.

Здесь был свободный краешек скамейки. Тихо сопели мокрые водопроводные трубы. С улицы изредка доносилось заглушенное уханье, иногда вздрагивали стены. Тася уселась. Аркадий скомандовал:

— Саша, сидай.

Тася потянула Аркадия за руку:

— Садитесь вы.

Аркадий сел, и они принялись болтать, сблизив головы и смеясь. Гигант постоял немного над ними, шумно вздохнул и вышел во двор.

Ночь была ясная. По небу ходили лучи прожекторов. Где-то недалеко горело, и стена дома была розовой. Саша с наслаждением вдохнул чистый воздух и закурил папиросу. По двору скитались молодые парнишки в асбестовых капюшонах — бойцы противопожарной охраны. Близко зажужжал самолет. Саша тревожно прислушался. Привычным ухом он распознал звук «Юнкерса-88». По крыше что-то часто застучало.

Один из парней с капюшоном сказал:

— Спикировал. Пулеметом кроет.

— Какой там к чорту пулемет! — закричал Саша. — Он к вам на крышу зажигалки набросал.

Он подбежал к пожарной лестнице и быстро вскарабкался наверх. На крыше занималось ослепительное пламя.

Крыша была покатая, по краям шел заборчик. Саша перемахнул через

заборчик и пошел на пламя. Чтобы не упасть, он широко расставлял ноги и сильно наклонял вперед свой тяжелый торс. Иногда он касался крыши руками. Наконец, он добрался до пламени. Двое парнишек, пытаясь, засыпали его песком. Саша вырвал у одного из них лопату.

— У меня-то дело, пожалуй, побыстрее пойдет, — пробормотал он.

И действительно, он загребал с одного маху столько песка, что через несколько секунд огонь погас.

Саша побежал к другому очагу. Здесь дело было посерьезнее. Железо крыши прогорело, занимались стропила. Маленькая, немолодая женщина суежилась вокруг пожара. Она пыталась залить его водой. У нее не было сил удержать тяжелый брандспойт, и она то-и-дело опускала его. Дыра на крыше все ширилась. Обнажилась большая деревянная балка. Она дымилась.

— Сейчас проломит потолок, ой, что будет! — кричала женщина.

Саша сорвал с женщины асбестовый капюшон и натянул его себе на руки. Он подвел руки под балку и сильно рванул ее. Балка скрипнула и поддалась. Гигант поднял это пылающее бревно и швырнул его вниз, на улицу. Женщина, подняв голову, с восхищением смотрела на Сашу. Он казался ей сказочным богатырем.

— Иди, мать, вниз! — крикнул ей Саша. — Неровен час, сметет тебя воздушной-то волной.

Он побежал дальше по крыше. Он действовал лопатой и ломом, а иногда просто руками и потушил еще несколько пожаров. Он тушил их с той силой и рассчитанной ловкостью, с какой делал всякую другую физическую работу.

Потом он спустился во двор. Здесь он тщательно почистил гимнастерку и брюки. Под краном он вымыл руки, лицо и причесался.

Несколько ребят из противопожарной охраны подошли к нему и спросили его имя.

— А зачем вам? — сказал Саша.

— Мы хотим объявить вам благодарность в приказе.

— Обойдется, — сказал Саша и побрел в убежище.

Здесь все спали. Только Аркадий и Тася сидели в углу и ворковали.

— Где ты был? — небрежно спросил Аркадий.

— Погулял.

— А! — сказал Аркадий и снова повернулся к Тасе.

— Ну, мы с вами будем прощаться, — сказал он.

В это время репродуктор заиграл счастливую мелодию отбоя.

— Как? Уже?! — с сожалением воскликнула Тася.

Они проводили Тасю в комнату. Пока Аркадий и Тася прощались, Саша тихонько стащил с письменного стола тасину фотографию и сунул ее в карман.

Ровно в двадцать четыре часа друзья подошли к артскладу. Место в кабине занял воентехник второго ранга, сопровождавший груз. Аркадий и Саша сели наверху, на ящиках с боеприпасами. Меня они устроили на почетном месте под стенкой кабины, где ветер задувал не так сильно.

Мы ехали молча, глядя вдаль, на зарево пожара, бушевавшего на западе, в стороне Ораниенбаума. Поближе, в городе, пылал какой-то лесной склад. Пожар освещал нам путь. Артиллерия была, не умолкая... С неба опускалась осветительная ракета на парашютике. Она горела нестерпимо ярко. Со всех сторон на нее накиннулись зенитные пулеметы. Они прочеркивали ночь цветным пунктиром. Ракета потухла.

У заставы нас задержало нагромождение надолб. Мы медленно проехали по узкому коленчатому проходу, оставленному для машин.

Саша сказал:

— Она тебе глянулась.

— Кто? Таська твоя? Да я этого добра...

Аркадий замолчал.

Мы обогнали часть, идущую на фронт. Бойцы взглядывали на нас. Они шли по обочинам дороги.

— И ты ей глянулся, — сказал Саша.

— Я? Здрасьте пожалуйста!

Аркадий чувствовал себя немного ви-

новатым. По обычаям рыцарской дружбы, господствовавшим в Одессе, он не имел права ударять за чужой девушкой. Кроме того, он видел, что гигант страдает, и ему захотелось утешить его.

Мы въехали в какую-то дачную местность. Канонада становилась глуше, пожары отделились, от них остались только розовые отсветы на небе. Стало темней, и машина двигалась все медленнее.

— А она здорово влипла в тебя, Сашка, — сказал Аркадий, — она меня все спрашивала за тебя, кто ты, да шё ты, просто надоела.

— Выдумывать-то брось, — неуверенно сказал Саша.

— А шё такое? Ты красивый собой парень...

— Какой же я красивый! — слабо сопротивлялся Саша.

— Ты?

Аркадий принялся с азартом доказывать Саше, что он очень красив.

— У тебя же представительная фигура. У нас во всем взводе нет парня красивее, как ты.

Аркадий не переставал говорить.

Он ругал Сашу за то, что тот был якобы холоден с Тасей. («Очень красиво, да? Завлек девушку и бросил».) Он говорил с Сашей то нежно, как мать говорит с заболевшим ребенком, то он прикидывался ревнивым и клялся, что больше никогда не пойдет с Сашей к девушкам. («Шёб я пропал! Это же немисливо иметь успех рядом с тобой».)

Кое-как ему удалось затянуть рану на истрадавшемся сердце гиганта.

Слегка запинаясь от стеснительности, Саша прошептал:

— Да разве я что говорю? Я сам вижу: таких-то девушек на белом свете одна-две и обчелся. Подумай, Аркадий, кабы не война, дак я ее и не встретил бы. Вот уж правда: кому война, а кому мать родна.

И гигант засмеялся тихим счастливым смехом.

Мы проезжали мимо полуразрушенных дач, мимо заколоченных павильонов, мимо маленьких лодочных пристаней. Пахло морем. Справа был Финский залив. В темной дали его вспыхи-

вали и гасли огни. То кронштадтские бастионы стреляли по ордам фон-Лееба, обложившим Ленинград.

А Саша продолжал шептать. Темно-та сделала его смелым. Впервые он раскрывал перед другом свою нежную застенчивую душу:

— А уж как-то я люблю ее! Никому про то не скажу, ей не скажу, тебе одному говорю. Полюбил я ее враз и так сильно, так сильно, как в сей часной жизни, наверно, уж никто и не любит. Знашь, как я ее люблю? Почти что, как тебя. Вот. Не пойму только, за что она меня-то полюбила? Верно, она тебе сказывала, ты с ней много говорил. Дак скажи мне, за что я ей так сильно глянулся? А? Чего молчишь-то?

Саша наклонился к Аркадию и заглянул к нему в лицо.

Положив голову на ящик с ручными гранатами, Аркадий сладко спал.

Гигант тяжело вздохнул, скинул с себя плащ-палатку и заботливо укрыл Аркадия.

6.

Машина вдруг остановилась. Было очень темно, только артиллерийские заряды вспыхивали на небе. Мы услышали, как открылась дверь кабины, и потом — голос воентехника:

— А что, товарищи, кто-нибудь из вас знает точно, где штаб дивизии?

Аркадий мгновенно проснулся и ответил:

— Так я же давно удивляюсь на вас, товарищ воентехник, куда мы едем. Штаб дивизии у больницы Фореля.

— Вспомнили! — с досадой сказал воентехник. — Штаб еще вчера оттуда съехал.

Аркадий тихонько свистнул.

— Здравствуйте, пожалуйста, — сказал он, — на один день нельзя отъехать с передовых, шёб шё-нибудь не случилось.

— Что же нам делать? — с беспокойством сказал воентехник.

Он немного нервничал. Он редко выезжал на фронт, и в эту грозную ночь осажденный и простреливаемый Ленинград казался ему отсюда тихой обителью. Он сложил руки коробочкой и закурил папиросу.

— Не курить! — раздался рядом голос.

Воентехник бросил папиросу и затоптал ее ногой.

— Пропуск! — сказал тот же голос.

Воентехник шепнул:

— Затвор.

— Ваши документы!

Зажегся синий фонарик, и мы увидели бойца с повязкой на руке и с самозарядной винтовкой за плечом. Это был один из тех «маяков», которых выставляют части, квартирующие вдоль дорог. «Маяк» внимательно разглядывал наши удостоверения.

— Шё вы так долго копаетесь? — сказал Аркадий. — Шё вы не видите «Гуляй лихо»?

И он ткнул пальцем в буквы «Г. Л.», отштампованные на наших удостоверениях. Этот штамп ставили в штабе фронта. Буквы означали: «Город Ленинград». Но в армии их называли не иначе, как «Гуляй лихо». Они давали право на хождение круглые сутки, где угодно. Увидев всемогущие «Гуляй лихо», «маяк» вернул нам удостоверения и отközырнул.

Оказалось, что штаб дивизии находится рядом. «Маяк» привел нас к большому дому. Здесь помещалась школа, которая так и не открылась после летних каникул. Мы спустились в подвал. Воентехник побежал сдавать боеприпасы, сказавши нам, что мы свободны. И мы зашли в оперативный отдел, чтобы узнать, где сейчас расположен наш полк.

В отделе работали два командира, здесь стояли парты, на стене висели слепки головы Зевса и два автомата.

Начальник отдела, высокий человек с петлицами старшего лейтенанта, сказал нам, где находится полк, который мы искали.

— Нам, товарищ начальник, — сказал Аркадий, — в первый взвод четвертой...

— Товарищ Васильев, ориентируйте их по карте и наметьте им приблизительный маршрут, пускай добираются.

Васильев был его помощник, тоже старший лейтенант, но немолодой, в оч-

ках, видимо из запаса. Он сидел рядом, под висячей лампочкой, и вычерчивал схему обстановки. За своей школьной партией он был похож на прилежного ученика. Он поднял на нас усталые глаза, потянулся и поправил большой трофейный «вальтер», висевший у него на боку.

— Я очень извиняюсь, товарищ начальник-оперотдела, — сказал Аркадий, обращаясь к начальнику, — но не может быть, шёб наш полк отступил.

— Почему?

— Потому что им командует майор Чернов.

Начоперод посмотрел на Аркадия, ча его худое воинственное лицо и улыбнулся. Но ничего не ответил.

— Ну-с, — сказал Васильев, водя карандашом по карте, — сюда не суйтесь, эта дорога оседлана, эта тоже... не знаю, может быть, вам двинуться с востока, через деревню Кашкино... Но здесь тоже обстановка напряженная.

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал молоденький младший лейтенант.

— Для поручений при комдиве, — шепнул мне Аркадий, бывавший в штабе и раньше.

— От Чернова есть что-нибудь? — спросил младший лейтенант. Юное лицо его от возбуждения раскраснелось.

— Ничего нет, — хмуро сказал начальник.

— Полковник приказал немедленно установить личную связь с Черновым! — порывисто выкрикнул молоденький «для поручений» и исчез.

Начоперод посмотрел на Васильева.

— Ну, видно, мне не спать третью ночь, — сказал Васильев и встал из-за парты.

— Придется, Гриша, — сказал начоперод, — кого попало к Чернову не отправишь.

— А на чем я поеду? — сказал Васильев, зевая.

Начоперод посмотрел на Аркадия.

— Вы на чем приехали? — сказал он.

— На пятитонке с боеприпасами, товарищ начальник. Но она остается здесь.

— Поедешь, Гриша, на полуторке. Думаю, что тебе есть смысл держать курс

все-таки на Кашкино. И... будь осторожен.

— Охрану даешь?

— Так вот с тобой поедут эти три товарища. Ребята бравые, — сказал начальник, улыбнувшись.

— Они без винтовок, — сказал Васильев, — и один из них вообще корреспондент.

— Большое спасибо, не беспокойтесь, пожалуйста, — сказал Аркадий светским голосом, — у нас есть гранаты. А за корреспондента не волнуйтесь, он бывал в переделках.

Снова открылась дверь, и вошел лейтенант с обветренным лицом, в красноармейской шинели, с автоматом за спиной. Он громко сказал:

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться. Лейтенант Часиков прибыл от майора Чернова.

— Наконец-то! — воскликнул начоперод. — Ну что у вас там, товарищ Часиков? Где вы?

— Юго-восточнее Кашкино. Разрешите доложить?

— Одну минуту. Вот что, товарищи, выйдите в коридор и подождите там.

Мы трое пошли к дверям.

Дальнейшего мы не услышали, так как были уже в коридоре.

Нам пришлось простоять здесь довольно долго в ожидании отъезда. Офицера связи вызвали к комдиву для доклада. Потом туда понесли груды карт. Потом к комдиву вызвали старшего лейтенанта Васильева, и он торопливо проследовал по коридору, одергивая на ходу гимнастерку и разминая рукой свое усталое лицо, словно пытаясь одернуть и его. Потом писался какой-то длинный пакет, и «для поручений» носился по коридору, как маленькая буря, хлопая дверьми.

Так что, когда мы уселись в пикап офицера связи, ночь уже кончалась.

Васильев поехал с нами. Офицер связи предложил ему сесть в кабину. Васильев отказался.

— Нет, знаете, в кабине тепло, и я там усну. А дорога беспокойная, надо наблюдать, — сказал он, влез в кузов, свирепо сдвинул брови и мгновенно зашнуровал.

Начало светать, и пикапчик шел довольно быстро. Но он часто останавливался, и офицер связи выходил и расспрашивал об обстановке встречных «маяков» и связистов. Потом места стали безлюдными. Дорога была изрядно побита бомбежкой. Виднелись совсем свежие воронки. Со столбов свисали провода, оборванные или перерезанные пулеметными очередями. Аркадий хмуро наблюдал эти грозные перемены и значительно поглядывал на Сашу. Саша качал головой.

Нас обстреляли неожиданно на развилке дороги. Мы прыгнули с машины и залегли в водосточной канаве. По счастью, она была довольно глубока. Стреляли из-за группы деревьев по ту сторону дороги, метров за двести от нее. Позади нас была открытая местность, ни одного кустика, только большой противотанковый ров шел далеко в обе стороны. Немцы стреляли из автомата.

— Лейтенант! — сказал Васильев.

Он лежал рядом со мной. В глазах его, казалось, еще не совсем исчезла дремота.

Офицер связи, лежавший через три человека от меня, повернул голову.

— Лейтенант, вы останетесь здесь с двумя человеками и будете сковывать немцев с фронта.

— Хорошо. А вы куда? — спросил офицер связи.

— А я с другими двумя попробую обойти их справа. А то, знаете, это длинная канитель, и они разобьют нашу машину.

Он пригнул голову, над ними со свистом пронеслась очередь пуль.

— Со мной пойдете вы и вы, — сказал Васильев и кивнул Саше и мне.

— Разрешите и мне, — сказал Аркадий.

— Почему?

— Потому что я и он (Аркадий кивнул в сторону Саши) всегда вместе.

— Хорошо. Тогда вы (Васильев кивнул мне) останетесь здесь. Ну, пошли за мной и делайте, как я. Гранаты есть?

— Есть, — сказали Аркадий и Саша.

Они поползли вслед за Васильевым и соскользнули в противотанковый ров.

Лейтенант открыл сильную стрельбу

из автомата. Шофер стрелял из своей трехлинейки. У меня был только наган, и я просто лежал и смотрел. А потом перестал смотреть и плотно прижался к земле, потому что немцы начали очень сильно стрелять. Прошло не знаю, сколько времени, и вдруг справа от деревьев затрещал автомат. А потом — глухое уханье гранат. Над нами перестали свистать пули, и я поднял голову. Гранаты взрывались беспрерывно, и между деревьями вспыхивало пламя. Потом мы услышали крики «ура!» и увидели, как несколько немцев побежали из-за деревьев куда-то налево.

— Скорей, в машину! — крикнул офицер связи.

Мы прыгнули в машину и понеслись наперерез немцам. Мы мчались без дороги, лейтенант сеял из автомата, а я стрелял из винтовки шофера. Не знаю, попал ли я в кого-нибудь, потому что машина отчаянно прыгала на ухабах.

Из пятерых немцев только один остался цел. Васильев спас ему жизнь, схватив Сашу за руку. Лейтенант обшарил карманы убитых немцев и вынул их бумаги. Васильев торопил его. Мы бросили трофейное оружие в кузов и втолкнули туда пленного. Шофер погнался за машиной. Пленный упорно отказывался сесть, как на него ни кричал Аркадий.

— Оставьте его, у него медвежья болезнь, — устало сказал Васильев.

Всю дорогу пленный ехал, стоя на коленях. Васильев вскоре заснул, привалившись головой ко мне на плечо.

— Боевой старикан! — сказал Аркадий, кивнув в сторону Васильева. — Штабной, а лихой.

— А офицер связи какой молодец! — возбужденно сказал я, испытывая, как все после боя, непреодолимое желание говорить.

Перебивая друг друга, мы принялись рассказывать подробности стычки, офицер связи перелез из кабины в кузов и вмешался в разговор, даже шофер временами просовывал голову сквозь разбитое окно и вставлял какие-то замечания.

Пленный, качаясь на коленях, вопросительно поглядывал на нас. Он оправился от страха и временами растерянно улыбался, должно быть, ра-

дуюсь тому, что остался жив. На его молодое лицо вернулась гримаска раболепная и нахальная, видимо, составлявшая обычное его выражение.

Он хлопнул Аркадия по колену и жестом показал, что хочет курить.

Аркадий с интересом посмотрел на него.

— Du, Soldat, verstehst du mich? — сказал Аркадий.

Как большинство портовых рабочих, он умел кое-как сказать несколько слов на разных языках.

— Du bist Schweinehund, nicht wahr?

— О, ja! — испуганно согласился пленный.

— Du, du.. sie, alle Faschisten, sie sind (Аркадию нехватало слов) sie sind sehr kleine Menschen, verfluchte, drecksche...

— О, ja, ja! — поспешно подтвердил пленный.

— Тьфу! — плюнул Аркадий. — Я его крою последними словами, а он соглашается. Просто, за человека обидно, когда видишь фашистов. Ше это такое?

— Их эта гадина Гитлер обрабатал, — сказал офицер связи.

— Как он мог это сделать? — с силой сказал Аркадий. — Особенно, такое ничтожество, как Гитлер. Нет, я этого не пойму. Сколько ни думаю, я этого не пойму. И никто мне этого не может объяснить.

Он махнул рукой и отвернулся.

Мы ехали в молчании по дороге среди лесов. Всем стало немного грустно. Мы смотрели на пленного и, подобно Аркадию, старались по грубым и ничтожным чертам его лица понять, что же заставило бесчисленные орды этих жалких и кровожадных людей наброситься на нашу землю, разорять и обезобразить ее. И каждый из нас повторил в сердце своем призыв Сталина: истребить всех немецких оккупантов, пробравшихся на нашу землю. Ничего, мы справимся с этим зверьем, как люди, как сильные свободные люди.

7.

Офицер связи остановил машину у покосившегося верстового столба с замазанной цифрой.

— Валийте напрямик через лес, — сказал он нам, — и вы попадете точно к себе в батальон. Он сейчас во втором эшелоне. Так шагов тысячи четыре. Все время на северо-северо-восток. Конечно, вы можете поехать с нами в штаб, но оттуда вам придется делать порядочный крюк.

— Спасибо, товарищ лейтенант, — сказал Аркадий, — мы пойдем прямо.

Мы крепко пожали руки лейтенанту и шоферу (Васильев спал) и углубились в лес. Мы шли гуськом с интервалом шагов пятьдесят, впереди Аркадий, позади Саша, я в середине.

Было еще серо, но птицы уже запевали. Они долго не улетали в этом году, осень выдалась необычайно теплая.

В лесу было тихо, и мы без приключений добрались до батальона. Нам повезло: отсюда шел попутный связной броневичок в четвертую роту, и через полчаса мы вскарабкались на красные глинистые холмы, поросшие могучими соснами. Здесь расположился первый взвод.

— Сашка, мы дома, чувствуешь? — сказал Аркадий и хлопнул гиганта по спине.

Саша радостно улыбался. Да, это был их родной дом! Что из того, что рота переменяла позиции и отошла из деревни в лес. Для солдата дом — это не место, а товарищи, вместе с которыми ешь, спишь, дерешься, помираешь. Люди окружили Аркадия и Сашу. Галанин снял с плеча пулемет и передал Саше. Саша открыл затвор и сказал огорченно:

— Запакостили... Гляди, канал-то ствола. Зачем таскали мой примус-то в бой, своих что ли мало?

— А ты соображаешь, что тут вчера было? — со злостью сказал студент.

— Оставь его, Саша, — пренебрежительно сказал Аркадий, — видишь, студент в расстроенных чувствах. Все никак не может привыкнуть, что на войне стреляют.

Саша, ворча, взял пулемет и принялся его чистить.

Аркадий с торжественным видом выгрузил из карманов свои ленинградские покупки и крикнул:

— Галанин!
 — Я! — отозвался студент.
 — Получай бритвы.
 — Спасибо, — буркнул Галанин.
 — Шапошников!

Молчание. Потом чей-то голос:

— Убит вчера...

— Шапиро! — выкрикнул Аркадий как ни в чем не бывало.

— В госпитале. Ранен вчера.

Аркадий нахмурился. Потом не очень уверенным голосом:

— Кожевников!

Кожевников протянул руку и получил свои воротнички.

— Тарасовский!

— Убит вчера.

Аркадий замолчал. Потом он сказал:

— Видать, вчера горячо было?

— Да. Так никогда еще не было.

Аркадий помотал головой.

— Так. Тут, значит, люди потели, а мы с тобой, Саша, в убежище с девчонкой прохлаждались.

— У тебя девчата завелись, Аркадий? — сказал кто-то.

— У меня? Куды мне! Это у нашего красавчика Саши невеста в Ленинграде.

— Да ну? — закричали в траве. — Хорошая девушка?

Саша, сидя за пулеметом, застенчиво улыбулся.

— Ничего. Только... — Аркадий кинул лукавый взгляд на Сашу и очень смешно, в лицах, изобразил, как Саша всю дорогу хвастался своей невестой, а когда они пришли к ней, она его не узнала, и Саша якобы бил себя кулаками в грудь и кричал: «Это я! Это же я, ваш Саша-с-Урал-маша!»

— Ну, в общем, я вижу Сашина невеста на него нуль внимания.

— Трепаться-то брось, — сказал Саша.

В тихом голосе гигант было что-то такое, что заставило Аркадия на секунду замолчать. Но рассказ получался как будто забавный, кое-кто засмеялся, и Аркадию жаль было расстаться с успехом.

Он продолжал в своем обычном тоне издательских рассказов о Саше. Но странно: чем больше Аркадий изощрялся в придумывании смешных и уни-

жающих Сашу подробностей, тем, чувствовал он, слушатели все больше охладели к его рассказу. Некоторые даже вставали и уходили.

Рассказ был закончен среди всеобщего молчания. Гладышев презрительно плюнул и отошел. Словом, это был полный провал.

Аркадий надменно пожал плечами и кинул как бы случайный взгляд в сторону Саши. Отлично вычищенный и смазанный пулемет стоял под деревом, но самого Саши не было. Аркадий искал его глазами. Он увидел Сашу вдали. Своим тяжелым развалистым шагом гигант удалялся в лес. Голова его и плечи были опущены, что-то очень скорбное почудилось Аркадию во всей его фигуре, и ему захотелось броситься вслед за Сашей и сказать ему что-нибудь сердечное, товарищеское.

Но кругом стояли люди, и Аркадий засвистал «Махну в Анапу я» и подхватил под руку Галанина, который во всей роте был самым восхищенным его поклонником.

Галанин сказал:

— Прости меня, милый, что я вмешиваюсь... но на твоём месте я пошел бы и извинился перед Сашей.

— Иди ты со своими советами, знаешь куда? — гневно закричал Аркадий.

Он оттолкнул студента и спустился в блиндажик, отведенный для пулеметчиков.

Здесь он вынул из вещевого мешка мандолину и заботливо обтер ее куском замши, который хранил специально для этого. Он натянул на мандолину новые струны, привезенные из Ленинграда. Потом он вынул из кармана маленький камертон и ударил им о край нары, и земляная дыра наполнилась широким, вибрирующим и сладким звуком «ла». Аркадий тщательно настроил мандолину. Все время при этом на его лице сохранялось сердитое и вызывающее выражение. Потом он ударил по струнам черепаховой косточкой и запел.

Никогда не пел еще он так хорошо. Откуда брались в его скрипучем голосе эта мягкость и завлекательность? Бойцы кучками скапливались возле

блиндажа и слушали. Он пел о друзьях и о девушках, о дальних странствиях и о прекрасной Одессе. Он пел грустные и залихватские песни портовых грузчиков. «Грубая спина у меня позади, грубое лицо у меня впереди и нежное сердце в груди...» Казалось, он призывал кого-то и умолял о чем-то, и вслед за ним повторяла эти мольбы мандолина своим дрожащим детским серебряным голосом.

Саша вышел из лесу. Проходя мимо блиндажа, он остановился. Бойцы посмотрели на него. Гигант насупился и пошел прочь, не останавливаясь, словно звуки мандолины гнали его все дальше и дальше. Он разыскал среди деревьев палатку политрука Масальского и попросил разрешения войти.

Масальский высунул свою красную физиономию и воскликнул:

— А, товарищ Свинцов! Входите, родной, садитесь. Ну, что у вас?

Они говорили долго. Масальский изумленно восклицал и что-то горячо доказывал Саше. А Саша в ответ упрямо бубнил, и в конце концов Масальский сказал:

— Ну ладно, пусть будет по-вашему, но я огорчен, очень огорчен.

Позавтракав, люди легли спать, чтобы отдохнуть после вчерашнего боя. День прошел тихо, ни артиллерии, ни самолетов. Но всем — от командующего фронтом до последнего коновода в обозе — было ясно, что с рассветом фон-Лееб повторит свой вчерашний натиск на Ленинград. Но где пройдет линия главного удара? Может быть, через нас?

Перед закатом дневальные разбудили людей. Ночью роте предстояло выдвинуться вперед. Отделенные командиры вскрыли ящики с боеприпасами. Началась раздача гранат, патронов. Прибыла полурота саперов. Лейтенант Рудой отправил ее вперед для устройства окопов и заграждений. Он сам вычертил на бумажке профиль окопа и попросил командира саперов сделать его по этому рисунку.

— Да вы не беспокойтесь, сделаем по-хозяйски, — сказал молоденький саперный лейтенант в пилотке, лихо за-

ломленной на ухо, и небрежно сунул чертежник в карман. — Ну, так мы пошли. В случае чего, мы там маленько пощиплем фрицев.

— Я вам запрещаю обнаруживать себя, — сказал лейтенант Рудой.

Он с беспокойством посмотрел вслед удалявшимся саперам. Этот удалой лейтенантик напомнил Рудому его самого, каким он был всего полтора месяца назад. И вскоре, не выдержав, Рудой побежал на передний край проверить, как там обстоит дело у саперов. Кстати, он захватил с собой отряд истребителей танков, чтобы заблаговременно расположить их в нужных местах.

Вообще, хлопот было по горло, как всегда перед крупной операцией. Особенно, когда начали прибывать пополнения. И поэтому никто в первом взводе не обратил внимания на необыкновенные перемены, произошедшие в составе пулеметных расчетов. К Аркадию явился боец Четвертаков и заявил, что он назначен вторым номером вместо бойца Свинцова.

— Ты? — сказал изумленный Аркадий. — А шё такое с Сашей?

— А он назначен вторым номером на пулемет Окулиты, — сказал Четвертаков и добавил: — Согласно личной просьбе. Где пулемет-то? Как у вас диски? Не заедают?

Аркадий молча смотрел на Четвертакова. Казалось, от изумления он лишился дара речи. Наконец он вымолвил:

— Такое нахальство...

— Чего? — сказал Четвертаков.

Лицо Аркадия приняло обычное свое насмешливое и слегка надменное выражение.

— Дружочек Четвертаков, — сказал он, — возьми примус, вон он в углу, и, будь другом, проверь его. Это Свинцов мог оставить его грязным. Вообще, ему не на пулемете работать.

Вот и все о том, как разошлась дружба, самая крепкая, какая была в роте.

Саша молча копался в пулеметном хозяйстве Окулиты.

Любопытный Окулита приставал к нему с вопросами:

— А шо ж таке зробилось промеж

вас? Два таки корешки, як ты и Дзюбин, а?

— Щелочи у тебя маловато, — сказал Саша и принялся надраивать пулемет, и без того сиявший чистотой.

8.

Глубокой ночью мы двинулись вперед. Курить и разговаривать было запрещено. Шли гуськом, смутно различая фигуру идущего впереди. Подтянутое оружие и котелки не бряцали. Полковые пушки двигались с нами. Они остановились за холмом. Никогда я не видел, чтобы артиллерия располагалась так близко от вражеских позиций.

В темноте мы вышли на открытое место и спустились в окопы, приготовленные заранее. Пулеметчики разошлись по своим укрытиям.

Казалось, ночь не кончится никогда. Она была какая-то очень большая и очень прочная. Наверху были звезды, а внизу копошились мы. Было совсем тихо.

В четыре часа рассвело. В четыре тридцать ударила немецкая артиллерия. Мир заполнился грохотом. Толстые наматы блиндажей поука сопротивлялись разрывам. На этот ужасный обстрел мы отвечали полным молчанием. Приоткрылась дверь убежища, позади нее мелькнули тени.

Я выглянул за дверь. По ходу сообщений пробегали санитары с носилками, связные, проходил лейтенант Рудой.

Вместе с санитарями и ранеными я пробрался назад, в лес, чтобы покурить. Под обстрелом не курится. В лесу был устроен пункт первой помощи.

Снаряды сюда не достигали. Неподалеку лежали ребята из ротного патронного пункта и курили. Вдруг они поднялись и откозырнули. Через лес шел высокий, ловко сложенный майор. Это был командир полка Чернов. На его груди сияла золотая звезда героя. Длинные пшеничные чапаевские усы украшали его лицо.

Майора сопровождали несколько командиров, среди них лейтенант Мона-

стырский, сосед наш, командир пятой роты. У него был несколько расстроенный вид.

Майор остановил раненого, которого под руки вели два бойца.

— Куда вы? — сказал Чернов.

— Раненого вынесли с поля боя, товарищ майор, — бойко сказал один из бойцов, — доставляем его на пункт.

Бойцы исчезли.

— Не ваши ли это люди, лейтенант? — сказал Чернов.

— Мои, — сказал Монастырский.

— Так, так, — сказал Чернов. — И раненых у вас много, лейтенант Монастырский. Чем я это объясняю? Я это объясняю тем, что вы невнимательно отнеслись к устройству укрытий. А?

Монастырский мрачно молчал.

— Ладно, — сказал Чернов, — посмотрим, как обстоит дело у Рудого.

Встревоженный Рудой уже бежал навстречу Чернову. По ходу сообщений прошли на передний край. Немецкая артиллерия была с нарастающей силой. Но командиры не обращали на нее внимания. Они были заняты делом.

Чернов внимательно осмотрел окопы.

— Видите, — сказал он Монастырскому, указывая на совершенно пустой окоп, — запасная ячейка. У вас, когда вы захотите сманеврировать огнем, бойцу придется под обстрелом заниматься землекопством, вместо того, чтобы отражать атаку. А здесь — уже. Готово.

Лейтенант Монастырский отошел за спины других командиров. Но Чернов вытащил его за руку вперед.

— Смотрите, Монастырский, вы, небось, таких вещей и не видели?

И Чернов указал на небольшую стремянку, прилаженную к стенке окопа, по которой можно было быстро выбежать и атаковать врага.

Монастырский хмуро сказал:

— У меня жердей не было, товарищ майор, я давал требование, но...

— Жердей, жердей! — передразнил его Чернов. — А у тебя жердей хватило, Рудой?

— Не всюду, товарищ майор.

— И что ты сделал?

— Так мы выемки для ног понаделали.

— Слышите, Монастырский? Ну, ладно. Так я вижу, что мне здесь делать нечего. Спасибо тебе, Рудой.

Рудой покраснел от удовольствия. Не всякий день удостоиться похвалы от самого майора Чернова.

Чернов быстро прошел по окопам, заглянул в кое-какие блиндажи. Все старые бойцы знали его по боям на Лужском и Новгородском направлениях, а некоторые еще по финской кампании сорокового года. И Чернов знал их в лица и по именам.

Сейчас, проходя, он на секунду задерживался возле одного или другого.

— Здоров, Оловянников! Дышишь?

— А что мне, товарищ майор! — широко улыбаясь, отвечал Оловянников.

— Толстов, привет! Ну как, под Волкоярви было полегче?

Раздался страшный грохот. Снаряд разорвался рядом. Посыпалась земля. Люди прыгнули к стенам, другие присели. А Чернов стоял и нетерпеливо кричал:

— Что? Что? Не слышу!

Толстов отер землю с лица и прокричал:

— Куды немцу до финна, товарищ майор!

Чернов удовлетворенно мотнул головой и пошел дальше.

Он увидел Аркадия и подошел к нему. Аркадий всегда был его любимцем. Он протянул пулеметчику руку, и тот с достоинством пожал ее.

— А где ж твой второй номер, Дзюбин? — спросил Чернов, взглянув на незнакомого ему Четвертакова.

— Вы спрашиваете о Свинцове, товарищ майор?

— Вот, вот, — засмеялся майор. — Я надеюсь, с ним ничего плохого?

— Все в порядке, товарищ майор. Просто, мы с ним разошлись. Как в море корабли.

— Ах, вот что, — сказал Чернов и остро глянул на Аркадия, — хочешь, помирю?

— Кто ж откажется от такого свата, товарищ майор? — сказал Аркадий.

Чернов рассмеялся и пошел дальше.

Несколько дольше Чернов задержался у группы молодых бойцов, только прибывших из запасного полка, еще необстрелянных.

— Ну что, ребятки, страшно? — сказал он, весело блестя прекрасными зубами из-под длинных пшеничных усов.

Бойцы засмеялись.

— Да нет, не очень, товарищ майор, — сказал один из них, — оказывается, привыкнуть можно.

— Да уж привыкать некогда, — сказал майор, отогнул рукав и посмотрел на часы, — минут через двадцать артподготовка, видимо, кончится. А тогда что будет?

— Ихние танки на нас пойдут, — несмело сказал кто-то.

— Правильно, ихние танки пойдут на вас, — с удовольствием оказал Чернов и, согнув свое длинное, гибкое тело, присел у стены на корточки. — Нет, я вижу, вы ребята соображающие.

От всего существа майора Чернова веяло таким спокойствием и силой, что молодые бойцы сразу приободрились. Приунывшие повеселели, а струхнувшие почувствовали, что они, собственно, ничего не боятся, и самые танки, атаки которых они прежде ждали с трепетом, теперь им не так уж и страшны.

А Чернов уже рассказывал, как надо бороться с танками.

— Достаточно тебе залезть в канаву, чтоб тебя не было видно, и ты уже сильнее танка. Он тебя не видит, а как пройдет близко и заметит, он уже не может поразить тебя. А ты можешь поджечь машину. Смелый и умный боец сильнее танка, — сказал Чернов, взмахнувши своей сильной и нервной рукой.

Чернов побыл еще минут десять в четвертой роте, потом прошел в шестую. Проходя мимо Аркадия, он крикнул ему, не останавливаясь:

— Он не хочет мириться и, кажется, он прав.

Аркадий побагровел от ярости.

— Шё ты скажешь на Сашку, — воскликнул он, обращаясь к Четвертакову, — мало того, шё он передо мной фасон ломает, так он еще наклепал на меня майору Чернову. Хорошо, хорошо, Сашенька, ты еще бу-

дешь у меня валяться в ногах. Сколько я сделал для этого Сашки, Четвертаков, я же из него человека сделал... Да ты слушай, когда тебе говорят!..

Он взял Четвертакова за руку и вытащил его из угла. Но только он его выпустил, как Четвертаков снова бросился в свой угол, потому что в это время немецкие штурмовики на бреющем полете проходили над нашими позициями и поливали их из пулеметов. И люди забились в ниши, в углы, прильнули к стенам.

И только Аркадий шагал на длинных своих ногах взад и вперед по крохотному пространству блиндажа и выкрикивал свои яростные жалобы.

Гордость в этом человеке была сильнее даже инстинкта жизни.

А через пять минут началась атака. Лейтенант Рудой встретил ее спокойно. Он был уверен, что отразит ее. У него были даже приготовлены кое-какие сюрпризы для немцев.

Однако атака началась непонятно.

Шесть немецких танков выбежали цепочкой в направлении на наш правый фланг. Метрах в трехстах от него они резко, под прямым углом повернули налево и пошли параллельно нашему переднему краю. Они шли очень быстро, с правильными интервалами, пыль клубилась за ними. Потом они повернули и ушли к себе. Они не сделали ни одного выстрела. Это было похоже на парад.

Лейтенант Рудой ломал себе голову над тем, что означает этот странный маневр. Начальник артиллерии высказал предположение, что танки хотели вызвать на себя огонь и тем обнаружить наши огневые точки. Так ли это? Главное — понимать все действия противника. В тот момент, когда перестаешь понимать противника, можешь считать себя побежденным. А немцы отличались тем, что непрерывно применяли всякие новые трюки и маневры. Пришлось остановиться на предположении начарта, как на самом правдоподобном. И все же Рудой ощущал какое-то глухое беспокойство.

Первую атаку удалось отразить. Однако пехоту сильно беспокоил губи-

тельный пулеметный огонь. Рудой был удручен не только потому, что погибло несколько бойцов его роты, много дорогих ему людей. Он был удручен и тем, что в чем-то ошибся как командир. Откуда взялся этот пулеметный огонь, когда, казалось, все огневые точки противника были так точно засечены? Что скажет Чернов? Рудому казалось, что он слышит спокойный презрительный голос Чернова: «Нет, слишком рано я похвалил тебя, Рудой». Каким-то смутным чутьем Рудой связывал свои потери со странным пробегом немецких танков перед атакой.

Он решил понаблюдать противника вплотную. Возможно, что немцы повторят этот пробег перед своей второй атакой. Захвативши с собой телефониста, Рудой выдвинулся далеко вперед.

Все было, как прошлый раз. Снова выбежали шесть танков. Рудой впился глазами в них. И он увидел: на всем ходу с танков спрыгивали солдаты с пулеметами в руках. Плехнувшись наземь, они оставались лежать, где упали, и дожидались своей пехоты. Густая пыль скрывала их от наших ротных наблюдателей.

Рудой посмотрел вслед танкам даже с некоторым восхищением: «Хитро придумали, воры!» Он немедленно передал в роту дистанцию, ориентиры, и тотчас лучшие пулеметчики во главе с Аркадием открыли точный прицельный огонь по залегшим в пыли немецким пулеметчикам. Вскоре они были перебиты. Вторая немецкая атака была отражена легко.

Немцы пошли в третью.

Они решили проломить нашу оборону. Они решили дорваться до Ленинграда любыми жертвами и сегодня. Они бросили на наш участок сорок танков. Увидев эту густую, ревушую, бронированную массу, стремительно двигавшуюся на нас, Рудой удовлетворенно потер руки. Наступило время для его сюрприза.

Немецкие машины были пропущены за линию окопов. Вся пехота наша бросилась в контратаку на немецкую. А танки были встречены пушками. Это были те самые наши легкие полевые

пушки, которые так близко были подтянуты к переднему краю и до сих пор так упорно молчали. Они ждали своей минуты. Они стреляли в упор, прямой наводкой с дистанции в триста, а то и в двести метров. Здесь — не было промахов. Каждый снаряд ломал, коверкал, поджигал немецкие танки. Взрывались бензиновые баки. Поле покрылось пожарами. Трудно представить себе, до чего легко горели эти стальные машины. Больше половины их было уничтожено. Остальные бежали.

Но сюрпризы лейтенанта Рудого на этом не кончились.

Пока по фронту кипел бой, два небольших, хорошо вооруженных отряда скрыто пробрались во фланги немецкого расположения. Это был первый, еще робкий провозвестник той наступательной тактики, которой предстояло так широко развернуться с началом зимы сорок первого года. Одним из отрядов командовал сам Рудой.

Ему удалось завладеть высотой Огурец на левом фланге. Кругом простирались равнинные места, набитые немецкими обозами и складами, и отряд принялся крошить их жестоким минометным и пулеметным огнем. Собравшись с силами, немцы пошли в атаку на Огурец. Некоторое время все внимание было привлечено к этой высоте, и второй отряд под командой политрука Масальского незаметно обошел немцев с правого фланга и забрался в их тылы. Отряд Масальского, по плану лейтенанта Рудого, должен соединиться с ним на высоте Огурец.

Такова была эта маленькая, но по времени одна из первых с нашей стороны операций на окружение. Оказалось, что немцы бегут, увидев себя окруженными. Оказалось, что немцы подвержены панике. И — больше, чем все другие войска, — способны сдаваться в плен, особенно, когда их отрывали от их техники, словно они были не людьми, а не более, чем частью, и при том не самой главной, своих танков и мотоциклов.

Отряд Масальского шел по тылам. Он разгромил несколько штабов, захватил и уничтожил много пушек, пулеметов и другого оружия и имущества. Он

двигался по большой дуге, конец которой упирался в высоту Огурец.

Но так увлекательно было громить немцев в самой сердцевине их расположения, что отряд сильно задержался против того времени, в которое ему было назначено выйти к высоте.

В составе отряда были два тяжелых танка «К.В.» На крыше одного из них устроился Аркадий. Эта удачная, дерзкая операция была ему по душе. Он действовал у пулемета один. Четвертакова он прогнал от себя, придравшись к тому, что тот легко ранен в плечо. К чести Четвертакова надо сказать, что он хотел остаться в строю.

— Иди, иди, — сказал Аркадий, — иди на медпункт, зализывай рану. Чем такой второй номер, как ты, так лучше совсем без него. Вообще, от вторых номеров у меня только одно горе.

Между тем отряд Рудого бился на высоте. Он пердел. Немцы стеснили его отовсюду. Убит был санитар Гладышев, угрозивший лейтенанта взять его с собой. Пали старые бойцы Толстов и Оловянных. Осколком снаряда снесло голову Окулите. С пулеметом управлялся один Свинцов. А Масальский со своим отрядом все не приходил.

Вскоре замолк последний пулемет. Рудой подумал, что произошла задержка, и Свинцов не может с ней справиться. Подхватив здоровой рукой раненую, лейтенант пополз к пулемету.

Саша повернул голову и сказал:

— Патроны-то все, товарищ лейтенант.

— Возьмите у бойцов из подсумков.

— Все уж взято.

— Что ж, будем отбиваться гранатами, — сказал Рудой.

И на головы подползавших немцев посыпались гранаты. Гитлеровцы отхлынули.

«Скоро можно будет стрелять из нагана, — подумал лейтенант, — да, из нагана... в себя...»

Они находились на самой вершине холма. Холм был гранитный, множество валунов и камней валялось на нем. Лейтенант взял увесистый камень и, сильно размахнувшись, швырнул его в группу немцев. Оттуда раздался крик.

Бойцы похватили камни и начали отбиваться ими. Саша выворачивал огромные мшистые валуны и обрушивал их вниз. Это было, как обвал. Немцы снова отхлынули.

Так держалась эта горстка бойцов, пока не подоспел, наконец, Масальский со своим отрядом и двумя танками. Немцы побежали.

И по всему Ленинградскому фронту в этот день они либо отступили, либо не сумели продвинуться вперед. Город был спасен. Никогда больше немцы не смогли повторить удар такой силы.

Они зарылись в землю вокруг Ленинграда и перешли к позиционной войне.

9.

Не сумевши взять Ленинград силой, фон-Лееб задумал взять его измором.

Немцы продолжали бомбить город. Когда бомба падала в Неву, мальчуганы бросались в холодную воду и вылавливали оглушенную рыбу.

Играли театры. Ходили трамваи. Шо-стакевич, вернувшись с дежурства, писал свою лучшую симфонию, седьмую, о героизме рядовых людей Ленинграда. Когда завывали гудки воздушной тревоги, он ставил среди нот буквы «В.Т.», надевал каску и шел на пост.

Тася сильно похудела. Однажды, вернувшись из вуза, она нашла дома сверток.

— Какой-то боец принес его, — сказали соседи.

В свертке оказались две килограммовых банки с мясными консервами, большой кусок масла, пачка сахара и галеты. Под галетами лежала записка: «Милая Тася! Кушайте на здоровье. Ваш Александр Свинцов, помощник наводчика с ручного пулемета».

— Ах! — вскричала Тася, — это тот молчаливый парень со смешным толстым лицом.

Она с трудом вспоминала его лицо.

Посылки стали прибывать довольно регулярно, раз в десять-двенадцать дней.

Иногда их приносил дворник или посыльный из «Астории». При каждой посылке обязательно было письмо.

С каждым разом письма становились все длиннее. Свинцов оказался красноречивым. Он писал о боях и о длинных звездных ночах, рассказывал содержание фильмов, вставлял стихи и намекал на свою любовь.

«Как это странно, — думала Тася, — весь вечер тогда он молчал, и его товарищ мне показался гораздо интересней. А теперь оказывается, что именно Саша милый, чудный, замечательный... Но почему он сам никогда не приходит!»

Так прошло больше месяца. Пришла зима. Красная Армия перешла в наступление. Снова пришлось мне увидеть Аркадия и Сашу.

Как много переменялось за это время! Вместо травы на лугах лежал снег. Вместо осенних отступлений — великое зимнее наступление. И только одно оставалось неизменным: ссора Аркадия и Саши. Казалось, в роте никто уж и не помнит о том, что они когда-то были друзьями.

Как увлекательно было наступать!

Наконец-то мы вошли в места, освобожденные от немцев. Товарищи, что он сделал с нашей милой русской землей! Пожженные дома, порубленный скот, пустыня, пепел. И всюду в уцелевших домах — кучи испражнений, в солдатских сумках — пачки порнографических открыток, в подвалах и на улицах — трупы советских людей — вот, что оставлял оскотинившийся немецкий солдат, уходя с нашей земли.

К вечеру 12 декабря мы вышибли немцев из деревни Ровное. На краю села мы увидели трупы трех расстрелянных детей, двух мальчиков и одной девочки, лет десяти или одиннадцати. По случайности, лицо девочки осталось нетронутым, по лбу ее разметались светлые волосики. Мы стояли вокруг мертвых детей и молчали. О чем было говорить? Аркадий крикнул проходившему мимо Галанину:

— Эй, студент, ты как-то говорил, шё фрицы хорошие люди?

— Во-первых, я говорил не так, а во-вторых...

— Говорил, говорил. Посмотри, шё тут понаделали твои хорошие люди.

Они подошли. Саша долго молча

смотрел на чистое лицо девочки, на худенькое полуголое тельце ее, изрешеченное пулями. Глаза его потемнели, а руки непроизвольно сжались в страшные кулаки. Он поднял голову и встретился взглядом с Аркадием.

У Аркадия в лице что-то дрогнуло. Казалось, недоставало малого, чтоб он бросился к Саше в объятия — одного сашиного слова или одного его движения. Но слова не было произнесено, движения не было сделано, лицо гиганта приняло упрямое и презрительное выражение. И бывшие друзья молча разошлись в разные стороны.

Бойцы пошли ужинать. Предстоял ночной бой.

...После этого дня Тася перестала получать посылки. Она очень волновалась. Ей приходила в голову страшная мысль, что Саша полюбил другую девушку. Это так легко, ведь он видел Тасю только один раз, и она почти не говорила с ним. А потом ей приходило в голову, что он убит, и она плакала и перечитывала его письма.

И вдруг она встретила его.

Саша слонялся по Гостиному двору, со скужающим видом рассматривая витрины, которые оставались не зашитыми в песок и дерево.

— Саша! — крикнула она, повисла на его руке и заплакала.

Гигант с удивлением посмотрел на Тасю. Он не сразу узнал ее, так сильно она похудела.

— Тася... — наконец прошептал он и покраснел.

Они шли по городу. Тася беспрерывно говорила. Ей так много надо было ему сказать! Она рассказала ему, что у них в вузе, и как она много о Саше думает, и что она стала донором, и как она стосковалась по Саше.

— А ваши посылки, — сказала она, — вы не думайте, что я их одна ем. Их ест вся квартира и все мои товарищи.

— Мои посылки? — сказал Саша, удивленно захлопав глазами.

— Я их всегда так ждала, но не из-за продуктов, не думайте, а из-за писем, из-за ваших чудных писем. Я ношу их всегда с собой. Потому что, если бы их разбомбило, я бы этого не пережила!

— Письма-то покажите, — коротко сказал Саша.

Тася вынула из сумочки пачку писем.

Гигант развернул их и до крови закусил губу: он узнал руку Аркадия.

...Немцы отступили так быстро, что один дот они оставили невзорванным. А к двум часам дня к ним подошли большие подкрепления, и они перешли в контратаку. Мы немного отошли и укрепились.

Рудой назначил в дот четырех человек: Дзюбина, Четвертакова, Галанина и Зильбермана. Зильберман только-что пришел в роту, тихий, молчаливый парнишка.

— До вечера продержитесь? — спросил Рудой.

— В таком домике? — сказал Аркадий, с удовольствием оглядывая бетонные своды дота, — хоть до нового года, товарищ старший лейтенант.

Рудой был недавно произведен. Аркадий тоже. Он был сейчас младшим сержантом.

В доте были запасены боеприпасы и продукты. Телефон работал хорошо. Его поручили Зильберману.

— Четвертаков, у меня до тебя просьба, — сказал Аркадий, — сбегай до этого типа — Сашки Свинцова — я же с ним в контрах — и возьми у него парочку моих запасных стволов. Они у него гниют уже два месяца. А мне — я уже чувствую — они сегодня пригодятся.

— Свинцов в Ленинград уехал, — сказал Четвертаков, — с политруком Масальским в интендантское управление...

— В командировочку, — сказал Аркадий.

Часов до четырех все шло сравнительно благополучно. Фашисты наступали волнами. Аркадий и Галанин огнем пулеметов рассеивали их.

Скоро немцы обнаружили дот. Они накрыли его артиллерийским огнем. Дот тяжело ухал под разрывами. Немцы не могли подойти к нему.

— Живей работай, Галанин! — кричал Аркадий, нажимая на спусковой крючок. — Это тебе не университет!

Несколько тяжелых снарядов упало на дот, осыпался бетон. Аркадий вышел из-под обломков, отряхиваясь, и сказал, покачивая головой:

— Жарко...

Но в общем все шло неплохо. Бетонный домик был слеплен на славу, и артиллерия ничего не могла с ним сделать.

Тогда немцы пошли в атаку на самый дот. Аркадий подпускал их на близкое расстояние и внезапно ошпаривал длинными очередями. Фашисты не выдерживали огня и разбежались, оставляя трупы.

Аркадий оглянулся на товарищей. Лицо его с заборными усиками дышало какой-то веселой яростью.

— Чистая работа! — вскричал он. — Представляете, как эти жабы злятся?

Около пяти часов товарищи по очереди закусили в одном из уголков дота. Запищал телефон: Рудой справлялся, как дела.

— Все в порядке, товарищ старший лейтенант, — сказал Зильберман своим чистым звонким голосом.

Через несколько минут был убит Четвертак. Случилось то, чего Аркадий опасался больше всего: немцы нащупали амбразуру. Друзья быстро залезли ее всем, что было под руками — обломками бетона, полушубками. На всякий случай, держались подалше от этой амбразуры. Минут через десять влетела зажигательная пуля. Она попала в ящик с гранатами и взорвала его. Осколками был убит Зильберман. Он покатился на пол, не выпуская из рук телефона. Ходики, висевшие на стене, продолжали тикать. На них было половина шестого. Надо было продержаться еще хоть час.

Аркадий стрелял, не отрываясь от пулемета. Телефон не разбился, и Галанин сообщил в роту, что патроны скоро кончатся.

На другом конце провода стоял Рудой.

— Высылаю боеприпасы и смену, — сказал он.

Но бойцы, посланные в дот, не дошли до него. Немцы оседали дорогу минометным и артиллерийским огнем.

Еще через десять минут запищал телефон. Рудой схватил трубку.

— Говорит Дзюбин, — услышал он хриплый голос, — патронов осталось от силы на полчаса. Галанин убит...

Голос его оборвался, затрещал пулемет. Видимо, Аркадий бросился от телефона к пулемету.

Рудой посмотрел на часы. Через полчаса в тыл немцам должна была ударить шестая рота. Только бы она не запоздала!

Показались два немецких бомбардировщика. Они по очереди спикировали на дот и сбросили бомбы. Поднялись огромные столбы земли и дыма. Цепи немецкой пехоты побежали на дот. Они были не далее, как в двухстах метрах от него. Дот молчал.

— Не додержался, — пробормотал Рудой и посмотрел на часы, — еще бы минут пятнадцать...

В эту минуту из дота заговорил пулемет. Дот жил, он работал! С наблюдательного пункта было видно, какие горы трупов лежали вокруг него. Фашисты снова отхлынули.

Связист протянул Рудому трубку.

— Из дота, — сказал он.

— Дзюбин, милый, жив? — закричал Рудой в трубку.

— Дышаю пока-что, товарищ старший лейтенант, — ответил хриплый усталый голос, — патроны кончаются.

— Продержись минуток десять! Сможешь?

— Постараюсь, товарищ старший лейтенант. А шё, там нет поблизости этого типа Саши Свинцова? Я бы с ним попрощался на всякий пожарный случай...

Он не закончил. Связь оборвалась.

...Саша прочел письма, вернул их Тасе и резко сказал:

— До свиданья.

— Куда вы? — изумилась Тася.

— Надо мне, по делу, — торопливо сказал гигант.

Он посмотрел на Тасю, вдруг нагнулся, поцеловал ее в губы и быстро ушел.

В окружном интендантском управлении он нашел политрука Масальского и попросил разрешения немедленно вернуться в часть.

— Очень нужно, зря не просил бы, товарищ политрук, право.

Масальский внимательно посмотрел на его взволнованное лицо.

— Ну, поезжайте, милый, коли так подошло. Но как вы доберетесь?

— С попутными машинами, — крикнул Саша, уже отойдя.

Он вышел на дорогу. И редкая машина не останавливалась, увидев громадную сашину фигуру с высоко поднятой рукой. Никто не ехал прямо в сашину роту, и гигант переходил с машины на машину.

Он сам не знал, почему он так спешит. Он чувствовал только, что ему надо сейчас же, немедленно увидеть Аркадия, сказать ему: «Прощаешь меня? А я-то никого так не люблю, как тебя, одну только Тасю...»

Сердце гиганта было переполнено нежностью и счастьем. Но он знал, как неверна жизнь человека на войне, и он, не останавливаясь, мчался туда, на передний край, сменяя полуторку на броневик, прыгая с танкетки на обózную лодку.

Когда он прибыл в четвертую роту, дот еще жил. Он стрелял еще, но все реже и реже. Только, когда фашисты подползали слишком уж близко, он огрызался короткими очередями. Немцы предпочитали обстреливать его издали.

— Я пройду туда, — сказал Саша. Рудой молча указал ему на дорогу к доту. Снаряды и мины рвались на ней беспрестанно. Самый дот покосился. Бетонная шапка его сдвинулась как бы набекрень.

— Пройти можно, — упрямо сказал Саша.

Рудой молча кивнул головой. Гигант навьючил на себя боеприпасы и подполз. Затаив дыхание, люди следили за ним. Саша доползал до воронки, отлеживался там и лез дальше.

В это время заговорили сразу не-

сколько пулеметов. Рудой просиял от радости. То подошла долгожданная шестая рота и ударила немцам в тыл. Рудой приказал пустить ракету, и все три его взвода поднялись и пошли в атаку.

А навстречу им шагал Саша. На руках у него лежал Аркадий. Гигант бережно нес его. Длинные руки и ноги Аркадия бессильно свешивались. Бледное лицо с задорными усиками было окровавлено.

Саша донес Аркадия до большого дерева и здесь положил его на снег. Потом он скинул с себя полушубок и осторожно подсунул его под Аркадия. Он попытался прощупать пульс Аркадия и не нашел его.

— Умер... — прошептал он, и по грубому лицу его прокатились скупые слезы, вероятно, первые в его жизни.

Солнце садилось. Невдалеке трещали пулеметы. Мимо дерева прогнали группу немцев, только-что захваченных в плен.

— Кто умер, кто? — слабым голосом вдруг сказал Аркадий и открыл глаза.

Саша вскрикнул от радости.

Он взял Аркадия за руку и крепко пожал ее. И он ощутил ответноежатие, но такое слабое, что у Саши защемило сердце.

Аркадий повел вокруг себя глазами. Затуманенный взгляд его упал на пленных, проходивших мимо.

— Нет, — прошептал он, — эти жабы не дождутся, шёб Аркадий Дзюбин умер.

Он слегка приподнялся и тотчас упал на подставленные Сашей руки.

Но даже страшная боль от раны в голове не могла сломить этого человека. И улыбка, насмешливая и слегка надменная, непобедимая дзюбинская улыбка сияла на его окровавленном лице.

Козьма Минин

СЕРГЕЙ МАРКОВ

★

Стальной топор упрятан в старый ларь,
Что лоснится от копоти и жира...
Подстать тебе, могучий говядарь,
Широкий меч и бранная секира!

Еще вчера с удара пополам,
Играя, тушу разрубал воловью...
Он ходит по узорчатым полам,
Цветные стекла отливают кровью.

И мнится все, что родина в огне —
Горит Смоленск, Можай в пожаре алом,
И едет Смерть на вороном коне,
Костлявым улыбается оскалом.

Под сводами покоя тишина,
Свечение лампадного тумана,
Во сне вздыхает юная жена —
Высокая и статная Татьяна.

Жену он будит...

«Напугал, Козьма...»

В мечтаньи сонном — океан да скалы.
«Где жемчуг твой? Индийская тесьма?
Алмаз заморский, перстни и кораллы?»

«Все объясню...» Ключи берет из рук.
«Богат наш вклад, но для отчизны — мало...»
И капает в окованный сундук
Жемчужное растопленное сало.

А в сундуке — китайские шелка,
Тяжелых слитков четвертная мера,
Бесценный дар, наследье Ермака —
Венец княжны из города Искера.

«Заложим все — наследие отцов,
Доход торговли, прихоть жизни плотской!
Прислал недавно голубых песцов
Мне Строганов из Соли Вычегодской...»

Найди, Татьяна... Положи их тут.
Сейчас нужны нам не меха, а латы, —
Не быть тому, чтоб самозванный шут
Сквернил собой кремлевские палаты!»

Блестит топаз на редкостном кольце,
Считает перстни верная Татьяна,
Волнение проступает на лице
Сквозь яркие персидские румяна.

А поутру шумит народный круг,
Сверкает солнце над приволжской твердью
И Минин, по прозванию Сухорук,
Душой народа приобщен к бессмертью.

В порыве грозном русская земля,
И жарок пламень чести и отваги,
У стен Нижегородского кремля
Взлетают снова дедовские стяги.

И голуби стремятся в вышину
И падают на солнечные кровли...
Увидел Минин статную жену
В нестройном гуле городской торговли.

Строга она, и взгляд ее суров,
Ей любо видеть панцыри и брони,
И в тесных лавках бронных мастеров
Края кольчуги взвесить на ладони.

Умолк народ... И Минин умилен,
С безмолвной лаской смотрит на подругу.
А та, отвесив поясной поклон,
Кладет к ногам гремучую кольчугу.

Над Волгою плывет полдневный свет,
Сердца людей не знают укоризны,
И выше блага не было и нет,
Чем честь и процветание отчизны...

Копытом бьет горячий аргамак,
Звенит о камни светлая подкова,
И принимает Минин славный стяг
Из рук дрожащих воина седого.

Козьма целует бахрому парчи —
Была в Крыму, была у волн Хвалыни! —
И засветились чистые лучи.
В суровых складах воинской святыни.

Татьян

ЛЕОНИД СОБОЛЕВ

Рассказ.

★

Знакомство наше было необычным. В свежий октябрьский день, когда яркое солнце обманчиво сияет на чистом небе, а ветер с севера гонит сухую пыль, разговаривать на воздухе было неуютно. Поэтому моряки-разведчики пригласили зайти в хату. Меня окружили мужественные люди — загорелые, обветренные и веселые. В самый разгар беседы вошло еще двое разведчиков.

Оба были одеты до мелочей одинаково: оба в кителях и защитных брюках, заправленных в сапоги, в кокетливых пилотках, и оба обвешаны одинаковым числом ручных гранат, пистолетов, фонарей, запасных обойм. Но если на гигантской фигуре одного такой арсенал выглядел связкой мелких брелоков, то второго этот воинственный груз покрыл сплошной позвякивающей кольчугой: один из разведчиков был вдвое выше другого.

Видимо, мой любопытный взгляд смутил маленького разведчика. Нежные его щеки зарделись, длинные ресницы дрогнули и опустились, прикрывая глаза.

— Воюем? — сказал я, похлопывая его по щеке. — Не рано ли собрался? Сколько тебе лет-то?

— Восемнадцать, — ответил разведчик тонким голоском.

— Ну?.. Прибавляешь, чтоб не выгнали?

— Ей-богу, восемнадцать! — повторил разведчик, подняв на меня глаза. В них не было ни озорства, ни любо-

пытства мальчика, мечтающего о приключениях войны. Внимательные и серьезные, они знали что-то свое и смотрели на меня смущенно и выжидающе.

— Ну, ладно, пусть восемнадцать, — сказал я, продолжая ласково трепать его по щеке. — Откуда ты появился, как тебя — Ваня, что ли?

— Та же ж дивчина, товарищ письменник! — густым басом сказал гигант. — Татьяна с под Беляевки.

Я отдернул руку, как от огня: одно дело трепать по щеке мальчишку, другое — взрослую девушку. И тогда за моей спиной грянул взрыв хохота.

Моряки смеялись. Казалось, все звуки смеха собрались в эту хату, сотрясали ее, и откуда-то сверху их заглушал мощный басистый гул, рокочущий, как самолет: это под самым потолком низкой избы хохотал гигант, вошедший с девушкой. Он смеялся истово, гулко, чрезвычайно довольный недоразумением, поглядывая вниз на меня, пока не рассмеялся и я.

— Не вы первый! — сказал гигант, отдышавшись. — Ее все за парня считают. А что, хлопцы, нехай она будет у нас Татьян — морской разведчик?

...Татьяна была дочерью колхозника из Беляевки, захваченной теперь румынами. Отец ее ушел в партизанский отряд; она бежала в город. Ей поручили вести моряков-разведчиков в родную деревню, и в этом первом трехсуточном

походе по тылам врага и зародилась дружба. Девушка пришлась морякам по душе. Смелая, выносливая, осторожная и хитрая, она водила моряков по деревням и хуторам, где знала каждый тын, каждый кустик, прятала по камням, находила тайные колодцы и, наконец, когда путь, которым они прошли в тыл врага, был отрезан, вывела разведчиков к своим через лиман.

Первое время сна ходила в разведку в цветистом платье, платочке и тапочках. Но днем платье демаскировало, а ночи стали холодные, и моряки одели ее в ту странную одежду — смешение армейской и флотской формы, — в которой щеголяли сами, возрождая видения гражданской войны. Две противоположные силы — необходимость маскировки и страстное желание сохранить флотский вид, столкнувшись, породили эту необыкновенную форму. Впрочем, у девушки остались и тапочки: флотская ростовка обуви не предусматривала такого размера сапог.

В таком же тяжелом положении скоро оказался и Ефим Дырщ — гигант-командор. Его ботинки сорок восьмого размера были вконец разбиты, и огромные его ноги были запрятаны в галоши, хитроумно прикрепленные к икрам армейскими обмотками. Накануне моего появления секретарь обкома партии, услышав об этом двойном бедствии, прислал огромные сапоги специального пошива, в которые, как в футляр, были вложены другие, крохотные, и заодно два комплекта армейского обмундирования по росту. Ефим и Татьяна теперь стали похожи, как линейный корабль и его модель, и только очень хотелось уменьшить в нужном масштабе гранаты и пистолеты, подавлявшие ее маленькую фигурку.

Они не были бутафорией. Не раз Татьяна, поднявшись на цыпочки, швыряла в румынского пулеметчика гранату, и не одна пуля ее трофейного парабеллума нашла свою цель. Своим южным певучим говорком она рассказала мне, что видела в Беляевке перед побегом, и ясные ее глаза темнели, и голос срывался, и ненависть к врагу, вскипав-

шая в ней, заставляла забывать, что передо мною девушка, почти ребенок.

Она не любила говорить на эту тему. Чаще, забравшись на сено в буйный круг моряков, она шутила, пела веселые песни и частушки. В первые недели ее бойкий характер ввел кое-кого из разведчиков в заблуждение. Разбитной сигнальщик с «Сообразительного» — бывший киномеханик, районный сердцеед — первым начал атаку. Но в тот же вечер Ефим Дырщ отозвал его в сторону и показал огромный кулак.

— О це бачил? — спросил он негромко. — Що она тебе — зажигалка или боец? Кого позоришь? Отряд позоришь... Щоб ты мне к такой дивчине подходил свято. Понятно? Повтори!

Но для других такого воздействия не требовалось. Буйная и веселая ватага моряков, каждую ночь играющая со смертью, несла девушку по войне в сильных своих и грубоватых руках бережно и нежно, как тонкий стебелек хрупкого цветка, оберегая ее от пуль и осколков, от резких, соленых шуток, от обид и приставаний.

В этом, конечно, был элемент общей влюбленности в нее, если не сказать прямо — любви. Перед призраком смерти, которая, может быть, вот-вот его настигнет, человек ищет сердечного тепла. Холодно душе в постоянной близости к смерти, и она жадно тянется к дружбе, к любви и привязанности. Сколько крепких мужских объятий видел я в серьезный и сдержанный миг ухода в боевой полет, в море или в разведку. Я видел и слезы на глазах отважных воинов, слезы прощания — гордую слабость высокой воинской души. Блеснув на ресницах, они не падают на палубу, на траву аэродрома, песок окопа: подавленные волей, они уходят в глаза и тяжелыми, раскаленными каплями падают в душу воина, сушат ее и ожесточают для смертного боя. Любовь переходит в ненависть к врагу, дружба — в ярость, нежность — в силу. Страшны военные слезы, и горе тем, кто их вызвал.

Ночью после беседы разведчики ушли в набег, а утром я увидел такие слезы: Татьяна не вернулась.

На линии фронта разведчики наткнулись на пулеметное гнездо, расположенное на вершине крутой скалы. Всю ночь бил откуда-то сверху пулемет, и подобраться к нему сбоку было невозможно. Моряки полезли на скалу, приказав Татьяне дожидаться их внизу.

Видимо, пулеметчик распознал в темноте разведчиков, карабкающихся по скале: пули застучали по камням. Моряки прижались к скале, но пули щелкали все ближе: румын, очевидно, водил пулеметом по склону. Вдруг справа внизу ярко вспыхнул огонь. Ракета прорезала тьму, направляясь на вершину скалы, за ней вторая, третья. Моряки ахнули: ракетница была у Татьяны. Очевидно, девушка решила помочь друзьям испытанным способом — пуская румыну в морду ракету за ракетой, чтобы ослепить его. Но это годилось только тогда, когда пулемет был близко и когда другие могли успеть подскочить к нему с гранатами. Сейчас Татьяна была обречена.

Словно вихрь поднял моряков на ноги. В рост они кинулись вверх по скале, торопясь придавить румына, пока он не нащупал Татьяны по ярким вспышкам ее ракет. Теперь все пули летели к ней, отыскивая того, кто сам выдавал себя во тьме. Ярость придала морякам силы, и через минуту румын хрипел со штыком в спине. Люди поползли вниз, поражаясь сами, как они могли в горячке сюда забраться. Обыскали в темноте весь склон, но Татьяны нигде не было.

Начало светать, надо было уходить. Бешеный огонь пулемета успел разбудить весь передний край. Поднялась беспорядочная стрельба, потом забухали орудия. Спрятаться на день было негде — со скалы просматривалась вся местность. Может быть, если бы Ефим Дырщ был в этом набеге, он остался бы. Но он был в другой операдии, и теперь мы сидели в хате, не глядя друг другу в глаза.

День прошел мучительно. Ефим Дырщ сидел, смотря перед собой в одну точку. Огромные руки его с хрустом сжимались, он обводил всех глазами и хрипло говорил:

— Яку дивчину загубили... Эх, моряки...

Потом он вставал и шел к капитану с очередным проектом вылазки и там сталкивался с другими, пришедшими с тем же. Солнце пошло к закату, когда, выйдя из хаты, я увидел Ефима одного в садике.

Он сидел, уткнув голову в колени, и громадное его тело беззвучно сотрясало. Может быть, следовало оставить его одного: человеку иногда легче с самим собой. Но скорбь этого гиганта была страшна, и я подсел к нему.

Он поднял лицо. Плакал он некрасиво, по-ребячьи размазывая кулаком слезы и утирая нос, искажая лицо странной и жуткой гримасой. Он обрадовался мне, как человеку, которому может высказать душу. Успокаиваясь, он говорил о Татьяне, мешая украинскую речь с русской, находя нежные, необыкновенные слова, обнажая свою любовь — целомудренную, скромную и терпеливую. Он ничего не требовал, ничего не ждал от Татьяны. Он хотел знать, что она живет и будет жить — все равно: около него или вдали. Все, что он берег в себе, чтобы не нарушить боевой дружбы, теперь вылилось в страстной исповеди. Он ничего никогда не говорил Татьяне, «чтоб не путать дивчине душу», и уж если сказать, то после войны. Но мечта била в нем горячим ключом, и он видел хату на Днепропетровщине, Татьяну в ней, и счастье, и лунные ночи в саду, и бешеный пляс на свадьбе...

Его позвал голос капитана. Ефим встал и пошел твердой походкой в хату. Ночью он с пятью разведчиками ушел к скале. Мы ждали его без сна.

Утром разведчики вернулись, принесли Татьяну. Оказалось, ее ранило в грудь и она, теряя сознание, доползла до входа в каменоломню и там пролежала весь день. К вечеру она очнулась. У входа в глубоких сумерках копнились тени и слышался чужой говор. Она начала стрелять. Сколько времени она держала ход в штольню, она не знает. Она была по каждой тени, появлявшейся у входа. Потом она услышала взрыв и опять потеряла сознание.

Ефим Дырщ услышал стрельбу у каменоломни и, обогнав остальных разведчиков, ринулся туда. Со скалы он увидел румын и стал кидать в них гранату за гранатой. Он уложил 11 солдат, когда пули автоматчика свалили его на камни. Пытаясь удержаться, он схватился за траву. Теперь, когда его принесли на носилках, в могучих его пальцах белел осенний цветок, чей неж-

ный, хрупкий стебелек был зажат им в попытке спрятаться за камень.

Он поднял на меня глаза.

— Колы помру, мовчите... Не надо ей говорить... Живой буду, сам скажу.

Он закрыл глаза, и шесть разведчиков с трудом подняли носилки с могучим тяжелым телом комендора.

На земле священной, на советской

ПАВЛО ТЫЧИНА

★

Рано-пouтpу к селянке в хату
то не волки лютые вбегали, —
то из вражьего, чужого края
два голодных хищника вломились.

Как один был — офицер немецкий,
а другой слуга — синежупанник.
— Эй, Мокрина, грязная мужичка!
Мы спешим на партизан походом,
так подай нам молока... да живо!
(Пятеро солдат за воротами.)
Хлеба разыщи нам, масла, сала!
Нет у тебя — сходи к соседям.
Ну, не стой, не так еще заставим.

Заворочались от крика дети:
— Мамка! Может, татко? Где
наш татко?
Но, протерши кулачками глазки,
вдpуг заплакали, забились в угол.

Загорелось у Мокрины сердце,
затряслась, руками замахала:
— Не дождетесь, чтоб я вас
кормила!

Все и так забрали, живоглоты!
Что вам надо, ироды собачьи?
Мало вам того, что натворили?
Вот уже семь ден, как человека
увели из хаты на расправу.
Где мой муж? За что его забрали?

И, рассевшись важно на скамейке,
стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Цыц! Ты знаешь, кто перед
тобою?
Мы тевтоны! Люди высшей расы!

Мы пришли, чтоб вас рабами
сделать.
Если же... Да что ты понимаешь?
Эй, слуга немецкий, объясни ей
(твой ведь это скот единокровный),
расскажи, что, дескать, мы... ну,
словом,
жрать пускай несет нам, да живее!

— Жрать! — заверещал синежупан-
ник, —
лопни, а подай нам угощенье!
То или другое — что найдется,
только бы не прогневить нам немца.
А побьем Железка-партизана —
я вам тотчас же попа добуду.
Вот тогда молебен мы отслужим,
запоем все вместе: «Ще не вмерла».
Мы несем вам старые порядки,
мы идем к вам с церковью да
с богом,
мы над вами гетмана поставим.
Ты скажи нам, тетушка, спасибо,
что большевиков твоих воюем.

Гневно кинула ему Мокрина:
— Прочь отсюда, подлая гадюка!
Ты вокруг сердца обернуться хочешь?
Отойди! Когда бы силы стало,
я б своей рукой вас задавила!
Ждете вы, что вам скажу спасибо?
(а сама-то — полотна белее),
я за все... за все вам благодарна!
Вот и благодарность. Получайте! —
И нежданно им в лицо обоим,
подбежавши, плюнула. — Собаки!
Растерзайте, а молчать не стану!

Стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Что? Меня? Да как она посмела?
И вскочивши со скамейки, мигом
офицер за пистолет схватился.

Но едва вскочил он, как Мокрина
по руке ударила с размаху.
В угол пистолет упал со стуком.
— А, ты вот как? — офицер
взъярился,

ухватил он женщину за плечи,
оттолкнул ее со всею силой, —
навзничь опрокинулась Мокрина,
загремела головою об пол.
— Будьте прокляты... — лишь
простонала.

— Мама! Мама! — дети закричали,
закричали, в плач заголосили.

Кинулся, как зверь, синежупанник.
Севши сверху, стал ломать ей руки,
в рот ей тряпку грязную засунул
и, поднявшись, козырнул: — Готово!
Офицер, надменно шаг ступивши,
злобно ей на грудь сапог поставил:
— Вот, за то, что сделать ты посмела,
я детей твоих замучу! После
и тебя я мучить буду. Слышишь?
И в тот угол, где прижались дети,
оловянно поглядел и с места
двинулся, загрохав сапогами.
Вскрикнули-заголосили дети,
мать, беспомощная, заметалась.
Но как-раз в ту пору дверь раскры-
лась,
и вошли: один — рыжебородый,
в длинном и потертом балахоне;
вслед за ним — дедок косматый, с
лирой,
он все кашлял, слеповато шурясь;
дальше — третий, без руки, убогий,
колыхая рукавом рубахи.

Обернулся офицер немецкий,
пряча пистолет, притопнул грозно:
— Кто такие? Для чего явились?
К двери подскочил синежупанник:
— Говорите мне, что здесь вам
надо?
Закрестился лирник, поклонился.
То же начал и рыжебородый,
но остановился, глянув в угол.
— Может, их водой попрыскать? —
молвил, —

дети тоже... беденькие, плачут.
Как толкнет его синежупанник:
— Ты пришел сюда распоряжаться?
Говори скорей: зачем приплелся?
А не то... сдеру с живого шкуру.

— Не иначе! — кашлянул тут лирник.
— А и правда! — пропищал безру-
кий.

Низко поклонясь, рыжебородый
с дрожью в голосе ответил:
— Милостивые мои панове,
не прогневайтесь на смелом слове.
Поп я есмь. Большевикам был лиш-
ний.

Вам же послужить пришел с охотой.
Ой, возьмите вы меня на службу!
Весь народ церковным поученьем
к вам склоню, как ту березку в поле.

Отмахнулся офицер немецкий:
— Вот еще, нашел себе заботу!
Он расселся снова на скамейке,
закурил и, закуривши, хрюкнул:
— Что «народ»? Народ и так
заставим.

Нам бы только изловить Железка,
а тогда и церковь вам откроем.

— Господи! — вскричал рыжеборо-
дый, —
да ведь мы-то знаем, где Железко!
— Знаете? — и офицер присвистнул. —
Эй, слуга-синежупанник, слышишь?
Радостно осклабился проклятый,
точно пес, который кость увидел,
и синежупанник подхихикнул:
так и так, мол — сам идет к нам
в руки!

Выстрел вдруг на улице раздался —
раз, и два — и снова все затихло.

— Что такое? — всполошились оба.
— Ничего, там бешеная сучка, —
успокоил их рыжебородый, —
мы, люда идя, ее видали.
На людей кидается... Да что там!
Думка-то у нас одна, чтоб церковь
дали нам... ну, то-есть... — и закашлял.
— Не иначе! — кашлянул и лирник.
— А и правда! — пропищал безрукий.
И пржеалостно просить их начал:

— Дайте уж ему... ей право... по-
ведь!

Дайте на руки ему бумажку,
чтоб печать была на ней и подпись.
А о прочем — вы не беспокойтесь:
тотчас вам укажем, где Железко.

Лирник этот вот, как старец божий,
все уж протоптал туда дорожки.
Для кого же? — да для вас, понятно.

У Железка — восемь душ в отряде,
пулемет один — и все, пожалуй.

Ну, там бомба-две, да это мелочь.
Лишь бы подойти вам с той

сторонки,
где зимой повесился Омелько —
может, знаете? Так вот оттуда
вам ударить было бы не вредно.
Только дайте попику бумажку!

— Что же, можно, — офицер
смягчился.

Он к столу лицом поворотился,
стал печать на шаривать в кармане.
И синезупанник сел — царапал
по бумаге, локти раскаряча.

Выстрел снова за окном раздался.
— Эка злая сучка! — буркнул лирник.
— Есть уже! — сказал синезупанник.
Офицер печать свою прихлопнул:
— Вот и все. Готово. Пусть ведут
нас.

...А когда они оборотились —
смертный ужас искривил им лица:
три нагана им в упор глядели!
Зычным голосом, подобным грому,
крикнул лирник: — Стойте и ни с
места!

Кто пошевелинется — бомбу кину!
Некуда бежать вам, успокойтесь.
Выстрелы слышали? Вся охрана
ваша перебита.

Тут же в хату
четверо людей вошло. — Вяжите!
Накрепко! — сказал рыжебородый.

...И, когда жестокие злодеи,
связанные, на полу лежали, —
вместе с лирником рыжебородый
принялся освобождать Мокрину.
Тряпку изо рта тихонько вынул,
руки скрученные развязал ей,
трижды ей лицо водою спрыснул.

А потом, когда она вздохнула,
в угол перенес, туда, где дети.

Сам же выступил на середину
и сказал лежавшим у порога:
— Вы задумали поймать Железка?
Так ловите, что же вы притихли?
Вырвавшись из ваших лап звериных,
долго я ходил за вами следом.
Я давно убил бы вас обоих,
да хотелось взять живьем,

проклятых,
чтобы «языка» добыть вернее.

Ну, так как на Украине — тесно?
Погодите — припечем покрепче.

Что, простору захотели? Хлеба?
Погодите — и не так накормим!

Вы народ вернуть хотите в рабство?
Эх, вы, гитлеровские собаки, —

никогда такого не дожидаться,
не мечтать вам — слышите? — об
этом!

Как сказал нам Сталин, так и будет
на земле священной, на советской!

— Будет! — закричал тогда безрукий.
Он в другой рукав просунул руку,
и рукав уж больше не болтался.

— Будет! — повторил за ним и
лирник,

а за ним и все. — Прикончим
немца,

даже и на семя не оставим.
— Ну, тащите гадов, и в дорогу, —
обернулся к ним рыжебородый. —

Фу! Аж душно стало... Время
ехать! —

Бороду с себя сорвал Железко
и платком лицо отер от пота.

— Татку! Татку! — закричали дети.
— Голубята! — к ним отец мет-

нулся:
вы не бойтесь, сами вы — вояки:
выбросим из хаты, и не станет.

Я приду еще, вернусь к вам. Мама,
мама остается, — слышь, родная?

И приподнялась Мокрина: — Кто
тут?

Ой, воды... ой, жжет меня... Да кто
тут?

— Ну, прощайте! — и рыжебородый
вышел в дверь последним. — Татку!

Татку!
вслед ручонки протянулись. —
Татку! —

дети лепетали...

С украинского перевел
Борис ТУРГАНОВ.

Партизаны в степях Украины

А. КОРНЕЙЧУК

Пьеса.

★

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Под вечер. Площадь. Около колхозного клуба собрались колхозники и колхозницы. Г а л у ш к а держит карту, перед которой стоит Ч е с н о к.

Ч е с н о к. — Граждане деды, старухи, женщины, подруги бойцов, девчата, братья и сестры! Ополченскому штабу стало известно по телефону, что немец из этого местечка (*показывает на карту*) прет в нашем направлении, и сейчас враг в тридцати километрах от села. Выходит, во-время мы отправили детей и больных, вывезли из села все машины, увели весь скот. Ставлю перед вами один вопрос. Тяжелый колос гнется от честного труда нашего. На полях хлеба наши, пшеница и рожь... Что делать? Скажите, граждане старики и старухи, первое слово за вами, — оставим ли врагу свой труд, свой пот, свою мечту, что золотом покрыла широкие поля? Говори, дед Тарас, ты среди нас старшой.

Т а р а с. — Да будет проклята земля, что оставит врагу хоть единый стебель. Сжечь под корень. Аминь.

Ч е с н о к. — А вы?

С т а р ы е к о л х о з н и к и. — Сжечь.

Ч е с н о к — (*обращается к старухам*). А вы?

(С т а р у х и молчат, плачут.)

Говорите.

Г а л у ш к а. — Прекратить плач и быть в курсе дела, когда решается наша судьба.

Ч е с н о к. — Молчи, Галушка...

С т а р у х и. — Молчи, молчи, Галушка... такой урожай в этом году, сколько

трудов наших! О, господи, пошли ты скорей лютую смерть дьяволу Гитлеру и всей его орде! Будьте прокляты во веки веков, басурманы!

Ч е с н о к. — Как же быть?

С т а р у х и. — Сжечь. Сами подожжем и не отдадим басурманам наш труд.

Ч е с н о к. — Кто за то, что хлеб предать огню, но не отдать врагу лютому добро наше?

(Все поднимают руки.)

Докладай, товарищ Галушка...

Г а л у ш к а. — Граждане! Нажимает враг, и не простой германец, а, как мы узнали от енской части, на нас прут полки СС. Что такое СС? Так по-ихнему называется гвардия самого Гитлера, а по-нашему просто фашистская сволочь, сво-о-лочь, вот оно и получается два С. В курсе дела? Выходит, нам придется биться с этой двойной сволочью. По приказу товарища командира Чеснока организован партизанский отряд. Командир — товарищ Чеснок, я — заместитель командира, бойцы — Катерина Бунчук, Редька, Пуп, Палажка, Параска, Петро, Иван, Стратон, Кирилла... Пока-что все. Хоть отряд наш небольшой, но в курсе дела! А как же... Остальные, как беженцы, сегодня же отправляются в тыл.

Т а р а с. — А кто же эти остальные?

Г а л у ш к а. — Вы, старики, девчата...

Т а р а с. — Пиши меня в список, а коли не запишешь, то я так дам вот этим дрючком в твой тыл, что ты ноги протянешь. Чего же вы молчите?

Д е в у ш к и. — Пиши нас... Пиши...

С т а р у х и. — И нас пиши, пиши, мы им глаза выдерем...

Д е в у ш к и. — Никуда от вас не пойдем. (Наседают на Чеснока.)

Ч е с н о к. — Тише, тише... Замолчите...

Г о л о с а. — Не будем молчать... Вместе с тобой, Чеснок, цветущую жизнь строили... вместе и умрем... Пиши... Пиши...

Ч е с н о к. — Добре. Принимаю. Все пойдете в плавни вместе с нами. Да здравствует священная Отечественная война! (Снимает шапку).

(Тишина. Все снимают шапки.)

Т а р а с. — Да здравствует. Аминь. (Надевает шапку.)

Ч е с н о к. — Катерина, забирай девчат, наливай в бутылки бензин. Вам, трактористкам, предстоит выполнить нашу волю. Расставишь девчат, как я сказал. Который час на твоих?

К а т е р и н а. — У меня семь.

Ч е с н о к. — (посмотрел на свои часы). Подождешь первая ровно в девять, за ней поджигайте все. Не дрогнет ли у вас рука, девчата?

К а т е р и н а. — Товарищ Чеснок, от всех нас скажу — руки наши дрожали от усталости, когда дни и ночи пахали землю, в рекордные сроки поднимали чернозем, машины уставали, а мы, как всем известно, одолевали и свою, и трактора усталость. Всех нас вела одна мечта, чтоб колос дал не сорок пять, не пятьдесят, а вдвое больше зерен, и в этом году, вот поглядите, сто, сто десять и сто пятнадцать зерен в колосе, и каждое зерно, как орех. Не видала земля покоя веков такого чуда, и все это мы, это наши руки. Бессонные ночи, пот и кровь. И эта мечта, что грела наше сердце, досталась нам в руки. Вот она, тяжелая, как золото. Нет, не отдадим тебя, не дрогнет рука, потому что в сердце ненависть, не дрогнет рука, не

она поджигает, а сердце. Огня в нем хватит сжечь свое добро, но сгорят и враги. Пойдем, девчата. Пусть горит земля, пусть сгниет на ней враг!

Ч е с н о к. — (подходит, целует Катерину. Она отдает ему колосья). Иди, Катерина. Идите, девчата. (Отвернувшись, уходит в сторону, вытирает слезу. Девчата уходят. Чеснок стоит, смотрит на колосья, гладит их. Тихо подходит Пуп, вытирает глаза.) И чего ты вертишься здесь? Вот, дурень, слезу пустил.

П у п. — Виноват, не выдержал, увидел, что у вас... так и меня за сердце схватило...

Ч е с н о к. — Что, что ты увидел? Вот, дурень, мне комар в глаз попал...

П у п. — Так точно, комар... Мне даже два попали. И развелось их тут... (отгоняет рукой).

Ч е с н о к. — Угу, должно, к дождю...

(Слышен шум самолета.)

Г а л у ш к а. — Вон летят... Один, два, три... Чьи же они?

Ч е с н о к. — Посмотрим.

Г о л о с а и з т о л п ы. — Наши, наши... — А может, и нет.

Ч е с н о к. — (смотрит). Что у него под крыльями, звезды, или нет?

М а л ь ч и к С а ш к о. — Дядя Чеснок, у них под крыльями черные гадючки.

Ч е с н о к. — Гадючки? Всем под командой Галушки вооружиться и — за село, следить, могут сбросить диверсантов.

Г а л у ш к а. — Есть. В клуб получать оружие!

(Убегают.)

Ч е с н о к. — Сашко, на дерево, гляди в оба...

(Сашко убегает. Вбегает Галушка, за ним все вооруженные. Пуп весь увешан гранатами.)

Ч е с н о к. — Ты что ж, Пуп, все гранаты нацепил?

П у п. — Дозвольте доложить: товарищ Пуп при шести гранатах есть сила непобедимая.

Г а л у ш к а. — Не говори гоп, пока не в курсе дела.

Сашко — (с дерева). Дядя Чеснок, прыгают с самолетов с парашютами.

Чеснок. — Где?

Сашко. — Прямо на Горобиное поле.

Чеснок. — Галушка, ты с людьми туда, бабы с огорода следите. А я с Пупом с этой стороны отрежу, чтоб не вскочили в плавни. Дед Остап и дед Тарас, стерегите здесь, — пройдет незнакомый — задерживай...

Тарас. — Добре. Только нам не хватало оружия.

Чеснок. — Возьмите колья. По коням!

(Убегают.)

Давайте, хлопцы, скорей!

(Убегают, за ним Сашко. Доносится топот коней.)

Остап. — Выходит, мы, Тарас, на посту.

Тарас. — На посту, Остап.

Остап. — А кто же из нас командир?

Тарас. — Выходит, я.

Остап. — Отчего же это ты?

Тарас. — А кто же?

Остап. — Выходит, я.

Тарас. — Отчего же это ты?

Остап. — Оттого, что я был в чине бомбардира.

Тарас. — А я фельдфебелем был...

Остап. — Так что ж, бомбардир ниже фельдфебеля?

Тарас. — Выходит, ниже.

Остап. — Выходит, нет.

Тарас. — Молчать, смирно!

Остап. — Смирно, молчать!

Тарас. — Слушай, Остап, и вредный же ты, давай меряться, чей верх, — тот и командир.

Остап. — Добре.

(Меряются по палке.)

Тарас. — Выходит, я...

Остап. — Ты.

Тарас. — А ну, встань!

(Остап встает.)

Смирно! Так. Слушай ты, нижний чин, как стоишь? А ну, подкозырек! Так... Беги в клуб и поищи какое-нибудь оружие.

Остап. — Слушаюсь, товарищ командир. (Уходит.)

(Тарас тихо напевает, возвращается Остап и приносит два старинных пистолета.)

Вот это в комнате драмкружка нашел, больше ничего нет.

Тарас. — Добре, нацепляй себе один, ими напугать можно, а к ним еще нужны хорошие колья. (Подходит к плетню, вытаскивает два кола.) Подходящие колья, на! Теперь слушай приказ. Коли мы будем сидеть тут, то враг сразу нас увидит и либо пойдет в наступление, либо обойдет, стало быть, мы должны первые увидеть врага. Понял?

Остап. — Так точно!

Тарас. — Я укроюсь за этим кустом, а ты там, напротив. Коли что заметишь, прокукуй кукушкой, а потом гляди за моей командой. Понял?

Остап. — Так точно!

Тарас. — Коли пойдут двое, я выйду, начну говорить, а ты сзади тихонько подкрадись и накинь одному из них пояс на шею, а другого я колом по голове...

Остап. — А коли их будет трое?

Тарас. — Третий бесприменно испугается и либо удерет, либо сдастся в плен.

Остап. — А коли их будет четверо?

Тарас. — Тогда мы закричим, что есть духу: в атаку, ура! — и они убегут...

Остап. — А коли пятеро?

Тарас. — Молчать! Пятеро сразу же пойдут. А коли пойдут, так, главное, ты исполняй мою команду. Нам и десять не страшно. На позицию — шагом марш...

Остап. — Слушаюсь! (Уходит за куст.)

(Тарас прячется за кустом. Через минуту со стороны Остапа закуковала кукушка. Тарас выглянул и спрятался. Выбегает человек в крестьянской одежде, озирается, прячется с другой стороны куста, за которым дед Тарас. Тарас выглянул и спрятался, выглянул человек, смотрит, не замечает деда Тараса. Дед Тарас замахнулся колом, ударил неизвестного по голове, тот падает.)

Тарас. — Аминь. (Кричит.) Остап, сюда...

(Бежит Остап.)

Вяжи его, пока не отошел...

Остап. — Да это же ты какого-то мужика оглушил.

Тарас. — Исполняй приказ, скорей.
(Остап связывает неизвестного.)

Остап. — Руки связал крепко, дай пояс на ноги...

Тарас. — Вот беда, на! *(Подает.)*

Остап. — Готово.

Тарас. — Сними с него ремень и дай мне, а то штаны сползают.

Остап. — На! *(Подает.)*

Тарас. — Ничего, ремень хороший. *(Поднясь.)* Теперь общемся. О! *(Вынимает два револьвера.)* Вишь, какой это мужик. Честный человек не будет красться, как ворюга, и прятаться.

Остап. — А под этой свиткой у него три кармана.

Тарас. — Вытряхивай.

Остап. — О, *(подает)* бомбы, целых четыре.

Тарас. — Они... Трофеи хорошие...
(Издали доносятся выстрелы.)

Это наши пошли в бой. Слышишь? Так начиналось под Мукденом...

Остап. — Ну и огрел же ты его, Тарас, видно, не очнется.

Тарас. — Тащи его на площадь, а я водой кроплю.

(Остап тащит неизвестного, тот застонал.)

Подал голос, выходит, и воды не надо. Закурим, Остап, пока он не очнется.

(Закуривают трубки.)

Пленный. — Ой, ой, где это я?

Остап. — Будто по-нашему говорит.

Тарас. — Угу... А ну-ка, посади его.

(Остап посадил пленного и поддерживает.)

Пленный. — Ой! *(Открывает глаза.)* Кто вы?

Тарас. — Мы те, что тебя поймали, и теперь не ты, а мы тебя будем спрашивать.

Остап. — Ответ держи по правде, а то товарищ командир у нас строгий, очень строгий.

Пленный. — Где командир?

Тарас. — Я командир. Ты пошто, куды и зачем бежал? И какая у тебя в голове есть мысль?

Пленный. — Слушайте, дед, я тушный, развяжите меня, я все расска-

жу, я не убегу, вы меня так огрели, что и пошевелиться не могу.

Остап. — Брешешь, отчего у тебя на руках так жилы надулись? Пробуешь, крепко ли связан? Не тревожься, пояс крепкий и вязал я. Таких, как ты, я на своем веку не мало связал.

Тарас. — Молчи, Остап. Говори, кто ты?

Пленный. — Дед Остап, погодите. Остап Макогон?

Остап. — Я Остап Макогон.

Пленный. — А вы—Тарас Верниземля?

Тарас. — Глянь, узнал, кто ж ты такой?

Пленный. — Какое счастье, что я встретил вас, деды дорогие, развяжите, я вам расскажу... Как видите, я вас знаю... А где же старуха ваша — Марта, жива ли?

Тарас. — Марта моя преставилась, ее душу господь прибрал, а твою мы отправим к чертям в пекло, коли будешь крутить. Отвечай, кто ты?

Пленный. — Деды мои дорогие, я сын Прокопа Рябого, Степаном зовусь. Неужто не помните? Вы же, дед Тарас, учили меня рыбу ловить...

Тарас. — Сын Рябого... Степан, ты у Петлюры служил. А потом бандой верховодил. Говорили, что тебя убили, а, выходит...

Рябой. — Живой, как видите. Красную Армию уже вконец разгромили, завтра будут здесь наши освободители.

Тарас. — Кто же они, освободители-то ваши?

Рябой. — Немцы и мы, украинские фашисты.

Остап. — Так ты фашиста?

Рябой. — Да, мы освободим вас от большевиков, колхозы долой, у каждого своя земля.

Тарас. — У твоего отца было четыреста десятин, а у меня две, выходит, каждому свое.

Рябой. — Я дам вам еще две и деду Остапу...

Тарас. — Какой ты щедрый... Дашь, как отец твой давал, всю жизнь шкуру драл с людей. Нет, мы щедрей тебя. Не две, а три дадим тебе, три аршина. Как, Остап?

Остап. — Три для него многовато, этак два с четвертью хватит.

Рябой. — Вы шутите, деды?

Тарас. — А почему нам не шутить, коли такого чорта изловили.

Остап. — Когда-то твой отец ударил меня по лицу при всем честном народе. Он тогда сказал: «Бью тебя, голодранец, при народе, чтоб силу мою знал». Не пришлось ему отдать.

Тарас. — Отдай сыну.

Остап. — И у меня такое намеренье.

Рябой. — Погодите, деды, добром не хотите, зевтра придут немцы, они за меня все село сожгут, а с вас шкуры посдирают. Ради детей, ни в чем не повинных, женщин, пустите меня, а не то все погибнете в муках, пустите, деды. Я вам все прощаю, клянусь богом святым, пустите... Я немцам скажу, вас старшиной поставят.

Тарас. — Ударь его, Остап, чтоб замолчал.

Остап. — Не хочу больше руки марать о фашиста... Лучше убить его сразу. Как, Тарас?

Тарас. — Амийн.

Остап. — Из этого ливольверта, или как?

Тарас. — Жалко пулю тратить, прикончим его кольями.

Остап. — Добре.

Рябой. — Деды мои родимые, богом вас заклинаю, пустите, не убивайте.

Тарас. — Закуривай, Остап.

(Набивают трубки.)

Чтоб не поганить центральное место, оттащим его туда, в ров, там и прикончим... Закуривай трубку.

(Закуривают.)

Бери за ногу.

Рябой. — Заклинаю вас, богом заклинаю...

Тарас. — Хоть и чортом, нам наплевать, потому святое дело творим. Убиваем тебя, как врага земли нашей. Вперед, Остап.

Остап. — Вперед, Тарас.

(Хватают за ноги и волокут Рябого. Смеркается. Слышится конский топот, кони остановились. Входят Чеснок и Галушка.)

Галушка. — И во-время же ты выскочил им наперерез, а не то удрали бы двое.

Чеснок. — Я знал, что подадутся в камыши. Жалко, один все-таки убежал.

Галушка. — А может, их было четверо?

Чеснок. — Сашко видел, что прыгнуло пятеро, глаза у него молодые, ошибиться не мог.

Галушка. — И куда он исчез? Будто сквозь землю провалился.

Чеснок. — Где-то в пшенице, а может, и в огород вскочил. Эй, деды... Дед Тарас... Дед Остап...

Галушка. — Нет. Вот старые черти, должно, там, в саду, заснули. (Уходит.) Эй, деды! Нет.

Чеснок. — Ну, я ж им задам, бросили пост.

Галушка. — Стары они, ни на что годны. Надо отправить в тыл.

Чеснок. — Для разведки очень подходящи.

Галушка. — Пока Пуп приведет пленных и соберется народ, давай обмозгуем: в камышах комаров видимо-невидимо, словно тучи. Недавно телка с моей фермы заблудилась там и погибла за одну ночь, наутро нашли, а что бы ты думал, — задохнулась от комаров и мошек. Все ноздри и горло были забиты комарами.

Чеснок. — Наверяд немцы за нами в камыши ползут. А мы дегтем тело намажем, так ни комар не возьмет, и никакое насекомое не заведется.

Галушка. — Я бочку дегтя приготовил, может, две взять?

Чеснок. — Нужно взять две, а то и три. Думаю, что к зиме наш отряд будет человек в двести, не меньше.

Галушка. — А нешто до зимы война не закончится?

Чеснок. — Наверно, нет. Германец — это все-таки сила большая, ох супротив нас всю армию бросил. Миллионов семь, а то и больше.

Галушка. — Вот, кабы англичане вошли в курс дела и ударили ему с другой стороны.

Чеснок. — Да, видно, ударят, договор-то подписали.

Г а л у ш к а. — Что же это француз-то сидит, немец у него на шее, а он молчит?

Ч е с н о к. — Да, молчит. Не слышать французских партизанов.

Г а л у ш к а. — Испортился народ. А когда-то были вояки.

Ч е с н о к. — Не то, чтоб испортился, но больно уж много во французской державе продажной твари развелось.

Г а л у ш к а. — Говорят, сербы здорово партизанят.

Ч е с н о к. — И черногорцы, народуто горстка, а бьются отчаянно.

Г а л у ш к а. — И наши в Закарпатской Украине, читал, как они аэродром сжгли?..

Ч е с н о к. — Поднимаются все, как в старину на Чингисхана.

(Выходят Тарас и Остап.)

Г а л у ш к а. — Эй, деды, что ж вы так караулите, оставили пост!

Т а р а с. — Простите, товарищ командир, мы на посту!

О с т а п. — Так точно, на посту.

Г а л у ш к а. — Где же вы были?

Т а р а с. — Рябого кончали кольями, Степана...

О с т а п. — В яру, и землей прикрыли погань, чтоб не смердело.

Г а л у ш к а. — Степан Рябой — петлюровский бандит?..

Т а р а с. — Перед смертью в яру все сказал, дознание мы произвели по форме. Вышло так, что он спрыгнул с эропланта и огородами пролез в село. Тут мы с Остапом его поймали и засудили насмерть, кольями его прикончили, а вот трофеи...

Ч е с н о к. — А мы в тревоге, куда девался пятый, четырех поймали.

Г а л у ш к а. — Так это Рябой вел немцев сюда, вот гад проклятуший! А хорошо ль, деды, вы его того... может, проверить, а то очнется и убежит?..

Т а р а с. — Не очнется, мы тоже в курсе дела.

О с т а п. — А как же...

(Издали доносится орудейная канонада.)

Ч е с н о к. —словно из орудий...

Г а л у ш к а. — Бой недалеко. Отходят наши...

Ч е с н о к. — Я позвоню в район. (Уходит в клуб.)

Г а л у ш к а. — А что, деды, говорил Рябой?

Т а р а с. — Говорить собирался долго, да мы его не захотели слушать.

(Входит Пуп, крестьяне ведут четырех связанных немецких парашютистов.)

Г а л у ш к а. — Почему так долго их вел, Пуп?

П у п. — Дозвольте доложить, товарищ Галушка?

Г а л у ш к а. — Докладай, товарищ Пуп.

П у п. — Вели мы их быстро, но люди заметили, что вот эти двое задрали носы, усмеваются и больно гордо смотрят на нас, словно не они пленные, а мы. Вот и порешили сбить с них спесь. Как видите, сейчас они стоят, как и полагается пойманым диверсантам. Товарищ старший милиционер Редька был против...

Г а л у ш к а. — Был в курсе дела?

П у п. — Так точно.

Р е д ь к а. — Товарищ Галушка, это не по закону. Я, как старший милиционер...

Г а л у ш к а. — Молчать! Не по закону? А они по какому закону грабят нашу землю, убивают наших детей, жен, отцов, ломают цветущую жизнь нашу?!

Р е д ь к а. — Виноват, я сразу не понял.

Г а л у ш к а. — Смотри ты!.. Граждане, чтоб всем было понятно, — в дальнейшем, чтоб все были в курсе дела — объявляю всенародно, теперь существует один закон, который и есть священный закон — где ни встретишь диверсанта — убивай, чем и как можешь, а коли в руках ничего нет — души его, гада, но уничтожай беспременно. Делайте так, как сделали дед Тарас и дед Остап. Они только-что применили священный закон и кольями прикончили немецкого диверсанта. Ура деду Тарасу и деду Остапу!

В с е. — Ура, ура!

(Старики, сняв соломенные шляпы, кланяются. Входит Чеснок.)

Ч е с н о к. — Партизаны! Я только-

что звонил в район, но связь уже прервана. Вы слышите, орудия бьют все ближе. Выходит, враг где-то недалеко. Нужно скорей выступить. Объявляю, мы пойдем в плавни, а там я скажу, на какой остров.

Женщина. — В плавнях нас в одну ночь комары съедят.

Мужчина. — Их там тучи, мы погибнем.

Чеснок. — Еще не начал воевать, а уже погибнем. Эх, ты, курица!

(Смех.)

Не бойтесь комаров, берем три бочки дегтя, каждый намажет себя дегтем, и комар не возьмет! Все ли снесли вещи в клуб?

Голоса. — Все...

Чеснок. — Тогда берите свои вещи и сейчас же стройтесь тут, чтоб через пять минут все были готовы. Галушка, принимай команду.

Галушка. — Есть. Взять скорей вещи и вернуться сюда.

(Люди убегают. Остаются Чеснок, Галушка, стража и пленные.)

Чеснок. — Как с лодками, на всех ли хватит?

Галушка. — Хватит. Двадцать штук подтянул туда.

Чеснок. — В карауле кто?

Галушка. — Микита и Архип, хлопцы надежные...

Чеснок. — У камыша остаюсь я с Пупом до тех пор, пока всех не переправят. На первой лодке поедешь ты, чтоб не заблудились, а то уже темно, а будет еще темней.

Галушка. — Я длинной веревкой связал все лодки.

Чеснок. — Хорошо сделал.

(Входят люди.)

Ты слышишь, стреляют все ближе и ближе, словно гром перекачивается. Поторопи людей, времени мало.

Галушка. — Эй, давай живей, стройся.

(Пленный диверсант говорит что-то каральному.)

Чеснок (замечает). — Что он хочет?

Карaulьный. — Не понимаю по-ихнему, но показывает ртом, что есть хочет.

Чеснок. — Скажи ему, что скоро накормим, дадим сала украинского и колбасы...

Галушка. — Равняйся...

Чеснок. — Галушка, вынеси знамя.

Галушка. — Есть! (Убегает.)

Чеснок. — Равняйся... еще, еще, малость сюда, так...

(Входит Галушка со знаменем.)

Партизаны, равнение на знамя. Смирно! (Взяв подкозырек, подходит к знамени, повернулся, опустил руку.) Вы слышите выстрелы? Это бьет артиллерия, это с ожесточенными боями отступает наша Красная Армия. Но недалек тот час, когда фашисты будут удирать с земли нашей, побитые, как собаки. Чтоб это время настало скорей, мы, мирные хлеборобы, станем отныне партизанами, мы будем биться до тех пор, пока не уничтожим лютых врагов. Гитлер скоро почувствует силу нашу партизанскую, скоро будет морда бита у Гитлера-бандита. Беспременно будет так, потому что мы не пожалеем ни добра своего, ни жен, ни детей, ни своей жизни. Никогда советские люди не будут рабами немецких фашистов! Посмотрите, уже запылала земля наша, это горят хлеба, это горит наш труд, наше сердце. Уже поднимается пламя нашей ненависти, оно скоро дойдет до неба, и враг будет испепелен. Приказываю немецких диверсантов, что пришли грабить и убивать нас, уничтожить беспощадно, не оставлять ни одного на нашей земле. (Берет знамя.) Галушка, отведи их.

Галушка. — Диверсантов отвести, шагом марш!

(Уводят.)

Чеснок. — Объявляю имя нашего отряда. Пусть наводит ужас на врагов наш партизанский отряд имени великого сына Украины Тараса Шевченко! Ура!

Все. — Ура! Ура! Ура!

Чеснок. — Прощайте, поля бескрайные, прощай родное село, мы еще

вернемся. Если же погибнем, то наши дети отомстят за нас.

(Тишина. Небо все больше поыхает в огне, все ближе бьют орудия.)

Г а л у ш к а. — Приказ исполнен, товарищ командир.

Ч е с н о к. — Слыхали?

(Входят Катерина и девочки.)

К а т е р и н а. — Приказ выполнен, товарищ командир.

Ч е с н о к. — Видим.

(Все смотрят в сторону поля, где горят хлеба. Большая пауза.)

Г а л у ш к а — (тихо). Время выступать.

Ч е с н о к. — Время. (Передаст знамя Галушке.) Партизанский отряд Тараса Шевченко, на боевую линию за мной, шагом марш!

(Еще сильнее поыхает небо, все ближе орудийная канонада, идут шевченковы дети сражаться за свою землю, волю и честь!)

Конец первого действия.

★

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Шумит высокий камыш, стеной окружив островок. Вдалеке поблескивают узенькие полоски воды. Небольшие шалаши из камыша покрыли островок; у одного из шалашей на складной лестнице стоит Сашко, наблюдает. Входит дед Остап с лопатой. В руках у него череп и крест.

О с т а п. — Вот навождение, где ни копнешь, одни кости и черепа. (Садится, рассматривает.) Это христианская душа погибла, около него и крест большой, да еще и золотой, как играет. Все истлело, в прах превратилось, а золото блестит (разглядывает). Эх, бедняга, порубали твою голову со всех сторон. Хороший, видно, казак был, лихо дрался. И враги твои полегли костями, не то бы крест забрали. Видать, святой Петр давно пустил тебя в рай, потому бился ты за Украину добре. Может, и нас тут немчура порубает, так, выходит, встретимся. (Лег, положил череп под голову, зевает, крестится.) А может, не пустят в рай? Придет Степан Рябой, покажет пробитую голову и скажет: «Святой боже, это Остап прикончил меня колом». А за ним придут еще немцы, которых в гражданскую прикончил и каких еще придется прикончить, станут в очередь и начнут плести на меня. Дьявол возрадуется и уже наставит крюк, чтоб зацепить за ребро и в пекло. Но тут святой Остап вынет изо рта трубку и попросит слово. Бог, конечно, даст ему слово, а как же, не может не дать, святой Остап ни какой-нибудь последний святой, а стоит среди первых. Дьявол отступает, а святой Остап речет:

«Господи вездесущий, смилуйся над Остапом Макогонюм, он Степану Рябому колом голову проломил, потому как паскуда эта стала изменником, а эти, что стоят в очереди и на Макогона всякие гадости плетут, то так это же фашистская немчура, дьявольское зелье, оно наделало на земле такого смраду, что порядочному святому туда и носа сунуть нельзя. А бил их Остап Макогон по-христиански, колом, а они его убили из пулемета, испороли ему шкуру, гляди, боже, пред тобой не христианин Остап Макогон, а решето». Тогда бог как гаркнет: «А ну, всех фашистов и Рябого в пекло, чтоб не смердели возле рая, а Остапа Макогона приказываю пустить в рай и залатать ему шкуру». Святой Остап подходит ко мне, целуется со мной трижды, приглашает к себе в курень, угощает горилкой... спрашивает, и мы пьем... пьем... день... второй... третий день пьем... (Засыпает.)

(Входят Палажка и Параска.)

П а р а с к а. — Вот тут присядем. Сперва я прочту от Гали. (Развертывает письмо, читает.) «Дорогие мама и отец, я здорова и от всего сердца приветствую вас. Работаю я в госпитале,

который стоит в енском лесу». В енском... а где ж это может быть?

П а л а ж к а. — Так и наш Грыць лежит в енском госпитале, может, они там встретятся. Вот пишет: «Лежу в полевом енском госпитале».

П а р а с к а. — Эх, кабы бог дал, чтоб встретились! «Работаю день и ночь, все было бы ничего, если бы проклятые фашисты не бросали с самолетов бомбы на госпиталь. Видят они наш красный крест и нарочно бросают бомбы. Одно слово—звери. Очень волнуюсь, что от Грыця нет ни словечка. Все он снится мне. Если от него придет домой письмо, сейчас же телеграфируйте. Целую вас, мама, и вас, отец, а также целую тетю Палажку и дядю Чеснока».

П а л а ж к а. — Спасибо, Галя, голубонька моя. *(Плачет.)*

П а р а с к а. — Все Грыць ей снится, — бедная девочка. *(Плачет.)*

П а л а ж к а. — Теперь я прочитаю: «Дорогие мама и отец. Я жив и почти здоров. Участвовал в десяти боях и про меня раз писали в газетах в сообщениях Информбюро. Вы, наверно, читали. Сейчас я лежу в полевом енском госпитале...»

П а р а с к а. — Вишь, и он в енском госпитале. Выходит, они в одном месте. Неужто они не встретятся?

П а л а ж к а. — Кабы бог дал, встретились... «Ранили меня в бою, я шел в атаку, четырех фашистов заколол, а после очнулся уже в госпитале, в двух местах ранен гранатой. Скоро поправлюсь и опять в часть. Не тревожьтесь. Очень обеспокоен, что от Гали нет весточки. Если она вам напишет, так вы мне сразу телеграмму. Целую вас, мама, и вас, отец, а также поклон до самой земли тете Параске и дяде Галушке».

П а р а с к а. — Поклон до самой земли. Спасибо, сынок... *(Плачет.)* Ранили тебя басурманы.

П а л а ж к а. — Бедное мое дитятко!

П а р а с к а. — *(Обняла Палажку.)* Бедные наши дети... А чтоб тебя, Гитлер, собака бешеная, людоед...

П а л а ж к а. — Разбойник, воруга, бандит...

(Входит Катерина, держа гранаты, тихо подходит.)

П а р а с к а. — Гад окаянный, дявол, змея подколодная, антихрист...

П а л а ж к а. — Чума, холера, убийца, палач...

К а т е р и н а. — Кого это вы так ругаете?

П а л а ж к а. — Да все его же.

П а р а с к а. — Гитлера.

К а т е р и н а. — А почему слезы на глазах? Дайте письмо. Я прочту.

(Палажка дает письмо.)

И от Гали дайте, прочту.

(Параска дает письмо. Катерина прячет письма в карман.)

Вот теперь вы у меня не будете каждый день читать и плакать, а Гитлера ругайте, только без слез.

П а л а ж к а. — Отдай, Катерина, отдай!

П а р а с к а. — Отдай, Катерина.

К а т е р и н а. — Галушке и Чесноку отдам.

П а р а с к а. — Ты сама каждый день перечитываешь письмо от Алексея.

П а л а ж к а. — Ну да, я сама видела слезы на твоих глазах.

К а т е р и н а. — Не было этого.

О с т а п *(спросонья)*. — Наливай, святой Остап, наливай водочку...

К а т е р и н а. — Деду водка снится... *(Подходит.)*

О с т а п. — Эх, товарищи святые, на земле такое творится, выпьем?..

П а р а с к а. — О, господи, со святыми пьет.

П а л а ж к а. — Гляньте, что у него под головой...

К а т е р и н а. — Вот это подушка! На такой подушке не то что святые, и черти приснятся. А ну-ка, дед, вставайте, вставайте...

О с т а п. — Играй, музыка, играй... Эх!

К а т е р и н а. — Дед, дед...

О с т а п. — А?.. *(Поднимается, протирает глаза.)*

К а т е р и н а. — Что ж это с вами, дед, что приснилось?.. Еле разбудила...

О с т а п. — И зачем ты меня разбудила? Я такой гопак со святыми отка-

лывал, аж небо гнулось. Ну, Катерина, что я тебе сейчас скажу...

Катерина. — А что, дед?

Остап. — А то, что фашистам скоро конец придет. Все святые за нас, а святой Остап, так тот как выхватил саблю, да как крикнет: «Довольно нам в раю сидеть, запишывайтесь в мой курень и айда на землю фашистов бить». Все святые выхватили сабли и как ударили на радостях гопака, и я с ними пошел. Чуть небо не пробил каблуками. А вот этот казак (*показывает череп*) рассказывал мне, как его здесь татары убили, но он порубал их видимо-невидимо. Рассказывал, что и тогда было великое нашествие врагов на нашу землю, однако, наши устояли и разбили их, — говорил, что и теперь наши устоят. Выходит, побьем мы немцев.

Катерина — (*берет череп*). Добрый казак, правду сказал. Побьем. Но теперь только саблей ничего не сделаешь. Давайте снова гранату изучать. А ну, дед, покажите, как надо ставить на боевой взвод.

Остап. — Да я ж тебе вчерась показывал. Я ее добре знаю. Значит, берем вот тут, тянем сюда и поворачиваем, потом вот тут сверху открываем и вставляем этот... как он называется — все забываю, ну этот, что зажигается...

Катерина. — Капсюль.

Остап. — Ага, он, он, вот мы его вставляем, это закрываем...

Катерина. — Постой, дед, а перед тем, как вставить капсюль, что надо сделать?

Остап. — Надо... надо... лучше я буду бросать ее, а ты мне все приготовишь.

Катерина. — Нужно самому уметь. Тетя Парася, что надо сделать?

Параска. — Забыла, ей-ей, забыла...

Катерина. — А вы, тетя Палажка?

Палажка. — Голова у меня сегодня так болит, что я тоже позабыла.

Катерина. — Сашко...

Сашко. — Что?

Катерина. — А как там в плавнях?

Сашко. — Тихо, только утки да гуси летают.

Катерина. — Поди сюда.

Сашко. — Не могу я с поста уйти без смены.

Катерина. — Тетя Палажка тебя заменит.

(Палажка идет.)

Сашко. — Докладываю, с утра немецкий ероплан трижды кружил над плавнями, пролетел над нами и подался в сторону нашего села.

Катерина. — А может, это наш?

Сашко. — Нет, на нем крест и гадючки скрюченные.

Параска. — Это душегуб.

Катерина. — Подскажи-ка деду Остапу, что надо сделать перед тем, как вложить капсюль в гранату, посмотри...

Остап. — Да что б меня учил мой правнук, тьфу!..

Катерина. — Дед, меня товарищ Чеснок оставил здесь на острове комаңдиром, так что слушайтесь, вы ж человек военный.

Остап. — Подчиняюсь.

(Сашко берет гранату.)

Сашко. — Перед тем, как вложить капсюль, надо взять на предохранитель, вот так, а потом...

Остап. — Ну, это я и сам знаю, давай сюда (*берет гранату*). Вложить сюда этот... что зажигает, потом отвести это и тогда бросай туда, где побольше скопище фашистов, вот и все.

Сашко. — Нет, надо бросить, а самому быстро лечь.

Остап. — Чтoб я бросил и не увидал, как их будет разрывать, так зачем же тогда и бросать?

Катерина. — Надо лечь, а го осколки могут долететь и ранить вас.

Остап. — Да где им там ранить, так, может, поцарапают, я ж знаю, в японскую войну около меня рвались из орудий, вот такие... и за всю войну только три ребра сломали. А это же махонькое...

(Слышен шум самолета.)

Сашко. — Немец гудит, как шмель.

Палажка. — Летит один.

Катерина. — Слезайте, Палажка, все в камыш. А ты, Сашко, незаметно поглядывай за ним...

Сашко. — Ладно. *(Хватает пучок скошенного камыша и, маскируясь им, взбирается на лестницу. Следит. Все спрятались. Шум самолета приближается... Сашко кричит.)* Над нами кружится. Вижу крест. Спускается, все ниже, ниже. О, летит прямо на нас... Пролетел. Опять возвращается и как низко, ой, как низко. Погоди же, бандит... *(Хватает карабин и дважды стреляет.)*

Катерина. — Не стреляй, не стреляй... Кто тебе позволил?

Сашко. — Не утерпел, больно низко летел, прямо на меня, думал, собью.

Катерина. — Что ты натворил, дурень, хорошо, коли не приметил нас. *(Шум приближающегося самолета, сверху застрочил пулемет.)*

Заметил! Прыгай вниз, Сашко, вниз, по нас лупят из пулемета...

(Шум, строчит пулемет.)

Сашко. — Прячься, Катерина...

Катерина. — Теперь уже все равно. Опять идет на нас. Ну, погоди, спускайся ниже. *(Целится, обходит шалаш, за ней Сашко. Шум самолета приближается, слышно, как с земли застрочил пулемет Катерины. Несколько очередей. Катерина выскакивает.)* Удрал... Что ж теперь будет? Нас открыли, а все ты, Сашко.

Остап. — Нарушил дисциплину, сорви-голова.

Сашко. — Да я не мог вытерпеть... Он, гад, так низко летел, что я не заметил, как мой карабин сам выстрелил.

Катерина. — А ты забыл, что говорил Чеснок, когда оставлял нас: «Тот, кто сорвет дисциплину и откроет наш лагерь, того осудим на расстрел». Забыл?

Сашко. — Да, но вспомнил, когда уже два раза выстрелил. Разве я виноват, если руки сами стреляли?.. *(Плачет.)*

Остап. — Не плачь, а не то в болото брошу. В ~~вашем~~ роду никто не плакал.

Сашко — *(подходит, садится около Остапа).* Я уже не плачу, дедушка. А у вас в бороде репей *(вытаскивает).* Ой, и здорово же он зацепился...

Остап. — Тащи, тащи...

Сашко. — Во, вырвал, а тут солома *(снимает).* Борода у вас уже чистая, как у генерала.

Остап. — Как у генерала? *(Гладит его по голове.)* Что ты натворил?

Сашко. — А правда, Чеснок может меня к расстрелу присудить?

Остап. — Не знаю. Но как он скажет, так и будет. Он командир.

Сашко. — Ну, что ж, я могу умереть и плакать не буду.

Остап. — Хорошо сделаешь, сынок. *(Гладит его по голове.)* И у тебя как будто в голове репей *(вытаскивает).* Да не скули, ишь, какой.

Катерина. — До вечера далеко, а комары уже начинают *(отгоняет).*

Параска. — Ну и кусают же они *(отгоняет).*

Палажка. — Принесу я деготь, пора намазывать тело.

Сашко. — Дедушка, комары уже кусаются. Надо дегтем намазаться.

Остап. — Я еще их малость трубкой попугаю, а потом за деготь возьмусь.

Катерина. — Где ж это наши, уже десятый день проходит, а их нет.

Параска. — Может, беда какая стряслась, может, их окружили?

Катерина. — Нет, этого не может быть, не таковы Чеснок и Галушка, они в западню никогда не попадут.

Параска. — А коли их в плен взяли?..

Катерина. — Лучше смерть... Не сдадутся наши. Да чего это вы загрустили, а еще партизаны, давайте лучше потихонечку споем.

Параска. — Не услышат?

Катерина. — Нет, камыш шумит, мы тихо. *(Запевают, женщины подтягивают.)*

Женщина — *(с лестницы).* Кто-то в камышах.

Катерина. — Где? Все за оружие! *(Все вооруженные встали у лестницы. На лестнице Катерина.)*

Кто же может быть с этой стороны?

Дед. — Верно, наши.

Катерина. — Наши должны приехать с той стороны, а ну-ка, Сашко, уткой по три раза, ровно девять.

Катерина. — Тихо. Еще раз, Сашко.

(Сашко повторяет. Через минуту доносится ответ.)

Катерина. — Раз, два, три, раз, два, три...

Сашко. — Наши, наши...

Катерина. — Тише. Наши, но все-таки надо приготовиться, ложись. (Сама направляет пулемет.) Приготовьте гранаты.

Сашко. — Есть, я и деду три приготовил.

Остап. — Мы готовы.

(Выплывает лодка.)

Катерина. — Стой! Кто?

Чеснок. — Свои, Катерина.

(Выскакивает, за ним Галушка, выходят партизаны, выводят толстого немецкого полковника. Среди партизан несколько новичков.)

Катерина. — А мы вас так ждали... Все здоровы?

Чеснок. — Погоди, командир лагеря, докладай, кто первый стрелял по немецкому ероплану, кто открыл наш лагерь?

(Пауза.)

Что ж ты молчишь?

Сашко. — Я дал первый выстрел, выстрелил два раза из этого карабина. (Кладет карабин к ногам Чеснока.)

Чеснок. — Когда мы уезжали, ты мой приказ слышал?

Сашко. — Слышал.

Чеснок. — Так зачем же ты нарушил приказ?

Сашко. — Хотел убить фашиста.

Чеснок. — И открыть нас всех, чтоб мы погибли? Молчишь? Ну, дед Остап, видал, каков у тебя правнук?

Остап. — А ты, Чеснок, не тяни, суди скорей, а род наш не замай.

Чеснок. — Становись, Сашко, туда.

Остап. — Погоди, правнука своего я сам... Прощай, сынок, только...

Сашко. — Не бойтесь, дедушка, плакать не буду.

Остап. — (Чесноку). Дай винтовку.

Чеснок. — (медленно подходит с винтовкой, смотрит на Сашко.) Чувствую, дорого нам обойдется твой поступок. Тебя мало расстрелять, наклони голову... (Сашко нагнул голову. Чеснок снял пояс, ударил Сашко три раза по спине). Чтoб помнил.

Остап. — Еще, еще дай ему.

Чеснок. — Хватит. Мал, но бесстрашен... прощаю. (Обращается к Катерине.) Все ли здоровы? Докладай про все, что случилось за эти дни.

Катерина. — Все здоровы, товарищ командир. По сей день ничего не случилось, а ныне...

Чеснок. — Знаю. Ты отогнала его?

Катерина. — Я.

Чеснок. — Молодец. Издали видели. Добре. А теперь здравствуй! (Подает руку). Здравствуй, жена. (Чеснок и Палажка целуются.)

(Все здороваются.)

Параска. — Галушечка ты моя, как же вы там?..

Галушка. — Ну, ну, тише, сейчас будешь в курсе дела.

Чеснок. — Расскажи, Галушка, коротко про наши дела. Садитесь все, пленному стоять.

(Все садятся.)

Отведите его.

(Пленного уводят.)

Галушка. За десять дней мы двенадцать раз били врага и били здорово. В первый день дед Тарас пошел в местечко Новоселки с сумой за плечами просить милостыню. Под вечер вернулся в лесок и доложил, что большой обоз с боеприпасами, машин тридцать, пойдет трактом. Мы дали деду полную торбу вот таких железных шипов и он, проходя мимо немецких постов, крестился широким крестом и разбрасывал эти шипы по дороге. Вечером налетел обоз, и как начали палить шины, словно бой. Машины остановились, тут мы ударили и подожгли весь обоз. Все были в курсе дела, стреляли и поджигали хорошо. Все же были жертвы. Трое наших по-

гибло — Пилип Билик, Иван Головка, а самая тяжкая утрата — это дед Тарас. Говорили мы ему, чтоб он сидел в овраге с винтовкой и ждал нас, а он оттуда вылез, и видели наши, как прикладом немцев молотил, кричал «ура» на всю степь, а потом нашли его мертвым и около него трех фашистов с пробитыми черепами. Попало в него семь пуль. Почтим память павших в бою.

(Все встают.)

Остап. — Прощай, Тарас... Сегодня и я умру...

(Все садятся.)

Чеснок. — Не горюйте, дед, еще повоюем...

Остап. — Нет, сынок, ушло мое время. (Уходит, за ним Сашко.)

Галушка. — А потом изо дня в день мы громили обозы, портили телефонную связь, в Грушках сожгли деревянный мост, так что теперь фашисты в курсе дела и хорошо знают наш отряд. Батки Тараса Шевченко, а как же... народу потеряли немного, зато новых сто пять к нам прибыло. Отчаянные хлопцы! Ждут нас завтра в венском городе. Трофеев не мало, а как же. Сегодня немецкому полковнику и офицерам захотелось купаться. Поехали на машинах. Там мы шестерых убили, а седьмого в плен взяли.

Чеснок. — А про себя не рассказывал, как позавчера один шестьдесят двух немцев уничтожил?

Катерина. — Один?

Чеснок. — Докладай.

Галушка. — Узнали мы, что в селе Марьяновке на ночь остановился батальон. С целым батальоном биться нам не то, чтоб не под силу, но позиция была неудобная, так я один ночью пробрался в село, бросил гранату, застрожил из пулемета и убежал. Они же не в курсе дела, что это один Галушка, — как начали друг дружку бить с перепуга, аж земля загудела, а наутро похоронили шестьдесят двух.

Катерина. — Наверно, Гитлер крестом наградил командира батальона за то, что он от нас отбился...

Галушка. — Не знаю, как Гитлер,

но я выдал им шестьдесят два креста, чтоб были в курсе дела.

Чеснок. — Еще солнце не село, а комары уже одолевают. Я вижу, товарищ Розенфельд, они вас здорово атаковали.

Розенфельд. — Одолевают, одолевают...

Чеснок. — Это доктор, товарищ Розенфельд из Мостовища. К нам вступил... Давайте деготь.

Палажка. — Вот, намазывайтесь.

(Все намазываются дегтем.)

Галушка. — Вы, доктор, мажьтесь хорошенько, это чистый деготь и добре пахнет.

Чеснок. — Пуп!

Пуп. — Есть.

Чеснок. — (смеется). Ну и намазался же ты, на чорта похож. Поставь караул у лодок, эту ночь мы пробудем здесь, а на рассвете надо сматываться отсюда, на Гадючий остров переедем.

Палажка. — Да как же мы будем жить среди гадюк?

Чеснок. — Там ужей тьма, а гадюк нет. Уж — создание мирное. Иди, Пуп.

Пуп. — Есть. (Уходит.)

Чеснок. — Завтра вечером мы рванем на штаб сто двадцать пятого полка. Как видно из документов, этот полковник ехал принимать полк. Вот мы его и примем. А ну, ведите-ка его сюда, учиним допрос.

(Вводят полковника.)

Чеснок. — Фамилия?

Полковник. — Я нишего не буду говорить, фи может расстреливать, я говорить не буду.

Параска. — По-нашему умеет.

Чеснок. — А как же, он в восемнадцатом году был на Украине, явился второй раз грабить. А ну, доктор, переведите, что он в этой книжке писал. (Дает книжку.) Переведите сначала, чтоб и они услышали.

(Розенфельд надевает очки, полковник отгоняет комаров.)

Галушка. — Что, кусают?

(Полковник молчит.)

Розенфельд. — «Выдающиеся даты моей жизни. Хайль Гитлер! Тысяча девятьсот тридцать девятый год. Мой полк в Варшаве. Пятнадцатого сентября мне поручено усмирить предместье. За ночь мои герои уничтожили около двух тысяч поляков. Было очень весело. Три дня известный польский скрипач натурал полы в моей квартире. Я подарил его Фрицу, он очень любит музыку. Впрочем, не знаю, что там у них произошло, Фриц его пристрелил. Мы взяли Париж. Прибыли туда на второй день. Французы так боятся моих героев, что стреляются сами. Получил крест. Вино прекрасное. С едой плохо.»

(Входит Пуп.)

Пуп. — Караул расставил.

Чеснок. — Садись.

Розенфельд. — «Приехал Фриц, рассказывал, как он в Роттердаме в синагоге сжег евреев. Никогда еще я так не хохотал. Двадцать второе, шестого. Хайль Гитлер. Наши бьют большевиков. Наверно, меня пошлют на Украину. Я там был еще юношей в восемнадцатом году и изучил их язык. Утром взяли Львов. Вечером мы прибыли. За три дня упокоил шесть тысяч, получил второй крест. Хайль Гитлер. Скоро будем в Киеве. Впервые нас бросили в бой под Киев. Уже месяц мы бьемся, три четверти моих героев погибло. Получил третий крест. Фриц получил деревянный, его убили партизаны. Четвертый крест, должно быть, и у меня будет деревянный. Неужели фюрер не видит, что гибнут его лучшие люди?»

Галушка. — А про четвертый крест хорошо записал.

Розенфельд. — Все.

Чеснок. — Так будешь отвечать? Или, может, ни хт фершштейн?

Полковник. — Их ферштее. (Молчит.)

Пуп. — Молчит, корчит из себя героя.

Чеснок. — Снимите с него мундир.

Пуп. — (подходит). А ну, хлопцы, только осторожно, чтоб пуговички были целы.

(Партизаны уводят полковника за шалаш, приносят его мундир и картуз.)

Чеснок. — Примеряй его мундир, Галушка.

Галушка. — (надевает мундир.) О, как будто на меня шит!

Чеснок. — А ну-ка, подними свои усы, как у него, надень картуз.

Катерина. — Похож, только усы подрезать.

Чеснок. — Давайте ужинать, а то скоро солнце сядет.

(Женщины уходят за ужином.)

Придется тебе, Галушка, усы подрезать.

Галушка. — Что хочешь, но усы не подрежу.

Чеснок. — Подрежешь — это же чуточку... А теперь надо тебя малость немецкому языку научить. Будете, доктор, учить его всю ночь.

Розенфельд. — Хорошо, но за ночь научить немецкому языку даже немного нельзя.

Галушка. — Как так нельзя? Раз товарищ Чеснок приказал, то, выходит, можно. Ты меня научи ругаться по-немецки, вот и хватит. Такая тварь едет принимать полк, то перво-наперво начинает разносить. Это бесприменно.

Чеснок. — Верно. Научи его таким словам: молчать, беспорядок, а потом ругань, вот и хватит на несколько первых минут, а потом мы поможем. Вам, доктор, придется тоже надеть один из тех офицерских мундиров, в промежутках между его руганью будете помогать.

Розенфельд. — Хорошо.

Пуп. — И меня научите ругаться.

Чеснок. — Ты будешь молчать, а то сразу узнают.

(Входит караульный.)

Как там полковник?

Караульный. — Сейчас канючит, обещает все сказать: комары его донимают.

Галушка. — О, скоро гайку отпустил. Как по-немецки «молчать»?

Розенфельд. — Швайген.

Галушка. — Швайген.

Розенфельд. — Только быстрее говорите «швайген».

Г а л у ш к а. — Швайген, швайген. Добре, запомню.

К а р а у л ь н ы й. — Очень просит, чтоб его выслушали. Глаза выпучил, зубами щелкает, как волк.

Ч е с н о к. — Ужинайте, товарищи. Идем, Галушка, поговорим с ним.

(Галушка и Чеснок уходят.)

С а ш к о. — Расскажите, дядя Пуп, как вы сожгли мост в Грушках. Он хоть и деревянный, но уж такой длинный.

П у п. — Это можно. Только навряд ли ты поймешь. Я сахаром поджег.

С а ш к о. — Как сахаром? Нешто он горит?

П у п. — Заставили гореть, все по науке, химика, значит. Я уже профессор по этой части.

К а т е р и н а. — Пуп...

П у п. — Спроси Чеснока.

С а ш к о. — Расскажите.

П у п. — Смешали мы сахар с одной штуковиной, что кладут в колбасу, изрядно намешали, по специальному рецепту, потом ночью тихо сняли часовых, положили мешочки с этим снадобьем, подожгли фитили, и мост вспыхнул, как свечка. Теперь мы все сжигаем по науке. И другие способы нам известны. Одним словом — химика.

К а т е р и н а. — (доктору.) А вы как попали к нам?

Р о з е н ф е л ь д. — У меня были две дочки — Рахиль семнадцати лет и Соня — пятнадцати. Когда немцы вошли в Мостовое, за одну ночь они убили около двухсот жителей. Рахиль и Соню изнасиловали и убили. Меня и таких, как я, стариков, согнали в хлев, били и требовали золота. Но к вечеру налетел товарищ Чеснок с отрядом и освободил нас. Я, как доктор, приглашаю вас в помощницы. Будете сестрой.

К а т е р и н а. — Я пулеметчица.

П а л а ж а. — Я и Параска будем помогать вам.

Р о з е н ф е л ь д. — Вот это хорошо.

(Входят Чеснок и Галушка.)

Ч е с н о к. — Ну, что требовалось, узнали. Отведи его, Пуп.

П у п. — Есть, товарищ командир.

Ч е с н о к. — Где дед Остап, не вижу его?..

С а ш к о. — Дед сел на лодку, сказал, что едет молиться богу в камыши, потому что...

(Пауза.)

Ч е с н о к. — Что?

(Сашко плачет.)

Ч е г о т ы п л а ч е ш ь?

С а ш к о. — Дед сказал, что умрет этой ночью.

Г а л у ш к а. — А ты ему поверил? Он еще сто лет проживет.

К а т е р и н а. — Сто не сто, а двадцать проживет.

С а ш к о. — Нет, сегодня помрет, он говорил, святой Остап его зовет, что дед Тарас уже там...

(Входит партизан.)

П а р т и з а н. — Товарищ командир, в камышах беспокойно. Кажись, кто-то есть. Почудилось мне, словно я голоса слышал.

Г а л у ш к а. — Это Пуп повел полковника.

Ч е с н о к. — С какой стороны слышал?

П а р т и з а н. — Вон оттуда.

Ч е с н о к. — А Пуп поехал туда. Скоро летчик доложил.

Г а л у ш к а. — Не может быть, чтоб так скоро они могли на лодках к острову доплыть.

Ч е с н о к. — Иди, стереги.

П а р т и з а н. — Есть. (Уходит.)

(Входит Пуп.)

Ч е с н о к. — Становись на стражу и следи, кажись, в камышах гости.

П у п. — Есть. (Уходит.)

Ч е с н о к. — А что, коли немцы уже были в камышах, а ероплан производил для них разведку?

Г а л у ш к а. — Наверяд, чтоб на ночь в камыши полезли.

Ч е с н о к. — Солнце еще только садится.

(Входит партизан.)

П а р т и з а н. — В камышах кто-то шумит.

(Вбегает Пуп.)

Пуп. — Немцы в камышах, только что поднялись несколько касок и скрылись...

Чеснок. — Все к оружию! Где?

Пуп. — *(показывает)*. Вон там — видишь, и там, и вон... *(направляет автомат.)*

Чеснок. — Отставить. Нам отрезали дорогу.

Галужка. — Пробьемся.

Чеснок. — Нет, коль не знаешь, сколько их, не стоит начинать бой. Приказываю, Пуп, забрать наш склад, женщин, доктора, Сашко и деда на лодки и Казачьей тропинкой на Гадючий остров. Дорогу знаешь?

Пуп. — Знаю, но вряд ли, чтоб за ночь мы Казачьей тропинкой добрались до острова.

Чеснок. — Другого выхода нет. Исполни приказ, а мы их тут задержим и стведем в сторону. За мной, на лодки!

Розенфельд. — И я с вами. Доктор должен быть там, где бой.

Чеснок. — Добре. Берите винтовку. Катерина, ударишь, когда я скажу. Вперед, товарищи!

(Убегают.)

Пуп. — Скорей все на лодки.

Параска. — А, может, им будет нужна помощь?

Палужка. — Мы останемся здесь, Пуп, если что, на помощь...

Сашко. — И я останусь.

Пуп. — Молчать! Исполни приказ, скорей...

(Носят оружие, вещи.)

Сашко. — А деда нет?

Пуп. — Разыщи немедленно.

(Сашко убегает. Издалека слышны винтовочные выстрелы, пулемет.)

Палужка. — Это Катерина бьет.

Пуп. — Нет, это немцы...

(Пулемет, выстрелы, опять пулемет слышен.)

Во, это наша Катерина, ее почерк узнаю сразу.

Сашко. — Нет деда. Видно, помер в лодке.

Пуп. — Дед, дед Остап!.. Скорей к лодкам, стреляют все ближе, дед... Отплываем... Видно, старик исполнил слово и умер. За мной!..

(Убегают.)

Сашко. — Дедушка, дедушка, дед!

(Голос Пупа: «Сашко, скорей!»)

Прощайте, дедушка! *(Убегают.)*

(Выстрелы отдаляются. Входит дед Остап, в руках весло и череп казака.)

Остап. — Уехали... Все уехали... Я слышал ваш голос, дети. Простите меня, старика, не могу больше ковылять за вами... Что мог, сделал, а сейчас время мое ушло. Бейте басурманов, как этот казак, огнем, землей и водой бейте... *(Ложится, кладет череп под голову.)* Прощай, земля родная. В тяжелую годину я тебя оставляю. Прости меня, я не в силах больше, но дети, внуки и правнуки мои очистят тебя от врагов. Бейте, дети, землей и водой бейте... Аминь.

(Издали доносятся выстрелы, строчат пулеметы.)

Конец второго действия.

★

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Штаб немецкого полка. Приемная, за ней большая комната, в глубине которой двери. В приемной у телефонов ефрейтор Миллер, в дверях часов.

Миллер — *(держит трубку телефона, записывает)*. Село Дубиры... Дубиры... Добра, так... Сколько? Пять...

Дальше село Вальки. Два... да село Иваньки семь... да... слушаю. Да... да... доложу. *(Кладет трубку.)* Пять, два,

семь, всего — четырнадцать. Это еще ничего, вчера было тридцать два. (*Часовому.*) Слушай, Ганс, сегодня опять четырнадцать наших убили, тех, что поехали за фуражом. Если так будет каждый день, то нам придется опять скоро просить пополнения. Как ты думаешь? Что же ты молчишь?

Ганс. — Я на посту, господин ефрейтор. На посту солдат не думает.

Миллер. — Послушай, Ганс, пока придет наше начальство, ты можешь немножко подумать. Скажи, друг мой, как ты думаешь, что делает моя жена Гильда?

Ганс. — Сейчас она приказывает работникам кормить скотину.

Миллер. — Сейчас? Ты ошибаешься (*вынимает часы*), это будет через тридцать пять минут. А твоя Лиза?

Ганс. — Моя Лиза лежит больная.

Миллер. — Ты получил письмо?

Ганс. — Да. Она пишет, что заболела, паек опять уменьшили.

Миллер. — Ничего, старина, скоро отсюда к нам пойдет хлеб и паек увеличат. Войну закончим, тогда и тебе здесь земли отрежут, побольше, чем у меня теперь. А какая земля здесь, нигде нет такой!

Ганс. — Я знаю, господин ефрейтор, что землю я здесь получу непременно, еще до конца войны. Завтра я должен ехать за фуражом.

Миллер. — Ты что же, дурень, боишься разбойников? (*Вскакивает.*)

(Входят два офицера — Фриц Штиглиц и Макс Шульц.)

Штиглиц. — Что нового, Миллер?

Миллер. — Разрешите доложить?

Штиглиц. — Идем.

(Уходят в другую комнату.)

Я слушаю.

Миллер. — Партизанский отряд под командой Тараса Шевченко опять напал на наших фуражиров. (*Смотрит в блокнот.*) В селе Добра убито наших пятеро, у села Вальки два, у села Иваньки семеро — всего четырнадцать. (*Подает листок.*)

Штиглиц. — Все?

Миллер. — Еще разрешите доложить. Я заметил, что у моего земляка Ганса Зайпеля, что стоит сейчас здесь на посту, появились в голове кое-какие мысли.

Штиглиц. — Что ж ты заметил?

Миллер. — Я еще не знаю, но чувствую, он о чем-то начинает думать.

Штиглиц. — Проследить, сделать ночью обыск, а потом доложить мне. Ступайте.

Миллер. — Слушаюсь. (*Уходит.*)

Штиглиц. — (*Смотрит на листок, берет телефонную трубку.*) Рейн, оберлейтенант Штиглиц. Что вы намерены сделать с селами, где убили фуражиров? Так, так, хорошо. В двадцать доложить. (*Кладет трубку.*)

Шульц. — Он придумал что-то интересное?

Штиглиц. — Нет, слишком графически, за одного десять.

Шульц. — В Польше он был более щедрым.

Штиглиц. — На месте, наверно, увеличит норму, я его хорошо знаю.

Шульц. — (*берет трубку.*) Рейн. Лейтенант Шульц. С болота вернулись? Что... Ну... Почему же вы не доложили сразу?.. Да... Если утром не вернутся, я прикажу утопить вас в болоте... Я знаю ничего не хочу. В девять утра. Все будет зависеть от вас. (*Кладет трубку.*) Идиот, идиот!

Штиглиц. — Что случилось?

Шульц. — Под вечер была слышна стрельба с болота, а потом все затихло. Этот идиот решил ждать до утра и даже мне не доложил.

Штиглиц. — Мой друг, я говорил, что не надо было лезть в это проклятое болото. Должно быть, партизаны завели их куда-нибудь, а потом перестреляли, как куропаток.

Шульц. — Идиот, идиот.

Штиглиц. — Успокойтесь, дружище. Что-то долго едет наше начальство. Должен был прибыть еще вчера, да, видно, где-то загулял. Я слышал, он любит молодых девочек, а их здесь очень много.

Шульц. — Хотя бы поскорей приехал, а то наш капитан уже третий день пьет без просыпа.

Штиглиц. — Придется теперь ему делиться с полковником и брать по чину.

Шульц. — Ненавижу людей, которые берут не по чину и заглядывают в наш карман. Вчера у лейтенанта он забрал сто семьдесят шесть золотых зубов. Парень чуть не заплакал.

Штиглиц. — А разве лейтенант был дантистом?

Шульц. — Да. Не может пройти спокойно, если заметит у кого-нибудь во рту золото.

Штиглиц. — Оригинал, большой оригинал. (Смеется. Звонит по телефону.) Да. (Пишет.) Не спешите.

(В приемную входит Долгоносик.)

Долгоносик. — Филимон Филимонович Долгоносик — вопиющая жертва большевизма, вот пропуск и письмо к господину Штиглицу.

(Ефрейтор, прочитав письмо, приглашает сесть, а сам уходит в другую комнату и подает письмо Штиглицу.)

Штиглиц. — Проси.

Шульц. — Я поехал проверить караул у складов.

Штиглиц. — Возвращайтесь скорей, капитан проснулся и, наверное, ждет ужинать.

Шульц. — Хорошо. (Уходит.)

(Входит Долгоносик.)

Долгоносик. — Филимон Долгоносик. Вопиющая жертва большевизма. Хайль Гитлер.

Штиглиц. — Хайль. Сидайт, господин Долгийносик. Сидайт.

Долгоносик. — Нет, я не могу сидеть перед вами, моими дорогими освободителями, сидел я достаточно у большевиков в тюрьме за идею, теперь хочу стоять.

Штиглиц. — За идею тюрьма, о, какой зверства вам делал большевик!

Долгоносик. — Перед вами абсолютно вопиющая жертва. Я был борцом за свободную торговлю. Я всю свою жизнь боролся с фининспектором, с милицией, с ГПУ. Да меня знают все. Я выступал против большевиков в торговле, я четыре раза попадался, но вы-

кручивался. О, что я пережил! Дайте папироску.

(Штиглиц дает ему папиросу.)

Четыре раза пришлось оставлять место и идти на низовую работу в колхоз, а там только начал вести коммерцию, все устроил и опять засыпался на кожах. (Берет яблоко.) Какое счастье, что вы пришли. Теперь я весь к вашим услугам. (Пьет воду.)

Штиглиц. — И сколько фи сидель в тюрьма?

Долгоносик. — Всего четыре года, ейн, цвей, драй, фир...

Штиглиц. — Фир ярен, о, фи жертва...

Долгоносик. — Абсолютная и вопиющая. Если б я не писал вот такие апелляции... Я не молчал, я боролся...

Штиглиц. — Вы писаль против бльшефиков?

Долгоносик. — О, сколько раз писал!

Штиглиц. — Вы кончалъ университет?

Долгоносик. — А как же. Был в Нарымском университете, но не кончил, убежал от ГПУ.

Штиглиц. — О, гут, гут. Германский командованье назначаль вас староста? Я вас поздравляль.

Долгоносик. — Э-э... Я еще хочу жить, позавчера партизаны убили старосту.

Штиглиц. — Фи!.. Господин Дольгийносик, мы завтра партизан кадут. Я вас поздравляль. Так фи согласен?

Долгоносик. — Я согласен, только на одном условии.

Штиглиц. — Я слушалъ.

Долгоносик. — Если мне выпала честь заботиться об этом местечке, то чтоб все жители и немецкое командование были довольны, торговля должна быть вся в моих руках, я покажу им, что такое Долгоносик.

Штиглиц. — Гут. Вы писаль, тут писаль. (Дает бумагу и ручку.)

Долгоносик. — Я, Долгоносик, имя тоже? (Пишет.)

Штиглиц. — Имя ваше и папа... Буду исполняйт все бэфоль, то истъ приказаний...

Долгоносик. — Все приказы?..

Штиглиц. — Германский командований за невыполняль приказы мене, Дольгийносик, капут, то исть расстреляйтть...

Долгоносик. — Я не понимаю.

Штиглиц. — Расстреляйт — пиф, паф и капут. Писаль, писаль...

Долгоносик. — Уф... а апелляцию я могу...

Штиглиц. — Писаль, что я говориль, ну, шнэль.

Долгоносик. — Пишу, пишу...

Штиглиц. — Подписаль фамилия... имя, папа?

(Долгоносик подает.)

Долгоносик — (пишет). Филимон Филимонович.

Штиглиц. — Гут. (Берет.) Фи знайт (вынимает книжечку) Шиснок, Галюшка, Редька, Пупи?

Долгоносик. — А как же, я знаю хорошо. Редька меня арестовывал. Чеснок донес на меня в ГПУ.

Штиглиц. — О, фи их можете узнавать?

Долгоносик. — Днем и ночью!

Штиглиц. — Фи знайт Шиснок, Галюшка, Редька, Пупи бандиты убивайт староста...

Долгоносик. — Так они здесь в партизанах... Ой... (Пьет воду.) Их надо сейчас же поймать, сегодня же, иначе я не могу работать. Нет, нет...

(Слышен выстрел, крик, опять выстрел, женский крик.)

Ой, партизаны... (Хочет выскочить в окно.)

Штиглиц. — Цурик! (Хватает его за шиворот и так толкает, что Долгоносик летит под стол и там затихает.)

(В приемную вводят женщину, она плачет, кричит: «Ироды, пустите, убили ни в чем не повинную женщину, пустите, убийцы!» Входит Миллер.)

Миллер. — Около склада с боеприпасами поймали двух женщин, арестовали, вели сюда, одна убежала, ее убили.

Штиглиц. — Введите.

(Вводят из приемной Параску.)

Параска. — Господин офицер, что же это такое — в честных людей стреляют? Ой, боже мой, убили честную женщину...

Штиглиц. — Фамилия?

Параска. — Ой, ой, убили честную женщину...

Штиглиц. — (кричит). Фамилия!

Параска. — Паляница Мария.

Штиглиц. — (записывает). Паляница Мария. Ты бандит, партизан?

Параска. — Я честная женщина, моего мужа убили.

Долгоносик — (из-под стола). Врешь, врешь! (Вылезает.) Так ты Паляница Мария? Чего ж ты брешешь? Это жена Галюшки, зовут ее Параской.

Штиглиц. — Галюшка, фрау Галюшка, фи знайт господина Дольгийносик?

Параска. — Я его впервой вижу.

Долгоносик. — Впервой видишь? Не вертите, Параска. Не вертите. Лучше скажите, где Чеснок с бандой. И для вас, и для Галюшки выпрошу помилование. Я теперь староста и могу все сделать.

Штиглиц. — Господин староста Дольгийносик говорил правда. Скажи, где Шиснок унд банда?

Долгоносик. — Гворорите, Парася, лучше будет.

Штиглиц. — Говори, а то (показывает на горло) — капут!

Долгоносик. — Дозвольте мне поговорить с ней наедине. Пять минут, и все будет хорошо. Уверю вас, она скажет все. Я ж ее знаю...

Штиглиц. — Карашо. (Уходит.)

Долгоносик. — Эх, Парася, перепелочка моя, говори. Я тебе новую жизнь открою. Я сейчас поставлен старостой, и вся торговля будет в моих руках. Одним словом, Парася, и ты будешь моей. Будешь старостихой, идешь по улице, все низко кланяются. Теперь будет порядок... Пред нами все слинки гнуть будут, а лавочники, так те аж рубли целовать будут. О... я порядок наведу, Парася, ты помнишь, у меня давно к тебе симпатия... Парася...

Параска. — Филимончик, а как же с Галюшкой?

Долгоносик. — Парася, перепелочка моя, Галушечку мы... (Хочет обнять ее. Парася хватает его руками за горло, Филимон застонал, Параска душист... Опустила на пол, душист, тихо: «Сдыхай, гад, скорей, скорей.»)

(Входит Штиглиц.)

Штиглиц. — Вас ист дас?

Параска. — Готов.

Штиглиц. — Цурик! (Выхватывает револьвер, отгалькивает Параску, кричит.) Миллер!

(Вбегают Миллер, вытягивается.)

Параска. — Так и с тобой, гад, будет. Стреляй, не боюсь я тебя, а плюю в твои подлые белмы, собака. (Плюет.)

Штиглиц. — (закрывает рукой глаза). Миллер!

(Миллер схватил Параску, тащит в дверь. Штиглиц вытирает глаза. Входит Шульц.)

Шульц. — Ведьма! Ведь это наш новый староста, его чуть не задушила бандитка. (Брызгает водой из графина, пробует пульс.) Кажется, вода ему уже не поможет.

Штиглиц. — Как? (Пробует пульс.) Да, ему конец. (Жаль. Миллер!)

(Входит Миллер.)

Сейчас же повесить эту ведьму вон на том дереве (показывает в окно), чтобы я отсюда видел, как она будет плясать на веревке. А этого уберите.

Миллер. — Слушаюсь. (Берет за ноги Долгоносика и тащит в дверь.)

Шульц. — Как это случилось?

Штиглиц. — Поймали двух партизанок около складов.

Шульц. — Мне об этом сказали. Одна бежала, ее убили.

Штиглиц. — Другую привели, молчала, а этот дурак уверил меня, что она ему наедине все скажет и, как видишь, все сказала. Не думал я, чтоб этот дьявол в юбке мог задушить его и так скоро. Наш староста погиб, как курчонок поганый.

Шульц. — Чорт с ним, найдем другого. Меня сейчас очень беспокоит, что партизаны сюда разведку прислали. Значит, этой ночью их надо ожидать.

Штиглиц. — И откуда они узнали о наших складах?

Шульц. — Здесь шпион на шпионе. Ты сам мне сказал, что в восемнадцатом году еле ноги унес из этой проклятой земли.

Штиглиц. — Надо усилить караул. (Смотрит в окно.) Смотри, сейчас Миллер наденет галстук на ее шею. Молчит ведьма.

Шульц. — Сейчас заорет.

Штиглиц. — Надевает, молчит, вот дьявол, не шелохнулась даже...

Шульц. — Хорошо ее поднял Миллер. (Хочет закрыть окно.)

Штиглиц. — Погоди. (Смотрит, потом закрывает окно.)

Шульц. — Почему до сих пор нет полковника? Нужно позвонить капитану. Может, случилось несчастье?

Штиглиц. — Я звонил, но не мог добиться. С утра прервана связь.

Шульц. — Партизаны?

Штиглиц. — А кто же?

(Слышен шум, голос: «Швайген» — входит Галушка в форме немецкого полковника, за ним доктор, Пуп и еще двое в офицерской форме. Миллер вытянулся. Шульц и Штиглиц тоже вытягиваются.)

Галушка. — Швайген. (Штиглиц и Шульц еще сильней вытянулись. Галушка подходит к ним.) Швайген. (Ударяет кулаком об стол.) Швайген... (Штиглиц вынимает маузер). Руки вверх! (Пуп и доктор тоже направляют револьверы. Офицеры поднимают руки. Доктор обезоруживает их.)

Галушка. — (тихо). Вяжите и заткните им рот паклей.

(Партизаны вяжут.)

Что в той комнате? Пуп, туда.

(Пуп идет и возвращается.)

Пуп. — Пусто, я запер двери.

Галушка. — Туда их, Пуп, и вы вдвоем караульте...

(Пуп и двое партизан уводят офицеров в комнату.)

Теперь, доктор, скажи тому, чтоб немедля вызвал сюда всех офицеров. Что, доктор, жарко?

Доктор. — Жарко, но что же делать...

(Миллер перед ним вытягивается.)

Доктор. — Der Oberst hat allen Offizieren befohlen hierher sofort zu kommen.

Миллер. — Zu Befehl. (Звонит.)
Rein, Müller, Herr Hauptmann. Der Herr Oberst ist gekommen und hat allen Offizieren befohlen hierher zu kommen. Ja, ja... Alle Offizieren sind bei Herrn Hauptmann, sie kommen sofort.

Доктор. — Gut. (Тихо Галушке.)
Все офицеры сейчас будут вместе с капитаном.

Галушка — (открывает другую дверь). Пуп.

(Входит Пуп.)

Пуп. — Я их положил. Лежат, как миленькие.

Галушка. — Сейчас придет все офицеры. Стань здесь за пулемет. Вы, доктор, вот тут. Как только поднимут руки вверх, забирайте скорей револьверы и командуйте, чтоб ложились. Вязать времени не будет. А коли не захотят поднять руки, тогда, Пуп...

Пуп. — Есть, ударю так, что сразу лягут.

Галушка. — Тише. (Подходит к окну, открывает, смотрит.) Кого-то повесили... О, боже, Параска, Параска...

(Слышен шум.)

Пуп — (подбегает). Параска.

(В первую комнату входят офицеры.)

Доктор. — Офицеры.

Галушка. — По местам! (Идет к столу). Швайген, швайген! (Ударяет кулаком так, что все полетело.) Швайген!..

Капитан. — Что с полковником?

Миллер. — Сердитый, кричит...

Капитан. — Держитесь, господа офицеры, говорил я вам... Идемте.

(Входят, вытягиваются.)

Мы рады приветствовать.

Галушка — (встает, смотрит, подходит к капитану, который, еще больше вытянувшись, замолчал. Галушка выхватывает маузер.) Руки вверх!

Пуп — (направляет пулемет.) Руки вверх!

(Все поднимают руки вверх, доктор обезоруживает, кричит: «Ложись!»—офицеры ложатся.)

Галушка. — Зови того!

(Доктор зовет ефрейтора.)

Руки вверх!

(Ефрейтор хочет выхватить револьвер, но Галушка ударяет его кулаком, ефрейтор зашатался.)

Что, пьян? (Вытаскивает у него револьвер.) Ложись! (Толкает его.) Начинай, Чеснок! (Стреляет в окно.)

(Где-то затрещал пулемет, выстрелы... Вбегает солдат. Кричит: «Партизаны!..», бросает винтовку, убегает. Выстрелы приближаются... звонит телефон, один, другой.)

(Доктору.) Скажи: бегите, мы окружены.

(Доктор говорит по телефону. Выстрелы совсем близко, вбегает Катерина, партизаны.)

Катерина. — Склады в наших руках, немцы разбежались.

(Вбегает Чеснок.)

Чеснок. — Беда, Кондрат, Палажку убили...

Галушка. — А Параска... (Показывает в окно.)

Чеснок — (смотрит в окно, повернувшись к Галушке, глядит на него. Галушка плачет... Чеснок обнимает его.)
Кондрат, Кондрат...

Галушка. — Саливон, Саливон...

Чеснок. — Снимите ее и положите рядом с Палажкой на тачанку. Похороним их вместе.

(Входят несколько партизан.)

Уведите офицеров.

(Партизаны уводят офицеров.)

Галушка. — Прощай, Параска, за смерть твою, за смерть Палажки сотнями рек потечет вражья кровь...

Чеснок. — Держись, Кондрат. Мы отомстим... отомстим... Возлагаю, Катерина, на тебя командование. Чтоб через десять минут взлетели в воздух склады врага. Мы с Кондратом пойдем за тачанкой, в последний дальний путь проводим наших жен. Доктор, собери бумаги, а ты, Пуп, подожди это вражье гнездо. Время выступать. Вперед, шевченковы дети, за нашу волю, за землю, за честь, за родину! (Обняв Галушку, Чеснок идет вместе с партизанами в новые бои.)

Конец.

Фронтвые записи

ВЛ. СТАВСКИЙ

★

ОТ АВТОРА

Почти с самого начала войны — с 29 июня — я работаю специальным военным корреспондентом «Правды» на Западном направлении, на Западном фронте.

Перед глазами проходили почти все периоды, почти все начальные этапы Великой Отечественной войны — от боев на Днестре (Рогачев—Старый Быхов, Могилев), под Витебском и Смоленском, Ярцевом и Ельней, за г. Белым, опять под Ельней, затем — на далеких и ближних рубежах обороны Москвы (Можайск, Наро-Фоминск, Каменка под Малоярославцем, Ново-Петровское, Буй-городок у Волоколамска, Крюково, Черная грязь, Истра и т. д.).

Работа специального военного корреспондента выразилась в написанных и опубликованных в «Правде» корреспонденциях, заметках и очерках.

Естественно, что в этих материалах была использована лишь небольшая часть огромного количества фактов и впечатлений.

По дружескому совету редактора «Правды» тов. Поспелова П. Н. мною собрана книга «Фронтвые записи». Эта книга состоит, главным образом, из очерков и корреспонденций, напечатанных в «Правде» в дни Великой Отечественной войны.

Большинство из этих очерков и корреспонденций пришлось дополнить сохранившимися в памяти и в записных книжках фактами и впечатлениями. Жанр от этого не изменился.

В настоящем номере журнала работа печатается в сокращенном виде.

Очерки и корреспонденции расположены в хронологическом порядке.

Основная цель автора: поведать читателю о советских патриотах, славных подвигах наших героев, о напряженной борьбе против немецкого фашизма, приведшей, как известно, к разгрому немецких войск под Москвой.

К сожалению, болезнь вывела меня из строя в декабре, и о разгроме гитлеровских орд я не смог рассказать так подробно и точно, как хотелось бы и как необходимо это сделать.

Владимир СТАВСКИЙ.

Москва, декабрь 1941 года—март 1942 года.

★

МЫ БЬЕМ ТАНКИ

1.

Опушку сосновой рощи рассекает пыльное шоссе. Красные стволы сосен — в полтора обхвата — вымахнули к самому синему небу. Шумят немолчно могучие кроны. Впереди, за опушкой — ржаное поле. Рожь отцветает,

ходит под ветерком тугой дымчатой волной.

Королинский глядит на поле, и мысли его сейчас далеко-далеко...

На опушке — зоркая тишина. С поля и не увидишь, и не скажешь, что здесь, среди этих сосен и кустарников, держит

оборону целый стрелковый батальон со взводом ПТО.

Ухо лейтенанта Королинского ловит далеков железное урчанье. Он глубоко вздыхает, быстро оглядывает расчеты своих орудий. Весь взвод превратился сейчас в слух, внимание, зрение. Боевые, надежные друзья.

Из-за поля слышен рев моторов, он становится резче. Вдруг возникает над зелено-дымчатой волной ржи башня немецкого танка. Лейтенант коротко и четко приказывает:

— Взвод, к бою!

Расчеты уже на местах. Наводчик Петров нацеливает орудие в лоб танка. А танк, с ревом, лязгая гусеницами, — все ближе, ближе. Башенный люк закрыт. На борту, на темносерой противной краске отчетливо видны белые линии прямого креста.

— Орудие! — командует лейтенант, скрывая к глазам бинокль. — Огонь!

Звонит выстрел. Лейтенанту очень хорошо видно, как с немецкого танка набок слетает разбитая башня. И танк грузно оседает.

— Молодец! — горячо говорит лейтенант.

— Служу Советскому Союзу! — четко отвечает Петров.

Королинский не сводит глаз с танка. Это — средний фашистский танк «Т-3». В экипаже — трое.

— И не вылезает никто! — говорит командир взвода.

— А они никогда уже не вылезут!

Снова настороженное внимание. Снова нарастает грохот приближающегося танка. Над рожью опять появляется башня. Танк подходит и останавливается у подбитой машины. На опушке сосновой рощи никто не шелокнется.

Башня поворачивается. Угрожающе глядит жерло пушки. Потом танк вплотную подходит к подбитому. Передний люк открывается, и через него один за другим вылезают фашистские танкисты.

Петров в недоумении глядит на командира взвода, тот предостерегающе поднимает ладонь.

Немцы быстро разматывают толстую буксирную цепь, подтягивают ее и набрасывают на крюк подбитого танка.

Только теперь командир взвода подает команду. Выстрел. Снаряд разворотил дыру в бортовой броне. Из-за куста, левее орудия Петрова, коротко проговорил наш ручной пулемет. Оставшийся в живых фашист, согнувшись и бросаясь из стороны в сторону, бежит по ржи вдоль шоссе. Мелькает его темносерый комбинезон.

— Поймать бы его, товарищ лейтенант! — жарко просит красноармеец.

— Не угнаться! Это же блиц-удирала! Смотри!

— А я бы все равно догнал!

— Отставить! — говорит Королинский. — Внимание на шоссе и на лощинку справа! Что же вы думаете — их всего два? Скоро еще явятся!

— А мы им еще подсыпшем!

— Правильно! А сейчас — смотреть! Красноармейцы все еще улыбаются, весело переглядываются.

Лейтенант устало вздыхает. Ему очень хочется прилечь на этой травке. Которая уже ночь без сна!

— Танк по лощине справа! — докладывает Петров.

Усталости у лейтенанта как и не бывало. Немецкий танк словно плывет, раскачиваясь над рожью. Он останавливается в полусотне метров от шоссе.

«Бойтся, гад! Еще удерет, чорт бы его забрал!» — думает лейтенант и машет Петрову рукой.

Гремит выстрел. Танк качнулся. Триплекс в люке механика-водителя вдребезги расколот бронейбойным снарядом.

— Ну, разве уцелеет кто-нибудь внутри после такого удара? — смеясь, говорит Петров.

— А вооружение-то надо снять сейчас! — вслух думает лейтенант. Оставив за себя Петрова, он бежит к командиру стрелкового батальона. Это здесь же, в двух-трех десятках метров, под соснами. Тот, выслушав, отдает приказание. К танкам со всех ног бросается отделение стрелков с командиром. Лейтенант идет к себе. И пока отделение не возвратилось, он ни на мгновение не спускает глаз с шоссе, не перестает прислушиваться.

Стрелки отбегают от танков и падают, прижимаются к земле. Томительные

секунды. И — разом грохочут разрывы, танки исчезают в дыму и столбах земли. Лейтенант и все товарищи улыбаются.

— Теперь вот доконали, одно слово: доконали!

С пулеметами и пистолетами парабеллум возвращаются стрелки. Они приносят, кроме того, потрепанную полевую сумку и «Железный крест», черный с белым, напоминающий спину отвратного паука. В первом танке убит оберлейтенант Руттенберг.

В полевой сумке его — обязательства Берлинского банка на 690 тысяч марок. Рядом — карта Франции.

— Смотрите, отметки на карте. Это он там был! — восклицает лейтенант. — Париж, Сен-Назар, Сент-Этьен, Лион...

— Сколько же он крови пролил! — с ненавистью говорит Петров.

2.

На соседнем участке обороны капитан Тыртычный, командир 3-го батальона 85-го стрелкового полка. Он стоит на коленях в канаве, буйно заросшей травой. Шаровары отсырели, и весь он — в густой черной грязи. В полуторах десятках метров от него на шоссе немецкий танк, обвятый ревущим огнем, и смрадные клубы черного дыма идут в синеву неба.

Совсем недавно капитан Тыртычный залег в этой придорожной канаве. У него — пистолет, две гранаты и бутылка с бензином. Из горлышка бутылки торчат смоченные бензином тонкие тряпочки.

Из глубины леса, обступившего шоссе с обеих сторон, — затаив дыханье, следит за капитаном батальон.

Капитан Тыртычный спокойно пошел от товарищей сюда, в эту канаву. Когда же издали донесся гул и грохот идущего по шоссе танка, капитан вздрогнул. Перед глазами его, словно впервые в жизни, встали и небо, и деревья, и заросли высокого иван-чая с розовыми цветами над канавой. Сердце забилось сильно и больно, и душно стало в зеленом сумраке под этой травой, в канаве. Гул становился явственнее, бли-

же. Капитан спокойно привстал на коленях и вынул из кармана коробок спичек. Еще невидимый — грохотал танк.

«А если меня увидят? — подумал капитан. — Да ни за что в жизни не увидят! Искать будут, и то не найдут! Как там товарищи? Смотрят ли?»

Земля дрожала все сильнее. И вот громада танка поровнялась с канавой. Капитан раздвинул траву. Он увидел борт танка, бегущие траки гусениц. Выхватил пучок спичек, чиркнул и ткнул в лохмотья, торчащие из бутылки. Они вспыхнули. Капитан поднялся и сильным взмахом кинул бутылку в танк, туда, откуда глядели, словно жерла пушек, выхлопные трубы.

Сверкнули, разлетаясь, осколки бутылки. По металлу побежал, побежал, побежал синеватый огонь. Вдруг вымахнуло, закрыв башню, огромное пламя, заревело, закрыло весь танк. Сквозь огненные языки капитан увидел, как распахнулся башенный люк, и оттуда, низко опустив голову, защищая лицо рукавом, бросился фашистский танкист.

Капитан метнул в него гранату.

★

Ползком возвращается капитан Тыртычный к товарищам. Они встречают его восторженно и сердечно. В их глазах, на их суровых лицах капитан видит, угадывает, — какую смертельную тревогу пережили они за него. И его охватывает всеобъемлющее чувство любви, горячей дружбы. И он только жмет им руки, порывисто и крепко.

— Товарищ капитан, разрешите мне в засаду с бутылками! — просит секретарь комсомольского бюро младший политрук Шнейдерман. Он шуплый, к лицу его не пристаёт никакой загар. Черные глаза его пылают. Капитан Тыртычный согласно кивнул головой.

Инструктор политуправления Западного фронта старший политрук Мартынов поздравляет капитана Тыртычного.

— Ваш подвиг мы сделаем достоянием всей армии, — говорит Мартынов.

— Да что такое? Это же не доты-миллионеры братья! — вспыхнув, говорит Тыртычный и глядит на орден

«Красное Знамя», сверкающий на гимнастерке Мартынова.

— Доты — одно, а танки рвать — жечь — другое! — отвечает Мартынов.

Они быстро переглядываются, полные взаимной симпатии.

3.

Финские доты на Карельском перешейке. Линия Маннергейма. Узел Хоттинен. Пятидесятиградусные морозы, сугробы выше пояса. Невинные с виду бугорки с березами в колючем ивее. Под ними были железобетонные доты — в два этажа, с броневыми плитами, прикрывавшие амбразуры, пулеметные и артиллерийские.

1 февраля 1940 года 100-я стрелковая дивизия прорвала, взломала Хоттиненский узел с его «миллионерами»-дотами. Орденом Ленина награждена дивизия за бой против белофиннов. Из рядов дивизии вышли Герои Советского Союза Сипович, Ватагин, Коовин, Кириллов, Фомичев, Ахмеладзе и другие.

И теперь, в эту Великую Отечественную войну, — дивизия ордена Ленина наносит удар за ударом врагу.

В первом же бою, под Минском, на реке Паперне к ночи на 27 июня, артиллеристы дивизии расстреляли десятки танков и бронемашин, уничтожили сотни мотоциклов и автомобилей с пехотой. Только взвод ПТО старшего сержанта Ардышкина, тоже участника боев на Карельском перешейке и орденосца, — только его взвод разбил шестнадцать немецких танков.

Но и дивизия понесла потери. Танков у нее не было. А немцы усиливали нажим, подбрасывая новые танки, бронемашин, мотоциклы. В воздухе перевес был тоже на стороне врага.

Командование решило отвести войска на более выгодный рубеж, на реку Волму. Дивизия получила приказ об отходе.

— Мне бы хоть один полк танков, да сверху прикрыть! И — никуда бы я не ушел и немцев не пропустил! — вырвалось у командира дивизии генерал-майора Руссиянова. Среднего роста, чуть сутулый, он сидел в углу блинда-

жа. В светлых глазах его отражалось пламя свечи. Он склонил загорелое, горбоносое лицо над картой. Правая рука его была в непрерывном движении: в прошлую войну он был тяжело, с переломом кости, ранен в плечо, и теперь рука часто немела и ныла.

В дивизии он был лишь несколько месяцев. Это высокая честь — командовать орденосным соединением.

Генерал еще раз перебрал в уме все доводы за и против. Решение было принято: отходить только ночью, днем — занимать круговую оборону на промежуточных рубежах.

И вот — дивизия отходит по ночам. Днем — на выбранных заранее рубежах, используя опушки и овраги, болота и высотки, зарывается глубоко в землю, выставляя на передний край противотанковую артиллерию, отбивая, расстреливая и уничтожая врага. А враг жмет все сильнее. Перед самым вечером на командный пункт прибегает младший командир — бледный, растерянный.

— Товарищ генерал-майор, прорвались немецкие танки, угрожают командному пункту.

Все умолкают. Генерал чувствует на себе взгляды всех присутствующих. Двинуться с места — потерять связь с частями, бросить их.. Да и куда уйдешь от танков днем? Догонят, раздавят...

— Надо уходить, товарищ генерал! — вырывается у младшего командира.

— Все в порядке. Давайте-ка сначала чайку напьемся! — говорит генерал.

Младший командир с изумлением смотрит на него, на лице появляется робкая улыбка, и вот оно уже пылает от восхищения и... стыда.

— Товарищ начальник штаба, выбросить комендантский взвод. Каждому связку гранат. Усилить взводом ПТО. К каждому орудью штабного командира. И что?

На суровом лице начальника штаба — еле заметная усмешка. Чуждая привычка у генерала: приказывать и вдруг озадачить этим своим: «И что?» Как будто генерал проверяет, слушают ли его. Оно так и есть. Но генерал знает и другое: толкового боевого человека его

вопрос лишь подбодрит и толкнет на выдумку...

— Уничтожить танки противника! — четко говорит начальник штаба.

Все облегченно вздыхают. Так просто и ясно стало все.

— Правильно! Исполняйте!

Командиры выходят, приподнимая закрывающую вход плащ-палатку. Врывается свет, грохот боя. Генерал прислушивается:

— Что там у Шварева? Связист, вызовите полковника Шварева. А вы что же стоите? Давайте чаю! И варенья. Того — вишневого.

Связист вызывает командира 355-го полка. Генерал подходит к аппарату.

— Двадцатый? Доложите обстановку... Танки атакуют? Давай расстреливай... Правильно. Три орудия подбиты?.. Плохо. Прислать? У меня тут артиллерийского завода нет. Держись. За флангами смотри! Оглядывайся. Я на тебя надеюсь! И что? Правильно.

Генерал отдает связисту трубку. Перед умственным взором его сейчас простирается весь участок обороны дивизии: лес и болото на правом фланге и в тылу, сосновая роща в центре, кустарник слева. Местность — не очень-то удобная. Но во что бы то ни стало надо продержаться до вечера. А орудий вышло еще три... Наверху, рядом с блиндажем, рвется снаряд. Связист вздрагивает. В щель между бревен течет желтый песочек. Генерал осматривает койку: его автомат, гранаты, каска и противогаз на месте. Легче было бы ему, Ивану Никитичу Руссиянову, броситься сейчас наверх, а там — в самую гущу боя. Но тогда сразу оборвется управление частями...

Генерал приказывает вызвать другой полк своей дивизии. Командир полка докладывает, что капитан Тыртычный, командир батальона, лично зажег бутылкой с бензином немецкий танк. После этого в засады пошли десятки коммунистов и комсомольцев с зажигательными бутылками. Инструктор Мартынов побежал в соседний батальон налаживать это дело, расставлять коммунистов и комсомольцев.

— Так горит танк от бутылки? —

переспрашивает генерал. — Бросал вдогонку, в моторную группу танка? Правильно!

Командиру своего третьего полка, — занимавшему оборону в тылу, на выходе из леса, — генерал приказывает:

— Против танков примени зажигательные бутылки.

Все громче слышен грохот боя. В блиндаж вбегает адъютант генерала.

— Горят. Товарищ генерал, оба танка немецких горят! Снаряды внутри рвутся!

— Хорошо. Кто разбил, зажег?

— Орудия ПТО. Танки подошли, обстреляли. Наши молчат. Тогда танки двинулись. Тут их и трахнули в упор.

— Правильно!

4.

Пылает сквозь ветви и листья деревьев закат. Не умолкают раскаты боя. Генерал вызывает полки, разговаривает с командирами. На столике давным-давно остыл стакан крепкого чая, и рядом на блюдечке рубиново отблескивает вишневое варенье.

Генерал знает, как это важно каждому командиру — услышать спокойный голос своего высшего начальника, уловить в интонациях уверенность.

Но важно и ему, генералу, услышать и узнать по голосу всю истинную правду, проверить себя, свои приказы.

И от разговора к разговору — глаза генерала светятся все ярче, и в голосе его все чаще звенящие нотки.

Полковник Шварев отбил три атаки немецких танков огнем артиллерии.

Батальон капитана Тыртычного отбил две атаки и зажег бутылками с бензином пятнадцать немецких танков. Секретарь комсомольского бюро Шнейдерман и политрук Осокин сожгли три танка и две бронемшины.

Секретарь комсомольского президиума 6-й роты 331-го полка Иванов, когда нехватило бутылок, забрал у красноармейцев стеклянные фляжки. Он налил в них бензина из «эмочки», и сам запалил три танка.

А капитан Коврижко из 85-го полка сам, лично, спалил десять танков.

Генерал встает, развернув плечи, переполненный счастливым и гордым чувством.

— Народ-то у нас какой! — говорит он громко, смотрит на связиста. — И что?

— Геройский народ!

— Пусть брешут фашисты, что их танки непобедимы. И что?

— Мы бьем танки, товарищ генерал.

— Правильно, товарищ красноармеец!

★

ВОСПИТАНИЕ ХАРАКТЕРА

1.

Истребители эскадрильи капитана Титенкова так хорошо замаскированы, что с высоты их заметить трудно. Да и с земли, проезжая мимо, не сразу сообразишь, в чем тут дело. Да, вот они, грозные «истребки!» Но что это? — Недалеко от истребителя — между молодыми березками волейбольная сетка, поодаль — турник. Сухощавый юноша, медленно, как будто с лентой, выбрасывает тело вперед на вытянутых руках и делает полный размах. Неуловимый толчок вскинутыми к турнику ногами, взмахнула прядь волос, — и юноша уже над турником, и оттуда легкой спремительной дугой спрыгивает далеко вперед.

— Давайте вы, лейтенант Бочков! А то что-то вы много ворчите, что дела нет!

— И сейчас скажу: обида, товарищ капитан! На фронте люди скоро месяц дерутся!

— И на нас войны хватит!

В карих глазах капитана вспыхивают лукавые искры.

— А посидеть здесь все-таки придется. Знаете, лейтенант, как мы на Дальнем Востоке охотились на кабанов? Сидишь в засаде, всего тебя комары, мошкара облепила, лезет в рот, в глаза, в уши, а ты сидишь, ждешь! — с воодушевлением продолжает капитан.

— Причем тут Дальний Восток, кабаны? — горячится Бокач.

В глубине души капитану Титенкову крепко хочется тоже на фронт, подрабаться. И его глубоко не удовлетворяет патрулирование в пределах своей зоны. Да, понятно, — эскадрилья обороняет Москву, но...

— Не пускают! — вздыхая, говорит

Бокач, и в голосе его такое огорчение, и тубы такие сейчас детские.

— Знали бы вы, что меня два года совсем не пускали в авиацию, браковали! — говорит капитан.

— Браковали? — недоверчиво спрашивает Бокач, — как это браковали?

— И по нездоровью, и за неподготовленность.

— Не может быть! — шумно изумляется Бокач, — да как же это?

— Очень просто. Мы жили в Ярцеве. Отец работал слесарем на ярцевской текстильной фабрике имени Молотова. Учился я в школе фабзавуча. Очень любил читать книги. Увлекался рассказами о гражданской войне. Засиживался, пока мать не гнала спать. Попала мне в руки книга «Слава боевым орлам». Помните — летчик Нестеров? Я и решил стать летчиком. У нас ребята уже ушли в летчики. Приезжали, рассказывали. Я весь загорался: «А я бы тоже смог стать летчиком!»

В двадцать девятом году с путевкой Осоавиахима поехал на испытания в Смоленск. Увидел я на сборе здоровенных парней. Ну, думаю — дело плохо. Я — неввысокий, сложение у меня не ахти какое, прямо сказать — щуплое. Но все-таки комиссия утвердила кандидатом в летную школу, хотя и не в числе первых. Поехали мы в Ленинград. Здесь мне отказали. Даже не допустили к испытаниям по общеобразовательным предметам. От Ленинграда до Ярцева глаз не сомкнул. Обидно было.

Мать обрадовалась, увидев меня, и ахнула:

— Что с тобой, сынок, Костенька?

— Не пускают. А я буду летчиком!

На фабрике подшучивали:

— Эй, летчик, загнул бы какую мертвую петлю, что ли?

— А где же твой пропеллер, товарищ пилот? В кармане носишь?

Я через силу смеюсь и говорю:

— А я буду летчиком!

Записался я в физкультурный кружок. Инструктор сначала морщился, потом — стал отдельно заниматься со мной. В первые дни мускулы сильно болели. Не уснешь. Больно.

Месяца через два я легко выполнял упражнения, а потом — занимаешься и чувствуешь: выходит легко, и радость тебя охватывает!

Вечерами сидел я за геометрией и алгеброй. Потом за физикой и химией, русским языком, географией, историей. Надо было овладеть знаниями в объеме средней школы.

Зимой 1929 года опять поехал в Ленинград. Снова не приняли.

— Это же возмутительно! — перебивает капитана лейтенант Бокач. — Почему вас не приняли?

— Не выдержал испытаний по общеобразовательным предметам! Ну и пришлось опять возвращаться, переносить насмешки, засесть за учебу! Пришлось опять взять выдержкой, характером.

— Я не знал! — тихо, стыдясь, говорит лейтенант Бокач.

Капитан понимает его волнение.

— А как же дальше было?

— Выдержка взяла, — гордо продолжает капитан. — В декабре 1930 года приняли в авиашколу в Ленинграде. В 1933 году меня выпустили. Ну, пять лет прослужил на Дальнем Востоке, но ни на Хасан, ни на Халхин-гол не попал, несмотря на все старания. Опять пришлось выдерживать характер. Терпеть и ждать!

2.

На пышных высоких облаках гаснут розовые отблески, и острые вершины елей чернеют тревожно на дымно-желтой полосе отбушевавшего заката.

Летчики эскадрильи капитана Титенкова дежурят в кабинах самолетов.

Воентехник второго ранга Полин Михаил, хоть и давно работающий вместе с капитаном, — поглядывает на него с

уважением и удивлением. День был неспокойный. Пользуясь погодой, крадучись за облаками, не раз пытались прорваться к Москве немецкие разведчики. Они и раньше летали, но так много их еще ни разу не бывало. Откуда же у капитана такое спокойствие?

Капитан Титенков думает, что завтра ровно месяц войны и немцы, видно, что-то затевают. Он пристально поглядывает в ту сторону, где командный пункт полка.

Тихо. Блекнет небо. Между облаков мерцают звезды. Здесь, на земле, сгущаются сумерки, уже неразличимы лица.

С командного пункта — сигнал тревоги, приказ:

— Идут девять и двенадцать фашистских бомбардировщиков. Идут под облаками, по одному прорываются к Москве. Поднять в воздух звено!

Капитан Титенков решает лететь в этом первом звене. С самолетов сбрасывается маскировка, режут моторы. Вздыхая клубы пыли, истребители пробегают по аэродрому и по одному взмывают в сумеречную высь. Они рассредотачиваются — каждый летчик знает свой район, свою зону.

Капитан Титенков ведет самолет под облаками, патрулирует в своей зоне. Сначала внизу — лишь слитный мрак. Потом глаза капитана различают темные массивы лесов, светлые пятна и пространства полей. Яснее виден блеск воды — это плесы Москва-реки и озера.

Капитан Титенков представляет себе по этим призрачным ориентирам, как бы это виделось днем. Все в порядке: ни сбиться, ни заблудиться невозможно.

Далеко на северо-западе он видит резкие красные вспышки. Зенитный огонь. Неужели немцы прорвутся?..

В той же стороне взмахивает трепетный луч прожектора. Другой. Третий. Синевато-белые полосы мечутся в небе, скрещиваются, падают и вновь взлетают. И правее тоже лучи прожекторов и вспышки зенитного огня. Прожекторы видны по всему горизонту, враг явно нащупывает, где бы прорваться.

Родина моя, Москва моя, враг над тобою, у сердца страны!

Капитан Титенков стискивает зубы. Он ведет самолет к Москве. Оглянувшись, видит позади справа скрестившиеся лучи прожекторов и в точке скрещення ослепительно свержающий самолет.

Капитан, добавив газу, бросает свой истребитель в сторону врага. В тот же миг он замечает, что по фашистскому бомбардировщику кто-то из наших летчиков уже ведет огонь, но робкий, а вот и его уже нет!

— Эх, отошел! — досадует капитан.

Впереди, преграждая путь врагу, плещут зенитные разрывы. Капитан подходит к бомбардировщику с его левого борта. В это же время лейтенант Бокач, пристроившись в хвост к «хейнкелю», первым открывает огонь. Но он стреляет чересчур издалека, и голубовато-зеленые трассы его пуль гаснут позади бомбардировщика. Когда Бокач подходит ближе, немецкий стрелок-радист дает очередь за очередью, красные нити пронесются над самолетом лейтенанта, и тот сворачивает вниз и вправо.

«Надо было подойти и расстрелять в упор», — думает капитан. Он подводит свой истребитель на расстояние пятидесяти-семидесяти метров к «хейнкелю». Из патрубков бомбардировщика хлещет голубое пламя, сверкают искры.

«Вот теперь дам!» — Капитан выпускает прямо в кабину врага три неотражимых очереди изю всего своего оружия. Немецкий стрелок-радист молчит, а летчик увеличивает скорость. Он дает штурвал от себя, рвет его к себе, нажимает педали — бросая громаду бомбардировщика вниз, вверх и в стороны. И все же он продолжает лететь на Москву, и два наших прожектора держат его. Капитан Титенков заходит в хвост врага и дает еще шесть очередей.

На правой плоскости бомбардировщика вспыхивают два разрыва. Пропеллер правого мотора сверкает, это уже малые обороты, значит, мотор сдает!

Лейтенант Бокач, подойдя к врагу справа — бьет прямо по борту. Бомбардировщик круто пикирует. Лучи прожекторов уходят в сторону. Теряет врага и лейтенант Бокач. Но капитан Титенков разгадывает маневр врага и тоже пикирует вслед за ним. Он не упу-

скает из виду голубое пламя из патрубков и силуэт бомбардировщика.

«Хейнкель» сбрасывает бомбы, и они рвутся вниз, выхватив из тьмы лес.

«Опытный пилот», — думает Титенков, следом за бомбардировщиком выведя свой истребитель из пики и ударив по врагу еще несколькими очередями.

— Но почему же ты не горишь, проклятый?

Бомбардировщик уходит на запад, снижаясь. Внизу — смутные отблески на изгибах Москва-реки. Туман. Титенков дает еще очередь, другую. Только перед сплошной стеной тумана он разворачивается назад.

Надо возвращаться. Где он? Капитан проводит самолет над рекой. Знакомые места. Он мог бы лететь здесь с закрытыми глазами. И он уверенно летит на свой аэродром.

Расстрелянного «хейнкеля» разыскивают на другой день в лесу. Пилотировал его полковник. На мундире три фашистских ордена. Второй пилот — подполковник — тоже убит. Два фашиста — раненые — живыми взяты в плен.

3.

Через день у капитана Титенкова происходит новая встреча с врагом.

С командного пункта полка — приказ: перехватить фашистский бомбардировщик «Юнкерс-88», пытающийся прорваться к Москве.

Капитан посылает в воздух двух своих летчиков. Смотрит в бинокль. Сверкает утреннее солнце. Летчики быстро набирают высоту. Они еще не видят врага, а он, заметив их, поворачивает вправо на юг, затем на запад.

— Эх, удирает! Проворонили! — говорит Титенков, видя, что его летчики идут не в ту сторону. Он приказывает воентехнику Полину заводить мотор.

Во время взлета капитан теряет из виду врага. Сдерживая досаду, он летит на запад. Вскоре он видит впереди белые барашки зенитных разрывов и летит туда.

Вот он где — враг! Два летчика все-таки разыскали его и — клюют, клюют!

Жаль, что фашист далеко и капитану нельзя стрелять.

Первый летчик вдруг отваливает. Он пролетает назад мимо Титенкова.

«Расстрелял весь боекомплект!» — догадывается капитан.

Другой гонится за врагом, ведет огонь. «Юнкерс» отстреливается, удирая на полном газу. Дымные полосы свисают за ним в синеве. Капитан выжимает из своей боевой машины всю ее скорость, всю ее мощь. Он гонится, легонько выбирая ручку на себя, выгадывая каждый метр высоты.

Вот и второй летчик, расстреляв патроны, отваливает в сторону. От аэродрома уже больше ста тридцати километров. Капитан слышит, что мотор его начинает работать хуже.

— А я догоню!

«Юнкерс», видя, что оба преследовавших его летчика отошли, сбавляет скорость. Капитана фашисты не замечают. Они летят спокойно. А он уже пристраивается в хвост к бомбардировщику. У него сейчас преимущество в высоте.

Капитан открывает огонь в ста метрах от врага. Он стреляет хладнокровно, наблюдая за противником. Три мощных очереди бьют прямо по бомбардировщику. Фашист-пилот добавляет оборотов, моторы дымят от напряжения. Немецкий стрелок-радист начинает отстреливаться. Темные при свете дня трассы пуль ложатся то ниже, то выше самолета капитана.

Спасаясь, «юнкерс» ныряет в облако.

«Как утопающий за соломинку хватается!» — Капитан пронизывает своим истребителем облако, выгоняет врага на ясную синеву. «Юнкерс» бросается в

пике, чтобы оторваться. Стрелок-радист перестает стрелять. Капитан замечает это и, чувствуя, что и у него патроны на исходе, пикирует следом за врагом, сближается с ним почти вплотную, стреляя короткими очередями.

Правый мотор «юнкерса» на мгновение закрывает белая шапка разрыва. Взвывается яркое пламя. Пилот-фашист ведет самолет зигзагами — он делает «змейку». Капитан следит за врагом, не стреляя.

«Если пламя погаснет — я добавлю!» — решает он и летит дальше рядом с бомбардировщиком. Пламя потухает — и вспыхивает снова, и вот уже до самого хвоста бомбардировщик в огне, и черный густой дым клубится позади. Чувство жгучей радости охватывает капитана Титенкова.

«Юнкерс» снижается на бреющий полет. Капитан думает, что стрелять сейчас нет смысла. Он набирает высоту в шестьсот метров, рассчитывая, что если фашистские бомбы разорвутся, то здесь осколки его не достанут.

Фашист сбрасывает бомбы. Они рвутся на огородах за деревней.

Бомбардировщик мчится над полем, разрушаясь в полете. От него отлетают дюралевые листы, детали, катятся, кувыркаются по траве. Винт правого мотора останавливается. «Юнкерс» летит все тише и тише.

Спереди надвигается лес, и бомбардировщик врезается в него, проложив среди деревьев широкую просеку. Капитан виражит над лесом. Бомбардировщик весь в пламени. Правая плоскость его, оторвавшись, висит на огромной сосне и горит.

Капитан улыбается, и ему хочется петь.

★

ЛЕТЧИК-ИСТРЕБИТЕЛЬ КОНСТАНТИН КОККИНАКИ

Среднего роста, широкоплечий, он и на земле движется стремительно, бурно потряхивая рыжеватыми курчавыми волосами и посмеиваясь. Там, где

он появляется, кипит веселая деятельность, звучит жизнерадостный смех, сверкают улыбки. А в глазах у него самого плещет, играя, озорная зеленая

вода, словно следы родного Черного моря и ставшего ему родным воздушного океана.

Советская страна знает Героя Советского Союза Владимира Коккинаки, славного летчика-испытателя. Оказывается, за широкими плечами брата поднялся, вырос и возмужал — так растет и тянется на простор молодой и крепкий дубок! — младший брат, Константин Коккинаки.

Ему тридцать один год. Чудесное здоровье. Неиссякаемая бодрость. Детство в городе Новороссийске с его чудесной бухтой, Мархотским хребтом, дикими натисками норд-оста и ослепительными летними днями. Пять лет увлекательной тяжелой матросской жизни на кораблях Черного моря. С девятнадцати лет в авиации по путевке Осоавиахима. По всему складу характера он боец, напористый и страстный. И думается, что иначе и не могло быть: да, он должен быть летчиком-испытателем, летчиком-истребителем.

Уже многие десятки боев с фашистскими налетчиками проведены капитаном Константином Коккинаки. За дни войны его группа уничтожила 39 немецких самолетов; сам он сбил три вражеские машины и еще четыре уничтожил в содружестве с товарищами. И о враге у него сложилось свое твердое мнение: основы их тактики — семеро на одного и — неожиданность. Так и смотри, чтобы тебя не подловили. А кроме того — они же нахалы! Ух, какие нахалы! И не очень храбрые! Однако — противник серьезный!

Патрулируя однажды со звеном над нашими войсками, Коккинаки заметил два фашистских самолета, сбрасывающих бомбы на пехоту. Капитан ринулся в атаку. Немецкий стрелок-радист успел выпустить по самолету Коккинаки только одну очередь. Капитан Коккинаки убил его, потом спокойно и деловито перенес огонь. Мощными очередями разбил правый мотор бомбардировщика. С удовлетворением он увидел, как задымил мотор. Фашист, панически сбросив бомбы, на полном газу с принижением метнулся к линии фронта.

Капитан оглядел небо — его товарищи преследовали второго фашиста. Немецких истребителей поблизости не было. Коккинаки целиком занялся «своим объектом». Метким огнем он разбил второй мотор. Бомбардировщик все снижался, и пламя охватило его от плоскостей до конца фюзеляжа.

«Значит, есть где прикурить!» — озорно подумал капитан. Острая радость блеснула в его зеленых глазах.

Капитан Коккинаки повернул обратно, к родному аэродрому.

Возвращение домой... Это очень ответственное дело. Тут надо быть всегда на чеку, опасаться внезапной и кровавой атаки вражеских истребителей. Зорко следя за воздухом, Коккинаки заметил, что далеко впереди ему перерезают путь два фашистских истребителя. Он принял решение: «Не уходить, с двумя можно драться!»

Он кинулся за левым, тот мгновенно юркнул в облака. Еще немного, и враг уйдет. Капитан мгновенно заставил свою боевую машину отдать всю ее мощь, всю ее скорость. Зайдя чуть сбоку, он дал очередь. Фашистский истребитель вспыхнул, словно это была горсть пороха... Другого истребителя как и не было.

День 24 июля памятен Коккинаки на всю жизнь. Со своим звеном капитан возвращался после боевой операции. За линией фронта, в тылу врага, он сбил «Юнкерс-87». Тот загорелся с первой очереди.

— Легкая добыча! — презрительно усмехнулся Коккинаки.

Солнце клонилось к горизонту. И вот по пути домой из-за облаков напали на капитана фашистские истребители. Один сразу зашел в хвост. По фюзеляжу застучали пули. Искусно маневрируя, капитан выводил себя из-под огня. Но позиция у врага была слишком выгодная. Капитан почувствовал, что управление его самолета отказывает. В этот миг фашистский летчик ударил очередью по бензиновому баку. Вспыхнуло пламя.

«Скучать поздно!» — почему-то подумалось капитану. Отстегнув ремни, он со всей силой нажал ногой на педаль руля поворота. Машина рванулась в

сторону, сильно клюнула, и его выбросило из кабины. Не раскрывая парашюта, капитан камнем падал вниз, его начало штопорить. Он выбросил в сторону руку и вывел тело из штопора. Затем раскрыл парашют.

Поздно вечером Коккинаки добрался до своего аэродрома. Он подошел к летчикам. Их радость, мужественные и ласковые слова глубоко тронули капитана.

— Ничего, мальчики, ничего! — говорил он, а самого подмывало невыразимо прекрасное чувство суровой и сердечной дружбы.

Капитан Коккинаки рассказывал боевым друзьям о прошедшем, разбираал по косточкам последний свой бой. Он строго сказал о том, что врагу надо противопоставить большевистскую бдительность, всегда замечать противника прежде, чем тот откроет огонь. Капитан говорил друзьям о боевой дружбе, и перед взором его стояла белокурая головка, синие большие глаза мальчика-колхозника.

Мальчик встретил его после приземления, с подозрением поглядывая на парашют, допросил и, обрадованный встречей с советским летчиком, показал ему дорогу. И, как часто бывает, этот, казалось бы, не такой уж значительный факт вызвал в капитане новый прилив чувства любви к родине, к своему народу.

Над лесочком поднялся туман. Пала прохладная роса на траву. Около боевых самолетов хлопотали самоотверженные верные друзья летчиков — оружейники, мотористы, техники и инженеры. Гудели моторы и трещали контрольные очереди пулеметов, и трассирующие пули зелеными звездами летели и таяли во тьме.

Выруливали на старт тяжелые корабли — на ночную бомбежку тылов врага. На одном внутри заглялись на мгновение огни. Капитану вдруг вспомнился юг, море, волнистый след за кормой корабля и залитая огнями далекая Ривьера, Сочи...

Вспыхнули и погасли огни на бомбардировщике. Летчики увидели над горизонтом тревожные взмахи голубых лучей прожекторов.

— На Москву опять ползут, проклятые! — с ненавистью сказал один из летчиков.

Нарастал, приближаясь, перемежающийся воющий гул немецких бомбардировщиков.

— Утро бы скорее! Ох, и бить буду! — сказал Коккинаки. — А теперь спать, мальчики!

Утром капитан вновь повел свои истребители над линией фронта — прикрывать наши войска, искать и жечь фашистские самолеты. Немцы падали, подожженные его огнем и огнем его боевых соратников.

★

Смелый и неустрашимый в воздухе, капитан Коккинаки день ото дня становится все более опытным командиром. В каждом своем летчике он видит не только соратника, но близкого, родного человека. Вот он ждет возвращения истребителей с боевого задания. Все рассчитано по минутам. Летчиков не слышно. Капитан Коккинаки пристально следит за небом. Издали нарастает шум моторов. Капитан Коккинаки на своем наблюдательном пункте. Загорелое лицо его перекипает волнением. Все ли возвращаются домой?

— Все! — торжествуя и ликуя, восклицает капитан. Он встречает летчиков, выслушивает их, осматривает самолеты. Он рассказывает летчикам, из какого положения враг вел огонь — пробоины в самолете рисуют ему полную картину боя. И тут же быстро и энергично показывает он ладонями протянутых рук — как надо было маневрировать, чтобы не подставить себя под фашистскую очередь. Он спрашивает, как работала материальная часть; какой был в воздухе режим работы мотора, каковы температура масла, расход горючего. И тут же оценивает работу, дает советы — боевой командир, сердечный товарищ, задушевный советский человек.

Провожая взглядом стремительную и сильную фигуру капитана, летчики одобрительно говорят:

— Наш капитан, наш командир!

★

БОЕВОЙ КОМИССАР

В каком-то звене воздушного наблюдения, оповещения и связи произошла заминка. Когда в эскадрилью дошел сигнал — дежурному звену подняться в воздух! — над аэродромом с ревом и свистом пронеслись девять немецких истребителей «Мессершмитт-110».

— К запуску мотора! — скомандовал из кабины своего самолета комиссар эскадрильи старший политрук Авилов.

Механик кинулся сбрасывать маскировку. Дробно трещали пулеметные очереди. На аэродром, визжа, падали бомбы, и разрывы грязными пыльными кустами вставали тут и там.

— Давай! Давай скорее! — не своим голосом кричал Авилов. Взорвел его мотор, комиссар стремительно поднял в воздух свой истребитель.

Налетчики уже скрылись из поля зрения, и Авилов рванулся в ту сторону, куда они улетели.

Вдруг ударили зенитные орудия, в небе повисли тугие белые облачка разрывов.

«Неужели бьют по мне!»

Оглянувшись, Авилов увидел восьмерку «мессершмиттов». Развернувшись, они опять летели на аэродром. Прибавив газу, комиссар бросился к вражеской группе. Но тут он заметил идущий справа девятый самолет. Авилов ринулся на него. Первой же очередью он убил немецкого стрелка. Новыми очередями он поджимал «мессершмитт» к аэродрому и, наконец, зажег его мотор. Немецкий самолет упал на землю.

Но впереди была еще целая свора врагов. Комиссар Авилов отважно бросился вдогонку, подхватил в прицел второй немецкий истребитель и вложил очереди прямо в моторы. Моторы задымили. Раненый стрелок на вражеском самолете молчал. Авилов подошел к «мессершмитту» на пятнадцать метров. В эту минуту немецкий стрелок выбросил из кабины открытый парашют. Купол развернулся и вырвал стрелка из кабины в воздух. «Мессершмитт» про-

чертил стремительную кривую и вспыхнул на земле.

Авилову было хорошо видно, как, ударившись о землю, парашютист судорожно отстегнул стропы и юркнул в реденькие кусты.

«Эх, площадки нет! — с досадой подумал комиссар. — До чего же охота самому его поймать.»

Он летал над кустами до тех пор, пока не увидел колхозников, бегущих к месту падения самолета. Пролетев над их головами и махнув им рукой туда, где надо искать немецкого парашютиста, Авилов вернулся на свой аэродром.

Доложил командованию о результатах боя. Похвала, одобрение командования вызвали на его широком лице краску смущения.

Но он не забыл о запоздалом сигнале к вылету и успокоился лишь тогда, когда услышал, что командир приказал наказать виновного.

Собрав в сумерках — как он делал каждый день — летный состав эскадрильи, комиссар говорил о настоящей боевой готовности каждого военнослужащего, кто бы то ни был — летчик, техник, связист, писарь.

— Головы должны у нашего брата вертеться, как на шарнирах, чтобы все было видно. Прозеваешь в воздухе — и будешь сбит! А на нас-то родина, товарищ Сталин надеется!

Голос комиссара чуть дрогнул. Он вдруг увидел себя мальчишкой-людпаском в жаркой приволжской степи, тоскующим по родительской ласке. Матери, отца он не помнил, они умерли, оставив его совсем маленьким. Он увидел себя учеником, потом слесарем в мастерских Сталинградского депо.

— Подумайте, каждого из нас родина и партия в люди вывели. Какую ценную первоклассную технику нам доверили! Сколько людей с любовью над каждой машиной работало! Это тоже надо знать и помнить.

Обычно скупой на слова, комиссар говорил долго, с глубоким и страстным чувством. И у каждого горячая волна ответно вздымалась в сердце.

Разговор продолжался за ужином и после ужина. Летчики от души восхищались действиями своего комиссара.

— Кушайте вы лучше! Чайковский, вы почему плохо кушаете?

— Свеженького захотелось чего-нибудь. А то мясо и мясо!

После ужина комиссар вызвал интенданта. И строго-настрого приказал ему добиться разнообразия в пище.

— Поймите: летчик возвращается усталый, вялый. Это очень важно: накормить летчика. Дать ему такую пищу, чтобы он охотно поел. Тогда он и силы скорее восстановит!

Потом комиссар говорил с парторгом. Улегся он, когда все летчики давно уже спали, и долго ворочался — переживая все минувшее за день.

★

Вскоре комиссар Авиллов по тревоге вылетел в составе звена. Вместе с товарищем он атаковал и зажег машину врага. Немец пытался скрыться в облаках. Но Авиллов нагнал его, подошел вплотную и кинул последнюю горсть огня. Фашистский самолет качнулся и врезался в землю. Было это вблизи от наших передовых позиций. Разворачиваясь, Авиллов видел, как с земли ему приветно махали руками красноармейцы, бросали вверх пилотки.

И он широко и весело качнул с крыла на крыло свой самолет.

Патрулируя над городом Н., комис-

сар Авиллов заметил группу идущих в строю «Юнкерсов-88». Сверху их прикрывали три «мессершмитта». Авиллов дал сигнал летчику Чайковскому. Двоем они атаковали врага. Три фашистских истребителя ринулись сверху на комиссара. Авиллов стремительно развернулся вправо и атаковал ближайшего противника, но за ним самим погнался второй «мессершмитт». Чайковский бросился на помощь комиссару и отогнал его преследователя. Через несколько секунд Авиллов подошел вплотную к «мессершмитту» и короткой очередью сбил его. «Юнкерсы» после первой же атаки наших истребителей сбросили как попало бомбы, повернулись и удрали.

Весь этот бой протекал на глазах у товарищей.

— Хорошо дерется комиссар! Безотказно дерется! — с восхищением говорили они.

Комиссар Авиллов имеет уже несколько десятков боевых вылетов. Он лично сбил четыре вражеских самолета и приложил руку к двум другим фашистским машинам, сбитым товарищами.

Он — невысокого роста, широкоплечий крепыш. Вряд ли можно назвать красивым его широкое, обветренное, со светлыми глазами и толстыми губами лицо. Но это простое русское лицо прекрасно в минуты страстного боевого напряжения и в минуты короткой и задушевной беседы с боевыми друзьями.

★

КАЗАКИ

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО

Отсюда, с этого бугра с шапкой кустов, была видна вся окрестность.

Впереди тянулись болотистые низины, поросшие ольшаником и березняком. В зеленой листве кое-где прорывались золотисто-желтые отметки приближающейся осени. Но еще сильно грело августовское солнце.

На горизонте синела кромка леса. Справа и слева — словно ворота, — замыкая низины, высились холмы. На них сгущались избы деревень.

В низинах разведчики обнаружили лишь редкие заставы немецких автоматчиков. Но в обеих деревеньках были укрепленные узлы. Оборону этого участка нес батальон, усиленный артиллерией и минометами. Расстояние между

высотками было около восьми километров, и низины простреливались в любом месте.

Полковник Доватор, командир казачьей группы, перехватил бинокль из правой руки в левую и опять стал всматриваться. Рядом с ним стоял командир дивизии комбриг Кондрат Мельник* — коренастый с вьющимся русым чубом. Он тоже смотрел в бинокль — настроженно, зорко.

Командир дивизии полковник Плиев*, подняв голову, прислушался. Очередь из немецкого автомата протрещала где-то совсем недалеко в кустах справа. Коноводы с лошадьми были в той стороне. Полковник Плиев взглянул на своего адъютанта. Тот бесшумно исчез в кустах...

«Ну, и молодцы! Без слов действуют!» — с легкой и хорошей завистью подумал Доватор, а губы его дрогнули в усмешке. Он высоко оценил и настроженность Плиева, и это безмолвное понимание между ним и подчиненным. Плиев стоял, чуть выставив левую ногу, откинув широкие плечи. Смуглое лицо его с черными усиками и крупным с горбинкой носом было невозмутимо. Маузер, шашка в серебряной оправе висели на нем так, словно они были живыми частями его сухого и сильного тела.

«Но и тот тоже молодчина!» Полковник Доватор глянул на Мельника. Это по совету Мельника они, выехав в командирскую разведку, поднялись сюда, на бугор. Комбриг Мельник ориентировался на местности дьявольски хорошо. С каждым днем узнавая их, полковник Доватор относился к обоим со все возрастающим чувством симпатии и уважения.

Неделю тому назад Доватор вступил в командование казачьей группой. Маршал Советского Союза лично приказал ему возглавить рейд конницы в тыл немцев.

Неделю уже конная группа Доватора спускалась с севера на юг вдоль фронта, ведя разведку боем, всюду обнару-

живая сильную немецкую оборону, закопанные в землю танки.

Доватор развил кипучую деятельность. Он спал по два-три часа в сутки. Он сам опрашивал разведчиков, на своем рослом гнедом жеребце вылетая в полки и эскадроны.

Среднего роста, жилистый и крепкий, он привлекал к себе казаков и командиров и лихой посадкой, и неиссякаемым весельем и простотой.

Иной разведчик начинал чуточку преувеличивать...

— Подожди, товарищ, — останавливал его Доватор, улыбаясь: — Я сам пятнадцать лет кавалерист, выкладывай все сначала, только начистоту!

И разведчик докладывал «начистоту», а потом говорил товарищам:

— Ух, и хитрый! И откуда такой взялся! Фамилия будто не казачья, а хитер, как столетний казарлюга. И пояс на нем — наборный, старинный.

Полюбили его и за внимание к мелким казачьим нуждам, и за то, что сам он любил лошадей, и лошади сразу признавали его своим. Самые злые жеребцы, которые своих-то всадников подчас норовили кунуть да сбросить, под рукой Доватора становились покорными.

... Неделю двигалась вдоль фронта казачья группа. Полковник Доватор глубоко переживал это промедление. Маршал — сам, как он в шутку говорил, кавалерист душой и телом — возлагал на рейд большие надежды. Удача могла привести к крупному оперативному успеху на большом и важном участке фронта. Удача должна была опрокинуть все измышления горе-теоретиков, уже похоронивших конницу, как боееспособный род оружия в современной войне.

Доватор очень хорошо знал, что и на его группу скептически посматривают эти теоретики. Они и ему говорили: «Ну, куда коннице сейчас до мотопехоты, танков, артиллерии? Да при первом же налете бомбардировщиков кавалерия так быстро расчленилась, вот именно — расчленилась, что ее потом за полмесяца не соберешь!»

— Ладно! Говорите! Дело покажет! — отвечал Доватор, не вступая в споры.

* Ныне оба — генерал-майоры.

За эту неделю Доватор многое передумал. Он выбрасывал в разведку эскадроны, усиливая их пулеметными тачанками и взводами артиллерии. И убедился, что в рейд ему не придется брать ни тачанок, ни пушек: в лесах и болотах они не пройдут, а будут только связывать... На марше, в походе, по приказу Доватора были сделаны из простых строевых седел — вьючные под станковые пулеметы и минометы. Для перевозки боеприпасов и снаряжения — также на походе, на марше — были сделаны особые вьюки...

Сейчас, оглядывая с бугра местность, Доватор думал, что пробиваться в тыл здесь, в этом районе, будет нелегко. И все же решил прорубать ворота для рейда именно здесь.

Оба укрепленных узла надо сковать, действуя в пешем строю. Части должны — тоже в пешем строю — пройти в промежутки между деревеньками, а следом коноводы на галопе подадут коней. Весь успех зависел от внезапности прорыва. Пока движение группы проходило скрытно, хотя немцы уже знали о наличии кавалерии... Искать более благоприятных условий, оттягивать прорыв — тоже становилось рискованным.

Доватор опустил руку с биноклем и повернулся к командирам.

— Будем прорываться здесь. Завтра на рассвете.

— Лучшего места не найти! — отозвался комбриг Мельник и лихо потрянул светлорусым чубом. Плиев молча кивнул. Доватору было ясно, что оба комдива пришли к тому же решению, что и он.

— Дивизии ночью подтянем под самый нос противника.

НАКАНУНЕ

К вечеру по всей округе пал плотный сизый туман. Полковник Доватор, комиссар Федор Туликов, командиры и комиссары частей разошлись в подразделения к казакам. В темноте они беседовали с бойцами.

В памяти казаков жарким видением пронеслись просторы родных кубанских

степей, манящие цепи гор Кавказа, волнующая синяя дымка предгорий, ослепительно белые хаты станиц, милые лица близких. Тяжелой золотой волной льется под солнцем пшеница. Горят шапки подсолнухов. Могучим лесом поднялась и шумит кукуруза. На пастбищах — неисчислимые стада и табуны. Какие же силы у народа, который так преобразил и украсил лик родной земли! И вот всему этому, всей счастливой жизни советских людей угрожают мука и смерть от фашистских варваров...

— Не будет их власти во веки веков! В самое пекло пойдем, но разобьем гада! — прошептал Георгий Криворотько.

Узловатая рука его застыла на эфесе тяжелого клинка, и эта рука вместе с эфесом словно отлиты из одного металла. Криворотько обошел своих друзей, земляков из станицы Вознесенской. Все они — девять человек — работали в одной бригаде, пахали плодородную землю. Все они попали в казачью часть.

Криворотько получил звание младшего лейтенанта уже здесь, на фронте. Он первым со своим взводом ринулся на врага, и первую пулю в фашистов пустил он. С головной походной заставой, в конном строю Криворотько влетел в одну деревеньку. Увидел на улице сотни полторы пехоты, подумал, что это наши и подскакал с тремя казаками на тридцать метров. Немцы рассыпались, залегли, открыли огонь из автоматов. Криворотько на галопе отскочил назад за угол дома, скомандовал: «Слезай». Мгновенно спешившись, казаки стали стрелять. Первыми очередями из ручного пулемета Криворотько расстрелял двенадцать немцев. Враги отхлынули.

— Получается! — Криворотько весело переглянулся со своим дружкой Савиным. Они удобнее устроились в яме, куда вскочили с разбегу. Кони их стояли за избой, нетерпеливо переминаясь и клинышками настораживая уши.

Послышалось гудение автомобиля. Оглянувшись, Криворотько увидел легковую немецкую машину и резанул по ней из ручного пулемета. Пули гулко проработали по металлическому кузову.

ву. Шофер и седоки грузными кулями осели на своих местах. Неуправляемая машина прокатилась еще с десятков метров и свалилась в канаву.

— Опять получается! — сказал Криворотько.

Через мгновение вдоль деревни с треском промчался мотоциклист. Криворотько в упор выстрелил в него. Уже мертвый, фашист на мотоцикле врезался в сруб колодца, свалился, и мотоцикл придавил его. К Криворотько подбежал казак, прерывисто сообщил:

— Немцы нас обходят, давайте отступать!

— Молчать! — гаркнул Криворотько. — Отойдешь — убью! Лезь на сарай, веди наблюдение.

Казак мгновенно вскарабкался под крышу сарая. Криворотько с друзьями продолжал бой. Казаки спокойно и деловито расстреляли восемь немецких автомобилей с фашистами и шесть мотоциклистов. Время от времени наблюдатель с сарая докладывал, что немцы продолжают окружать казаков. Когда очередь из немецкого автомата протрещала откуда-то сбоку, Криворотько принял решение отойти. Казаки по его приказанию один за другим проскакивали открытое, обстреливаемое немцами поле за деревней. Все они благополучно выбрались на опушку леса.

С острым интересом и сердечным теплом поглядывал Криворотько на боевых друзей, на полковника Доватора — быстрого и ловкого. Пошевеливал широкими плечами, переминался. На смуглое и грубоватое, словно вырубленное палашом из темного дуба, лицо его набегала усмешка.

— Ой, и порубаю поутру фашистов!

В глубокой тьме казачьи полки подошли к рощицам вблизи линии фронта. Командиры подали команду:

— Слезай!

Казаки быстро, без шума спешили. Коноводы отвели коней в лесок. Грызлись и ржали жеребцы.

«Еще немцы услышат, — подумал Криворотько. — На такое дело надо бы жеребцов поменьше!»

ПРОРЫВ

На рассвете казаки вплотную подкрались к немецким укреплениям. Двигались молча, стиснув зубы, без единого выстрела, без единого звука. Туман был настолько густой, что в трех-пяти шагах люди, кусты были еле различимы. Ракеты немецких дозорных взлетали тусклыми шарами и таяли в молочной мгле.

Казаки бесшумно сняли дозорных врага. Но один успел поднять тревогу. Залаяли немецкие пулеметы и автоматы. Разрывы ручных гранат вспарывали туман, и слышались они глухо, словно из-под воды.

Вдруг раздалось звонкое казачье «ура». Казаки ринулись в окопы, действуя штыками. Фашисты метнулись из окопов в деревни. Казаки ворвались за ними следом.

Тем временем головной полк передовыми эскадронами своими уже прошел по низинам линию фронта. Заставы немецких автоматчиков были разогнаны и истреблены. Младший лейтенант Криворотько со своим взводом первым бросился на одну такую заставу.

— За родину! За Сталина — вперед! — крикнул он.

Немецкая оборона была прорвана. Отовсюду неслось могучее «ура», крики и вопли немцев. Командир немецкого батальона пытался было собрать разбежавшихся солдат и тут же был убит меткой казачьей пулей.

Наступал день. Туман рассеивался, свиваясь и клубясь. Каждая минута была дорога. Но ворота для конницы были уже пробиты.

Командир казачьей группы Доватор, уже прошедший линию фронта со своим штабом, отдал приказание. Тотчас же загремело:

— Коноводов сюда!

Лейтенант Леонид Нимков стрелой домчался по кустам к своему коню. Нимкову всего девятнадцать лет, а он уже помощником начальника штаба полка. Сейчас, при прорыве, на него возложена задача держать связь.

Вспрыгнув на коня, он с места поднял его в галоп. Коноводы в рощице затосковали было от тягостного ожидания, Нимков прискакал и круто остановил вороного, даже присевшего на месте.

Через минуту коноводы на галопе понеслись за Нимковым.

Немцы, опомнившись, открыли с флангов сильный артиллерийский и минометный огонь. По низине — в ольшанике и березняке — вставали грязные кусты разрывов. Нимков на взмыленном вороном коне своем прорвался сквозь огонь к другой группе коноводов и тоже провел их через низины. Храпели кони, хлопьями летела пена, но все же проскакали, примчались лихие кони к своим казакам.

В конном строю казачьи полки ринулись дальше в тыл врага, подобрав раненых и захватив убитых казаков. Далеко за линией фронта в лесу остановилась казачья группа полковника Доватора.

Подошли казаки, штурмовавшие деревни.

Тут были похоронены казаки, убитые в прорывном бою. Обнажив головы, отдали всадники последний долг товарищам. Тут же, в лесу, были оставлены раненые и охрана. Этих раненых — всех до одного! — через болота и чащу лесную вывел в наш тыл младший лейтенант Василий Буслов, скромный и веселый товарищ. Недавно мобилизованный в армию, он работал раньше секретарем райкома комсомола в Орджоникидзевском крае.

Командиры и политработники быстро привели в порядок казачьи части. Командование подытожило: группа уже в тылу врага, при прорыве разбит фашистский батальон, свои потери невелики.

Так начался рейд.

АТАКА В КОННОМ СТРОЮ

В течение дня казачья группа таилась в глубине леса. Немецкие «мессершмитты» с пронзительным свистом и ревом проносились над самыми вершинами деревьев. Они разыскивали казаков, но тщетно: казаки умело маскировались.

И ночь казаки провели в этом лесу, в болоте, заняв круговую оборону, выставив сильное боевое охранение. Ночь эта прошла без сна. К утру второго дня полковник Доватор сосредоточил группу на опушке леса. Впереди, до следующего леса, на три километра лежало поле, ровное, открытое. В десятке метров вдоль опушки шла дорога. По ней двигались немецкие машины, мотоциклы. За дорогой виднелась деревенька, в ней были немцы. Они могли сильно напасть. Полковник Доватор принял решение: атаковать деревеньку одним казачьим полком, в конном строю смести противника; тем временем вся группа на галопе должна проскочить открытое поле.

Группа собралась вдоль опушки леса. Короткие минуты. Проверка готовности. Последние напутственные слова — о задаче, о долге. Короткая и сильная команда: «По коням!»

Полк, выскочив из леса, сразу рассыпался в лаву. Кони, храпя, просили повода. Из-под копыт летели, словно гранаты, комья земли. В деревеньке заметались немцы, затрещали очереди пулеметов и автоматов. Но уже засверкали синими молниями казачьи палаши. Земля гудела. От топота коней качались избы, звенели стекла окон.

Стремительной и неотразимой была эта атака в конном строю, беспощадной была казачья рубка: ни один немец не ушел.

А группа Доватора тем временем уже исчезла в лесу за открытым полем.

ВСТРЕЧИ

Казаки забирались все дальше и дальше в тыл врага. Вести о казаках на крыльях неслись впереди.

Всюду встречали казаков страшные следы немецких захватчиков. В деревне Ю. было развешано на стенах домов объявление:

«Ввиду продолжающейся связи между жителями и советскими войсками все жители данного района должны быть эвакуированы в тыл оккупированной области.

Все жители данной деревни должны к вечеру 21 августа двинуться в направлении «Дубровица», для их расположения предоставляется весь район западнее «Пречистое».

Разрешается брать с собой весь живой и мертвый инвентарь.

Каждый житель, оставшийся в данном районе до 22 августа (утра) подлежит смертной казни.

Командующий немецкими войсками.»

У деревни Л. навстречу казачьей разведке выбежали жители. И у многих казаков дрогнуло сердце, когда увидели они крупные слезы радости русских людей, услышали рассказы о злодеяниях врага, о муках колхозников.

При въезде в деревню казаки увидели пять крестьян, повешенных на деревьях. Жители рассказали: около этой деревни был убит немецкий солдат. Немцы из двора во двор разграбили, разгромили всю деревню. Повесили они пятерых, не успевших, как другие, скрыться в лесу. Тела висели уже несколько суток — почерневшие, с закушенными в последней муке языками.

Полковник Доватор приказал всех казаков, проходивших невдалеке, вернуть, пропустить через деревню.

В конном строю проходили казаки. У каждого цепенело сердце, яркой ненавистью пылали глаза. И руки сжимали оружие, закалялась воля к беспощадной борьбе с врагом...

Разведчики поймали на дороге немецкого офицера. Он и пикнуть не успел, как его схватили. С завязанными глазами его доставили в штаб полковника Доватора.

— Откройте ему глаза!

Увидев усатых казаков в черных бурках, с шашками, немецкий офицер позеленел и задрожал.

Он рассказал, что в то утро, когда казаки прорвались, по тылам прокатилась паника.

— Сто тысяч казаков появились в нашем тылу!

Два немецких штаба немедленно сбегали на автомобилях далеко на запад. Немецкие офицеры бросались к населению, предлагали толстые пачки денег:

— Только выведите нас отсюда!

Только спасите от казачьего окружения!..

Полковник Доватор умело и ловко использовал эту благоприятную обстановку.

По его приказу командиры частей держали в кулаке главные свои силы. Но отдельные разъезды и отряды мощностью до двух эскадронов перехватывали засадами магистрали и просеки, ловили и уничтожали врага.

Они удалялись на десятки километров. Нападали внезапно и внезапно исчезали. Они вели бои, но силы их не таяли, а прибывали. К казакам приходили партизаны, военнослужащие Красной Армии, вышедшие с запада, из окружения.

Полковник Доватор сформировал из этих людей особый пеший отряд. Этот отряд отлично дрался.

Вскоре в руки Доватора попал другой приказ немецкого командования. В этом приказе говорилось, что действительно — в тыл немецких войск прорвалась казачья группа. Но в ней не сто тысяч, а всего три дивизии, то-есть восемнадцать тысяч казаков.

В походном штабе группы казаки так хохотали, что кони встревожились, запрядали ушами, дико заплясали на ременных чумбурах.

На другой день после тщательной разведки полковник Доватор провел два полка в конном строю по магистрали. Движение колонны было обеспечено усиленным боевым охранением. Казаки с громкими песнями и звонким присвистом прошли с десятков километров и... опять исчезли. Тщетно кружились потом в этом районе немецкие самолеты. Зато молва о ста тысячах казаков с новой силой понеслась по округе.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ

До этой войны Иван Васильевич Иванкин работал в городе Грозном. Он был преподавателем военного дела в средних школах. Строгий — он излагал свой предмет, словно выкрикивал команду. Рука его взлетала и ловко подкручивала светлые усы.

Его слушали внимательно, его уважали, и он старался. Но душою, сердцем — он был в армии. Он пошел в армию шестнадцатилетним юношей, в суровом восемнадцатом году. Демобилизовался в 1933 году.

Когда его призвали из запаса, он расцвел душою. В рейд он пошел командиром эскадрона. И здесь, неожиданно для него самого, в нем проснулся страстный педагог.

Командир полка приказал Иванкину выброситься с эскадроном на тридцать километров, в засаду у перекрестка лесных дорог, и действовать в пешем строю. Старший лейтенант Иванкин вскоре был уже со своими казаками на месте. Он обошел весь район.

Одна дорога шла к фронту и была сильно накатана. С края тянулся черный четырехжильный провод; его Иванкин сам разрубил, смотал метров пятьдесят и закопал в землю. Вдоль этой дороги Иванкин и расположил в кустах казаков, группами по десять человек.

Оглядывая по очереди всех серыми глазами, он растолковал казакам:

— Обратите внимание: такой порядок расчленения позволит нам сразу захватить колонну в пятнадцать машин.

Вечером за поворотом загрещал мотоцикл. Казачья граната разорвалась прямо в прицепной коляске. Всплеснулось пламя.

— Нет, чтобы подстрелить фашиста! — недовольно говорил старший лейтенант. — Может быть, он документы вез, а тут — одни каблуки остались!

Через четверть часа казаки забросали гранатами две грузовых машины с боеприпасами. И сами еще успели отползти в лес. Машины горели, снаряды рвались до полночи. В темноте стволы деревьев виднелись, словно облитые дымящейся кровью.

Иванкин отодвинул группы своих казаков вправо и влево метров на двести, за повороты. И казаки вскоре подорвали полевую радиостанцию немцев, оборудованную в автобусе.

Ночью же захватили легковую машину с офицером. Полевая сумка его была набита картами и документами.

На рассвете к перекрестку подошли броневики и грузовики с солдатами.

Старший лейтенант Иванкин потеснее расположил казаков. Гранаты были на исходе. Силы — явно неравные.

— Бить только наверняка!

В броневики и в грузовики с солдатами полетели смертоносные гранаты, засвистели пули. Взрывы, дикие крики, проклятья. И снова взрывы...

Подошли еще грузовики. Немецкие солдаты стали наступать от поворота, но Иванкина и след простыл. Он повел своих казаков чащей и буреломом. Двое суток шли казаки, питаюсь ягодами, незрелыми лесными орехами. И вышли к своим.

— Понятно, как надо действовать? — поучал Иванкин своих казаков. — Внезапный удар, другой, третий. А потом исчезай, чтобы никакая сила тебя не нашла! И опять налетай, бей, как сокол, и опять исчезай.

Полковник Доватор подробно спросил Иванкина и объявил благодарность от лица службы.

— Служу Советскому Союзу! — крикнул Иванкин на весь лес, и усталое лицо его запылало от радости.

— Теперь-то как-раз и придется послужить! — И полковник Доватор тотчас поставил Иванкину более ответственную задачу и подчинил ему еще две группы казаков.

На рассвете Иванкин со своей группой захватил деревни К. и Г., расстреляв и вырубив взвод немецкой пехоты. Через деревни шли три линии связи: телефон, телеграф и четырехжильный провод немецкого командования.

— Мы им сейчас вызов устроим, — усмехнулся в светлые усы Иванкин. — Рубите, хлопцы, столбы! Валите завалы!

Казаки быстро срубили и спилили добытыми в деревнях пилами столбы, навалили завалы, опутали проводами.

Иванкин расположил взвод казаков в засаду в деревне Г., а сам разместился в К.

— Скоро будут гости! — посмеивался он. — Придется же им такое безобразие разобрать: вся их связь разом отказала!

Ждать пришлось недолго. На бугре показались автомобили. Взвод казаков обстрелял врага у деревни Г. С автомобилей соскочила целая рота фашистов. Немцы открыли по деревне пулеметный огонь, стали охватывать ее с двух сторон. Взвод казаков отошел к Иванкину. Немцы, захватив деревню, стали из пулеметов обстреливать казаков, с чердаков, из сараев.

Пробрав комвзвода Ткаченко за отступление, Иванкин приказал ему подползти к деревне балочкой, потом огородами и зажечь сарай. Тот пополз.

Из-за угла дома Иванкин следил, волнуясь, как комвзвода Ткаченко, незамеченный противником, добрался до сараев и зажег сначала один, потом другой. Сарай, набитые сеном, запылали. Густой дым застилал деревню.

— Великолепная завеса! Сейчас только и наступать! — поучительно произнес Иванкин. — Товарищи казаки, вперед!

Казаки молча подобрались к деревне тем же путем, каким двигался Ткаченко.

Иванкин был впереди казаков. Когда они поровнялись с горевшими сараями, голосисто скомандовал:

— Первый полк вправо! Второй полк влево! Вперед! Ура!

Казаки с ревом бросились в деревню. Казак Попов забежал за дом и кинулся сзади на вражеского пулеметчика. Прикладом он выбил из него дух. Схватил пулемет, повернул и ударил по немцам.

Те удирали куда попало. Так, на бегу, и умирали они — где кого догнала казачья пуля: кто на грядках картошки, кто падая с забора, кто свалившись на улице. Трех офицеров, полсотни немцев убили казаки.

— Сжечь машины! — приказал Иванкин.

И не стал смотреть, как загорелись автомобили, полные проводов, аппаратов и инструментов. Жалко стало добра. Однако тринадцать катушек кабеля казаки все же захватили с собой.

— Поняли, как надо действовать? — поучал казаков Иванкин. — Смело, ли-

хо. Вот так, как вы действовали. Необычайно хорошо. Так надо действовать всегда!

ВЕСЕЛЫЙ КОМЭСК

Он среднего роста, сухощавый. И лицо его тоже узкое и худое. Но в кариш глазах так и скачет, бьется лукавое веселье. Крепкие, крупные зубы блестят в озорной ухмылке. В эскадроне старшего лейтенанта Петра Алексеевича Ткача — всегда весело — и во время передышки, на привале, и в бою.

Эскадрон Ткача не только веселый, но и удачливый. За все время боев лишь двое убитых и двое раненых. А водил свой эскадрон Ткач почти на сто километров в тыл врага. Уничтожил эскадрон Ткача несколько танков, вырубил и расстрелял не одну сотню фашистов. Понятно, что для командования эскадром у старшего лейтенанта Ткача было, помимо веселого нрава, и боевое уменье, и личное бесстрашие, и горячее сердце советского человека.

Было так: эскадрону предстояло выбить в пешем строю врага из окопов на опушке леса. Ткач бросил один взвод прямо на противника, а с остальными прошел в обход, ударил с фланга, попластунски пробравшись ложбинками.

— Вперед! — скомандовал Ткач. Он первым вскопил в лес и тотчас же упал за деревом. Рыжеусый фельдфебель был недалеко, но гранату он бросил неумело и она не причинила вреда. За мгновение до этого красноармеец Михаил Ступаков, комсомолец, колхозник станции Вознесенской, метнул свою гранату, видя, что командиру Ткачу грозит смертельная опасность. Вот этой-то гранаты испугался и свою не добросил до Ткача немецкий фельдфебель.

Зато граната, брошенная Ткачем, разнесла немецкий станковый пулемет со всем его расчетом и рыжеусым фельдфебелем.

— Молодчага! За мной! — крикнул Ткач и бросился вперед.

Немцы были выбиты.

На другой день эскадрон уходил в конном строю из-под огня броневиков врага. Конь бойца Винокурова поскользнулся на мокрой траве, упал в канаву-

Винокуров не выпустил повод, кубарем вылетев из седла. Но, вскочив вместе со своим конем, он никак не мог попасть в седло: разгоряченный конь плясал и метался под вражескими пулями. Ткач поднял своего коня на дыбы, крутнул его на месте и послал галопом к Винокурову. Он помог бойцу сесть в седло, и они благополучно ускакали.

В другом месте эскадрон Ткача действовал самостоятельно на большом удалении от главных сил группы. Немцы стянули сюда свои броневики. За ночь Ткач оторвался от врага. Зная, что поутру броневики могут появиться вновь, Ткач пустился на хитрость. Заправив бензином найденный на дороге трактор, он приказал завести его и водить неподалеку от деревни, в которой были немцы. Трактор усердно загудел, загрохотал гусеницами. Вскоре выставленные Ткачем наблюдатели доложили, что немцы расставляют мины вокруг деревни.

Ткач довольно ухмыльнулся и вывел свой эскадрон вправо в лес.

Утром, преследуя казаков по дороге, пришли немецкие броневики. Казаки с восторгом наблюдали, как первая немецкая машина взорвалась, наскочив на немецкую же мину.

Казаки смеялись.

Несколько дней спустя казаки сидели в засаде на большаке. Ожидался мотоцикл со штабным офицером. Ждать пришлось недолго. Из-за поворота слышался стрекот.

— Приготовь гранату! — приказал бойцу Ткач.

— Есть, приготовить гранату!

Мотоцикл полным ходом проскочил мимо казаков. Боец метнул гранату и... на какое-то мгновение опоздал. Граната взорвалась позади мотоцикла. Вслед за взрывом не стало слышно ни раздосадованных возгласов казаков, ни стрекота удалявшегося мотоцикла. Карие глаза Ткача изумленно распахнулись. Ткач увидел, как немецкий офицер, ухватив себя за сиденье, невероятно широко разинул рот, и на всю дорогу только и слышался неистовый и отчаянный его вопль:

— А-а!

И тут Ткач, а за ним и все казаки загрохотали смехом. Долго потом — стоило кому-нибудь раскрыть рот и протянуть — «А-а!», как казаки отзывались неудержимым раскатистым хохотом.

И Ткач смеялся громче всех.

ПОЛИТРУК БОРИСАЙКО

Командира эскадрона Ткача дополнял, поддерживая, а когда надо и поправляя, — политрук Борисайко.

Очень спокойный, вдумчивый взгляд, открытое лицо и русые пряди волос на лбу, и грудной голос — все вызывало чувство симпатии к этому человеку.

Александр Ефимович Борисайко, 1913 года рождения, работал до армии инструктором райкома партии. Его первое боевое крещение было всего недели за две до рейда. Эскадрон, заняв окраину деревни, ночью прикрывал марш своей части. Немцы обнаружили движение. Они открыли огонь трассирующими снарядами. Это было очень красиво и жутко, когда снаряды, свистя и светясь красноватым светом, во всех направлениях распарывали темноту. На рассвете немецкие бронемашины пошли в атаку. Политрук Борисайко быстро обошел казаков, проверил боеготовность, подбодрил их. Немецкие бронемашины, извергая огонь из пулеметов, приближались. Вот первый броневик поровнялся с ямой, в которой находился Борисайко. С возгласом «Вперед!» Борисайко выскочил и подорвал бронемашину связкой гранат. Противотанковая пушка расстреляла другой броневик. Остальные машины повернули назад.

Командир эскадрона Ткач и казаки горячо приветствовали своего политрука. С тех пор он стал дорогим и близким. И так уж повелось в эскадроне, что к политруку шли с самыми задушевными думами, сердечными признаниями, а в жарких схватках бойцы оглядывались на него, брали с него пример. В одной разведке Борисайко под проливным пулеметным огнем сам вынес с поля боя раненых товарищей.

Каждый день, в сумерках, а то и в глубокой темноте, в эскадроне подводи-

лись итоги боевых действий. Командир эскадрона и политрук говорили крепкое слово похвалы и одобрения отличившимся бесстрашием и боевыми своими действиями казакам. Здесь же критиковали, не давая спуска, бойцов, которые действовали не так, как должно.

Политрук Борисайко сплотил коммунистов, коммунисты входили в разведывательные отряды, в поисковые группы. И везде они показывали пример мужества и отваги в бою. За все время рейда политрук Борисайко работал без усталости, удивляя казаков своей выносливостью.

Вспоминая про дни рейда, каждый казак начинал рассказ словами про своего политрука:

— А наш политрук Борисайко зажег сразу два танка!

Эскадрон оседлал большак, перехватив его засадами. Разведка донесла о появлении трех танков. Командир эскадрона Ткач приказал немедленно срубить завал на большаке. Танки на большой скорости пророскочили к завалу и стали поворачивать назад.

Комэск Ткач скомандовал:

— ПТО, к бою!

Политрук Борисайко со связками гранат и зажигательными бутылками проскользнул за ствол огромной сосны в двух метрах от дороги. Танк порывнялся с этой сосной. Борисайко метнул бутылку в моторную группу. Разлетелись осколки бутылки. Танк запылал. Подошел второй танк. Так же хладнокровно политрук Борисайко метнул во второй танк бутылку, затем связку гранат. Вспыхнуло пламя. Откинулся люк на башне танка. Два немца выбросились на землю. Политрук Борисайко невозмутимо, стоя за сосной, уничтожил фашистов гранатой. В этот миг третий немецкий танк обогнал горящие танки. На лице у политрука Борисайко — досада: нехватило одной зажигательной бутылки, а то бы и этот танк не ушел!

МОЛЧУН

И командир эскадрона Ткач, и политрук Борисайко не раз пытались разговаривать с красноармейцем Михаилом Ступаковым. Тот отмалчивался. Смотрел

карими блестящими глазами, улыбался сдержанно и молчал. Так его и прозвали «Молчун».

Он спас жизнь Ткачу, вместе с другими казаками захватил броневик и мотоцикл фашистов.

Однажды эскадрон был отрезан немцами. Надо было пробиваться, но сил нехватало. Ткач и Борисайко решили просить командира полка о выручке. Надо послать донесение. А была ночь — темная, дождливая. До полка — тридцать километров, путь через стан врага. Кого послать?

Ткач перебрал в уме всех казаков, вспомнил Ступакова.

— Молчуна послать!

Ступаков взял донесение, вскочил на коня и пропал в темноте. Он прекрасно помнил дорогу и уверенно направлял коня вдоль лесных опушек, в обход деревень, занятых немцами. Он шептал, рассказывая себе, где он сейчас находится и что будет дальше.

Только раз он сбился — это было за топкой балочкой. Но он вернулся в топь, вспомнил и дальше уже не сбивался. Остаток пути он двигался по азимуту.

Выручка пришла вовремя. Ступакова казаки хвалили, благодарили от души и спрашивали:

— Да как же ты пробрался? Ночь, страх, немцы!..

Ступаков улыбался, потом сказал:

— Приказ выполнил в срок и своевременно! — И умолк. Казаки стали ругаться. Но тут вступился командир эскадрона:

— Вы не трожьте его! Пусть молчит. Когда он рядом со мной в бою молчит, мне никакой чорт не страшен.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Допекли немцев казаки. В штабе полковника Доватора счет уничтоженным немцам перевалил за три тысячи. Захваченные немецкие документы везли уже мешками, набитыми туго-натуго. Казачьи заставы на дорогах парализовали движение. Немецкое командование бросило против казаков целую карательную экспедицию — дивизию пехоты, броневика, танки, самолеты.

Кони казачьи вымотались, пристали. И сами казаки устали. А враг наседал со всех сторон. Часть комбрига Мельника была прижата двадцатью шестью броневиками. Партизан, местный житель, старик семидесяти лет, провел казаков под носом у врага. По грудь в топких мхах шли казаки, тащили на себе седла: усталые кони даже седел не могли нести. Полковник Доватор принял решение: вывести группу через линию фронта к своим. Предстояло опять прорубать ворота через немецкие укрепления. Но где их прорубать? На хвосте у казачьей группы — преследователи. На линии фронта немцы тоже ждали казаков...

Полковник Доватор решил пробиваться старым следом. Он проникновенно разгадал и точно рассчитал: вряд ли немцы допустят мысль, что он пойдет старой дорогой. Конечно, и там они приняли меры для перехвата казаков. Но такие же меры приняты ими и на других, на всех участках фронта. Лучше пробиваться знакомым путем. Прикрывшись эскадронами, которые держали огневую связь с противником, полковник Доватор с главными силами, ночными маршами, лесными трюцобами и болотами, вышел к линии фронта.

Здесь, в лесу, присоединились к группе арьергардные эскадроны...

Лейтенант Нимков был послан в разведку. Ночью он прополз с двумя казаками через немецкие окопы. Их обнаружил немец, подскочил к ним. Боец заporол его кинжалом.

Лейтенант Нимков с казаками вскочил в немецкий окоп. У немцев поднялась паника, беспорядочная стрельба. Казаки в этой неразберихе проскользнули обратно к своим. Нимков доложил

полковнику Доватору, что полем итти опасно, можно итти только лесом.

Полковник Доватор решил пробиваться лесом, несмотря на то, что в лесу вырублена просека шириною более ста метров, а по обеим сторонам этой просеки — завалы. Это тоже установила разведка. Было опасение, что завалы минированы, но иного пути не виделось.

На завалы были посланы смелые из смелых, и среди них первыми — Нимков, Иванкин и другие.

Под многослойным огнем из немецких дзотов, вдоль просеки, смельчаки разведали и разобрали завалы. Кипел ожесточенный бой. Немцы бросались в яростные контратаки. Они заходили с тыла. Но казачью группу прикрывали тоже смелые из смелых. Криворотыко сбил с деревьев двух немецких «кукушек», третью сбил казак Федоров.

К немцам прибывали новые силы. И тогда полковник Доватор вместе со всеми командирами повел казаков в последнюю и решительную атаку.

— За родину! За Сталина! Ура! — гремело и перекатывалось в лесу.

Немцы были разбиты, отброшены. Фашистские трупы устилали просеку, завалы, лес.

Казаки пробилась к своим. Раненный в ногу, лейтенант Гончаров просил товарищей пристрелить его. Командир отделения Костомаров сурово и нежно сказал лейтенанту:

— Погибну с вами или спасу.

Ни один раненый не остался у немцев, всех казаки вынесли с собой.

Пробившись, уже за своей линией фронта, казаки обнимались. И первое казачье слово — это было слово привета родине, советскому народу, далеким и милым станицам, великому родному Сталину.

★

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКА

12 октября 1941 года,
Можайск.

Русские земли, просторы. Русская осень — в золоте берез, в хрустальной четкости далей, в первом полете

снежинок, в седине озими, по утрам.

И наши земли, наши просторы осквернены поганьем врагом. И нашим людям, советским людям, грозит истребление, грозят муки и смерть от рук фашистских варваров.

Пандырные орды Гитлера, заливая своей кровью нашу землю, лезут к центру моей могучей и любимой родины.

Опасность грозит Москве.

За Можайском, у Бородина грохочут орудия, ревут моторы танков и самолетов, от гула боя содрогается округа днем и ночью.

Бой идет за Можайск. Сто тридцать лет тому назад здесь было Бородинское сражение. Разноплеменные полчища Наполеона испытали здесь русский патриотический удар. Они уже не оправились от него, хотя позднее и побывали в Москве.

А мы не пустим, не пропустим врага к нашей столице.

Не пропустим!

Немецкое командование перебрасывает дивизии из оккупированных стран. У немцев — превосходство в танках. И в авиации у них тоже еще превосходство. Только-что был налет девятки «юнкерсов» на наш передний край за Красновиновом, километрах в пяти. Бомбардировщики стали в круг, пикировали, сбрасывали бомбы. Вздрагивала земля. Взлетали бурые фонтаны земли. Кто же мог там остаться в живых? — Вот бомбардировщики улетели. Наши товарищи, наши патриоты поднимались из щелей, встречали пехоту немцев огнем. Потери от бомбежки невелики. Но бой — неравный. Жесток и тяжел этот бой за Москву.

И все же фашистам в столицу не пройти!

Боевое охранение Н-ского стрелкового полка стойко боролось с наседавшими танками и пехотой фашистов.

Боевое охранение с честью выполнило свою задачу. Боевое охранение погибло. Младший командир Морозов доносил командованию части о продвижении противника, о его злобном напоре, о мужестве своих боевых соратников.

В последний раз он сообщил коротко: — Фашисты здесь. Взрываю рацию. Прощайте, товарищи!

В одном бою четыре танка Н-ского танкового полка под командой Тарнинова и три других танка под командой Карпенко с места расстреляли одиннадцать танков противника. Комиссар роты по-

литрук Сидоров повел два танка в атаку, уничтожил пять немецких танков. С двух танков экипажи фашистские бежали, даже не заглушив моторов.

Патриот товарищ Чернин, командуя танком, уничтожил два танка. И сам погиб в бою, в который он повел товарищей, провозгласив:

— За родину! За партию! За великого Сталина!

На станции Р. вражеские самолеты зажгли цистерны с горючим. Красноармейцы, во главе с политруком Петровым и командиром Галактионовым, потушили четыре горевших цистерны. Красноармейцы Бодров и Соколов, комзвода Розенбаум и военфельдшер срывали с себя одежду и затыкали пробойны в цистернах, из которых хлестал бензин. Так отважные патриоты побеждали стихию.

И чтобы враг преодолел нарастающую мощь сопротивления советских патриотов? Этого не будет! Перед нами — задача: врага остановить, задержать, размотить на подступах к Москве.

*13 октября 1941 года,
на автограде к востоку
от Можайска.*

Ночью — непрерывное движение. Могучий поток автомобилей. К переднему краю стремительно перебрасываются свежие части. Одеты хорошо — в зимнем обмундировании. Родина посылает новых бойцов в помощь фронтовикам, ведущим неслыханные по напряжению бои.

Родина посылает новую технику. На позиции катятся один за другим артиллерийские полки. В Кубинке сосредотачивается новая танковая бригада. Дышит глубже и легче.

*14 октября 1941 года,
в березовой роще на
краю лагерей.*

Фашисты бросили в атаку больше сотни танков. Наши части были вынуждены отойти. Бои идут под самым Можайском.

Положение сильно осложнилось. От каждого сейчас требуется полное напряжение всех сил, всех способностей — на защиту родины, на защиту Москвы.

Что сейчас в Москве?.. И как щемит сердце, — враг угрожает сердцу страны...

Каждый день из окружения выходят одиночками, группами наши бойцы, командиры, политработники. Из них формируются части. Работу по формированию возглавляют член Военного совета и начальник Политуправления Лестев и член Военного совета Хохлов.

Дмитрий Александрович Лестев — такой же, как и прежде, как и всегда — легкий, сухощавый, веселый. Говорит шопотом. Сорвал голос.

— Подождите, товарищи, ох, и набьем мы Гитлеру морду!

Лестев за крепким и резким словом в карман не полезет. И все его любят, и с ним всем легко и просто, но лишь тем, у кого, как у Лестева — на сердце, на душе одно: родина, борьба за жизнь, независимость и честь советского народа.

Лестев легко и правильно решает сложнейшие вопросы формирования целых дивизий. Напористо и строго требует точных сведений, точных данных. Сам он, хотя и записывает аккуратно данные в книжечку, ухитряется все удерживать в памяти.

Вспоминаем дни боев на Халхин-голе, на Карельском перешейке. Веселье так и брызжет из него. Как же он вырос! И сохранил всю свою обаятельную непосредственность.

Совсем под утро смотрели верстку первого номера журнала «Фронтowej юмор».

15 октября 1941 года.

На фронте — бой, непрекращающийся грозный бой.

Пленные показывают: Гитлер обещал, что с захватом Москвы война кончится, и все солдаты вернутся по своим домам. Каждому будет дано право захватить с собой любое, — что только понравится.

Гитлер уже предал Москву грабежам и разбоям! Но Москву еще надо взять!

*16 октября,
под Дороховым.*

Каждый из этих дней прочно входит в нашу историю. Напряжение боев нарастает. Немцы бросают в атаку тяжёлые танки. В районе Бульчево враг прорвался было вперед. Но этот прорыв был немедленно ликвидирован. Семнадцать фашистских танков расстреляно и уничтожено.

Группы немцев устилают наши поля так же, как сто тридцать лет назад их устилали тела разноязычных полчищ Наполеона.

Измотать! Измотать врага. Помните, что каждый убитый сейчас под Москвой фашист означает шаг к победе над врагом. С огромной жадностью бойцы хватают каждый номер газет. Настроение — решительное и злое.

— Преградим путь врагу.

На перекрестке дорог, недалеко от Дорохова курили с красноармейцами. Коренастый румяный волгарь, окая, высказался:

— Что там ни говори, а Гитлеру ни Москвы, ни победы над русским народом не видать!

И подрифмовал крепким словом.

Все рассмеялись. Над нами выли немецкие бомбардировщики.

*17 октября 1941 года,
на автостраде.*

Небо угрюмо. День совсем не летний. А наши сталинские соколы ведут свои боевые машины сквозь пургу и вьюгу за линию фронта. Там они бьют врага. Летчики лейтенанта Москалева разгромили колонну в двадцать автомашин и восемь танков.

За восемь дней — с 6 по 14 октября — лишь на Вяземском направлении летчики уничтожили 167 автомашин с грузом, больше сотни танков, много орудий. В воздушных боях и на аэродромах врага уничтожен 41 самолет. Пленные летчики показывают, что в

ночь с 13 на 14 октября наши соколы сожгли на Смоленском аэродроме сто пятьдесят самолетов, на двух других аэродромах — по сто самолетов.

Настроение летчиков боевое, решительное. Сержант Фурманов говорит:

— Над нашей родиной нависла серьезная угроза. Однако исход войны зависит от того, как каждый будет выполнять боевую задачу, как самоотверженно будут драться наши люди, ибо с точки зрения экономических ресурсов и людских резервов наше положение несравненно лучше, чем положение противника.

Он прав, товарищ Фурманов. Он жив и сердечно, как и все фронтовики, все советские патриоты, интересуется:

— Как товарищ Сталин?

— Товарищ Сталин — в Москве. На посту!

И у собеседника гордо вскинута голова. И глаза блестят.

Наш Сталин в Москве!

*18 октября 1941 года,
под Голлицыным.*

Быстренько съездил в Москву. На ближних подступах — десятки тысяч москвичей. Они роят противотанковые рвы, строят укрепления.

Холодный ветер. Сечет крупа. Девушки-москвички отважно и неутомимо действуют лопатами, кирками-мотыгами.

Москва — суровая и грозная. Одна за другой — быстро возникают сотни и тысячи баррикад, огневых точек.

Москвичи заняты на работах по созданию несокрушимого пояса обороны столицы.

Маршируют батальоны москвичей. Они еще в штатском. Как же быстро они организованы. Идут за оружием, обмундированием.

Над Смоленским рынком в проломе облаков вижу «Юнкерс-88». Не выше, чем на 1000 метров. Совсем обнаглели, сволочи!

В Союзе писателей встречаюсь с товарищами.

Поэт Рудман — худой, морщинистый, читает стихи. Последние годы его почти не было слышно. Сейчас глаза его светлые, жаркие. И голос — страстно напряжен.

В дни эти, грозные дни,
Лопата острая, звени.
Взлетай, как туча, вверх, земля!
Пусть станут пропастью поля!
Мы дружным крепким строем
Врагу могила роем.

Проезжаю вокруг Кремля. По Красной площади проходит стрелковый батальон. Звонит песня. Волненье сжимает горло.

Москва моя! Страна моя,
Ты самая любимая...

Чудесная улица Горького. И здесь — дыханье войны. В первых этажах витрины магазинов заставлены щитами, заложены мешками с песком. И дома глядят строго, даже сурово. Сколько раз уничтожены Геббельсом все вот эти дома и вся Москва.

А она стоит — величавая и грозная. И нет на земле силы, чтобы взять, покорить нашу столицу.

Но что же это? На углу площади Пушкина — очередь. Десятки людей. Ух, батюшки! Это — за газетами.

Газеты выходят регулярно. Попржнему. Несмотря ни на что.

В редакции «Правды» непривычно тихо. Газету выпускает оперативная группа. Во главе — редактор «Правды» товарищ Пospelов П. Н. Его заместитель — секретарь редакции товарищ Ильичев.

Вся оперативная группа состоит из нескольких человек. Работа — напряженной. «Правда» связана с фронтами, связана со всей страной. «Правда» выходит без перерыва.

В редакции — боевая и сердечная обстановка. В труднейшие дни «Правда» несла и несет массам мужественное слово партии, суровое слово борьбы, веры в свои силы, в нашу победу.

*19 октября 1941 года,
под Кубинкой.*

С каждым днем, с каждым часом бои становятся все ожесточеннее, все кровопролитнее. Озверелые фашисты, подхлестываемые приказами «фюрера», бешено лезут на нашу оборону.

Среди немецких частей, стянутых на дальние подступы к Москве, есть и старые наши знакомые.

Еще в августе бойцы дивизии генерал-майора Захарова разгромили недалеко от Рославля 23-ю пехотную дивизию. Теперь эта дивизия немцев, с тех пор неоднократно пополненная, снова испытывает всю силу советского удара.

Объявилась и дивизия «Мертвая голова», как известно, крепко потрепанная еще в июльских боях... «Мертвым головам» еще раз захотелось испробовать беды и горя. Что же! Они получат его в должной мере.

Гитлеру наплевать на огромные потери. Он сам говорил, что ему ничего не стоит пожертвовать тремя миллионами немцев. Этими тремя миллионами немцев Гитлер уже пожертвовал. Сейчас счет перевалил далеко за четвертый миллион убитых и раненых.

И все же эта проклятая саранча лезет и лезет.

★

Сегодня я беседовал с товарищами, вышедшими из немецкого тыла. Бригадный комиссар Виктор Толмачев рассказывал, как он со своими боевыми соратниками в течение двенадцати суток пробивался сквозь фашистское кольцо. Бойцы шли с боями, под дождем и снегом, по лесам и болотам, вброд через осенние студеные реки.

Между Вязьмой и Юхновом Толмачев и его товарищи видели, как немцы впрягали советских людей в повозки, заставляя возить офицеров, солдат и грузы. Около села Селиванова была найдена санитарная машина, а вокруг нее пятнадцать изрезанных, изрубленных немецкими тесаками трупов наших красноармейцев.

В деревне Бесово немцы захватили

в плен трех красноармейцев, которые оказывали мужественное сопротивление, были ранены и только поэтому и оказались в плену. Всех троих немцы связали, обложили соломой и сожгли живыми. От трех героев-патриотов остался лишь пепел...

Немцы думают запугать советских патриотов своими зверствами, но вызывают лишь неугасимую ненависть к себе, укрепляют нашу решимость бороться до победного конца и отомстить.

Из вражеского окружения бригадный комиссар Толмачев и его боевые соратники вышли еще более крепкими и суровыми бойцами. В их группе были женщины. Нина К., раненная в ногу, прошла сто пятьдесят километров. Она перевязывала раненых, воодушевляла их своим мужеством, своей выдержкой. Зоя Бартенникова — скромная машинистка политотдела — три раза ходила в атаку на фашистских извергов.

★

Сегодня на фронте — праздник. Получили подарки от москвичей, уральцев, сибиряков. В этих посылках и искренних чистосердечных письмах — несокрушимое единство армии и советского народа. Влажно блестят глаза суровых воинов, разбирающих подарки. Это волнение лучше всего свидетельствует о том, что мы сильны связью фронта и тыла и что победа будет за нами.

*20 октября 1941 года,
под Наро-Фоминском.*

Сегодня бойцы, командиры и политработники Западного фронта пережили чувство глубокого удовлетворения и подъема: опубликовано постановление Государственного Комитета Оборона о защите столицы, о введении осадного положения и об охране Москвы.

Великий Сталин поручил оборону Москвы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, командующему Западным фронтом генералу армии товарищу Жукову.

Георгий Константинович Жуков — боевой, опытный полководец.

Ему 47 лет. За двадцать шесть лет военной службы товарищ Жуков прошел все ступени (не минуя ни одной) от рядового бойца до поста командующего фронтом.

Вокруг генерала Жукова — напряженная организаторская военная работа, без шумихи, без хвастовства, без лишнего слова. Его мужество и храбрость широко известны.

С немцами генерал армии встречается не впервые.

Солдат-кавалерист в царской армии, он участвовал в боях на германском фронте в 1915—1916 году.

Под Барановичами, будучи разведчиком, он со своей поисковой группой проникал сквозь шестнадцать линий проволочных заграждений к немцам и вытаскивал оттуда «языка».

Сейчас в любой по сложности и трудности обстановке он подскажет самому опытному разведчику лучший способ выполнения боевой задачи.

Требовательный и суровый, он отзывается всем сердцем на нужды и чувства товарищей.

Принятию им решения всегда предшествует глубочайшее изучение противника, местности, точное знание своих сил, всех своих возможностей.

Принятое решение он доводит до полного осуществления непоколебимой волей, железной рукой.

Я видел товарища Жукова на Халхин-голе, под Ельней, здесь, за Можайском. В памяти неизгладимо живут встречи, — под рев и грохот вражеской бомбежки, на передовых кавалерийских заставах, куда он забирался для изучения местности, на наблюдательных пунктах полков и батальонов — под немецким минометным обстрелом.

Он лично знает огромное количество людей. Он любит здоровую крепкую шутку.

Член партии Ленина — Сталина, он изо дня в день глубоко интересуется практикой партийно-политической работы. Его перу принадлежит не одна пламенная большевистская листовка.

И он очень жизнерадостен. По пути

на передовую кавалерийскую заставу он вызывает командира полка на соревнование: пересечь реку глубиной до полутора метров вброд на конях, не замочив сапог. И — выходит победителем.

А по адресу одного не в меру суетливого человека у него срывается добродушное и веселое замечание:

— Вертится, как ерш в лоханке.

Операция на Халхин-голе, артиллерийское наступление в районе Ельни были проведены по замыслам и под руководством генерала армии Жукова.

Русский человек, выдвигенец товарища Сталина — Жуков привлекает симпатии фронтовиков, в его опыт и талант фронтовики горячо верят.

*21 октября 1941 года,
под Наро-Фоминском.*

Немцы ведут яростные атаки на многих участках фронта. Они всюду наталкиваются на стойкое сопротивление. Потери их — огромны. Пленные показывают, что в ротах осталось меньше половины состава.

Наши части не только обороняются, но и контратакуют фашистов.

Энский мотополк стремительной контратакой захватил две деревни. Немцы понесли большие потери. Нашими фронтовиками захвачено восемьдесят мотоциклов, больше трехсот велосипедов, пять противотанковых орудий, много винтовок, большое количество немецкого оборудования. Освобождено из немецкого плена 150 бойцов и командиров.

Как могут летать наши соколы в такую непогоду! А летают. И бьют врага.

Вчера они уничтожили 30 танков и 20 грузовиков с пехотой.

*22 октября 1941 года,
под Малоярославцем в Каменке.*

Напряжение боев все нарастает. Мы знаем: Гитлер со своей сворой лезет из кожи, чтобы захватить нашу столицу, нашу Москву. Немецкое командование снимает части с других фронтов, перебрасывает их под Москву. Попрежнему перевес в танках на стороне врага.

Сегодня под напором остервенелых

фашистских орд мы отошли на несколько километров под Тарутиным.

На Варшавском шоссе бойцы энской части перешли в контратаку. Бой шёл в лесу. Часто срывался дождь, гремел раскатами артиллерийский огонь. И когда командиры, политработники и бойцы с возгласами: «За родину, за Сталина!» — рванулись вперед и лес огласился могучим «ура», — немцы не выдержали и бросились кто куда. Важный рубеж был захвачен этой стремительной большевистской контратакой.

Наши танкисты совершают чудеса храбрости, доблести и героизма. Вся страна знает о подвигах танкиста Горобца, который на своем танке ворвался в занятый немцами город, расстрелял и раздавил немало врагов и выскочил из огненного мешка.

Командир танка лейтенант Щекатуров в один день расстрелял пять огневых точек противника. Другой экипаж (командир — старший политрук Печерино, механик-водитель Пяткин, башенный стрелок Столбов и связист Максимов) в одном только бою уничтожил семь пушек противника и больше полсотни немецких солдат.

Разведка сегодня донесла, что немцы разгребают к фронту новые дивизии.

Впереди еще более жестокие кровопролитные бои. И с каким же негодованием и ненавистью узнали фронтовики о трусости командира Козлова и комиссара Яковлева. Командование фронтом отстранило паникеров и трусов и предало их военному суду.

23 октября 1941 года,
Каменка.

Вот и еще день прошел — в жестоких схватках, в кровопролитных боях. Над подступами к Москве, над подмосковной округой шестует ночь: в грохоте артиллерийского огня, в зарницах зенитных разрывов, в сиянии немецких ракет, в резком стуке пулеметов и автоматов, в суровом бодрствовании советских патриотов — защитников родины.

Повара доставили на позиции горя-

чую пищу, от вкусных запахов вздрагивают ноздри. Это очень хорошо — покусать с боевым соратником из одного котелка.

И тут же закипают беседы. Пройдут эти напряженные дни. И каждый фронтовик детям и внукам своим будет с гордостью рассказывать, как защищалась Москва. Но и сейчас с гордостью говорят между собой фронтовики о славных делах, с ненавистью говорят они о враге.

Падкий на исторические годовщины, Гитлер хотел овладеть Москвой 21 октября — в день оставления нашей столицы Наполеоном. На худой конец он хотел, чтобы Москва была взята 22 октября, ровно через четыре месяца после вероломного нападения фашистов на СССР. Не вышло ни первого, ни второго. А какие яростные атаки пришлось отбивать нашим дорогим товарищам-фронтовикам.

— Будем драться до последнего, а дальше фашистов не пустим! — говорит командир-фронтовик Лебеденко. Недавно было так. Немецкие танки прорвались на командный пункт товарища Лебеденко. Он скомандовал:

— Приготовиться к атаке!.. — и повернул своих товарищей в атаку на танки, они забросали танки гранатами и зажигательными бутылками. Шесть машин из десяти сгорело. Остальные ушли.

Над подмосковной округой идет ночь. Фронтовики отдыхают. Они говорят о будущих боях, они думают о родине. И каждый думает, сжимая оружие в твердой решимости бороться до конца:

— Ты слышишь нас, родина!

26 октября 1941 года,
под Кубинкой.

Положение на Западном фронте за истекший день осложнилось. Немцы, осатанев и совершенно не считаясь с потерями, лезут и лезут на нашу оборону почти по всему фронту.

Фронтовики отдают себе полный отчет в том, что перед ними стоит задача: любой ценой, любыми средствами измотать противника и задержать его.

И большинство фронтовиков — славных советских патриотов — правильно понимают свой долг перед родиной.

Командир танкистов майор Бабенко лично руководил в бою шестью танками. Несмотря на численное превосходство противника, в этом бою было уничтожено двенадцать немецких танков и до сотни немецких солдат. Под ураганным огнем фашистов командир танка сержант Корчагин — воспитанник ленинского комсомола — отважно бросился вперед и расстрелял в упор десятки немецких солдат. Лейтенант Быстров, тоже комсомолец, раненный под Можайском, не оставил своего боевого поста. Под его командованием экипаж лишь в одном бою уничтожил семь огневых точек противника, одну бронетанковую пушку и расстрелял десятки фашистов.

Капитан Шевелев со своей группой танков отражал с полным успехом натиск фашистских полчищ. В последнем бою группа Шевелева зажгла и подбила одиннадцать немецких танков. Младший лейтенант Фаранов из этой же группы со своим экипажем уничтожил за дни боев под Можайском девять танков. Он был ранен и все же вывел свой танк с поля боя.

В боях на дальних рубежах обороны Москвы фашисты несут огромные потери. По показаниям пленного немца, его 80-й пехотный полк в боях 2 октября потерял более половины своего состава. Другой пленный фашист показал, что его рота — 8-го мотополка — потеряла убитыми и ранеными 120 солдат и 5 офицеров. Рота уже не раз пополнялась плохо обученным молодым. Сейчас в роте нехватает 70 солдат.

Большие потери немцы несут и в танковых, и в авиационных частях. Лишь за 25 октября наши летчики подбили 83 танка, 148 автомашин и уничтожили до батальона противника. Кроме того, сбито несколько самолетов, точное число которых устанавливается.

Несмотря на потери, фашисты оголтело рвутся к Москве. Немцы подтянули за последние дни еще свои силы на Западный фронт и бросают их в бой. Это усиливает трудности борьбы против врага. Но трудности борьбы закаляют

дух фронтовиков, вызывают новые силы у советских патриотов.

Отбросим отдельных трусов и паникеров — всех этих подлецов, забывших честь и долг перед своим народом. Вся масса наших фронтовиков — люди сталинской закалки. Они без пощады бьют врага, они растут и в боевом, и в политическом отношении.

Тысячи фронтовиков подали заявления о вступлении в партию Ленина — Сталина.

Командир батареи лейтенант Смирнов, орденосец, заявляет:

«Во славу родины, если будет нужно, умру без страха. В бой хочу идти коммунистом.»

Герой Советского Союза Любушкин, принятый в партию, при получении партбилета заявил:

— Буду громить врага еще лучше и эффективнее.

Братья Матросовы, принятые в партию, заявляя:

— Все силы, все свои знания и, если потребуется, жизнь отдадим за дело партии и родины.

Враг рвется к Москве. Растут и ряды героев обороны нашей столицы. Но самые решающие бои еще впереди.

*27 октября 1941 года,
под Голицыным.*

Продолжают выходить из немецкого тыла наши товарищи, попавшие в окружение. К слову «окружение» у фронтовиков установилось определенное отношение. Презрением и насмешкой встречали фронтовики тех, кто выходил из немецкого тыла без оружия, вразброд, — не бойцы, а людишки, спасающие свою шкуру. Зато всеобщим уважением пользуются те, кто в немецком тылу не раскис, не перестал чувствовать себя бойцом, а наоборот, продолжал борьбу.

Сегодня мы получили известие, которое всех обрадовало и взволновало. Из немецкого тыла пробился с боями отряд, состоявший из обозов энской части и отдельных групп и бойцов этой части.

Товарищи попали в немецкое окружение. Работник штаба части Вера

Крылова взяла на себя командование обозами. В пути она присоединила к себе группы одиночных бойцов.

Сводный этот отряд под командованием товарища Крыловой разбил немецкое подразделение, захватив в бою автоматы, винтовки, боеприпасы.

27 октября 1941 года.

Каждый день поступают известия, что сотни и тысячи бойцов и командиров вступают в партию.

В полку, который вел в последние дни жестокие бои, успешно отражая танковые атаки врага, — сто двадцать бойцов и командиров подали заявления с просьбой принять их в ряды ВКП(б).

В боях за родину, за родную Москву крепнут и растут наши люди. Они вступают в ряды партии Ленина—Сталина. Грозные дни, опасность нависла над страной — отважные бойцы становятся коммунистами.

Эти факты свидетельствуют о многом. Они ярко говорят о нашей силе и о том, что, как ни тяжело сейчас, а все же победа будет наша.

29 октября 1941 года.

В течение 28 октября по всему фронту происходили упорные бои, напряжение которых все возрастает. По показанию пленных, действующая здесь 29-я танковая немецкая дивизия потеряла до полка пехоты, а вторая танковая дивизия потеряла 80—90 танков и больше батальона пехоты.

Удачно отразив контратаки, наши части перешли в наступление вдоль Можайского шоссе у пункта Дорохово. Вместе с танкистами части рассеяли и разогнали части дивизии СС. Фашистские молодчики разбежались кто куда. Наши части продвинулись вперед километров на восемь. Потери противника весьма серьезны. Нами захвачены трофеи: 5 противотанковых орудий, 5 минометов, 3 станковых пулемета, 3 бронемашин, 1 танкетка, несколько десятков грузовых машин, 3 трактора, 100 велосипедов, склад боеприпасов, радиостан-

ция, много винтовок и другого имущества.

Удачно действовал отряд истребителей танков энской дивизии. В одном бою славные истребители, пользуясь связками гранат, зажигательными бутылками и (в гораздо меньшей степени) противотанковыми орудиями, уничтожили 12 немецких танков. Особенно отличились старший лейтенант Котов — командир отряда и сержант Коновалов. первыми начавшие боевые действия против танков. Ефрейтор Набоков и заместитель политрука Медведев действовали неустрашимо. Тщательно замаскировавшись, они подпускали танки к себе вплотную, а затем внезапно появлялись из укрытия. Взмах руки — и немецкий танк охватывался огнем.

Красноармейцы энской части забрали в плен группу фашистов. Обнаглевшие молодчики, расположившись в селении, переловили кур, нажарили их и открыли пир горой, изрядно напившись при этом. Вот тут-то и захватили их наши бойцы...

На Малоарославецком направлении наши части вели ожесточенные бои за овладение лучшим рубежом. Одновременно они отражали контратаки противника, нанося ему большие потери. Здесь на одном участке нашим артиллерийским огнем было отбито наступление противника силой до четырех батальонов. На соседнем участке наступление также было отбито, при этом уничтожено до 3 батальонов вражеской пехоты. Накануне в боях на Малоарославецком направлении 59-й мотополк немцев потерял 7 противотанковых орудий, 10 станковых пулеметов. Потери противника живой силой были тоже весьма значительными.

На крайнем левом фланге наши части вели бои за улучшение своего положения. Здесь в районе П. нашим артиллерийским огнем было рассеяно и уничтожено до батальона пехоты. В районе В. уничтожено до двух рот немецкой пехоты, в районе П. подавлены гаубичная батарея и 8 минометов.

В общем 28 октября наши части почти на всем фронте добились известных успехов, особенно в уничтожении живой

силы противника. Однако на одном участке противнику удалось вклиниться в нашу оборону на несколько километров.

Улучшившаяся погода вызвала с обеих сторон оживленные действия авиации. Наша авиация бомбардировала скопления немецких войск, уничтожала танки, автомашины и пехоту. В результате боевых действий подбито и выведено из строя до пятнадцати танков, 88 автомашин, 3 зенитных точки, 7 цистерн с горючим, 20 повозок. Нанесен большой урон живой силе противника. Накануне наша авиация разбила 22 танка, 6 орудий, 159 машин, 4 цистерны, 4 зенитных точки, 2 батальона пехоты.

★

Сейчас — звездная светлая ночь. Над фронтом по направлению к Москве летят вражеские самолеты. В ночном небе тут и там видны блестящие разрывы снарядов. Слышится грохот зенитных орудий. Вот за лесом возникает огромное зарево. Бойцы с тревогой смотрят на этот свет. Неужели врагу удалось поджечь один из наших населенных пунктов? Все с облегчением вздыхают, когда приходит радостная весть: это сбит и полыхает немецкий бомбардировщик.

Все думы фронтовиков в эти ночные часы — о Москве, о родине. И каждый полон решимости драться за них до конца.

И в течение всего дня 29 октября фашисты пытались прорвать нашу оборону и продвинуться к Москве. Все попытки врага отбиты по всему фронту. Фашисты задержаны повсюду.

★

В МОСКВЕ И С МОСКВОЙ

(Из зала торжественного заседания Московского Совета)

Там, в бескрайней ночи, под городами и селами Подмосковья, на полях и в лесах, сейчас идет бой. Грохочут орудия. Пулеметы и автоматы строчат свою смертельную строчку. На дальних рубежах советские патриоты обороняют Москву, отбивают и уничтожают заклятого врага.

Наша авиация за 29 октября разбила 44 танка, 231 автомашину, расстреляла два батальона немецкой пехоты.

Как же надо в целом рассматривать обстановку на Западном фронте? Замыслы немцев молниеносно взять Москву провалились. Немцы понесли большие и серьезные потери. В фашистских дивизиях, действующих против нашего Западного фронта, осталось не более половины их личного состава. Наднях фашисты вынуждены были ввести в бой две резервные дивизии. Но и это не дало им того продвижения к Москве, к которому так стремится немецкое командование. Сейчас немецкие генералы подтягивают из тыла новые резервы. По имеющимся данным, они на исходе. И генералы торопятся...

Кроме огромных потерь, налицо серьезный упадок боевого духа немецких солдат. Среди солдат все больше становится таких, которые не желают воевать. Конечно, многие солдаты еще верят заверениям офицеров, что после взятия Москвы война кончится. Одураченные немецкие солдаты послушно идут в атаки и гибнут под ударами наших частей.

Предстоят еще бои, ожесточенные, решающие, и фронтовикам придется выдерживать серьезнейшие испытания. Бои будут трудные. Но в борьбе люди закалились. Во главе наших частей — испытанное боевое руководство. С фронтовиками весь советский народ. Воины Красной Армии с честью выполнят приказ Народного Комиссара Оборон товарища Сталина: они разгромят врага.

Моряки несут зоркую вахту на боевых кораблях.

А мысли их сейчас — в Москве и с Москвой.

За линией фронта обездоленные, терроризированные немецкими захватчиками, в страданиях и муках томятся советские люди. Отважно действуют партизаны.

А мысли их сейчас — в Москве и с Москвой.

В снегах Арктики и в солнечных долинах Закавказья и республик Средней Азии, в Поволжье и на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке советские патриоты на предприятиях несут боевые вахты труда, колхозники подводят итоги сельскохозяйственного года и планируют будущее своих колхозов. И по всей нашей необъятной стране сейчас мысли всех советских патриотов в Москве и с Москвой.

И вот она, родная и прекрасная столица. На улицах гремят танки — новая бригада идет на фронт. На магистральных улицах — баррикады, — это само дыхание фронта.

В мерцающем свете звезд высятся кремлевские башни. Улицы полны москвичей. Торжественный, приподнятый говор. В голосах — невыразимое волнение.

Вдруг разгорается пальба зенитных батарей. Вдоль улиц, словно в горных ущельях, гремят и гремят раскаты. Особо старательно и крепко бьют в этот вечер зенитчики. И столицу надежно прикрывает сплошная огненная шапка сверкающих разрывов. Ни один вражеский самолет не смог проникнуть через этот заградительный огонь.

И во время воздушной тревоги москвичи не хотят уходить. Звучит все тот же торжественный, приподнятый говор.

Завтра — двадцать четвертая годовщина Октября. И как всегда, каждый год, традиционно — в этот вечер, синий и свежий — Московский совет депутатов трудящихся проводит торжественное заседание совместно с партийными, общественными организациями, стахановцами, ударниками и советской интеллигенцией.

★

Огромный, залитый солнечно мягким светом зал. Трибуна. Бюст Ленина. Портрет Сталина. Цветы.

Ряды стульев. По бокам — массивные колонны.

Задолго до начала заседания зал уже полон. Людей меньше, чем было в прошлом году в Большом театре. Встречаются старые друзья, соратники. Разговоры, расспросы, короткие реплики. Тот на фронте, и тот на фронте, и многие на фронте. Про других узнаем: пускают заводы, налаживают производство на новых местах в глубине страны. В разговорах, в повадках — все тот же характер москвичей, характер большевиков, людей высоких помыслов и серьезных дел, жизнерадостных, смелых.

★

Скоро семь. Взгляды все чаще устремляются к трибуне. Ожидание нарастает. Разговоры идут вполголоса.

И вдруг весь зал встает. Плещет могучим валом искрометное, из самой глубины души и сердца «ура», возгласы:

— Да здравствует великий Сталин!

— Да здравствует партия Ленина — Сталина!

— Да здравствует родина!

На трибуну выходят товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Микоян, Берия, Маленков, Щербаков, Буденный, Пронин, Попов и другие.

Сталин стоит с правой стороны. И у фронтовика, приехавшего на заседание прямо с позиций, — вырывается радостно и изумленно:

— Да он помолодел!

И радостный гул, и новые возгласы приветствия и любви могучей волной вздымаются по залу. И каждый всматривается в черты лица, чтобы унести, сохранить навсегда и этот живой и пронизательный блеск глаз, и морщинки на висках, и поседевшие усы, и весь облик человека — великого и до бесконечности родного.

Сталин, наш Сталин, радость и надежда, сила и разум всего человечества!

★

Председательствующий товарищ Пронин объявляет заседание открытым. Выборы почетного президиума: членов и кандидатов Политбюро и товарища Буденного.

И вот — слово для доклада имеет товарищ Сталин. Он проходит на трибуну легкой и сильной походкой. По залу снова — шторм оваций. Товарищ Сталин с мягкой укоризной вынимает часы, показывает на них. Наконец раздается его знакомый голос.

И — словно нет и не было ни стен, ни колонн, ни этого зала. И прямо отсюда, от этой трибуны, простираются необъятные просторы родины и родных советских земель по ту сторону фронта, попранных сейчас заклятым врагом. Прямо отсюда, от этой трибуны, словно с вершины горного кряжа, становятся видными страны там, за рубежами нашей родины.

Предельно простые и глубоко мудрые слова доклада, — они раскрывают весь смысл и итоги нашей войны против немецких захватчиков, положение у нас и за нашими рубежами.

В нем — правда, и только правда, — как всегда в докладах товарища Сталина.

Правда о враге. Правда о наших временных неудачах на фронтах. И — ликующая, научно-точная правда о неизбежности разгрома немецких империалистов и их армий.

И каждый в этом зале — ученый и стахановец, общественный работник и военнослужащий — впитывает слово за словом, горячо отзываясь на доклад.

Товарищ Сталин говорит, что фашисты имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова, — в голосе его собравшиеся в зале слышат и волнение, и гневную страсть патриота.

Сверкают глаза. Сжимаются руки. И когда беспощадным и справедливым приговором звучат слова Сталина: «Смерть немецким оккупантам!» — по всему залу грозным вихрем пронесется:

— Правильно! Смерть!

Товарищ Сталин продолжает доклад. И каждому ясны пути к нашей победе над врагом. И в каждом бурлят новые силы, воля, стальная сталинская воля к борьбе.

Товарищ Сталин заканчивает доклад, и снова слышатся в его голосе волнение и сила.

Снова овация, запевают «Интернационал», гремит наш гимн под сводами зала. Нет, он гремит на весь мир, как и слова великого Сталина:

«Наше дело правое, — победа будет за нами!»

★

ГЕНЕРАЛ ПАНФИЛОВ И ЕГО ГВАРДЕЙЦЫ

До Москвы оставалось лишь сто двадцать километров. С запада уходили, отбивая яростный натиск врага, наши усталые части. Немецко-фашистские дивизии южнее прорывались к Можайску. Но командование немцев обращало внимание и на волоколамский участок. Здесь проходили асфальтированные шоссе и железная дорога на

«Новый мир», № 1—2.

Москву, здесь была густая сеть шоссе-ных и хороших грунтовых дорог рокадного типа. Немцы бросили сюда три пехотных дивизии, одну мотодивизию и одну танковую. Кроме того, действовала многочисленная авиация.

В противовес наше командование перебросило сюда 316-ю стрелковую дивизию — свежую, еще не бывшую в

боях. К 14 октября дивизия заняла свой боевой участок.

Так возникло Волоколамское направление.

Прежде чем части стали на места, генерал Панфилов проехал на автомобиле по переднему краю всего участка дивизии.

Он был во много раз больше уставной нормы. Местность была тоже в пользу противника: ни одной серьезной водной или какой-нибудь естественной преграды, много проходимых для танков мест.

Вдобавок ко всему, у немцев — дивизия танков, а у него, Панфилова, ни одного танка...

Наконец, на левом фланге боевого участка обрывалась Можайская линия укреплений. Дальше лишь предполагалось возвести укрепления, но к приходу дивизии здесь были только разметки, а сама работа не начиналась.

— На колышки садись и против танков обороняйся! — усмехнулся генерал Панфилов.

Но и там, где были укрепления, — не все было хорошо. В одном месте оборонительная линия обходила и оставляла впереди себя высоту, с которой местность просматривалась вокруг километров на десять-двенадцать.

С юго-запада, со стороны Можайска, доносился глухой гул артиллерийской стрельбы. С запада — по дорогам и тропам шли группами и в одиночку бойцы и командиры. Не у всех было оружие. Генерал изредка останавливал машину.

— Из окружения?

— Точно, товарищ генерал-майор.

Панфилов расспрашивал, внимательно слушал, запоминал... Внешне он был совершенно спокоен.

Накануне к ночи поднялась внезапная метель. До зари бушевал ветер, лепил косой снегопад. А теперь из-под снежных охапок, пригнувших ветви, виднелась могучая зелень дубов, горело золото берез, пламенели резные листья калины.

Генерал смотрел вокруг, глубоко вдыхал морозный воздух, на душе становилось легче и яснее.

Он вернулся на свой командный пункт с полным и трезвым представлением о всей сложности и ответственности обстановки на участке дивизии. Он сразу же выслушал доклады начальника штаба, разведчика, артиллериста, инженера и связиста дивизии. Потом, сбросив шинель, стал ходить по избе. Два ордена «Красного Знамени» горели у него на груди. Невысокого роста, подтянутый, он двигался легко, словно скользя. Никак нельзя было дать ему его сорок восемь лет. Только широкое серебро седины в коротко подстриженных волосах говорило о возрасте, о многом пережитом. Карие глаза его были удивительно свежи и молоды. На смуглом, чуть скуластом лице жило выражение уверенности, силы. И в часто возникавшей усмешке, когда под черными усиками вдруг блестели зубы, — в этой усмешке бывалого, выдавшего всякие виды солдата, — светились природный глубокий ум, человеческая пронзительность.

Дивизия прибыла из тыла еще в августе, находилась в резерве ставки и, не теряя даром ни одного часа, — в прифронтовой обстановке училась, училась, училась.

— Воюя, учись воевать! — говорил Панфилов и лично проводил в частях учебные стрельбы.

— А сложное здесь дело, Иван Васильевич! — сказал комиссар дивизии, старший батальонный комиссар Егоров.

— Конечно, сложное! — горячо отзывался генерал. — В империалистическую и гражданскую войну проще было... — Он умолк на мгновение и усмехнулся. — А здесь думать надо. Как бороться против танков — когда у нас их вообще не хватает. Небывалая сложность! И немцы висят на флангах!.. Давай принимать решение.

Они оба склонились над развернутой картой.

— Противник силой трех пехотных, одной мотодивизии и одной танковой готовит прорыв и захват Волоколамска!

Перед взором Панфилова зеленые пятна на карте поднимались лесами, рощами и перелесками, коричневые диагонали, сходясь в пучки, виделись ему,

как овраги и обрывы, крутые склоны. Карта ожила.

Генерал выпрямился. Глаза его были прищурены, в уголках собрались лучики морщин.

— Дивизия занимает оборону на широком фронте. Задача: задержать, измотать противника. Отхода без приказа не будет. Оборону будем держать подвижную, активную. Фланги закрыть. На этих двух направлениях — создать противотанковые узлы. Обязательно с глубиной. Особо важно: создать и держать в руке сильный резерв, заградительный отряд. В любое время он может понадобиться! А всем подразделениям зарыться в землю. Дай приказ всем комиссарам! Пока непогода — надо воспользоваться!

Решение принято. Генерал Панфилов продиктовал начальнику штаба приказ. Делегаты связи из частей тут же записали приказ и умчались.

Генерал вызывал к себе командиров, говорил с ними по телефону, требовал донесений, посылал для проверки штабных командиров.

Он хорошо знал свою дивизию, личный состав. Но — все же это была только пехота. В памяти генерала всплывали бои тех двух войн. Унтер-офицер, а потом фельдфебель в царской армии, он участвовал в боях против немцев на Юго-Западном фронте. В гражданскую войну командовал взводом, потом батальоном в славной дивизии Василия Ивановича Чапаева.

Он испытал кровопролитные атаки и контратаки, бесчисленное множество артиллерийских налетов. Он был в пехоте. Пехота выдерживала и побеждала.

Но здесь танки, авиация. У генерала сбывался невольный вздох.

— Трудно сейчас воевать пехоте!

Он представлял себя командиром роты, батальона. Вновь и вновь изучая карту, он решал задачи на оборону за командиров взвода, роты, батальона.

И прямо от этого переходил к новым решениям. Так, он приказал начальнику штаба немедленно изучить рубежи обороны в тылу боевого участка. И на изумленный взгляд того коротко ответил:

— Сейчас мы будем сидеть на своем участке до конца. Но надо все предвидеть!

Каждый час генерал справлялся у начальника артиллерии дивизии, как движутся на позиции три подчиненных ему противотанковых полка и поддерживающий дивизию артиллерийский пушечный полк.

От инженера дивизии он требовал немедленного создания заграждений, минных полей, окопов — и тоже не только по фронту, но и в глубину.

Каждый час генерал вызывал разведчика.

Над округой шла ночь — метельная, буревая. Залепленные снегом, шурясь и утираясь, непрерывной чередой приходили к генералу люди. Было не до сна. Генерал готовил отпор врагу, готовил дивизию к бою.

★

Батальон старшего лейтенанта Райкина в районе совхоза Больчево и деревни Федосьино закрывал левый фланг дивизии.

Райкин произвел тщательную рекогносцировку вместе с командиром приданного ему артиллерийского дивизиона.

Четвертая и пятая стрелковые роты и минометная рота заняли позиции вокруг деревни Федосьино.

Шестая рота старшего лейтенанта Маслова, с приданным пулеметным взводом, двумя противотанковыми орудиями и двумя 76-миллиметровыми пушками, заняла совхоз Больчево — километра за два южнее.

Маслов выслал боевое охранение своей роты на полтора километра вперед, к деревне Красная Горка.

Бойцы роты отрыли окопы полного профиля. Артиллеристы выкатили орудия на огневые позиции и тщательно замаскировали их.

14 октября боевое охранение заметило приближающуюся разведку немцев: мотоциклы, грузовики с пехотой.

Получив донесение, Маслов бросился туда и подоспел в разгар боя. Немецкая разведка была отброшена.

— Ну, теперь не зевать! — спокойно сказал Маслов.

К вечеру перед деревней появилось двадцать танков и больше роты пехоты. Обстреляв пехоту, прижав ее к земле, боевое охранение отошло в ротный узел обороны.

15 и 16 октября были ожесточенные бои за совхоз Больчево.

Десять немецких танков пошли прямо на совхоз. Командиры орудий Михайлов и Перетятыкин пристально следили за танками с высоты, по которой шли их огневые позиции,

На пути врага был мост через речку Колотовка. Около моста, замаскировавшись бурьяном в яме, еще до рассвета засел истребитель танков Кирилл Кривенко. На краю ямы он аккуратно разложил гранаты, зажигательные бутылки.

Танки с грохотом и лязгом прошли по мосту. Кривенко дождался, пока последний поровнялся с ним, и бросил гранату. Взрывом сорвало гусеницу, и танк, развернувшись поперек дороги, остановился. Кривенко метнул бутылку, танк охватило пламя. Из переднего люка один за другим выскочили фашисты. Кривенко метнул в открытый люк гранату. Взрывы снарядов разнесли танк.

Впереди танки остановились в замешательстве, продолжая, однако, вести по нашим позициям огонь из пушек и пулеметов.

Командиры Михайлов и Перетятыкин метким огнем своих орудий расстреляли два танка. Когда эти машины загорелись, остальные немедленно повернули назад.

— Хитрят шакалы! — сказал Михайлов. — Быть в полной боевой!

Кривенко вернулся к своим, его встретили радостно, шумными одобрениями.

Через полчаса в атаку пошли сорж немецких танков.

Командир артдивизиона сосредоточил на них огонь всех своих орудий. Артиллеристы расстреливали их прямой наводкой. Тут и там на поле полыхали зажженные снарядами стальные черепахи.

В первый же день артиллеристы разбили и сожгли семнадцать танков.

Наводчики Обухов и Терехов уничтожили каждый по три танка. Обухов после гибели расчета продолжал стрелять один. Он стрелял до последнего снаряда, потом взорвал орудие и отошел, забрав панораму.

Утром 17 октября рота Маслова была окружена. Глубоко и тщательно зарывшись в землю, герои отбивали все атаки врага. Отбивались еще 18 и 19 октября — в окопах за совхозом. Ночью они видели в совхозе костры, до них доносились скрежет гусениц, рев моторов, пьяные вопли. Днем — рота зря отбивалась.

Боеприпасы и продовольствие вышли. Осталось только по пять патронов и всего четыре гранаты. Эти гранаты Маслов сберег, чтобы оставшиеся в живых могли взорвать себя.

19 октября Маслов и с ним тринадцать красноармейцев пробились с оружием в руках к своим.

★

Окружив Больчево 17 октября, немцы атаковали Федосьино и позиции вокруг него.

Генерал Панфилов приказал перебросить из резерва восьмую роту на левый фланг батальона. Рота подоспела вовремя. Она успела занять оборону за противотанковым рвом. Проходы были немедленно заминированы.

Местность за рвом — открытая. Немецкие танки напоролась здесь на огонь и мины. Десять танков погибло. Остальные ушли назад.

Отбиты были атаки и на позиции вокруг Федосьино.

Заместитель политрука Добренко — связист — после восстановления связи с ротой пришел на командный пункт командира батальона Райкина.

— Товарищ старший лейтенант! За речкой по кустам танк идет. Прямо на мост! Разрешите выйти навстречу. Прошу дать противотанковые гранаты!

— Хорошо. Идите!

Добренко и связисты Козлов и Зайцев, захватив гранаты, двинулись к танку. Он стоял в кустах перед мостом.

Немцы заметили связистов и обстреляли их из пулеметов.

Юркнув в кусты, ползком, по-пластунски, связисты пробрались в тыл врагу. Но тут они увидели другие танки и немедленно вернулись в батальон, доложили командиру.

Больше в этот день танки не ходили в лобовую атаку. И Райкин думал, что завтра надо ждать от немцев еще пакости.

В батальон Райкина вместе с восьмой ротой прибыл начальник штаба полка капитан Манаенков. Расположив восьмую роту, он обошел позиции батальона, подбадривая бойцов, давая указания командирам.

★

Промозглое сырое было утро 18 октября. На земле лежал снег, пасмурно, угрюмо глядело небо.

Немцы с утра пошли в наступление. Сто танков, восемьдесят грузовиков с пехотой...

Ревели наши орудия, разрывы снарядов и мин сливались в сплошные раскаты.

Генерал Панфилов пристально следил за своим левым флангом. В штабе командиры уже подсказывали, что надо выбросить резерв — заградительный отряд. Но генерал выжидал. У противника была сильная группировка и на другом шоссе, и там тоже были танки. И там противник нажимал. Здесь батальон, закрывавший левый фланг, стойко держался, нанося фашистам огромные потери. Бросить сюда резерв? А дальше?.. Но когда в это утро он получил донесение о наступлении ста танков, он немедленно выбросил свой резерв на левый фланг, двинул в Осташово подошедший противотанковый пск, а другой оставил у себя в Спас-Рюховском. Строились два мощных противотанковых узла, два эшелона. Третий узел так же срочно создавался в Рюховском.

Генерал Панфилов твердо проводил в жизнь свои решения.

Он требовал подробных донесений о боевых действиях, о подвигах бойцов и командиров.

Начальнику политотдела дивизии он говорил:

— Слышал, как Кривенко танк поджег? Как артиллеристы действуют! Подробно узнай и популяризируй! Чтобы в дивизии все про них знали! Поднимай дух! Дух этим поднимай!

★

Фашисты бросили на позиции восьмой роты сорок танков. Они охватили фланги. Предатель — какой-то неразоблаченный в свое время кулак, проникший в строительный батальон и сбежавший к фашистам, — показал немцам минированные проходы и пути обхода позиций роты. Десять фашистских танков прорвались прямо к окопам.

Под гусеницами погибали отважные бойцы, забрасывавшие танки гранатами и зажигательными бутылками.

Красноармеец Левкобылов из своего глубокого окопа видел, как погиб его товарищ под танком.

Это был казах из Алма-Аты, колхозник и коммунист, до призыва в армию он учился. В части он был ротным агитатором и редактором «Боевого листка». Невысокий, худенький, он был неутомим, поспевал всюду, и его все любили за веселый и отзывчивый характер.

Левкобылов поднялся над окопом. Ливень пулеметного огня бушевал над ним.

— Товарищи, нас убивают! Сидеть бесполезно. Бойцы, всех призываю следовать за мной!

Он выскочил из окопа, и голос его прорезал грохот боя:

— За родину! За Сталина!

Пригнувшись, он пробежал с десятков шагов и, метнув гранату, прильнул к земле. Взрывом подбило башню немецкого танка, люк открылся, выглянул немец, выпучив оловянные глаза.

Левкобылов подбежал к танку вплотную, взмахнул рукой. Немец исчез в люке. Граната летела следом, и танк качнуло от взрыва. Левкобылов замахнулся зажигательной бутылкой. В этот миг в его грудь ударила целая очередь из немецкого автомата. Левкобылов уронил бутылку на танк и упал.

На поле пылали немецкие танки. Но их оставалось еще много, и они продолжали атаковать позиции батальона.

На правом фланге батальона занимал огневые позиции взвод станковых пулеметов. Командио взвода лейтенант Какулия выбрал эти позиции, чтобы отсюда вести фланговый огонь по пехоте противника, которая шла вслед за танками.

Какулия, безмолвно пропустив танки, расстрелял немецких солдат.

Второй эшелон немецких танков обнаружил пулеметные точки Какулии. Немцы дали шквал огня из пушек и минометов. Расчеты всех пулеметов Какулии были выбиты. Осталось три красноармейца с одним пулеметом. Какулия лег за пулемет и сам стал стрелять. Он стрелял до последнего патрона. Он погиб от взрыва немецкой мины. Его навеки застывшая рука сжимала ручку станкового пулемета.

Поле впереди пулеметных окопов было усеяно немецкими трупами.

Вскоре появился немецкий корректировщик «Хеншель-126», с уродливо выгнутыми крыльями.

— Принесло тебя, горбач проклятый! — с ненавистью сказал Манаенков.

Корректировщик низко кружил как-раз над наблюдательным пунктом командира батальона. И немцы открыли по НП ураганный огонь из минометов. Связь была перебита.

— Будем отходить на командный пункт, в Федосьино! — решил капитан. Перебежками, ползком они пробрались в деревню.

Минометный огонь задержал их у крайнего дома. Когда они двинулись дальше и прошли несколько домов — слева на них ринулись три фашистских танка, справа — ударили немецкие автоматы.

Райкин схватился за правый бок, пронизанный пулями. Рука — тоже простреленная, в этот миг опустилась. Связной не дал ему упасть и оттащил во двор.

Капитан Манаенков, отскочив к забору, одну за другой бросил две гра-

наты. Без промаха. Грянули разрывы, и у двух немецких танков были сбиты гусеницы.

Затрещали очереди автоматчиков уже сзади. Упав на землю, капитан расстрелял набежавших на него автоматчиков из своего ППД. Вскочив, забежал в сарай.

Словом забор, прямо в дверь сарая уперся третий танк, стал стрелять из пушки.

Вспыхнуло сено. Словно порох, занялся весь сарай.

Стреляя из автомата, проклиная врага крепким русским словом, Манаенков выбежал и упал, убитый многими десятками пуль.

Связист Харламов, видевший все это из ямы, в которой он укрылся, улучив минуту, схватил телефонный аппарат и забрался в старый, засыпанный золой колодец. Телефон работал. Харламов вызвал штаб полка.

— Товарищ комиссар, штаб батальона погиб. Командиры выбыли из строя. Как мне быть?

— А где вы?

— В колодце.

— Сидите и докладывайте.

Связист Харламов остался в колодце. Он видел, как под огнем врага, потрясенные потерей командиров, красноармейцы стали отходить в лес, в сторону деревни Игнатково. И доложил об этом.

Он видел, как в ту же сторону прошли немецкие танки; как немецкие солдаты полезли грабить колхозные дома.

Лицо его вдруг стало белым: в стороне Игнаткова яростно грохотали пушки и пулеметы.

— И туда ворвались! — горестно прошептал Харламов. И — ошибся!..

В той стороне происходило вот что.

В поле перед Игнатковым отходившие красноармейцы были остановлены. Их встретил дивизионный комиссар Лобачев.

— Куда это вы, товарищи?

— Танки прорвались! Там танки.

— А бутылки? А гранаты? Куда же отходить. И так уже Москва ря-

дом! А ну, командиры, политработники, бегом сюда. Остальные — на месте, стой!

Лобачев и Казаков указали командирам позиции у Игнаткова. И положили бойцов в оборону, приказав зарыться в землю. От Остаева тем временем подошел и развернулся резерв Панфилова. Когда немецкие танки атаковали позицию у Игнаткова, их встретил меткий огонь орудий. Прорвавшиеся танки были сожжены бутылками.

Семнадцать суток в непрерывных боях отражала дивизия генерал-майора Панфилова отчаянный натиск врага. Немцы яростно бросались в атаки, неся страшные потери. Одних танков — сожженными и разбитыми — фашисты потеряли 153. Шестая танковая дивизия была заменена второй.

За эти семнадцать суток дивизия Панфилова отошла на 25—26 километров.

★

Генерал-майор Панфилов спал по два, по три часа в сутки. Он приходил в части неизменно спокойный, со своей живой, лукавой усмешкой. И там, где он появлялся, веселее и увереннее становились люди. Он знал и с горячей жадностью узнавал о подвигах героев, и сам рассказывал о них, и требовал немедленного представления к наградам достойных.

— Надо признавать настоящее боевое дело! Надо поднимать дух признанием заслуг! — учил он командиров и политработников. — Я — старый солдат. Я все это на своей шкуре испытал!

При отходе наших частей из Игнаткова немцы сожгли там два дома, в которых находились раненые красноармейцы. Лицо генерала, когда ему донесли об этом злодействе врага, стало чугунно мрачным.

— Довести до каждого бойца! — сказал он, и все, замолкнув, глянули на него — такое горе и такая ненависть слышались в глухом, сдавленном голосе.

Беседуя с красноармейцами, он — старый солдат, Чапаевец, сразу нахо-

дил путь к сердцам, и перед ним легко раскрывались души бойцов.

— Война не на жизнь, а на смерть, — это товарищ Сталин сказал! Теперь в бою каждый красноармеец должен понимать и помнить: враг хочет меня убить, истребить. Одно спасенье: самому врага убить! Тогда и живой будешь, и победишь! А что надо делать? Война дело хитрое. Тут не моргай. И лба даром не подставляй! Действуй смекалисто и смело. Робкого, труса не то что враг — вошь одолеет! А нам, орлам, да фашистов не бить?

Его слова, выражения подхватывались бойцами, они подбадривали и учили. И бойцы любили своего комдива, верили в него и дрались героически.

Выводя свой взвод в боевое охранение батальона под селом Большое Никольское, командир взвода Ширматов говорил бойцам:

— Дорогие товарищи, слышали, что сказал наш генерал? Он сказал: будем и дальше так немцев бить! Чтобы вся страна радовалась.

— Будем! — дружно отозвались бойцы.

Вскоре на взвод стали наступать две немецкие группы, по сто солдат в каждой.

Взвод отбивал немцев огнем.

Пулеметчик Оспанов был убит. Его место занял помощник наводчика. Но пулемет отказал.

Командир взвода Ширматов передал командование взводом старшему сержанту Клещеву, и сам лег за пулемет — на лефом фланге, против группы в сто немцев. Немцы приближались. Взвод лежал молча. Ширматов подпустил фашистов и в упор открыл ураганный огонь. Половина была расстреляна. Остальные разбежались.

Другая группа немцев обошла взвод справа. Немцы, во весь рост, подошли совсем близко. Старший сержант Клещев решил контратаковать врага. Во главе своих двух отделений — 25 красноармейцев всего! — он бросился на немцев. И немцы в паническом ужасе разбежались.

В это время против Ширматова снова накопились солдаты и перешли в наступление с фланга. Клещев и туда поспел, и там контратаковал и разгромил фашистскую банду.

Фашисты оставили здесь 173 трупа!

Генерал Панфилов немедленно объявил героям благодарность от лица службы, приказал штабу представить их к правительственной награде.

Вникая в подробности боевой жизни, генерал Панфилов ни на минуту не упускал из рук управления всей дивизией в целом.

Он глубоко продумывал опыт, весь ход боевых действий. Ему было ясно, что не прикройся он слева батальоном Райкина, дивизия могла бы сильно пострадать. Не создай он резерва — заградительного отряда, который на двое суток задержал немцев, — враг мог бы прорваться в глубину расположения дивизии.

Поэтому, выбросив резерв, он создал снова, хотя и меньший, но стойкий резерв, отрывая по роте, по взводу всюду, где только виделась возможность.

И когда танки врага 25 октября просочились в обход к командному пункту дивизии, они наткнулись на организованный отпор, ничего сделать не могли и отошли, оставив несколько горящих машин.

Генерал Панфилов ясно понимал, что в этой обстановке совершенно обязательна значительная глубина обороны. Созданные им три противотанковых узла и задержали немцев, и нанесли им серьезные удары.

Только в бою у Спас-Рюховского противотанковый полк майора Ефременко расстрелял и сжег 59 фашистских танков.

Этот бой с особенной силой показал всю роль, все значение артиллерии. Пехоте было трудно противостоять атаке больше чем сотни немецких танков. Подразделения батальона командира Решетникова стали отходить через огневые позиции противотанкового полка.

Командующий армией генерал-лейтенант Рокоссовский — приехавший сюда, на опаснейший и ответственный участок, приказал майору Ефременко подчинить себе пехоту, использовать ее как прикрытие — по десяти человек к каждому орудью.

Генерал-майор Панфилов был в восторге. Приказ Рокоссовского опрокидывал уставное положение о взаимоотношениях пехотного и артиллерийского начальников. Но как же он был верен, жизненен и уместен. По существу — вся оборона дивизии в решающей мере держалась на артиллерии.

Генерал Панфилов смело подчинял стрелковые подразделения, роты — командирам батарей, возлагая на них ответственность за участки и ставя им боевые задачи.

Но всю артиллерию дивизии и приданную — генерал крепко-накрепко держал в своих руках.

Позже, когда сорвалось, выдохлось октябрьское наступление немцев на Москву и фашистские дивизии остановились, — генерал Панфилов изматывал живые силы врага и уничтожал его технику.

Он сам создавал артиллерийские и минометные группы. Внезапные шквалы огня обрушивались на скопления фашистов.

Он сам обучал и отправлял в ночные поиски разведчиков.

★

Фашисты опять готовили наступление на Москву. Они сосредоточили против дивизии Панфилова свыше восьмидесяти танков, артиллерию и минометы, очень много автоматчиков и пехоту.

Генерал Панфилов знал, что бои опять будут тяжелыми. Он, опираясь уже на опыт, обеспечил свои фланги, построил эшелонированные в глубину узлы противотанковой обороны, создал резерв.

Утром 16 ноября немцы начали наступление. На левом фланге, у разъезда Дубосеково, взвод сержанта Добрабина отбил атаку немецких автоматчиков, расстреляв прямо перед окопами более семидесяти фашистов.

Вскоре на позиции взвода напали двадцать танков. Герои встретили вражеские машины огнем противотанковых ружей. Один танк прорвался к окопу. Фашисты закричали:

— Сдавайсь!

Нашелся подлый трус и предатель. Дрожая, позеленевший, он поднялся, протянув вверх руки. Грянул залп. Без команды, по безмолвному и страстному приказу сердца, подлеца расстреляли.

Немецкие танки открыли злобный огонь. Двадцать восемь героев — великие в своем мужестве и патриотизме — били по танкам из ружей. В машины, прорвавшиеся к окопам, летели зажигательные бутылки.

Один за другим вспыхивали танки, останавливались подбитые. Четыре часа длился бой. Четырнадцать танков было сожжено и подбито.

Но и богатыри погибали, выходили из строя. Убиты сержант Иван Добробабин, бойцы Григорий Шемякин, Григорий Конкин, Дмитрий Тимофеев, Николай Трофимов. Умирал, истекая кровью, боец Григорий Петренко.

Политрук Клочков принял команду. Он ободрял товарищей.

Кончался серый ноябрьский день. Немцы бросили в атаку второй эшелон, усиленный тяжелыми танками.

— Тридцать танков, друзья! — сказал политрук Клочков. — Придется всем нам умереть, наверно. Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

Танки приближались. Богатыри поцеловали друг друга. Приготовили ружья, гранаты. Они отбивались бесстрашно и мужественно. Они зажгли и подбили еще около десятка танков.

Советские богатыри — они погибли в бою, с оружием в руках.

Шепетков Иван, Крючков Абрам, Митин Гавриил, Касаев Аликбай, Есибулатов Нарсутбай, Калейников Дмитрий, Дутов Петр, Митченко Николай, Шапоков Душанкул, Шадрин Иван, Москаленко Николай, Емцов Петр, Кужебергенев Даниил, Бонда-

ренко Яков, Васильев Ларион, Болотов Николай, Безродный Григорий, Сенирбаев Мустафа, Максимов Николай и Ананьев Николай.

Политрук Клочков, умирая, шептал раненому Ивану Натарову:

— Помираем, брат... Когда-нибудь вспомнят о нас... Если жив будешь, скажи нашим...

И Натаров рассказал обо всем перед своей смертью в госпитале, куда его доставили наши разведчики.

Пламенная семья советских патриотов, сильных любовью к родине и Сталину, сильных дружбой, нерушимой и боевой. Они пали смертью храбрых, и смерть их поднимает миллионы на борьбу.

На другой день в дивизии был получен приказ:

«В многочисленных боях за нашу советскую родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-ая, 127-ая, 153-ья, 161-ая, 107-ая, 120-ая и 316-ая стрелковые дивизии показали образцы мужества, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас.

За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок указанные дивизии в соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР переименованы Ставкой Верховного Командования в гвардейские дивизии, а именно:

... 316 стрелковая дивизия — в 8 гвардейскую стрелковую дивизию. Командир дивизии генерал-майор Панфилов И. В.

Указанным дивизиям вручаются гвардейские знамена.»

Весть о приказе облетела всю дивизию.

Генерал-майор Панфилов был глубоко взволнован. Комиссару Егорову он торжественно сказал, глянув на него заблестевшими карими глазами:

— Ну, комиссар, у нас с тобой дол-

гов перед родиной, перед партией прибавилось! Не прошло недели со дня, как нас орденами «Красное Знамя» наградили. И вот — мы уже и гвардейцы. Надо отрабатывать.

— Надо отрабатывать! — так же торжественно сказал комиссар, и они крепко обнялись.

— Товарищи гвардейцы! — обратился генерал к вошедшим командирам и счастливо рассмеялся: — Гвардейцы.

За окном грохнул взрыв, встал грязно-серый столб земли и снега.

— Что там такое? Узнайте.

Снова один за другим ахнули взрывы. Дом закачался, задрезбжали, разлетаясь, стекла во всех окнах.

— С праздником поздравляет! — усмехнулся генерал и сразу стал строгим.

— Товарищи командиры! Всех в оборону!

Он надел свой белый полушубок и вышел из дома. По улице к окопам пробежали штабные командиры, делегаты связи из частей, саперы, интенданты.

Немцы вели огонь с опушки леса, меньше чем в километре от деревни Гусенево.

— Товарищ начальник штаба, расстрелять врага артогнем! Поставьте задачу лично!

— Есть, товарищ генерал!

Метрах в десяти от генерала Панфилова мерзко грохнула мина. Взвыли осколки. Генерал качнулся, схватился рукой за грудь. На смуглом лице его проступала бледность.

Товарищи подхватили генерала. По белому полушубку на груди расплывалось кровавое пятно.

— Умираю... — сказал генерал, трудно вздохнув, — за родину!

★

Залпами по врагу, глубокой скорбью и пламенной клятвой отомстить и биться за родину до победы проводила дивизия своего командира.

Сорвано, отбито наступление гитлеровских банд на Москву. Героические части разбили врага и гонят его на запад.

Дерется на фронте вся гвардейская дивизия. И слава о генерале Панфилове и его гвардейцах бессмертно живет и будет жить в сердцах советских людей.

★

ВРАГ ОГОЛТЕЛО РВЕТСЯ К МОСКВЕ

На дальних рубежах обороны Москвы идут ожесточенные бои, идет сражение за Москву.

Неделю назад, в день своей смерти, немецкий ефрейтор Редель писал домой в Германию: «При двадцатиградусном морозе и за два дня до последнего наступления на Москву хочу тебе быстренько написать несколько слов. Послезавтра русские удивятся нашему неожиданному наступлению...»

Последнее наступление... Сколько раз уже объявляли гитлеровские прохвосты и он сам о «последнем» наступлении!

И на этот раз Гитлер с его бандой вбивали в головы своих оголтелых ефрейторов и солдат, что это — последнее наступление: «Учитывая важ-

ность назревающих событий, особенно зиму, плохое материальное обеспечение армии, приказываю в ближайшее время любой ценой разделаться со столицей Москвой».

Этот приказ Гитлера предшествовал теперешнему наступлению фашистских банд на Москву.

И вот фашисты осатанело рвутся к нашей столице.

Любой ценой... И немецкое командование кинуло против нашего Западного фронта больше половины всех своих танковых дивизий, подтянуло сюда резервы. Немцы по излюбленной тактике стремятся наносить удары по нашим флангам.

Любой ценой... И немецкое командо-

вание, посулив своим солдатам немедленный победный мир после захвата Москвы, для верности спаивает их перед атакой. Сегодня вдребезги пьяные немецкие солдаты шли во весь рост с дикими воплями и бессмысленными рожами на наши позиции, на огонь наших пулеметов. Ручной пулеметчик части подполковника Коновалова расстрелял не меньше полутора сот фашистских молодчиков. Нам об этом только-что рассказал прибывший с поля боя лейтенант Маклаков.

Любой ценой... Не считаюсь ни с какими потерями, фашисты оголтело рвутся к Москве. Врагу при его численном превосходстве, особенно в танках, удалось потеснить кое-где наши части. Сейчас, после некоторой передышки, последовавшей за кровопролитными боями в октябре, на дальних рубежах обороны Москвы снова создается тяжелое положение.

И каждый советский патриот должен напрячь все силы, чтобы и на этот раз дать сокрушительный отпор врагу.

Надо помнить: враг стянул под Москву большую часть своих резервов, и разгром вражеских ненавистных полчищ под Москвой будет не чем иным, как победоносным началом разгрома гитлеровской фашистской Германии.

Наши фронтовики отдают себе полный отчет во всей напряженной, сложной обстановке под Москвой. И на пьяный напор заклятых врагов фронтовики отвечают стойкостью в обороне, грозными, разящими контратаками, беспощадным истреблением немецких оккупантов. Со всех участков Западного фронта идут вести о героических подвигах фронтовиков, советских патриотов.

Танкисты энской части за два дня боев уничтожили и вывели из строя 2.500 немецких солдат и офицеров, 35 танков, 80 ручных и станковых пулеметов. Политрук роты этой части Савкин и старший сержант Князев бесстрашно бросились вслед за нашими танками на фашистских солдат и — забросали их гранатами. Среди нем-

цев началась паника. Савкин и Князев воспользовались этим, захватили два вражеских орудия, повернули их и метким огнем уничтожили десятки немецких солдат. Вскоре товарищ Князев с тремя бойцами пошел в разведку. Немцы окружили разведчиков. Но они мужественно приняли бой, расстреляли 12 солдат, захватили ящик мин, 120 лент с патронами и все невредимыми вышли к своим.

Части генерал-майора Рокоссовского, верные своим боевым традициям, оказывают упорное сопротивление врагу и бьют его беспощадно. Бойцы энской дивизии за один лишь день захватили у противника 4 миномета, 3 станковых пулемета, 16 легких пулеметов; в боях у деревни Н. взяты пять орудий, танкетка, зенитная установка.

Со всех участков фронта идут вести о славных делах фронтовиков. Но и среди героических событий беспримечен подвиг танкового экипажа младшего политрука Бармина. Он участвовал в трех танковых атаках, зажег и вывел из строя немало вражеских танков. Наднях, заняв указанный участок обороны, товарищ Бармин и его боевые соратники дали клятву: удержать свой участок, хотя бы это стоило жизни. Фашисты бросили против Бармина 40 танков. Героический экипаж открыл губительный огонь. Вскоре пять фашистских танков запылали, остальные в замешательстве остановились и повернули обратно.

Бесстрашно отражают натиск фашистских полчищ славные фронтовики. Они защищают Москву. Они воодушевлены высоким чувством советского патриотизма. В перерывах между боями фронтовики продолжают глубоко изучать доклад и речь великого и родного Сталина. В словах вождя они черпают новые силы, новое мужество.

Враг озверело лезет к Москве. Фронтовики, все советские люди, трезво понимая угрозу, нависшую над столицей, ответят новым боевым подъемом и нанесут сокрушительный удар немецким захватчикам.

АВТОМАТЧИК ПАВЕЛ БИРЮКОВ

1.

Какое чудесное было то утро! Багровое солнце медленно вставало над горизонтом. Снег розовел и искрился под его лучами. Крапива-ветер обжигал лицо, раскачивал звонкие ветви берез и сосен в парке Нарофиминского учебного городка.

Вслед за комбатом и группой автоматчиков из блиндажа вышел Бирюков. Он прищурил от солнца серые свои глаза, на лицо его — открытое и уже не молодое — легла улыбка, с правой стороны не хватало двух зубов: выбиты пулей еще в гражданскую войну. Потомственный слесарь, он был в Красной Гвардии, дрался с кадетами-белогвардейцами за Кремль, с денкинцами под Курском и Белгородом и ранен был два раза, в голову и в руки; служил пулеметчиком на бронепоезде. Улыбаясь и вскидывая свой автомат ПШ на плечо, Павел Бирюков поглядел в сторону и широко раскрыл глаза.

У Дома Красной Армии были немцы. Их было сотни полторы, все в белых касках, а один — в нашей красноармейской шинели. На углу фашисты устанавливали пулеметы.

— Товарищ комбат, немцы! — шепнул Бирюков.

— Где?

— Да вот они!

Бирюков ткнул в сторону немцев стволом автомата и метнулся в кусты, к огромной сосне. Он крикнул лейтенанту Мосьпану, командиру взвода автоматчиков:

— Товарищ командир, давайте скорее, вон их сколько!

Десятка два немцев обернулись на крик Бирюкова, вскидывая автоматы и винтовки. В этот миг Бирюков, стоя за сосной и чуть пригнувшись, дал по ним, на уровне груди, длинную очередь. Рядом прогремела очередь лейтенанта Мосьпана.

Бирюков, ясно увидев, как от его очереди рухнули на снег три немца, бросился к другой тройке, которая уже

установила пулемет. Мелькнули перекошенные от ужаса лица врагов. Один фашист пытался открыть огонь. Бирюков изо всей силы ударил его прикладом по плечу, и тот упал и завертелся на месте. Другой и третий не успели подняться: пули ударили им в грудь, и они легли трупами на подмосковной земле, на скрипучем утреннем снегу.

Только сейчас Бирюков оглянулся. Лейтенант Мосьпан и автоматчики Терехов, Минеев и Ермоленко расстреливали немцев с этой же короткой дистанции. Уцелевшие немцы, бросаясь зигзагами из стороны в сторону, мчались к домикам в лесу. Комбат взмахнул рукой. Граната разорвалась чуть впереди бегущих. Сквозь дым Бирюков увидел, как падали немцы. В ушах свербило от пронзительного воя врагов.

— Бейте! Без промаха бейте, товарищи! — весело прокричал Бирюков. И встретился взглядом с тем немцем, которого он ударил по плечу. Тот раскрыл было рот.

— Молчи!

Бирюков схватил фашиста за ремень, оттащил в сторонку, в овражек, связал ему руки ремнем. Потом деловито подобрал и бросил к блиндажу немецкий автомат.

Немцы уже скрылись в окопчиках у домиков. Оттуда свистели пули.

«Тут дела надолго!» — подумал Бирюков и, согнувшись, пробежал за угол Дома Красной Армии, чтобы захватить еще диски для своего автомата.

Начальник разведки дивизии сказал ему:

— Молодец, товарищ Бирюков. Лихо действовал. Теперь надо добивать врага, вышибать его оттуда, от домиков. Бери бойцов, действуй.

Десять красноармейцев и автоматчиков тотчас окружили Бирюкова.

— Действовать решительно и смело, товарищи! — сказал Бирюков, оглядывая соратников.

Из-за угла дома выбежал лейтенант Мосьпан. Бирюков обрадовался: есть кому командовать!

Он деловито навесил на себя сумку с патронами, захватил три полных диска, восемь гранат. Лейтенант Мосьпан, получив задачу от подполковника, спросил Бирюкова, как бы он думал действовать.

— Я бы пошел тремя группами: в лоб и в обход справа и слева.

— Правильное решение. И я так думал! — сказал лейтенант.

— Давайте! Быстро! — приказал начальник разведки. Бирюкову хотелось узнать от него — как же это вышло, что немцы пробрались в наш тыл, где же была наша разведка, где было боевое охранение? Но со стороны фронта усилился артиллерийский и минометный огонь врага по нашему переднему краю, там, в окопах, были три наши роты, а немцы у домиков находились в тылу у этих рот.

«Вот как! Потом придется разобратся!» — подумал Бирюков.

Через мгновение три группы уже двинулись вперед, к домикам. Слева шли два автоматчика и три красноармейца, в центре — лейтенант Мосьпан с автоматчиком и четырьмя бойцами. Бирюков с тремя красноармейцами пошел справа, лесом по овражку. В воздухе стоял сплошной вой снарядов и мин, гремели разрывы. Трещали, падали с шумом ветви сосен и берез. Впереди и слева взахлеб лаяли пулеметы и автоматы. Сбоку рывкнула мина, взвыли осколки. Бирюков оглянулся на стон. Красноармеец обхватил левой рукой правое плечо, разбитое осколком, окровавленное. Он пристально посмотрел на Бирюкова и тихо, побледнев, опустился на снег.

— Отведите его назад! — приказал Бирюков, — и в этот миг увидел: на той стороне овражка здоровенный фашист устанавливает на бугорке ручной пулемет.

— Ах, фашистская нечисть!

Бирюков старательно прицелился опершись о ствол березы, и с чувством облегчения расстрелял немецкого пулеметчика. Он ясно увидел, как тот скрючился, и на снегу закричали алые брызги.

Скользя и спотыкаясь, Бирюков

скатился в овражек. Поднялся на бугорок и, забрав пулемет, он вернулся к бойцам.

— Давайте, идите в Дом Красной Армии! — И он отдал бойцу трофейный пулемет.

Бойцы ушли назад. Бирюков проводил их взглядом, в то же время не упуская из виду ничего вокруг. Ему было нестерпимо жарко. Он бросил в рот горстку снега.

«Покурить бы!» — подумал он. И пошел по склону овражка — осторожно, скользя от дерева к дереву. Впереди, между деревьев, мелькнула зеленая шинель. Бирюков мгновенно залег в небольшой ровик, изготовился к бою.

«Вот как хорошо выходит!» — вдруг удивился он и, как будто со стороны, увидел и себя в ровике на снегу, и тех — двух фашистов, которые шли прямо на него с черными автоматами наготове. Когда они подошли шагов на двадцать, Бирюков перерезал их короткими очередями — одного и другого.

— Туда вам и дорога!

Потом он быстро пробежал с полсотни шагов вперед. Домики теперь были уже слева, и окопчики, в которых засели немцы, были тоже слева. Теперь надо было смотреть еще зорче. Вон между стволов пробежал немец — к военному городку. Неужели заняли военный городок? Вот бы прочесать их там из автомата!

Над ухом Бирюкова свистнули пули. Холодная тошнота страха вдруг обдала его. Обернувшись, Бирюков увидел немецкого офицера в очках, стрелявшего в него, и в этот же миг его безотказный ППШ ударил жаркой горстью пуль в живот фашиста. Офицер с воплем, оскалив зубы, упал. Бирюков перебежал на десяток шагов дальше, стал за сосной. Впереди был бугор. Вот сейчас надо выбраться туда и ударить по немцам уже с тыла. Тут он услышал, как чей-то голос окликнул его: «Бирюков, не ходи!» Вокруг никого не было. У Бирюкова перехватило дыхание. И тут же он взял себя в руки.

«Да что же я — струсил, что ли?»

Броском на этот бугорок, большевик Бирюков.»

Пригнувшись, он метнулся на бугорок и замер за деревом. Впереди, между кустов, стояла группа немцев. Тут же были окопчики. Передний немец поднял винтовку. Рыжий, щетинистый, он смотрел, не мигая, наглыми глазами.

— Русс, сдавайсь!

Стиснув зубы, Бирюков вскинул свой автомат и застрочил, застрочил. На снегу сразу возник завал трупов и раненых. В глазах Бирюкова нестерпимо ярко мелькали пятна крови на вмятом снегу. Живые немцы скрылись в окопчиках. Бирюков упал на колени и стал бросать в окопчики гранаты — одну за другой, припадая и залегая перед каждым взрывом. Когда же из окопчиков высовывались головы, он вскидывал автомат и посылал очереди.

Оглянувшись, Бирюков увидел подбегавших бойцов 7-й роты.

— Я здесь! Сюда, товарищи!

Через мгновение в окопчики полетели десятки гранат, черными столбами встала земля...

2.

К Дому Красной Армии собрали трофеи — восемь пулеметов, минометы, винтовки, пистолеты. Подошли пятнадцать пленных. И Бирюков привел одного немца. Потом со всех ног бросился в овражек. Связанный немец лежал там же, где его оставил Бирюков. В глазах его был ужас, на лице — жалкая косая улыбка.

— Ты не бойся, чортова голова. Гут, гут! А Гитлеру будет вот! — и Бирюков показал руками, как будет сломано Гитлеру горло.

Товарищи окружили его, и от них он узнал, что лейтенант Мосьпан, раненный в грудь навывлет, скончался. Это он кричал, предупреждая Бирюкова — за мгновение до смертельной раны... За товарища боялся...

Бирюков слышал грохот орудий, треск винтовок и пулеметов. Великий бой за Москву, за родину продолжался. На душе Бирюкова было светло, спокойно. И в мыслях была стройная ясность. Он слышал шумные одобрения товарищей. В памяти его удивительно — сразу! — стояли все картины, все подробности сегодняшнего боя. Да, он, Петр Акакиевич Бирюков, автоматчик 1-й Московской гвардейской дивизии, член московской организации ВКП(б), доброволец гражданской и отечественной войны, вел себя в этом бою достойно. Как здорово побили сегодня немцев! И он, Бирюков, отлично уничтожал немецких захватчиков. Но ведь и все боевые друзья, смелые соратники, тоже отлично истребляли врага. Да ведь это значит, что начался новый этап борьбы. Начался разгром фашистских полчищ — беспощадные и грозные удары по врагу!

— Отдохни немного! — с нежной и заботливой улыбкой сказал Бирюкову начальник разведки дивизии.

— Отдохнуть? — изумился Бирюков. — Слышите?

Справа, из-за огромного парка, доносился грохот ожесточенного боя, слитный гул танков.

— На соседа нажимают! — сказал тихо начальник разведки.

— Где же тут отдыхать? Надо немцев лупить! — коротко и бодро отозвался Бирюков. Вскоре с группой бойцов он исчез за деревьями.

★

В БЛИНДАЖЕ

(Б Ы Л Ъ)

1.

В блиндаже было тепло. В печурке, вырытой прямо в земляной стене, весело горели чурки. Пламя ос-

вещало лица четырех связистов, телефонные аппараты, стволы березового наката, винтовки, прислоненные к стенам, мягкое душистое сено. Блиндаж старый, обжитой и уютный. Раньше

здесь были огневые позиции батареи, сейчас разместились промежуточная станция связи артиллерийского полка.

Недавно смолк сплошной рев орудий с немецкой стороны. В блиндаж доносились лишь отдельные артиллерийские выстрелы, частое тарахтение пулеметов. Связи со штабом полка не было, и сержант Николай Микуров тревожился все больше. Здесь, на станции, он был всего два дня. Связистов знал еще мало. Запотылок и Самохин — из одного с ним взвода связи, Белоусов — из другого подразделения. Вот Белоусов и Самохин, напряженно согнувшись, сидят у аппаратов, с трубками, плотно прижатыми к ушам. У Самохина болят зубы. Щека его повязана платком. Это очень смешно. Третий, Запотылок, грузный и веселый, лениво дремлет на сене. Кто они, эти новые боевые соратники? Узнать бы, что у каждого на душе.

На Северо-Западном фронте, в том бою, когда Микуров был дважды ранен — в ногу и шею, ему помогали, спасли его товарищи. Черные глаза Микурова нежно заискрились. Хорошие ребята, с такими ни в каком бою не пропадешь! Да и вся дивизия, в которой служил там Микуров, — славная, ордена Ленина дивизия! После выздоровления он попал в гвардейскую да еще Московскую дивизию. А все-таки ему было жаль расставаться со своей частью.

Сержант Микуров поднял голову. Явственно слышался топот многих ног, скрип снега.

— Тише, товарищи!

И без этого все замерли. Микуров осторожно отодвинул край плаща-палатки, которая закрывала узкий проход-траншею из блиндажа. У самого входа траншея была прикрыта козырьком из березовых стволов. Три земляные ступени выводили на поверхность земли.

Сержант услышал немецкий говор, окрик:

— Русс, сдавайсь!

В этот же миг в узкий проход упала немецкая граната. Связисты мгнов-

венно укрылись за выступом. Грохнул разрыв. Осколки с воем пронизали плащ-палатку, ударили в стены блиндажа; посыпалась земля; клубилась тошнотная гарь.

— Убьют! — вырвалось у Запотылка.

— Молчи! — приказал сержант.

В проход упала вторая граната. Она катилась, шипя и подпрыгивая. Связист Самохин, метнувшись от аппарата, схватил немецкую гранату за ручку и выбросил ее. Граната разорвалась снаружи. Блиндаж содрогнулся. Едкая гарь застилала глаза. Самохин резко сорвал со щеки повязку и взялся за винтовку. Связист Запотылок вздрагивающими руками надел противогаз. Сержанту захотелось обругать его. Но снова грохнул разрыв, и за клубилась гарь. Микурова охватила ярость. Он взял винтовку и быстро — пока не рассеялась гарь — выглянул из траншеи, из-под козырька.

В лицо пахнул крепкий зимний воздух. Блиндаж — в редком лесу. Березы стояли тихие, опушенные мягким серебряным инеем. Меж деревьев ходили фашисты. Поодаль виднелись привязанные к кусту лошади с вьюками. И совсем рядом с блиндажем, спиной к нему, стоял, раздвинув ноги, щуплый немец. Быстро, почти не целясь, Микуров выстрелил, и немец упал навзничь. Зеленая пилотка его, слетев, торчком встала на снегу. Метрах в пяти дальше другой немец, вытаращив глаза на сержанта, вставлял детонатор в гранату-лимонку. Так же, почти не целясь, Микуров выстрелил второй раз, и немец свалился вперед, схватившись за грудь и уронив лимонку.

Сзади невидимый сержанту враг бросил еще гранату. Она ударилась о катушки с проволокой. Сержант успел уже юркнуть в блиндаж за выступ. В траншею слетели две катушки и земля. Сержант, согнувшись, выдвинулся в траншею. Солдат ловчился забросить гранату прямо в блиндаж под козырек. Вскинуть винтовку, прицелиться в узкой траншее было невозможно. Микуров упер винтовку в землю, левой рукой навел ствол на немца и большим

пальцем правой руки нажал спусковой крючок.

Фашист свалился, граната разорвалась у него в руках. Осколки растерзали его. Они же сбили и засыпали выходящую из блиндажа трубу. Из печки вылетели на сено чурки, угли, зола. Связисты затушили их.

Тут затрещали немецкие автоматы. Связисты опять укрылись за углом. Красноватые трассирующие пули врагов били в стены. Земля разлеталась пылью и комьями. Пули впивались в березовые стволы наката и стоек, сырое дерево шипело, но не загоралось. Издалека донесся взрыв. Немцы наверху загалдели и убежали.

2.

— С кем связь есть? — спросил Микуров.

— С полком нет связи! — ответил Самохин.

— С дивизионом есть! — отозвался Белоусов.

— Сообщил!

Белоусов вызвал дивизион и, волнуясь и торопясь, прокричал:

— Тридцатый? Слушай, тридцатый! Я — Днепр. Да, Днепр. Нас окружили фашисты. Забрасывают гранатами. Да. Забрасывают гранатами. Просим помощь.

Запотылок, снявший противогаз, никак не мог уложить его обратно в сумку. Белоусов растерянно опустил трубку.

— Что там? Что они говорят?

— Их тоже окружили и обстреливают немецкие автоматчики.

— Все равно — проси помощи! — вскрикнул Запотылок.

Белоусов прижал трубку к уху.

— Тридцатый, тридцатый!..

Микуров ясно увидел, как он побледнел.

— Что еще?

— Связь порвана, товарищ сержант.

— А ты слушай. Слушай лучше. Связь восстановят!

Все четверо слушали, еле дыша. За-

потылок, с карабином и противогазом в руках, забившийся в угол блиндажа, вдруг прохрипел:

— Танки! Слышите — танки! По шоссе идут танки!

— Замолчишь ты или нет? — с досадой прикрикнул на него Микуров, сам похолодев сердцем и весь превратившись в слух. Снаружи доносился прерывистый рев моторов. Он нарастал. Но затем гул стал слабее. Сержант вздохнул с облегчением.

— Это же самолеты! А ты говоришь — танки! — с укоризной сказал он Запотылку.

— Все равно не спасемся. Все равно смерть!

— Какая тебе смерть? Чего ты раскис! А ну-ка, дай противогаз!

Самохин взял из рук Запотылка противогаз и ловко уложил его.

Микуров посмотрел на связистов с пристальным вниманием. Запотылок отвернулся. Белоусов и Самохин с трубками около ушей глядели на сержанта широко раскрытыми глазами. И, чувствуя, как железная решимость поднимает его, как новой силой налились руки, все тело, Микуров отчеканил:

— Будем сидеть и отстреливаться! Сколько немцев уже убито! Их стало меньше. Сдаваться не будем. Позор и замучают. Последняя пуля для себя. Ясно?

Запотылок, вздрогнув, отвернулся. Белоусов подал Микурову свою винтовку.

— Товарищ сержант, возьмите. Полный магазин. А я вашу заряжу.

Серые глаза его блестели. В сердце Микурова пахло тепло дружбы.

— Давай, товарищ Белоусов! Понятно, отобьемся. Четыре подсумка по тридцать патронов у нас. Хватит!

— У меня еще десять патронов в сумке, — сказал Самохин.

— Хорошо!

3.

Микуров протиснулся в траншею и выглянул. Как и раньше, торжественно синело небо, сверкал иней.

Метрах в пятидесяти, у второй землянки, столпились фашисты. Там, в той землянке, помещались связисты другой части. Вход в нее был сверху, как в погреб. Фашисты притащили длинное бревно, подложили его под край двери. Два немца стояли рядом, подняв руки с гранатами.

«Сейчас откроют дверь и перебьют всех наших!»

Микуров прицелился из винтовки Белоусова в немца с гранатой и выстрелил. Тот упал мертвый. Микуров ударил в другую. Раненный, немец упал и пополз за березу. Остальные разбежались.

«Много их еще! — подумал сержант. — Где же наши? Пора притти на выручку!»

Он притаился в траншее под козырьком. Самохин переменял ему винтовку.

4.

Вдалеке была слышна перестрелка, ухали разрывы снарядов и мин.

Вдруг жарко зашептал Самохин:

— Товарищ сержант, связь! Дон отвечает, товарищ сержант.

— Доложите им обстановку!

Связисты придвинулись к Самохину. Тот, прикрыв трубку ладонью, старательно выговаривал:

— Дон! Дон! Я — Днепр. Слышите меня? Кто говорит? Я — Днепр!

— Да скорее ты! — Белоусов замахнулся на Самохина.

— Товарищ майор? Вы? Я — Днепр. Нас окружили немцы. Шлите помощь, иначе мы погибли. Что? Держаться? Отстреливаться? Есть, товарищ майор!

Самохин поглядел на связистов.

— И я то же говорил, — быстро произнес Микуров, — держаться, отстреливаться!

— А помощь? А помощь послали? — визгливо спросил Запотьлок.

— Высылают. Майор сказал — высылают.

Опять наступила тишина. Она тяготила, душила. И вдруг Микуров услышал, как враг пробежал по крыше блин-

дажа. Кто-то наверху долго стоял без движения, потом стал топтаться.

«Сейчас бросит гранату!» — подумал Микуров и юркнул в блиндаж. Но граната не падала. Еще слышались шаги. Вокруг блиндажа собралась, видно, целая толпа немцев.

С того конца траншеи кто-то прокричал:

— Товарищи, не стреляйте!

Связисты сунулись было к выходу. Микуров отстранил их рукой.

— Куда?!

Из темноты, из-за выступа, он видел, как по земляным ступенькам в траншею спустился человек в красноармейской шинели. Вот он снял с себя вещевой мешок, положил на землю, двинулся — словно пополз по траншее. Руки его тряслись. Дергалось заросшее жестким рыжим волосом горбоносое лицо. Когда он подошел к козырьку, Микуров скомандовал:

— Стой!

Тот, вздрогнув, застыл на месте. Блудливые зеленые глаза его шарили. Вглядывались внутрь блиндажа.

— Чего тебе?

— Сдавайтесь, ребята! Все равно их много. Вам с ними не справиться! — сказал тот свистящим шопотом.

— Кто ты? Какой части? — спросил Микуров, с отвращением разглядывая зеленоглазого.

— Сдавайтесь, ребята, сдавайтесь! — твердил тот, вздрагивая и озираясь.

— Ох ты шкура, шкуреха! — Микуров вскинул винтовку, чтобы расстрелять предателя.

Запотьлок, как-то оказавшийся рядом, схватил его за руку.

— Не стреляй, не стреляй!

— Ладно! А ты выходи назад! Скажи, что в блиндаже все убиты.

Тот, сторбившись, быстро выполз из траншеи. Послышался резкий вражеский говор, крики; потом приглушенные голоса.

Микуров, сжав винтовку руками, вслушивался. Позади тяжело дышали связисты. Наконец снова раздался тот голос:

— Товарищи, не стреляйте!

И снова, дрожа по-собачьи, зеленоглазый прополз в траншею.

— Сдавайтесь, ребята, выходите.

— А ты сказал, что здесь все убитые?

— Они велят трупы вытаскивать. Сдавайтесь!

— А ты, подлец, живыми нас хочешь выдать?

Микуров снова вскинул винтовку. Запотылок с силой оттолкнул его от выхода, подал свой карабин зеленоглазому и, согнувшись, выскочил из блиндажа в траншею. Вот он выпрямился.

— Назад! — крикнул Микуров.

Но уже стукнули вражьи выстрелы, и из головы Запотылка ударила черная густая кровь. Он упал, взмахнув руками, словно схватывая себя под колени, головой к блиндажу, ногами к выходу. И в это же мгновение Микуров, стиснув зубы, выстрелил в фашистского лазутчика. Тот осел на земляной ступеньке, оскалившись и стеная.

— Предатель! Собака! Собачья смерть ему!

5.

Командир взвода связи старший сержант Федор Волощук, улучив свободную минуту, читал в своем блиндаже Чехова. В дверь бурей ворвался старший лейтенант Зубков, командир батареи.

— Дай связиста, который знает дорогу на Днепр.

— Для чего вам связист?

— Он проведет группу красноармейцев.

— Куда?

— Автоматчики окружили Днепр. Надо выручать.

— Я сам пойду туда!

Волощук выскочил из блиндажа вслед за Зубковым и направился в землянку командира полка. Через десять минут отряд Волощука из восьми человек — два его связиста и пять саперов во главе с младшим лейтенантом Писаревским — устремился на выручку товарищей. До них было всего шесть катушек — это три километра, но прямая дорога вела через поляну. Волощук повел отряд в обход — лесом.

Вскоре засветлела опушка березового леса. Волощук положил свой отряд у крайних берез в цепь, скомандовал:

— К бою!

Впереди, по снегу, между кустиками ползла трое. Кто они?

— Младший сержант Сычевский, вперед! Узнать, кто это ползет.

Оказалось: наши!

Сычевский уже возвращался, помогая раненому красноармейцу ползти. Тот был ранен в голову, еще не перевязан, кровь стекала из-под шапки, густела и застывала на лице. За ними ползли еще двое, перевязанные наспех.

У Волощука сжалось сердце: и ранены, и руки обморозили, ободрали о снег. На повязках проступила алая изморось.

Бойцы уже хлопотали около товарищей, перевязывали их, оттирали руки снегом. Залубяневшими от мороза и волнения губами рассказывали красноармейцы-зенитчики, как они подверглись налету автоматчиков.

— Много их было? — спросил Волощук.

— Больше сотни.

— Ладно. Вы, трое, добирайтесь до части. Этой тропой через лес. Нам надо спешить.

— Куда вы? Вас же мало!

— Каждый гвардеец за пятерых!

Волощук повел свой отряд по опушке, выслав вперед двух дозорных. По лесу рассыпалась звонкая трескотня выстрелов. Опять впереди, на этот раз вдоль опушки, Волощук увидел переползавших людей. Это были наши люди. Они стреляли в сторону врага. Невидимый за могучей березой, красноармеец с азартом прокричал:

— Товарищ старшина, вон, вон немец ворошится!

— Уничтожить огнем! — крикнул старшина.

— Есть, уничтожить огнем!

Спрятавшись за березой, с удовольствием наблюдая, как разгоралась перестрелка, старший сержант Волощук пристально оглядывал местность, оценивал обстановку. За опушкой тянулась полянка, дальше — глубокая продольная выемка и за нею — крутая насыпь автострады Москва—Киев.

Немецкие автоматчики били с той стороны шоссе. Но и по эту сторону насыпи впереди тоже били немцы. Вон там, на буграх, два фашистских пулемета. Немцев здесь немало. А там, в блиндаже, на промежуточной станции — боевые товарищи-связисты...

Волощук вызвал через красноармейца старшину группы, которая вела огонь. У старшины было всего шесть человек. Как же с такими силами атаковать врага? Маловато сил.

6.

Сколько часов прошло с тех пор, как грохнул разрыв первой вражеской гранаты?

Связисты в блиндаже сидели молча, прислушиваясь напряженно, жадно к каждому звуку, доносившемуся сверху. Утром — до нападения врага — у каждого были житейские желания. Самохин сердился, что у него болят зубы. Микуров ворчал, что давно не был в бане. Да мало ли чего хочется и о чем думается на войне!

Теперь все это отошло, пропало, сменилось ожиданием — не приближается ли враг, не падают ли опять в траншею гранаты? Не спешат ли на выручку свои?

Старший сержант Волощук, ведя своим, теперь усилившимся, отрядом перестрелку с врагом, взволнованно раздумывал: как же выполнить боевую задачу? Было бы с полсотни бойцов — охватить тремя группами врага, атаковать его внезапно и уничтожить. По этой стороне шоссе немцам путь отхода один: вон на тот мостик, тут-то и забросать их гранатами.

Из-за деревьев к нему подошел красноармеец.

— Кто вы? — спросил Волощук.

— Курсант курсов младших командиров. Нас здесь человек сорок, два ручных пулемета.

— Проводите меня к командиру.

Они нашли младшего политрука недалеко от опушки, у березовой поленицы. Волощук подошел, вытянулся и четко доложил:

— Старший сержант Волощук, ко-

мандир взвода связи. С отрядом выполняю задачу по разгрому немецких автоматчиков и по освобождению окруженных врагом товарищей-связистов. Прошу дать мне людей. Я имею всего пятнадцать человек со мной.

— А противник?

— Два пулемета и автоматчики на этой стороне, и на той стороне шоссе тоже есть. Я считаю — немцев до сотни.

— А как вы думаете действовать?

— Атаковать немедленно. Ваша группа — слева. Старшина с бойцами своими — справа, и я со своим народом — по центру. Выходит — полуокружение врага!

Младший политрук задумался. Волощук нетерпеливо поглядывал на него.

— Хорошо! Я согласен.

«Вот молодчина! Настоящий комиссар!» — подумал Волощук.

Выйдя к опушке, они вдвоем еще раз осмотрели местность. Бежать атакующим надо было метров двести. Это было очень опасно, но другого решения не существовало: местность впереди открытая, и все дело во внезапности и быстроте.

Волощук быстро прошел к старшине, объяснил ему, как надо действовать, поговорил со своими бойцами, с младшим лейтенантом Писаревским. Потом вышел, старательно прячась за деревьями, на самый край опушки. Теперь комиссар наверняка уже подготовил курсантов. Пора! Волощук поправил ремни снаряжения. И, набрав воздуха полную грудь, прокричал торжественно и звонко:

— Батальон, слушай мою команду! Внимание! За Родину, за Сталина, в атаку! Вперед, ура!

С винтовкой в руке, Волощук бросился вперед. Оглянувшись, он увидел бегущих за ним товарищей. Слева к Волощуку примкнули курсанты. Спереди и чуть справа от него ударили немецкие пулеметы. Пули срывали с бугорков горсти снега, взвизгивали вокруг. Волощук крикнул курсантам-пулеметчикам:

— Огонь!

И, видя, как все бойцы и курсанты уже залегли, сам упал на снег. Осторожно подняв голову, Волощук осмотрелся. Когда кончился день? Вот уже и сумерки скоро. Надо спешить. Пулеметы врага почему-то молчали. Волощук вскочил и побежал, прокричав:

— Товарищи, вперед! Ура!

Он увидел, как вскочили и побежали вперед бойцы старшины. Но тут хлестнули немецкие пулеметы, и они залегли. В центре и налево люди продолжали бежать вперед. Вдруг Волощук заметил чуть справа, метрах в тридцати, немецкого пулеметчика. Тот стрелял по бойцам старшины. Волощук вскинул винтовку, она не стреляла. Дыхание перехватило. Доставать пистолет времени не было. Схватив за рукав курсанта, Волощук показал ему на пулеметчика:

— Бей!

Тот выстрелил, и немец, пригнувшись, схватился рукой за раненое плечо.

— Ура! Бей! — в восторге закричал Волощук. Он видел, как из старых окопчиков выскочили немцы. Они с воплями карабкались по насыпи и скрывались за шоссе.

Курсанты и бойцы подбегали уже к насыпи. «Но там же немцы залегли, перебьют на шоссе!» — мелькнула у Волощука мысль, и он закричал:

— Стой! Ложись!

Все залегли перед насыпью. Волощук приказал пулеметчикам-курсантам держать под обстрелом шоссе; остальным — подобрать трофеи, снести в кучу.

А сам с замирающим сердцем побежал к блиндажу связистов в лесу. Кто же это наколотил столько немцев? И даже офицера угрохали, — вот скрючился у самого козырька. А этого разорвала чья-то граната: снесла полголовы.

Волощук остановился в изумлении. Вдруг он услышал шорох, вскинул винтовку к плечу и тотчас опустил. Из траншеи к нему метнулся сержант Микуров. На покрытом копотью лице сияли черные глаза.

— Товарищ командир взвода, как я рад! Благодарю вас очень!

Волощук хотел сказать и не смог: горло перехватила тугая схватка. Он молча стиснул Микурова в объятьях. Из траншеи уже вылезли и Самохин, и Белоусов, такие же закопченные и ликующие.

7.

На другой день отдохнувшие, вымывшиеся — Микуров и Самохин сидели в просторной землянке взвода связи, перебирали, вспоминая, все подробности боя.

— Что-то сейчас дома делается? Хоть бы одним глазком поглядеть! — мечтательно выговорил Микуров.

— А где дом-то?

— Кировская область. Село Угманово. Я там учителем в школе работал. — А я — в Москве слесарем на Краснопресненском заводе лакокрасок. Товарищ сержант, дайте лист бумаги.

— Зачем?

— Дело есть!

Взяв лист бумаги, Самохин отошел к столу. Микуров задумался. Как хорошо встретили их вчера! Как их все обласкали! Все их называли героями. Даже неловко как-то...

Самохин вышел из-за стола подтянутый и строгий.

— Написал?

Микуров взял лист.

«В первичную организацию ВКП(б) артполка. От красноармейца Самохина Василия Ивановича.

Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б). У меня есть желание быть кандидатом в члены ВКП(б), чтобы быть стойким и мужественным до конца разгрома и уничтожения гитлеровской банды. Обязуюсь быть достойным большевистской партии Ленина—Сталина.»

Связисты заглянули друг другу в глаза.

— Правильно, товарищ Самохин. Я тоже сейчас пишу заявление.

Руки их сошлись в пожатии.

КОМАНДИР РОТЫ

1.

Всю ночь избушка содрогалась, мелко дребезжали стекла. Лейтенант Попов не раз выходил проверять часовых, осторожно пробирался между спящими на лавках и на полу красноармейцами.

Его рота — из состава мотострелкового батальона — была в резерве командира танковой бригады.

Попов, вздрагивая от каленой стужи, сбходил с разводящим часовых. Под ногами повизгивал снег. От сильного ветра перехватывало дыхание. На небе сквозь быстрые облака тускло светила луна. Лейтенант всматривался в кровавые разливы пожарниц за передним краем обороны немцев, в смятенное полыханье ракет. До наших передовых позиций было полтора километра. Немцы подошли к деревне П. в обход, проселками — они хотели здесь прорваться, перехватить Ленинградское шоссе. Тогда наши части оказались бы в очень тяжелом положении. Немцам до Москвы оставалось бы всего километров двадцать пять...

Лейтенант с хитрецей усмехается. Он думал: «Чорта с два немцам прорваться теперь к Ленинградскому шоссе. Сразу прорваться не сумели, сил нехватило. А теперь — и подавно! Выдохлись, подлецы! Здорово мы их измотали. Зато у нас — о-го!»

Он повернулся в сторону шоссе и насторожился.

Сквозь раскаты наших артиллерийских выстрелов с Ленинградского шоссе (до него тут было два километра) доносился могучий шум огромного движения.

— Наши свежие дивизии идут! — улыбался лейтенант.

Загремели залпы наших минометных батарей. Над леском взвилось пламя. Лейтенант не дышал, пока не услышал с немецкой стороны «бу-бу-бу-бу-бух-бух-бух» сплошной серии разрывов, словно сказочный великан вышел на молитву...

— Не давайте немцам, чертям собачьим, спать! — сказал он, вполне одобряя работу артиллеристов.

В полночь разведчики привели пленного немца. Собственно, разведчики были другой части. Лейтенант Попов ходил со своей ротой ей на подмогу вчера. Вот там в разведку и выпросился сержант Хасигов.

Лейтенант, только-что уснувший сидя за столом, вскочил от громкого говора и крепких слов.

— Немец, товарищ лейтенант! — сказал сержант Хасигов, крупнолицый горбоносый осетин, в возбуждении выкатив черные глаза. Он был сейчас багровый от волнения и с мороза.

— Давай его сюда!

Красноармейцы, гневно размахивавшие руками и говорившие все разом, вытолкнули к столу немецкого солдата. Лейтенант, спросонья схватившийся было за пистолет, рассмеялся. И высокий хороший лоб, и румяные щеки и усики — все смуглое лицо лейтенанта светилось в неудержимом смехе. А бойцы грозили немцу кулаками, и глаза их остро блестя.

— Ух, михрютка!

— Сундук с клопами!

Лейтенант с трудом нахмурился.

— Тише, товарищи красноармейцы!

Говор умолк. Лейтенант рассматривал немца. Невысокий и тощий, тот трусливо ежился. На голову натянута шерстяной чулок. Лицо искажено страхом, и оно поразительно грязное, — в каких-то пятнах и подтеках. Глаза бегают. Шея обмотана грязным дамским кашнэ.

— Да вы только посмотрите, товарищ лейтенант! — сержант Хасигов распахнул на немце рваную зеленую шинель, серую вытертую куртку.

Лейтенант и красноармейцы грохнули смехом. Пламя семилинейной лампы копьём вымахнуло из стекла.

На голом грязном теле немецкого солдата была дамская сорочка с кружевами.

— Мадам, чтоб твою! — простонал кто-то сквозь смех.

— Куда ты залез? Я тебя спрашиваю — куда залез в наши сугробы? — Красноармеец Иванов поднял полу немецкой шинели. На ногах у солдата были заолодевшие от мороза ботинки. Иванов, притопнув ногой, хлопнул рукой по валенкам: — Вот как советская власть заботится! Смотри, чорт! На смерть вас гонят! Эх ты, мясо!

— Ну, хватит, товарищи! Спокойно! — строго сказал лейтенант Попов. — Где его забрали?

— Из блиндажа вытащили! — Сержант Хасигов, сильно жестикулируя, продолжал: — Я подкрался — слышу: сопит. Я ему говорю: «Комхер, хундверветтер!»* А он как запищит — папа-мама! Ну, вышел. Кинжал я с него снял и сюда!

— Так! — лейтенант погладил свой лоб, оглянулся на политрука роты Бада-яна. — Поздно мы с тобой немецкий язык стали учить, политрук! Вот что с ним сделаешь?

— Придется сейчас же в штаб отправить. Там поговорят.

— Так-то так! — в раздумьи протянул лейтенант, в упор разглядывая немца. Тот пытался улыбнуться — старательно раздвинул губы, на пегом лице появилась жалкая гримаса.

— Ух, рожа!

— Вот так рожа!

— Товарищ лейтенант, а помните, какие немцы летом были? — сказал сержант Ивашкин, снайпер-наблюдатель. — Они были чистенькие, на груди серебряные крылышки.

— Вот и полетят они...

Снова грохнул смех.

— Так. Ну-ка, дейтше зольдат, комхер!** — сказал лейтенант.

Немец шагнул к столу; со страхом, часто мигая, глядел он на лейтенанта.

Не сразу, припоминая слова, тот спросил:

— Наме? Компани? Регимент? Дивизион?***

* Иди сюда, чорт возьми! (Сержант неточно произносит немецкое ругательное «доннер-веттер»).

** Немецкий солдат, ко мне!

*** Имя? Рота, полк, дивизия?

Немец быстро и покорно заговорил, дергая то одним, то другим плечом.

— Нох айн маль! Еще раз! — приказал лейтенант.

Немец повторил. Лейтенант записал.

— Так. Тиеме Герберт. Солдат шестой роты 86-го пехотного полка 10-й панцирной дивизии, это — танковой дивизии.

— Все старые знакомые! — усмехнулся политрук.

— Вифиль зольдатен им компани?*

— Фюнф унд цванци!

— Двадцать пять солдат в роте осталось. Многовато!

— А мы еще убавим! — сказал сержант Ивашкин, и опять все рассмеялись.

— Товарищ лейтенант, вы за ним поглядывайте! Чего это он все дергается? — с беспокойством в голосе сказал красноармеец от дверей.

— Не беспокойся! У нас не дернется! — сварливо сказал сержант Хасигов.

— Ты ж вон какой! Медведь кавказский! — не остался в долгу красноармеец.

В избушке было жарко. Плавал слоем сизый табачный дым. Немец вспотел, сильнее задергал плечами.

— Да его вши едят! Вши! — Ивашкин всплеснул руками. — А почесаться боится!

— Культура, чтоб...

— Ванн ангрифф? Когда наступление?

— Их вайс нихт!** — Глаза немца забегали быстрее, они ускользали от взгляда лейтенанта, и Попов решил:

— Врет! Значит, опять что-то затевают!

— Ну, ведите его немедленно в штаб! Сержант Хасигов, доведете его в штаб!

— Есть, товарищ сержант! Эй, зольдат, как это по-вашему? Комм! Комм! Катись комом!

Сержант Хасигов подтолкнул немца. Тот побледнел, но, увидев смеющиеся лица, успокоился. Сделав два шага, он блудливо оглянулся и яростно зачесался подмышками сразу обеими руками.

— Вшивая команда!

* Сколько солдат в роте?

** Я не знаю.

— Не одна меня кусает, а их много развелось!

Смех и шутки проводили немца.

2.

Красноармейцы уселись на полу, продолжая разговор.

— Товарищ лейтенант, — обратился сержант Ивашкин, — ей-богу, немец другой теперь. Не то, что летом!

— Да ведь и мы другие стали! — горячо заговорил политрук Бадалян, и все посмотрели на него. — Как я боялся с начала войны. Танки! Кто-нибудь только скажет, а глаза уже крутятся, ноги на месте не стоят. А теперь мы их так раскатываем! Сам товарищ Сталин сказал, что мы теперь — гроза для немецких захватчиков!

Ефрейтор Кочергин встал, прислонился к стене, — маленький, ловкий.

— Под Бородаевкой остались со мной два пулемета. Немцы лезут по кустам. Фатхулин открыл огонь. И я тоже. Немцев не видели, били на крик в кусты. Потом лейтенант наш прибежал, поблагодарил: раненых, говорит, не успевали оттаскивать.

— Правильно! — подтвердил лейтенант Попов. — Целый взвод немцев положили.

Сержант Ивашкин ревниво заговорил:

— А как Натальино забрали? Тоже наложили больше роты немцев. Это тебе не гроза? Тогда еще наш лейтенант на трофейном велосипеде прямо в батальон с донесением поехал. Тут пулеметы, мины, пожар, а он чешет, а он чешет!

Лейтенанта Попова охватило сильное и все же приятное смущение. Вдруг мелькнули в памяти родной Ташкент, десятилетка, военное училище. Потом бои под Ельней, там в августе Александр Попов стал кандидатом партии. Там он впервые почувствовал, что станет настоящим хладнокровным командиром. Вот сейчас боевые товарищи говорят — они признали его. Чувствуя, как горит лицо, лейтенант Попов сказал:

— Хватит, товарищ Ивашкин! Я вот

думаю, товарищи! Плохо ведь у немцев дело-то! Оборвыши! В ротах, немец сказал, по двадцать пять солдат осталось. Я думаю, скоро мы их двинем отсюда. Давно я этого часу дожидаться!

— Надо сейчас и переходить в наступление! А то смотри-ка, — до Москвы рукой подать! — горячо сказал сержант Ивашкин.

— Товарищ Сталин знает, когда отдать приказ, — веско и значительно произнес ефрейтор Кочергин. И все сразу стали серьезными, строгими.

— Товарищ Сталин каждого понимает! — начал красноармеец Иванов, и все повернулись на его тихий и глубоко взволнованный голос. — Я до батальона в стрелковой дивизии служил. Это еще в июле было, за Смоленском. Танков нет. В небе одни крокодилы немецкие. Ну, тяжело! Вспомнить — и то тяжело. Когда я в нашу танковую бригаду попал — и горе забыл! А раньше думал: где наши самолеты? Где наши танки? Тяжело без них пехоте, тяжело. Теперь читаю доклад товарища Сталина, и сам товарищ Сталин сказал: в эту войну пехоте очень трудно без танков и авиации.

— Товарищ Сталин сказал, как нам дальше действовать! — сказал политрук.

— Он все знает! — продолжал Иванов. — Может, я мало понимаю. Чего я в жизни видал — девятьсот двадцатого года рождения. А я сердцем знаю. И мать мне говорила, она у меня, ух, умная. Весь колхоз ее уважает. Слушайся, говорит, Иосиф Виссарионыч, он все знает, за все душой болеет. Народ думает, думает, а он скажет. Как-раз то скажет, что народ думает, что народу надо.

Лейтенант Попов глубоко вздохнул.

Да, это очень верно, что немцы уже не те, что летом. А мы, защитники своей родины, мы только набираем, развертываем свои силы. Вот — измотали же немецкие полчища под Москвой. До столицы совсем недалеко, а как ни бьется Гитлер — войска его сделать ничего не могут. И ни разу не окружили

они наши войска за все последнее наступление. А ведь мы только начали разворачивать свои силы, только начали! Интересно бы сейчас узнать, что делается по всему Западному фронту. Сразу окинуть все одним взглядом.

Потом, спустя много дней, лейтенант Попов узнает, что это была предпоследняя ночь перед нашим контрнаступлением на гитлеровские орды.

На крайнем левом фланге Западного фронта контрнаступление уже развернулось. 2-я танковая армия генерала Гудериана к концу ноября угрожала полным окружением Тулы, захватом Каширы и выходом на Рязань.

Распоряжением ставки Верховного Командования на Каширу и Михайлов были направлены сильные резервы.

Кавалерийский корпус генерала Белова подошел к Кашире почти одновременно с немецкими частями генерала Гудериана.

Товарищ Сталин вызвал по телефону секретаря Каширского Горкома ВКП(б), потом генерала Белова и командира казачьей части генерала Баранова.

Товарищ Сталин поставил задачу: не только удержать Каширу, но и разбить части Гудериана.

Разговор был ночью. К утру кавалеристы по распоряжению товарища Сталина получили четыреста автоматов, вскоре к ним пришла на подмогу свежая танковая бригада.

В условиях встречного боя кавалеристы нанесли немцам удар, заставили их перейти к обороне. Потом — последовательными ночными атаками выбили немцев из ряда населенных пунктов. Части Гудериана разбитые, бросая танки, орудия, машины, откатились к Мордвесу, потом — к Веневу. Сюда же откатывались и части, разбитые в это же время под Тулой и Михайловым.

Все это произошло в первых числах декабря. И по всему Западному фронту, на всем его протяжении в семьсот километров по кривой — силы немцев были измотаны, развивать активных действий уже не могли.

Бывший главнокомандующий германских войск Браухич, незадолго до наступления, писал в приказе:

«... Противник уже не может провести крупных операций. Наш лозунг «только вперед!»

Начав наступление 16-го ноября 1941 года, немцы бросили в бой против войск нашего Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий при поддержке до 800 самолетов.

Германский генеральный штаб и его «верховный» главнокомандующий жестоко просчитались в своих планах захвата Москвы и уничтожения частей Красной Армии.

Это второе и генеральное наступление немцев на Москву только до 6-го декабря обошлось им на Западном фронте в 777 танков, 534 автомашины, 178 орудий, 119 минометов, 224 пулемета и в 55.170 убитыми.

Немцы лихорадочно подтягивали все свои возможные резервы. Но эти резервы быстро таяли. Мы перешли в наступление 6-го декабря 1941 года. В итоге с 16-го ноября по 10-е декабря, по неполным данным, захвачено и уничтожено без учета действий авиации: танков 1.438, автомашин — 5.146, орудий — 575, минометов — 339, пулеметов — 870, и убитыми немцы потеряли свыше 85.000.

И опять — в вопросах реального соотношения сил, германский генеральный штаб основывался лишь на авантюристических успехах гитлеровской фашистской клики и — вполне понятно — грубо просчитался.

Свежие полнокровные наши армии были подтянуты на Западный фронт и ринулись на врага. Мы потом, после победы над гитлеризмом, узнаем в подробностях об этом ярком выражении советского военного искусства, вдохновляемого и руководимого ежечасно Сталиным.

Для немцев появление этих новых армий было совершенно неожиданным.

Недоступным пониманию врага оказалась и та неисчерпаемая моральная сила советских патриотов, которая в огне тя-

желых испытаний, в боях Великой Отечественной войны — непрерывно росла.

— Унмехлих! Невозможно! — воскликнул командир отборной дивизии СС — «Империя» Битрих, и записал в своем приказе на наступление 2-го декабря:

«Перед фронтом дивизии СС «Райх» («Империя») противник, используя задний край опушки леса, ловко ведет оборонительный бой, чтобы не допустить поддержку со стороны нашего тяжелого оружия. Далее он окапывается во всех населенных пунктах. Его солдаты в позициях борются не на жизнь, а на смерть...»

Командиру дивизии гитлеровских голворезов непонятно, невозможно понять. Лейтенанту Попову Александру очень понятно, он видит, как выросли бойцы его. Да, и он думал то же, что высказали сейчас товарищи — самое сокровенное, выношенное в борьбе.

«Товарищ Сталин все знает, все понимает. И мы все понимаем товарища Сталина — и моя рота, все мои боевые друзья, и моя бригада, и вся армия, и весь наш славный Западный фронт, и весь советский народ.»

Дрожь восторга и вдохновения охватила лейтенанта Попова, — ему с необычайной и легкой ясностью открылось, и он понял еще глубже, всей душой то могучее народное чувство, которое так просто и так мудро выражают советские люди.

— Наш великий и родной Сталин.

Неожиданно, всем существом, всей душой своей лейтенант Попов зашел:

На просторах родины чудесной,
Закаляясь в битве и труде...

Политрук Бадалян, ефрейтор Кочергин подхватили:

Мы сложили радостную песню
О великом друге и вожде.

Лейтенант Попов встал, встали красноармейцы.

Песня росла.

Сталин — наша слава боевая,
Сталин — нашей юности полет!

Содрогалась избушка от артиллерийских залпов. Блистали глаза. Молодые голоса звенели.

С песнями, борясь и побеждая,
Наш народ за Сталиным идет.

3.

Под утро. Так же вздрагивала избушка, дребезжали стекла. Лейтенант Попов проснулся. Вкусно запахло вареным. Красноармейцы завтракали. Они пересмеивались. На душе у лейтенанта было радостно и светло. Как хорошо пели ночью...

С песнями, борясь и побеждая...

Он вышел из избы. Дул резкий ветер, бросался горстями снега. По бугру за деревенькой мела злая поземка. И лес за поляной был тоже злой, колючий. Над ним виднелась колокольня, это в деревне. На востоке, над темной стеной бора, вставало огромное розовое солнце. С запада находила серая с ржавыми краями туча. В деревне П. часто рвались мины. Сквозь вьюгу перестукивались пулеметы. Послышался гул самолетов. Девятка наших штурмовиков пронеслась к линии фронта. Потом еще девятка и шестерка, все штурмовики.

Лейтенант Попов проводил их взглядом.

«Что-то там происходит!...»

Лейтенант Попов с большим вниманием прислушался к огню в направлении деревни П.

— Не нравится мне что-то! — сказал он сам себе, возвращаясь в избушку.

С окон были сняты маскировочные одеяла и плащи-палатки. Сквозь узорчатые стекла сочился багрянец зари. Тепло, громкий веселый говор отвлекли лейтенанта.

Он успел позавтракать, когда за ним прибежал связной. На улице его обдало снегом. Туча закрыла уже полнеба, метелица разгуливалась.

— Рота у вас готова? — спросил комиссар батальона Ланаленко в штабе батальона.

Жестокая простуда еще позавчера свалила командира батальона, и комиссар все взял в свои руки. Его озабоченное лицо встревожило лейтенанта.

— Рота готова к выполнению любой боевой задачи! — доложил Попов.

Снаружи слышался гул автомобилей. Потом голоса, шаги. Дверь распахнулась. Сквозь пар вошли люди. Еще помещаясь под потолком, прошел вперед к столу генерал в серой шапке, в кожаном пальто и меховых сапогах. В избе стало тесно. Плотной стеной до самых дверей стояли штабные командиры, танкисты.

— Товарищ командир бригады, мотострелковый батальон... — начал рапорт комиссар Ланаленко.

Командир бригады пожал руку комиссару, развернул на столе карту.

— Из деревни П. немцев вышибить немедленно. Задачу ставлю танковому батальону и вашему мотострелковому батальону.

Лейтенант Попов не дышал, пораженный: когда же немцы захватили деревню П.? И почему же так спокоен командир бригады?

— Ладно. Конечно, со стороны немцев это очередное нахальство. Авантюра. Но если бы они прорвались на Ленинградское шоссе, — тогда хлопот не оберешься.

Командир бригады помолчал. Попов ощутил всю значительность этой краткой паузы. Он подумал, что вот-вот начнутся большие события. Командир хочет, чтобы здесь не было много хлопот. А где же и как сам он хочет хлопотать?

Командир бригады повернул голову к майору, командиру стрелкового полка. Это его батальоны не удержали сегодня деревню П. Майор вытянулся. Лейтенант Попов сейчас остро не любил майора, и все же он замер: вот сейчас командир бригады задаст ему. Глаза стали светлыми и холодными.

— Вашему полку надо исправить все промахи. Иначе я буду вынужден переменить о вас свое мнение!

— Будет сделано, товарищ генерал!

— Так-то оно будет лучше! И помните: маневр, маневр! Эти фашистские нахалы не выносят флангового удара. Маневрируйте!

— Есть, товарищ генерал.

Генерал обвел глазами всех. Сейчас его глаза были попрежнему теплыми и глубокими.

— Желаю удачи, — сказал он весело.

— Все будет в порядке, товарищ генерал!

Лейтенант Попов восторженным взглядом провожал генерала. Тот встретился с его взглядом и улыбнулся ему.

4.

Лепила косая пурга. Серое небо свисало над головами. Дома деревни П. черными пятнами виднелись метрах в полуторастах. Позади неясно чернела кромка леса. Оттуда рота лейтенанта Попова вслед за танками вышла вот сюда, к окраине деревни, в обход справа. Теперь рота залегла вдоль огромной ямы. Пулеметы лейтенант выставил на фланги. Недалеко от крайнего дома пылал наш легкий танк. Другие танки отошли за бугор. Но и из охваченного огнем танка еще прогремели выстрелы по врагу...

— Товарищ Иванов, выследить пушку! — приказал лейтенант Попов своему связному.

— Есть! — Иванов прополз на бугорок, двигая перед собой снег руками.

Лейтенант Попов передвинулся на более удобное место. Он поднял бинокль, и тотчас стали крупными и дома, и заборчики около них. С другого конца деревни слышались быстрые рычащие очереди немецких автоматов, огонь наших танковых пушек и пулеметов. Там тоже наступали наши.

Красноармеец Иванов хорошо устроился на бугорке, за снеговым бруствером. Ему были видны пустынная улица, долина реки справа за деревней и лес на той стороне. А где же пушка? Иванов заметил в глубине деревни перебежку

немцев от дома к дому. Но пушки все не было видно.

— Притаилась, подлюга! — со злостью прошептал Иванов. — Караулит...

Ватные штаны на его коленях промокли, и ноги сильно озябли; в рукавах телогрейки было сыро и холодно от набившегося снега.

— Да где же ты, проклятая?.. Может быть, ее тут и нет? Перекочевала на тот край, а я тут мерзну, как дурак? — сердился Иванов.

Правее ямы загудел мотор. Тронулся танк. Но едва показался он над бугром, — около третьего дома блеснул огонь выстрела, и Иванов увидел противотанковую немецкую пушку.

Она стояла между домами. Она была замаскирована бумагой. Около нее суетились немцы в белых касках.

Иванов обернулся, помахал лейтенанту Попову рукой.

— Товарищ лейтенант, вот она, пушка!

— Уничтожить расчет. Бить наверняка!

— Есть!

— Рота, приготовиться!

По цепи побежало, побежало:

— Рота, приготовиться.

Красноармейцы стали осматривать винтовки, гранаты.

— Товарищ Ивашкин, к танкам бегом. Доложите, что перехожу в атаку. И чтобы поддержали! Сигнал — движение роты.

— Есть!

Сержант Ивашкин убежал. Лейтенант Попов улыбнулся политруку Бадалян.

— Сейчас рванем! Иди со взводом Фролова. Зажги, подай пример. Ворвешься в деревню — сразу закройся справа пулеметами. Желаю удачи!

— Есть!

Политрук, оправляя снаряжение, убежал.

Лейтенант Попов не спускал глаз с Иванова. Молодец, не торопится, тщательно выцеливает врага. Лейтенант мысленно оглядел свои взводы, пулеметчиков. Все ждали его команды, он это знал. И у каждого — как у самого лейтенанта сейчас — сильнее билось серд-

це, руки крепче сжимали оружие. Сейчас одним броском вскочить в дома, зацепиться, там дело пойдет лучше!..

На бугорке щелкнул выстрел. Иванов видел, как упал немецкий солдат. Так же спокойно он прицелился и выстрелил в другого, и тот упал. Остальные немцы убежали за угол дома.

Иванов повернулся к лейтенанту сияющим и мокрым от снега лицом.

Попов спустил предохранитель своего автомата и торжественно и звонко прокричал нараспев:

— Рота, за мной! За родину, за Сталина, вперед! Ура!

Он стремительно бросился к домам, — сквозь пургу, по неглубокому еще снегу. Рядом с ним бежал Иванов.

Лейтенант слышал крики бойцов, тоже бегущих и обгоняющих его. На бугор выходили наши танки, из их пулеметов вымахивали огненно-красные язычки.

«Куда они бьют? Куда они бьют?» — подумал лейтенант, и тут он увидел выбегающих на улицу немцев и автоматчика, готовившегося стрелять из-за колодца. Вот он, упав на колено, вскинул свой черный автомат. Тоже припав на колено, лейтенант Попов выпустил в него длинную очередь. Белая каска слетела, вспыхнула рыжая голова и легла на сруб колодца.

Мимо лейтенанта с ревом проскочили танки. Красноармейцы мчались далеко впереди, стреляя в немцев. Те перебежали через улицу слева направо. И падали от огня — тут и там на снегу чернели трупы.

Лейтенант Попов догнал красноармейцев только у третьего дома. Вот она, противотанковая пушка. На снегу около нее атели пятна крови.

— Иванов, откатить пушку к лесу!

— Есть!

Красноармейцы ухватились за колеса пушки и покатали ее между домами, потом прямо через огород. Впереди протрещал немецкий автомат, тотчас рванула граната, другая.

— Врешь! — грозно крикнул там красноармеец.

Сержант Ивашкин метнулся туда. Обернулся от угла дома.

— Автоматчика разорвало! — крикнул он лейтенанту. — Тут мотоциклы, велосипеды. Целая куча!

— Обыскать все дома! — приказал лейтенант Попов. Танки были уже около церкви. Это очень далеко, они вели огонь с места. По правой стороне деревни быстро продвигался взвод Фролова. Лейтенант улыбнулся, увидев, как мелькнул полушубок политрука Бадаляна. Что же думали немцы? Ну, да, думали. Подумаешь под таким ударом с фланга. Маневр! Командующий говорил про маневр! Но что же думают немцы?

Откуда-то справа брызнули с визгом пули. Лейтенант Попов припал на колени за огромной ветлой. Недалеко от него лежал красноармеец с залитым кровью лицом. Дальше ползли раненные бойцы. Санинструктор Четвергов, громко ругаясь, подбежал к раненому, подхватил его на руки. Тот коротко охнул.

— Потерпи, браток! — вздохнул Четвергов и побежал под пулями за дом.

Лейтенант Попов крепко выругался.

— Поймали, сволочи фашистские!

Он выглянул из-за ветлы. В прогалах между домов на той стороне виднелись сгоревшие на скате в долину реки и лес на той стороне. Огонь был оттуда. Пули мягко шлепнули в ствол ветлы. Лейтенант посмотрел на сержанта Ивашкина.

— За мной! Не отставай!

Они мгновенно перебежали улочку, выглянули из-за дома. На огороде за сарайчиком они увидели сержанта Хасигова с пулеметными расчетами его взвода.

— Хасигов, прочесать лес на той стороне!

— Есть! — гаркнул Хасигов и подал команду: — Первому расчету выдвигаться за угол! Прохорков, действуй! Кочергин, занять позицию слева!

Расчеты быстро выкатили пулеметы, открыли огонь.

— Так. Вот это дело. Что?

Рядом с лейтенантом тяжело дышал улыбающийся красноармеец Иванов.

— Догнал!

— Не высовывайся так!

Пулеметы били по опушке леса на той стороне реки. Попов пристально вглядывался в бинокль. Лес был безмолвным.

— Товарищ командир! — раздался позади детский голос.

Лейтенант Попов вздрогнул.

Мальчик лет тринадцати в меховой шапке, в полушубке и больших валенках, — шмыгая носом, жарко говорил:

— Немцы вон за тем домом на горе и за стогом. Я сам видал, честное пионерское.

— А ты откуда?

— Я здешний.

— Ванюша, — позвал, улыбаясь, сержант Хасигов.

— Товарищ командир! — вскрикнул Ванюша, просияв, и быстрым шариком прокатился к сараю.

Хасигов ласково обнял его.

— Товарищ лейтенант, это он с нами в разведку ходил. Где немцы, Ванюша?

Из кустов за рекой взлетела, ввинчиваясь в воздух, ракета. Взрыв, и пунцовый шар, рассыпая искры, описал дугу в направлении места, где находилась рота лейтенанта.

— Огонь вызывают, сволочи! Сержант Ивашкин, к танкам бегом. Поставить задачу — огонь по дому и по стогам.

— Есть! — Сержант, пригибаясь в прогалах домов, побежал вдоль улицы.

Сержант Кочергин уже вел огонь по дому за рекой. Одна очередь прошла мимо в дальний лесок, и там вдруг забегали немцы.

— По бегущим гадам — огонь! — азартно прокричал сержант Хасигов.

— Есть, огонь! — отозвался Кочергин и за тремя короткими пристрельными очередями дал длинную. Немцы падали направо и налево. Сержант Кочергин перенес огонь на дом. Сбоку выбежал немецкий солдат.

— Какой прицел ставить, товарищ лейтенант? — одним духом выпалил красноармеец Иванов.

— Ставь десять!

— Есть!

Тот опустился на колено и встал — не видать, чорт возьми, с колена, приклонился к углу дома, потеснив лейтенанта. Целился он долго, долго. Лейтенант уже подумал: чего это он не стреляет, — и тут грянул выстрел, и немец бухнулся в снег, быстро дергая ногами, словно продолжая бежать.

Иванов повернулся и присел. Тяжелая немецкая мина разорвалась за домом. Пронзительно взвизгнули осколки, взлетели щепки, качнулся весь дом.

Попов, стряхивая землю, глубоко вздохнул и сказал:

— У нас дома и стены помогают!

— Не слышу! — Иванов ткнул обеими руками в уши.

— Пройдет! Сержант Хасигов, скрытно продвинуться вперед! Под минами не лежать! Зарыться! Тщательно наблюдать, вести огонь!

Махнув рукой Иванову, Попов побежал вдоль деревни догонять взводы. Попржнему сыпался сырой снег. Наступали сумерки.

Позади одна за другой рвались немецкие мины. Что же это такое? Почему наша артиллерия не подавит немцев? Уйти все равно не уйду, но ведь потери будут, людей жалко. Да, жалко, очень жалко людей. Вот от школы ведет огонь наш танк. Молодцы танкисты. Теперь артиллерией бы накрыть немцев.

И тут сверху над деревней прошли за реку наши снаряды и мины. Залпами. Залпами.

Из-за церкви навстречу лейтенанту вывалила целая толпа. Это были красноармейцы, только-что освобожденные из немецкого плена. Все они были раздеты, босы в окровавленном обмундировании. Глаза их, ввалившиеся на почерневших, залитых кровью лицах — пылали такой радостью, таким счастьем, что у лейтенанта Попова перехватило горло.

— Пленных отбили, товарищ Попов! — сказал подбежавший политрук Бадалян. — В сарае заперты были, на морозе.

— Веди их скорее по домам, замерзнут.

— Есть! А в этом доме — лейтенант замученный. Красноармейцы мне сказали, что немцы захватили его в плен тяжело раненного.

Попов пробежал к дому, вошел с бьющимся сердцем и сдернул шапку. В разбитые стекла несло снег, он лежал на столе, на полу, на лице лейтенанта. Тот скрючился на полу. Руки его были вывернуты и сломаны. Ноги босые. Пальцы на них раздавлены в кашу мяса и белых косточек. На виске, во вьющихся светлорусых волосах серели комки мозга. А вчера, — когда мотобатальон ходил на выручку, — Попов видел этого лейтенанта. Он запомнился ему своим сияющим видом, непомерной подвижностью — от избытка жизненных сил. Как же его мучили! Вот и замучили!

— Отомщу! — словно клятву, произнес Попов.

Он медленно вышел на улицу.

Навстречу ему шел командир танкового батальона капитан Кока.

— Ну, товарищ Попов, поздравляю! Деревня вся наша. С такой пехотой, как твои орлы — только и воевать!

— Служу Советскому Союзу!

5.

Деревня П. была вся в наших руках. Танки ушли на заправку. Попов выставил сильное боевое охранение, а роту разместил в домах. Старшина вскоре доставил горячий обед. Раненые были отправлены. Освобожденным из плена красноармейцам было доставлено обмундирование, и все они вернулись в свой полк, в свои подразделения.

Пурга улеглась. Вызвездило. Мороз крепчал. В хрустально чистом воздухе с особенной силой звенели артиллерийские раскаты, резко шелестели снаряды. В тылу врага все шире разливались зарева пожаров.

Попов и политрук Бадалян побывали в каждом отделении.

Бойцы сильно устали. Они уже пере-

говорили, вспомнили все подробности боя. И в каждом отделении бойцы прежде всего говорили о замученном лейтенанте, о страданиях пленных. Попов очень хорошо понимал состояние бойцов. И он, как и каждый из них, молод, и очень сильно любит жизнь, а вспоминая замученного товарища, — он вдруг видел самого себя умирающим в лютых пытках и муках.

И гнев и ненависть к врагу охватывали его. И у каждого — лейтенант Попов это тоже знал, и очень хорошо понимал — у каждого была потребность в действии, в большом боевом деле, не смотря ни на какие тяготы и опасности войны.

«Вот это и есть настоящий боевой порыв», — подумал Попов, видя, с какой тщательностью, с каким старанием занимались оружием Иванов, Хасигов и все остальные.

И когда — глубокой ночью — был получен приказ командования фронтом о переходе с утра во всеобщее наступление по всему фронту, — и вся рота, как один человек, закричала в радости, в восторге, лейтенант Попов, сквозь свою радость, свой восторг, ощутил в себе что-то более значительное и могучее.

Он занимался подготовкой роты. Был митинг, были сказаны простые и пламенные слова. Потом он приказал красноармейцам немедленно лечь спать, и все послушно улеглись.

Задолго перед рассветом началась артиллерийская подготовка. Позади, на огневых позициях батарей, раздались залпы огромной силы. Содрогнулась земля, и от огненных всплесков закачалось небо. В сторону немцев пронеслись снаряды первого залпа, потом уже и не различить было ничего в этом потрясающем сплошном гуле. Он длился бесконечно. Над передним краем обороны фашистов панически часто взлетали ракеты: красные — вызов огня — и зеленые — вопль о помощи, о бедствии.

Мотострелковый батальон в темноте занял исходное положение в долине реки. Предстояло сбить врага, выйти на дорогу к переправе и дальше действо-

вать совместно с танковым батальоном.

Рота Попова в предрассветных сумерках ползком по-пластунски продвинулась через реку и дальше по оврагу в лес. Разведчики без шума сняли немецких автоматчиков. В бабьем тряпье, те дрожали, словно мокрые собаки.

Попов вывел роту чащей леса к дороге. Тут и там чернели воронки, и снег был покрыт копотью. На востоке ярко зазеленело небо. Вставало утро. Был каленый мороз. Дорога глубокой выемкой спускалась в узкую в этом месте долину реки, к мосту. Здесь стояли противотанковые пушки немцев. Попов представил себе — вот наши танки поднимаются по ложине от моста, натываются на огонь и горят...

Он бросил свою роту в атаку.

— За родину, за Сталина! Ура!

По лесу раскатились могучие крики красноармейцев, выстрелы из винтовок, очереди из пулеметов и автоматов. В глубокие немецкие блиндажи полетели гранаты.

Попов из своего автомата перерезал немецкого офицера, сбежавшего откуда-то на дорогу.

Расчеты орудий были истреблены.

Изредка утирая рукавом взмокшее малиново-красное лицо, Попов из-за толстой березы стрелял по немцам, бежавшим снизу, от моста. Оттуда уже слышался рокот моторов наших танков. И они скоро подошли.

Надо было стремительно развивать успех. Теперь, взобравшись на танк, позади башни, Попов с чувством глубокого удовлетворения посмотрел на бойцов роты, превратившихся в танковый десант. На дороге и по обе стороны в лесу он увидел трупы врагов, оружие, пушки. И радость опахнула его.

Танк тронулся. За башней на броне было тепло. Из выхлопных труб бубнила бензиновая сладковатая гарь. Лейтенант Попов вдруг увидел цветущий сад в Ташкенте, из-за розового куста ему улыбнулась мама.

— Валенок сожжете! — крикнул Иванов.

Попов очнулся от внезапного сна,

посмотрел на рыжую подпалину от раскаленной трубы на валенке и рассмеялся.

— Ничего, товарищ Иванов! Пони-

маешь? Разгром, разгром начался. Видишь?

На востоке развевалась боевые знамена зоря.

★

ВОЛОКОЛАМСК — НАШИ

1.

Город взят нашими частями сегодня утром. Еще дымится пожарища, на окраинах воеют и рвутся вражеские мины. Но война уже прошла через город дальше на запад.

Какие радостные лица у советских людей! Как торжественно и светло на душе в эти суровые и грозные декабрьские дни! Давно ли Гитлер грозился на весь мир, что начато последнее решающее наступление на Москву? Людоед мобилизовал все, что только было в его силах, для разгрома нашей обороны.

Надо помнить.

Тринадцать танковых дивизий—больше половины всех бронетанковых сил Германии—было брошено прямо на Москву.

Тридцать три пехотных и пять мотопехотных дивизий наступали на нашу столицу только против частей Западного фронта.

Фашисты были уверены в победе. В деревне Юшково немецкие солдаты спрашивали: сколько километров осталось до Москвы? — и хвастливо заявляли, что завтра они будут в городе.

Бойцам на фронте было очень трудно.

Но за спиной бойцов стояла родная и великая столица родины. И из Кремля—на всю страну—звучал голос вождя, голос борьбы и победы.

Голос вождя отзывался в сердце каждого советского патриота, вселял веру в непобедимые силы нашего народа!

И вот — свершилось!

Гитлер уже не вопит о захвате Москвы. Германское командование объявляет о «стратегическом» отходе немецких войск от Москвы на запад, затем — о

переходе на «позиционный» характер военных действий.

Как же это выглядит на деле?

2.

Среди богатого живописными местами Подмосковья одно из самых ярких мест — долина реки Истры. Эти места запечатлены в чарующих картинах Левитана, здесь любил бывать, жить по долгу А. П. Чехов.

Новой красой исполнена долина Истры с тех пор, как ее коснулась создающая рука социалистической стройки. Построена плотина на Истре. Среди лесов простерлись чудесные зеркала вод.

Немцы, отступая под ударами наших частей, взорвали плотину. Они рассчитывали укрыться за водной преградой, за стремительным потоком кипящей студенной воды.

Истра ревела, выхлестнувшись из берегов. Четыре метра глубины!

Гвардейцы командира Белобородова захватили городок Истру, в лютые морозные ночи перебросили штурмовые мостки через Истру, потом навели переправу. Под ударами гвардейцев фашистские полки «Дейчланд» и «Фюрер» продолжали бежать и за рекой.

По замыслу генерал-лейтенанта Рокоссовского группы генералов Катукова и Ремизова вклинились с флангов немецких частей, действовавших на Волоколамском направлении.

Это движение было стремительным. Немцы пытались задержать наши части, разбросав многие тысячи мин. Но расчеты врага не оправдались. Пресловутый «стратегический отход», а также переход немцев на «позиционный» характер войны принял весьма своеобразные формы.

И на Волоколамском шоссе, и на просеках, и на полевых дорогах, и на

лесных тропах — всюду мы видели немецкие автомобили, мотоциклы, велосипеды. Всюду мы видели пушки — тяжелые, зенитные, противотанковые, горы боеприпасов, снаряжения, различного военного имущества. Около села Красногорье немцы бросили в лесу 36 танков. Около села Сычи наши части захватили 30 танков.

Я взялся было считать пушки, танки и автомобили. Не доезжая до Волоколамска, сбился со счета. Цифры были уже трехзначные!

В разговорах среди наших командиров — новая тема: как бы скорее учесть и собрать трофеи. Их много. И собрать все это — непросто дело!

А части идут и идут вперед, отбрасывая врага и захватывая новые трофеи.

Вот это и называет германское командование «стратегическим отходом», «позиционной войной»!..

3.

Волоколамск. Старый русский город, давший имя свое чрезвычайно важному оперативному направлению («на Москву!») и ставший в эти дни боев всемирно известным.

А сейчас Волоколамского направления больше нет. И Волоколамск попрежнему наш, советский.

Но никогда не забудутся дни боев на этом направлении. Не забудем никогда и не простим ни за что бешеным собакам фашизма тех зверств и расправ над советскими патриотами, которые чинили они на этом направлении и в самом городе Волоколамске.

В деревне Бели на улице под березами — могилка, на колышке занесенная снегом кепка мальчика. Неделю назад немцы расстреляли двух тринадцатилетних мальчуганов — Сережу Акимова и Васю Шильникова. Немцы уводили коров. Мальчуганы осмелились протестовать. Они были немедленно расстреляны на глазах у жителей деревни.

В Волоколамске только сегодня сняты с виселицы восемь советских патриотов, среди них — две женщины. Все они были повешены немцами на другой или

третий день после того, как фашисты ворвались в город. Они повешены на толстых веревках, руки их связаны позади, на теле у каждого и сейчас видны следы страшных пыток...

В Волоколамске немцы сожгли десятки пленных красноармейцев, — это установлено категорически многими очевидцами. Запах горелого мяса еще слышен вблизи ужасающего пожараща, обуглившиеся кости видны на пепелищах.

И все это простить? И все это забыть? — Никогда! И с новой яростной силой стучит в сердце священный лозунг:

— Смерть немецким оккупантам!

4.

Уходит короткий серый день. На окраине Волоколамска, в деревне Пушкино — веселые и короткие сборы.

Танкисты и бойцы подполковника Савостьянова, участвовавшие вместе с бойцами других частей в ночном штурме и захвате города, приведя себя в порядок, выступают для преследования и уничтожения противника.

Среди них и заместитель политрука Владимир Седлецкий. Он еще ни одного дня не был вне боя с той поры, как после разгрома четырех немецких танков его боевая машина отремонтирована. Сколько новых сокрушительных ударов нанес экипаж Седлецкого врагам!

Танкисты и бойцы Савостьянова захватили за последние дни 28 тяжелых орудий, 12 горных mortир и 4 зенитных орудия, несколько десятков противотанковых пушек.

Под деревней Гряда немцы пытались было контратаковать наши части, и были уничтожены все до единого. В этой схватке подполковник Савостьянов был ранен, но продолжал командовать, не выходя из строя.

Среднего роста, сероглазый и русский, с окающим волжским говорком, подполковник Савостьянов посмеивается:

— Волоколамск — наш! Теперь надо вперед, бить врага без передышки, до конца!

Ревут моторы. Лязгают гусеницы гоголового танка, выступающего бить врага без передышки, до конца.

И все это — радостные и уверенные

лица, смех и шутки фронтовиков, шум боевых машин — сливается в светлое и сильное впечатление нарастающей победы.

★

ПОЭМА О ПОБЕДЕ

Центральная студия кинохроники выпустила документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

Это картина — взволнованная и волнующая. Она смотрится с трепетным интересом и производит неизгладимо яркое впечатление.

Под Москвой разгромлены отборные немецко-фашистские дивизии. Их было более восьмидесяти! Здесь было больше половины всех немецких бронетанковых дивизий, и они были разбиты!

А наши части теснят и теснят врага на запад, преодолевая его сопротивление. Пробираясь по пояс в снегах, в сугробах, во фланги и тылы фашистов, славные фронтовики нередко спят на снегу, не разводя костров. А поутру герои вновь идут на запад, разя и опрокидывая врага.

Все дальше от переднего края до Москвы. И как же радостно и светло на душе: Москва от фронта все дальше, позади, на востоке, остались уже и дальние рубежи обороны столицы.

Москва — любимая и прекрасная, веселая и мужественная, сердцу и разуму каждого советского патриота стала еще милее и ближе.

Москва, овеянная славой и излучающая волю к борьбе и победам. Город, притягивающий, пленяющий сердца и души. Город чудесных строек — метро, улица Горького, стадионы, канал Москва-Волга, новые заводы. Город строек, исполненных пафоса, творчества и созидания.

Москва — трибуна на всю страну, на весь мир. Москва — Красная площадь, и наши парады и демонстрации, юность, радость, наша мощь, миллионы улыбок, старинные башни, рубиновые звезды, мавзолей бессмертного Ленина. Кремль и бодрствующий днем и ночью бесстраш-

ный и мудрый кормчий великого государства.

Москва — наше волнующее прошлое, суровое боевое сегодня и прекрасное лучистое завтра.

Сюда, в священный для каждого советского человека город, стремятся души и чувства.

И вот — на нашу святыню, на радость и гордость советских людей, на Москву бросает немецко-фашистские орды зверья кровавый Гитлер. Теперь они, разбитые, катятся на запад под ударами наших войск.

Невозвратно в историю ушли эти месяцы — октябрь, ноябрь, декабрь. Живут и будут жить эти дни в памяти советского народа. Дни смертельной опасности нашей Москве, дни величайших усилий на фронте и в Москве, и в тылу, дни грозной борьбы и великой победы.

В первой половине октября немецко-фашистские орды прорвались на дальние оборонительные рубежи Москвы — под Волоколамск, Можайск, Малоярославец.

Немецкое командование подхлестывало войска посулами, обещаниями, что с захватом Москвы война кончится победой гитлеровской Германии, а солдаты с награбленным добром будут отпущены по домам.

Советский народ, выполняя сталинский стратегический план ведения войны против фашизма, ответил на угрозу столице новым напряжением сил.

Население Москвы от мала до велика по первому призыву МК ВКП(б) и Моссовета взялось за то, чтобы сделать свой город неприступной крепостью.

Показом Кремля, Москвы и москвичей в те дни начинается документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой».

И сразу захватывают эти мужественные и выразительные кадры.

Товарищ Сталин возложил оборону Москвы на генералов Жукова и Артемьева. Мы видим их на экране вместе с их ближайшими соратниками: и помощниками.

Трудные, напряженные и опасные были эти дни — в октябре, когда на дальних рубежах Москвы день и ночь грохотали орудия, день и ночь шли кровопролитные бои.

Смотришь на кадры кинофильма, а память подсказывает... В декабре немцы были под самой Москвой, их танки ревели моторами и лязгали гусеницами под Крюковом, Красной Поляной и Яхромой. Немцы подтягивали дальнобойные орудия, чтобы открыть огонь по Москве. На юге немецкие части двигались на Каширу, на Коломну с тем, чтобы охватить столицу глубоким кольцом.

Немцы в это время подошли гораздо ближе к Москве, чем в октябре. А настроение у всех — и у фронтовиков, и у москвичей — было еще более уверенное и бодрое. Почему? Да потому, что каждый советский патриот знал: выросли наши силы под Москвой и в самой Москве, в то время как силы врага измотаны героической обороной и они на исходе.

В дни, когда немецко-фашистские орды рвались к Москве, — на всю страну, на весь земной шар прозвучал голос вождя советского народа и Красной Армии.

Все советские люди, все друзья Советской страны, все трудящиеся за рубежами нашей страны, затаив дыхание, с замиранием сердца слушали доклад товарища Сталина о XXIV годовщине Октябрьской революции на традиционном заседании 6 ноября и его речь на Красной площади на параде 7 ноября.

Товарищ Сталин проанализировал весь ход Великой Отечественной войны и всего советского народа против нашего заклятого врага — немецкого фашизма. Вождь народов Советского Союза, великий полководец Красной Армии указал мудрый план дальнейшего победного ведения войны. С неслыхан-

ной силой выразил он чаяния, надежды и волю всего советского народа.

Вот товарищ Сталин на экране, и голос его звучит, проникая в самое сердце:

«Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина — вперед к победе!»

Какими словами выразить всю радость, восторженный подъем и бурный прилив сил у всех советских людей!

Черная угроза нависла над столицей, а товарищ Сталин в Москве, он выступает, и в докладе, и в речи его — непоколебима вера в силы народа, в творческие силы масс, ясность в нашем историческом завтра, «может быть, годик», а победа будет за нами!

И вот с новыми силами советские патриоты — москвичи и подмосковные колхозники — строят могучие пояса укреплений вокруг Москвы, на предприятиях производятся минометы, автоматы, снаряды, мины, вагоны с оружием отправляются на фронт. Зенитные орудия стреляют, содрогаясь, над городом — непроницаемая для вражеских самолетов шапка разрывов.

Кинофильм ярко показывает, как Москва в эти дни ковала оружие для разгрома врага.

Вся страна, следуя указаниям своего вождя, собирала силы для могучего контрудара по врагу. Родина, советский народ слали и слали в Москву, на фронт, свежие части, боеприпасы, снабжение, могучую технику. И вот кинофильм ведет нас на фронт, на огневые позиции артиллерии, к нашим танкам, к нашим самолетам, к нашей пехоте, к нашей кавалерии, к авиадесантным частям.

Вот они, наши героические фронтовики, измотавшие немецкие дивизии на подступах к Москве — на дальних и на ближних подступах.

В славных боях под Москвой рождалась и крепла боевая гвардия Страны Советов.

Генералу Белову вручают гвардейское знамя, бойцы-гвардейцы проходят мимо своего генерала, они кричат «ура», и Белов целует знамя. А дальше мы видим неотразимую атаку конногвардейских частей. И танки гвардейского соединения Кутузова бросаются в грозную атаку.

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
Проклятою ордой!

Звучит песня, шагает наша доблестная пехота. И на плече рослого стрелка — противотанковое ружье.

Стремятся в воздушном океане наши самолеты, и грозные бомбы падают на врага.

Чувство гордости и радости так и подмывает сердце. Да, это — наша героическая Красная Армия. Могучая современная армия, в рядах которой бьются за родину миллионы советских патриотов, на вооружении которой все виды оружия, самая разнообразная техника.

Мы видим могучие танки, им нипочем сугробы, леса, заграждения. Броня, грозные траки гусениц сметают, стирают все со своего пути.

Мы видим артиллерию — сталинскую, советскую артиллерию: тысячи орудий, бросающих сокрушающий рас-

каленный металл на головы врагов. Подвижные полковые орудия, короткоствольные гаубицы, корпусная и тяжелая дальнобойная артиллерия, зенитные и противотанковые орудия, — мы видим их в действии. И снова гордость стучится в сердце. Эта мощь — реальный результат победы сталинской политики индустриализации страны.

Вот эти орудия стальными поясами прикрыли нашу любимую столицу! Какой же вражьей силе устоять против залпов наших орудий?

Да, это наша родная Красная Армия, плоть от плоти и кровь от крови советского народа. Над ее созданием, организацией, вооружением беззаветно трудился и трудится весь советский народ, все народы Советского Союза и каждый советский патриот, осуществляя мудрый сталинский план разгрома и победы над врагом.

И кадры фильма, показывающие части Красной Армии, все роды оружия, — ярко свидетельствуют о том, что советский народ, партия воплотили во всей этой грандиозной мощи мысли и волю великого и мудрого Сталина.

Какой же вражьей силе устоять против этой мощи, непрерывно питаемой всем советским народом, неиссякаемой мощи, ибо в нашей стране, ставшей по указанию Сталина военным лагерем, армия и народ едины, монолитно едины фронт и тыл!

Мы видим, что воины нашей армии отлично одеты, они подготовлены к войне в зимних условиях. Мы видим лыжные батальоны, отлично обученные для боевых действий зимой с ее заносами и сугробами, метелями и морозами.

Но вот и на экране — разбитые немецкие орудия, горелые танки, автомобили. Груды боеприпасов. Трупы. Пленные. Жалкое отребье. Вот они — промерзшие горе-вояки, забравшиеся под Москву.

Пусть фашисты дурачат кого угодно, уверяя, будто их наступление было прекращено из-за русских морозов. Морозы несладкими оказались для фашистских дивизий. Но мы-то знаем и мы видим в картине, какая сила нанесла врагу сокрушительный удар.

Гитлер, бросая свои орды в «последнее» наступление на Москву, приказал «в ближайшее время разделаться любой ценой со столицей Москвой».

Кровавый и наглый шут просчитался. По указаниям товарища Сталина Военный совет Западного фронта подготовил контрудар с задачей не только сорвать наступление немцев, но и начать под Москвой разгром фашистских полчищ.

Советский народ с любовью и благодарностью вспоминает и прославляет своих генералов. Под руководством Сталина, осуществляя его замыслы, его волю, его директивы, наши генералы талантливо и победно вели войска в бои под Москвой, на разгром немецких войск.

Имена Жукова, Конева, Соколовского, Рокоссовского, Болдина, Лелюшенко, Юшкевича, Масленникова, Говорова, Власова, Голикова и других защитников Москвы стали широко известны советскому народу.

★

6 декабря 1941 года войска Западного фронта, измотав живую силу и технику врага, перешли в наступление.

Вскинув грозные жерла, по всему фронту загрохотали пушки, гаубицы, минометы. Поднялись, разлетаясь вдребезги, вражеские укрепления, проволочные заграждения.

С неба били по врагу сталинские соколы, сбрасывая тысячи бомб, расстреливая врага из пушек и пулеметов. Запылали немецкие танки. Столбами вставали, чтобы упасть прахом, логовища врага.

Вслед за артиллерийским и авиационным шквалом идут в атаку на врага танки. Их очень много. Стальной порыв их неудержим. Попавшаяся на пути огромная сосна от удара идущего в наступление танка разлетается кусками.

Могучая советская техника прокладывает пути-дороги пехоте и кавалерии.

И вот во взаимодействии с артиллерией, авиацией и танками в бой бросаются лыжники, стрелки. На броне танков, в санях, прицепленных к танкам, стремятся советские воины на врага.

Лыжники в белых маскировочных халатах птицами несутся на лыжах с горы. Гремит по всему фронту грозный клич:

— За родину! За Сталина! Ура!

И отборные немецкие части не выдерживают ударов. Гитлеровские брехуны врут об организованном отходе, о выравнивании линии фронта. Кадр за кадром мы многое видим: сотни брошенных танков, орудий, автомобилей, горы боеприпасов и снаряжения, трупы и пленных. Если все это называется организованным отходом, то что же тогда назвать паническим бегством?

А как красноармейцы, взявшие штурмом населенный пункт, за шиворог вытаскивают фашистов из ям, из подвалов, на это нельзя смотреть без смеха.

Сбивая врага, отбрасывая на запад и преследуя его по пятам, наши доблестные части освободили сотни населенных пунктов.

Потрясающие встречи населения и героев-освободителей. Ребятишки взобрались на трофейный танк. Старушка-колхозница целует проходящих красноармейцев и... крестится.

— Наши пришли! Наши!

И никогда не забудут советские люди, не забудут и не простят злодеяний, неисслыханных зверств немецко-фашистских преступников. Сожженные дома, трупы замученных, расстрелянных колхозников. Мать над трупом дочери. Мальчик у трупа своего отца-колхозника. Трупы изнасилованных, а потом зверски убитых женщин. Сожженные, обгорелые тела красноармейцев.

В Волоколамске немцы повесили двух девушек и шесть парней. Все они — советские патриоты, отдавшие жизнь за родину, за советский народ.

У виселицы, около раскачивающихся на веревках трупов героев, клянутся отомстить за них фронтовики. И в память на всю жизнь врезается: виселица, восемь повешенных.

Подвиг их бессмертно будет жить в сердцах советских людей.

Кровавый след оставили за собой немецко-фашистские изверги! Они убивали людей за то, что те были русскими, славянами, советскими гражданами.

Они глумились над всем, что дорого сердцу советского народа, русских людей. От домика Чехова на Истре остался пепел. Знаменитое творение архитекторов Растрелли и Казакова Ново-Иерусалимский монастырь взорван руками варваров. Дом великого русского композитора Чайковского в Клину разгромлен. Сожжены дома и школа в Ясной Поляне. Неслыханно оскорблена немцами память Льва Толстого, которым гордится все прогрессивное человечество. Могилу гения русской и мировой литературы они осквернили, устроив здесь солдатские кладбища.

Убийства, пожары, взрывы, насилия — вот подлинный лик немецкого фашизма.

★

Отброшены немецкие варвары на запад. Возвращаются жители в свои родные места. Из лесов выходят партизаны. Отдыхать некогда. Сколько дела!

И председатель Солнечногорского горсовета товарищ Батов, партизан, на крыльце дома уже окружен жителями и сразу берется за дело.

Провалился гитлеровский план окружения и захвата Москвы. Великой радостью, новым трудовым подъемом отзывались советские люди в Москве и по всей стране на весть о победе. Такова уж природа советского человека: на события отвечать крепкими делами!

— Все для фронта, все для победы!

Части Красной Армии продолжают гнать врага, наносить ему удары. Отбит Калинин. Отбит Волоколамск. Отбит Можайск. Отбиты многие города.

Стерты с лица земли десятки немецких дивизий. Москва — прекрасная, гордая, свободная и любимая.

Через Бородинское поле, мимо обелиска — памятника славы русского оружия — части Красной Армии, бодрые, сильные, неустрашимо стремятся на запад!

Горбун

НИК. УШАКОВ

★

Шли мы на разведку в темном поле
(Не светила в эту ночь луна),
Мы в кустах едва не прикололи
Притаившегося горбуна.
Был тот немец небольшого чина,
И нашивок не было на нем.
Мы спросили:
— Какова причина,
Что на фронте вы
С таким горбом?
Говорил солдат горбатый мало,
Но сказал заученную речь:
— И меня Германия призвала,
Мне доверив
Свой железный меч.
И горбун,
Горбатый из горбатых,
Тоже был отправлен
На войну.
Так рисуют только на плакатах:
Толстая Брунгильда в смятых латах,
Меч вверяющая
Горбуну!

Пуговица Алоиза Матеробера

ТЕОДОР ПЛИВЬЕ

Рассказ.

★

История пропавшей пуговицы с шинели обер-егеря Алоиза Матеробера произошла несколько дней назад, и в тот день вовсе не было какого-нибудь осмотра, из-за которого он мог бы так неудачно влипнуть. Случилось это так. Командир батальона майор Рейтель, убежавший из своей избы с посиневшим лицом и остановившийся посреди улицы на снегу, увидел группу солдат. Это был отряд шестой роты, направлявшийся за хлебом. Об этом майору отрапортовал командир отряда унтер-офицер Штейбмайер (майор подозвал его движением руки).

Однако майору было не до рапорта. У него в голове было нечто совсем иное, да, совсем иное!

Ростов-на-Дону, стало быть... Ну, тут он еще мог сказать: «Недурной подарочек... Спят там наши господа, и вот доводят до того, что их бьют. Да, господа, таков, стало быть, ваш южный фронт», — мог он еще добавить к этому.

Но в сводке дальше говорилось о Серпухове и о Клине. А это было уже нечто другое. Это был центральный фронт. А что значит центральный фронт?! Москва уже взята в клещи и остается только зажать их. Но они не зажимаются, они вдруг стали мягкими. Это уже вовсе не клещи, и кажется, что Москва вовсе никогда в клещах и не была...

Именно в этот момент майору Рейтелю стало необычайно жарко у открытой

дверцы печки, перед которой он сидел и в которой догорали толстые поленья дров.

Но сводка все еще не кончилась, и то, что ему пришлось услышать затем, касалось непосредственно его самого, его северной армии, в которой он стоял и которая, как он узнал, должна была теперь продолжать свои операции отрезанной от главных сил. Сообщение же, от которого у майора кровь ударила в голову, а сам он так быстро вскочил на ноги, что адъютант едва успел помочь ему натянуть шинель на руки, — сообщение это было о сдаче Тихвина.

Вот почему майор Рейтель стоял на деревенской улице. Он видел, как ушли вдаль темные, зарывшиеся в снежные сугробы избы. Термометр возле дома, занятого штабом, показывал 28 градусов ниже нуля, а ветер, уносивший с собой в открытые просторы поднятую снежную пыль, делал мороз еще более резким. Но майор Рейтель не чувствовал холода, хотя ладони его рук покраснели, лицо пылало, а кожа на гладко выбритых толстых щеках посинела.

Он видел перед собой снег, сугробы и дикую заброшенность этой «населенной местности», которая, по его разумению, вовсе не была населенной местностью, а пустынным пространством, куда со времени сотворения мира еще ни разу не заглянул луч солнца. Ростов, Москва, Тихвин! И Браухич ушел, должен был

уйти... Теперь сам фюрер... Ну, посмотрим, что будет теперь. В армии что-то происходит. Армия уже не та, что прежде, когда пришла сюда. Тихвин пал! А мы лежим у Мурманска, вернее, лежим в снегу, а Мурманск далеко. Наши господа и тут начали сдавать. Они отступают, полагая, что у самой цели можно так позорно дрейфить и садиться в лужу...

В этот самый момент и раздался гнусавый голос унтер-офицера Штейбмайера:

— Получить хлеб для роты!

Эти люди, стало быть, направлялись за хлебом...

Теперь понятно, почему пал Тихвин, — ведь это не солдаты, ничего похожего на настоящих солдат! Еще одно движение руки майора, и унтер-офицер будет надолго пригвожден к месту.

И вот они стоят перед майором, один унтер-офицер и восемь солдат, с серыми лицами, держа по швам свои окоченевшие от мороза руки. На них шинели, которые, может быть, вполне пригодны осенью в западных странах, а головы покрыты легкими походными шапчонками без козырьков. Да, немалую бумажную борьбу пришлось выдержать командиру батальона с интендантством, вымалывая вещевое довольствие для зимней кампании. А зимней одежды так и не получили. Парни, понятно, сами стараются обеспечить себя, чем могут. Это они должны делать, это их обязанность, они имеют прямые инструкции, как обеспечивать себя в покоренных странах. При таких условиях трудно, конечно, придаться к тому, что головы у них закутаны в какие-то лохмотья, которые они нашли у местных жителей. И вокруг шеи, и вокруг подбородка до самого носа также намотаны, чорт знает где найденные, отрепья. И на ногах, выше тонких ботинок, такие же тряпки! Конечно, ничего против этого не возражай, но все же вид у солдат такой, что нельзя не притти в ужас.

Ну, допустим, что они не подлежат наказанию за свой ужасный вид, эти парни, стоящие перед ним — они должны хоть кое-как защитить себя от мо-

роза. Но получен приказ по дивизии: в каждом случае обмораживания предавать солдат военно-полевому суду и рассматривать обмораживание как самоубежье. Ну, ладно, они имеют право безнаказанно разгуливать с обмотанными тряпьем головами, но могут же они, чорт поberi, разогнуть поясницу и выпрямиться в струнку, когда перед ними начальник. Нет, с такими сгорбленными фигурами майор никак не может примириться.

Тихвин пал. Целая армейская группа разбита. Но группа может быть разбита только в том случае, если разбита армия, а армия — если разбиты ее дивизии, целое может быть разбито, если уничтожены составляющие его части. Все дело в том, в каком состоянии находится каждая единица в отдельности, это совершенно ясно. Каждый в отдельности должен стиснуть зубы, — стиснуть зубы, чорт поberi!

— Они ведь еще молодые парни? — обратился майор к унтер-офицеру.

— Так точно, господин майор, — ответил унтер-офицер Штейбмайер, полагая, что теперь ему можно будет двинуться за хлебом.

Но майор внезапно повернул лицо к обер-егерю Матероберу. Он заметил то малое, в чем, по его мнению, как в зеркале, отражается большое — тот вопиющий беспорядок, который обнаружился в германской армии и который надо немедленно пресечь в зародыше.

— А это что такое? — спросил он и ткнул свой палец в шинель обер-егеря.

Алоиз Матеробер, устремив свой взгляд по направлению указательного пальца майора, сразу заметил, что на его шинели не хватает пуговицы, но он не сразу сообразил, что имеет в виду майор Рейтель.

И кто бы мог додуматься, что поражение германской армии под Ростовом, под Москвой и под Ленинградом может стать причиной того, что солдат, проделавший до этого с боями десятки километров по пустынной карельской земле, лишь из-за того, что на его шинели не хватает пуговицы, получит приказ от своего командира: встать смиренно, лечь,

снова встать смирно, снова лечь и ползти-ползти по снегу... Это был отнюдь не первый случай, когда Алоизу Матероберу приходилось лежать на животе и так передвигаться вперед. Он это делал, держа впереди себя винтовку или таща за собой пулемет — осенью по толстой глинистой почве, зимой — по глубокому снегу. И раньше еще приходилось это делать, когда он был в лагерях на учебных занятиях. И еще раньше, на казарменном дворе, причем не всегда для дела, а порою в наказание. Да, и это бывало. Но то было на казарменном дворе и приказание отдавал какой-нибудь Штейбмайер, унтер-офицер, и не так уж тогда задумывались, справедливо ли это или несправедливо. Правда, и тогда Матеробер воспринимал подобные наказания как издевательство, как оскорбление. Здесь же все было иначе. Здесь была Карелия, занесенная снегом деревенская улица, а за этой заснеженной деревней караулила смерть. В последние дни из 210 человек в роте 120 погибло. Это был совсем другой мир, невообразимо страшный, пустынный мир. И распоряжение командира — того человека, по приказу которого он десятки раз шел на смерть, — швырнуло его наземь. Здесь несправедливость была больше. Падение было глубже — это было падение в бездну.

Алоиз Матеробер полз по снегу. Вначале он делал несколько шагов бегом, а потом проползал около тридцати метров, чтобы снова достичь того места, где он оставил товарищей, Штейбмайера и командира.

Сперва он досадовал, что именно на его долю выпало это несчастье. Затем он попытался отвлечься спортивной стороной дела: он хотел показать им, как следует ползти, когда все кругом заметено снегом, как ловчее пробить руками снежную кору, не чувствуя при этом, что от мороза коленеют суставы рук и застывает на лице кровь. Но все же он не мог забыть одного: то, что с ним сделали, было вопиющим свинством, беспримерной подлостью, и эту подлость совершил командир. И из-за чего, собственно говоря, — из-за пуговицы.

Солдат стиснул зубы и полз дальше. Нет, никакого спорта из этого не выйдет — для этого он слишком ослабел. Силы его за время войны порядком сдали, и лишь теперь ему стало совершенно ясно, что он уже не прежний Алоиз Матеробер.

Но он продолжал ползти, он должен был это делать, ничего другого ему не оставалось, — нельзя же было, в самом деле, подохнуть или быть убитым здесь на месте за непослушание...

Когда снова и снова до его слуха доходил приказ — встать смирно, он все еще кое-как становился на ноги, одеревяневшие руки позвисали, как прутья, перед глазами мелькали какие-то серые клочья, и среди мелькавших серых клочьев он видел майора. Он уже и раньше, с трудом преодолевая полуобморочное состояние, видел перед собой эти толстые, посиневшие щеки, это гладко выбритое, безжалостное лицо. Но теперь Алоиз Матеробер вдруг увидел его очень отчетливо, и тогда он многое понял. Несправедливость, совершенная над ним, отступила на задний план, — он понял, что несправедливости совершаются далеко не по отношению к нему одному и что они гораздо значительнее и больше.

Само собою разумеется, что такое восприятие несправедливости было еще очень далеко от сколько-нибудь ясного, сознательного отношения к ней. Сперва это было одно лишь чувство, правда, сильное и не совсем уже смутное. Когда же он несколько позднее маршировал дальше со своим отрядом, то все, что вздымалось в нем, нашло выражение в обрывках мыслей, ничем как будто не связанных друг с другом... Например: он пил кофе сегодня утром, не имея возможности при этом съесть кусок хлеба, так как свою порцию он проглотил накануне вечером. Черная кофейная жижа, стало быть, пришла неожиданно на память... И странным образом вслед за ней в памяти возник этот Зоцек из 8-й роты, а когда он подумал о Зоцке, которого он знал, нетрудно было перескочить мыслью на ефрейтора из 9-й роты Загерса, которого он не знал. И то, что тетка Греченция писала в своем послед-

нем письме, по существу, мало чем отличалось от того, что сказал тогда Зоцек.

«Дорогой Алоиз», — так начиналось ее письмо, а затем она писала о том, что война никак не кончается и вот уже наступила зима. — «И она никогда не кончится хорошо. Сколько людей должны были уже отдать свою жизнь! У нас в деревне мужчин и в помине нет, одни только военнопленные французы и поляки...»

Еще когда он был в последний раз в отпуске, тетка Греченция излила ему свое сердце:

— Что несет нам война? Тебе, Алоиз, я могу сказать это открыто.

Из тридцати двух дворов в ее деревне она насчитала тринадцать, где отец или сын, или какой-нибудь другой член семьи был убит. Некоторые дворы насчитывали по два убитых, а Рези Швабахер потеряла уже троих. Рези Швабахер и в другом отношении могла служить примером: ей пришлось продать лучший участок луга этому Оксенвирту, который у них в деревне большая персона — местный «крестьянский руководитель».

— Так вот, ты видишь, что нам дала война. Нас становится все меньше, и мы становимся все беднее. То, что может нам дать война, мы уже получили. И если война будет продолжаться, может стать только хуже и хуже.

Так говорила тетка Греченция. То же самое две недели тому назад говорил Зоцек. И как-раз перед тем им задали перцу — их батальон отозвали назад, то-есть, он отступил. Надо сказать открыто, что все бежали и была такая паника, что рота с ротой смешались. И вот тогда случилось, что в убежище, которое нашли три солдата шестой роты, залезли еще десять человек из восьмой и среди них был этот Зоцек. О сне, понятно, и думать нельзя было, даже присесть могли не все, надо было радоваться тому, что ты не валяешься под открытым небом и имеешь хоть какую-нибудь защиту от ветра. Ругались мало, все слишком устали, и каждый старался поглубже зарыться в свою скорлупу. Но в этой тишине особенно отчетливо прозвучали слова Зоцека. Он

заговорил о том, что у него в деревне люди с каждым днем нищают, продают свои клочки земли и что у немногих осталась еще скотина в хлеву. В Баварии то же, что и в Польше: люди с большой мошной скупают за бесценок поместья. И все эти разговоры, что после войны будет раздел земли, это один обман. Они говорят, что это будет после победы, но для этого надо победу одержать, а ее-то и не видно.

— В восьмой роте на-днях еще сорок человек отморозили себе руки и ноги. И это все, что мы с войны привезем домой.

А потом Зоцек говорил тихо, но так, что все можно было разобрать. Он сказал:

— Войну мы уже проиграли, и это правильно. Потому что в Карелии и во всей России нам нечего было искать...

Что потом произошло с Зоцеком, никто не знает. В роте известно только, что его вызвали в канцелярию и он от туда больше не вернулся.

— Этот Зоцек, сколько лет ему может быть? — спросил Матеробер Иозефа Эйбингера, который лежал рядом с ним в хлеву, отведенном под жилье. Они недавно вернулись с отрядом из провиантского склада, где забрали хлеб.

— Зоцек? Лет двадцать ему, наверное, было, — ответил Эйбингер.

Двадцать лет? Только всего? Но Матеробер внимательно присмотрелся к нему утром после той ночи в убежище. У Зоцека уши и нос были белые, как снег. Но главное было не в отмороженных ушах и носе, а в лице его и отвислой коже, придававшей ему вид пожилого, измученного жизнью человека.

— И такой человек просто вдруг исчез? — снова спросил Матеробер.

— Да, исчез, — почти шопотом ответил Эйбингер. Оба они были единственными уцелевшими «стариками» в роте, остальные, лежавшие с ними в хлеву, были новички из пополнения, которое получила рота.

— Ну, а этот Зегерс? — спросила опять Матеробер.

Эйбингер не ответил. Не то, что произошло с ефрейтором Зегерсом из девятой роты, было всем известно. Зегерс

отказался стать в караул в своей тонкой шинели и рваных сапогах. Это был первый случай совершенно явного неповиновения. Два дня спустя Зегерс исчез. Утром, когда выстроились на проверку, там, где он обычно стоял, зияло пустое место. Унтер-офицер командовал сомкнуть ряды, и ефрейтора Зегерса как не бывало.

— Да, этот Зегерс... Если бы все было по закону, то его должны были отдать под суд, — снова заговорил Матеробер.

— Ах, брось говорить глупости, Алоиз...

Эйбингер плотнее закутался в свою шинель и натянул одеяло на голову. Матеробер молча глядел в маленькое окошко хлева, и много времени прошло, пока он тоже заснул. Его разбудил выстрел, прозвучавший в белой снежной тишине и тотчас же утонувший в ней. Конечно, ничего необычайного не было в том, что раздался выстрел в этой маленькой деревушке, расположенной близко от фронта. Но когда Матеробер стал вслушиваться в окружающую тишину, у него было такое ощущение, словно этот выстрел угодил в него, швырнул его в снежный сугроб, и теперь все для него кончилось.

Когда на следующее утро — это было тихое и ясное утро, и звезды еще не погасли на небе — рота выстроилась, чтобы отправиться на передовую линию, Матеробер должен был выйти из строя и заявить, что он болен. Но он не вышел, хотя незадолго перед этим, после побудки, он и доложил унтер-офицеру Штейбмайеру, что он отморозил руку. После того, как Штейбмайер поднял на него глаза и пристально посмотрел на него, ничего больше не случилось. И когда рота двинулась вперед, Матеробер вместе со всеми, как всегда, шагал в своей шеренге мимо низких хат деревушки и дальше по хрустящему снегу, вперед, в бесконечное пустынное пространство.

День не принес ничего особенного. Позиция отодвинулась далеко назад, русские появлялись редко, одиночными группами. Отряд должен был войти в соприкосновение с соседними частями и

ознакомиться с новой линией расположения. Все говорило за то, что ближайшие дни пройдут спокойно. Солдаты, не занятые на караульной службе, проводили время в общем блиндаже, в некоторой степени благоустроенном.

Единственным событием в этот день была перемена погоды. Снова началась метель. Явление это в таких невероятных, диких размерах в Германии неизвестно, в северо-американских прериях оно называется снежным ураганом, а здесь в России — бураном. Никак не установить, откуда приходит ветер, как будто он дует и свистит отовсюду, беспощадно хлещет землю, вздымает снега, словно хочет перетряхнуть все кругом. Грохот, скрип, вой снежных валов сотрясали замерзшую землю до самого блиндажа.

Матеробер присел на корточки в углу. При свете, отбрасываемом топившейся печью, он видел перед собой стол. Вокруг самовара, стоящего на столе, сидело несколько новичков. Разговор шел о последнем приказе по армии и о смене верховного командования.

— «Война достигла кульминационной точки» — так, стало быть, говорилось в приказе, — сказал один из них.

— Я так это понимаю: — вмешался Эйбингер, — скоро войне конец, и мы сможем вернуться домой.

— Да, домой...

— Но что такое «кульминационная точка»? — спросил кто-то.

Солдаты, сидевшие за столом, и те, которые разместились возле печки, распространяли вокруг себя запах истощенных тел, грязного белья и не менее грязной верхней одежды. Они были уже немолодого возраста, недавно еще были штатскими, и многие из них знали, что кульминационная точка в астрономии означает зенит, которого достигает на своем пути планета и после которого неминуемо следует ее падение. Но дать здесь такой ответ на вопрос было невозможно, солдаты переглядывались друг с другом, и, наконец, все устремились на унтер-офицера Штейбмайера.

И Штейбмайер сказал:

— Ну, кульминационная точка зна-

чит... да ведь вы слышали, что говорится в приказе... это значит, что теперь «каждую позицию должно защищать упрямо и фанатично».

Буквально так было сказано, что надо «упрямо и фанатично удерживать и защищать все, что было завоевано ценой дорогих и тяжелых жертв». И слова «дорогих жертв» запечатлелись глубоко в сознании Матеробера. Но если это так, то почему по ночам, когда кругом воцаряется тишина, раздается выстрел, и человек исчезает... Тот, кто подписал приказ, знает, наверное, куда уходят те, которые отморозили руку или ногу... Нет ни дорогих жертв, ни права, ни справедливости! Это — поворотный пункт, и от этого, от бесправия, от несправедливости, все должны погибнуть. И несправедливость велика, гораздо больше, чем можно себе представить!

Матеробер снова растерянно устремил свой взгляд в пространство. Караулы уже сменились, и другие люди сидели теперь за столом. Они сидели, окутанные паром, шедшим от их промерзшей одежды, и лица их расплывались, сливались в одну серую массу. Самовар, стоявший на столе, был единственным видимым предметом. Свет от печки падал на его желтую медь. Матеробер уже привык видеть его здесь, в этом блиндаже, но этот медный самовар он видел и раньше, в другом месте, тогда под ним лежала вязаная скатерть. Вечером было это, керосиновая лампа горела на столе, в избе стоял шум и топот, и старуха кричала и ни за что не хотела отдавать свое добро. И тот самый Бамбергер, лицо которого выступает сейчас из серого сумрака блиндажа и который сейчас протянул руку, чтобы повернуть кран и налить себе из самовара полную чашку чая (чашки тоже стояли тогда на комод), — это он тогда спустил курок и выстрелил. Но страшен был тогда не только выстрел, не только вид замертво упавшей старухи, еще страшнее было — раскрывшаяся дверь и женщина, молодая женщина, стоявшая на пороге. Она пришла как будто лишь затем, чтобы посмотреть, как умирает старуха, увидела, не сдвинулась с места и закричала, — при том

одно лишь слово, все время одно и то же слово.

— Бабушка! — вырвалось оно теперь из груди Матеробера, и это единственное, произнесенное по-русски, слово, казалось, всколыхнуло весь блиндаж. Внезапно стали отчетливо видны лица, скрытые до того в сером сумраке, и все они устремились на Матеробера, и выражение их было изумленное. Эйбингер посмотрел встревоженно, а Бамбергер широко раскрыл рот и поставил обратно на стол чашку, не коснувшись до нее губами.

— Ты спишь, что ли, и со сна говоришь? — обратился он к Матероберу, когда все снова притихли.

— Нет, я уже больше не сплю, я говорю не со сна, — ответил Матеробер.

И, действительно, теперь наступил момент, когда все для него стало явью — и люди, и их поступки. И если самое странное явление — войну — он еще не мог охватить трезвым взглядом, то, вероятно, потому, что он сам глубоко погряз в ней. И все же он мог уже смотреть на нее с некоторой дистанции. Его вопрека с майором, его больная, а может быть, навеки потерянная рука, мрачная судьба, которая выделила и отметила его — были тому причиной. Голоса тетки Греченции и Зоэца заговорили сейчас в нем. И эти отзвучавшие голоса (были и другие, которые он забыл и которые ожили теперь) несли в себе справедливость, эти далекие и поблекнувшие фигуры были реальнее тех, которые живой плотью окружали его, вместе с которыми он маршировал, полз под неприятельским огнем и которые в этот момент сидели вокруг него и с любопытством глядели на него и на Бамбергера.

Потом Матеробер увидел перед собой лицо своего майора: пытаясь тогда подняться со снега, близкий к обмороку, он на один короткий миг взглянул вверх и увидел страх на лице командира. Это был страх убийцы перед его жертвой — перед солдатом со впалыми щеками, с побелевшими от мороза губами и неприкрытой ничем головой (во время ползания он потерял платок, которым обвязал голову). Немало было в батальоне

изуродованных холодом носов и ушей и безутешных лиц, и майор стоял среди своих солдат — он воплощал собой поражение, и страх на его лице был страх перед крушением, перед поворотом, перед гибелью, которая глядела на него.

Страх предчувствующего свою неминуемую гибель поработителя уловил Алоиз Матеробер, как антенна улавливает волны эфира.

Что касается его самого, то в нем была пустота, и пустота была вокруг него. Бессмысленным стало все, что происходило до этого момента, бесполезными стали жертвы, принесенные до сих пор, и преступны, именно преступны, если все страдания оказались напрасными и ненужными.

Этим он и отличался от майора — в нем возник, требуя ответа, вопрос о смысле, о праве. И о чем бы он ни подумал, куда бы он ни взглянул, он всюду видел бесправие. Он прикорнул на нарах, и у него перед глазами вновь вырос этот медный самовар. И фигуры, которые синели кругом, были не чем иным, как привидениями, загнанными сюда зимним холодом.

Нет, он не спал и не видел снов. Напротив, у него было ощущение, что спят и видят сны все те, кто окружает его, — и это был страшный, кровавый сон, который держал их в своей власти. Редко случалось, чтобы кто-нибудь из них говорил, как должно говорить наяву. Зоцек говорил так... И однажды Эйбингер. Они проходили через какую-то деревню, и из их колонны в избу полетела ручная граната. И Эйбингер тогда крикнул:

— Это уж не война, а просто разбой!

Может быть, и даже вполне вероятно, что и другие так подумали, но они ничего не сказали. Они так же изумленно и таким же пустым взором взглянули тогда, как только-что, когда в блиндаже прозвучало слово «бабушка».

Матероберу хотелось спросить у Бамбергера — ведь у тебя, наверное, тоже есть бабушка, — но он сейчас же вспомнил, что Бамбергер был штурмовиком, а штурмовики в его, Алоиза Матеробера, родной деревне действова-

ли немногим иначе, чем в карельских деревнях. И это именно было началом, корнем несправедливости, которая теперь разрослась.

Дома, в нашей стране, началась эта несправедливость и потекла через границы. Она маршировала вместе с нами, и она всюду, куда бы мы ни пришли...

«Бабушка» — произнес он во второй раз, и это слово взорвало воздух, а Бамбергер вскочил, словно от внезапного удара, и Матеробер опять ответил ему, что он вовсе не спит и говорит наяву. Бамбергер насторожился, призадумался и стал тянуть Матеробера за язык.

— Объясни-ка, что ты хотел этим сказать? — проговорил он.

Но Матеробер не ответил. Он только смотрел на Бамбергера, на его широкое и тупое лицо, шея и плечи его были укутаны в большой шерстяной платок (это был платок той же бабушки), свисавший над его шинелью, от этого казалось, что большая голова его покоится на тяжелом постаменте.

— Ты бы лучше нос не задира, — сказал ему под конец Бамбергер. — Из-за тебя-то мы все получили подарочек, когда стояли на отдыхе!

«Подарочек» состоял в том, что после того, как Матеробер попался с оторванной пуговицей, унтер-офицер Штейбмайер произвел осмотр обмундирования всей команды. И Бамбергер нашел теперь самые подходящие слова, чтобы отвлечь и направить в другую сторону мысли солдат.

— И что ты, вообще, делаешь здесь на передовых позициях? — продолжал Бамбергер. — У тебя как-будто рука обморожена?

— Да, что, собственно, с твоей рукой? — спросил Штейбмайер.

— С рукой лучше, рука в порядке, — ответил Матеробер.

— Покажи-ка, сними тряпку с руки, — сказал Штейбмайер.

Матеробер размотал чулок, которым была обвязана его правая рука. Рука была в порядке, если не считать того, что она была отморожена лишь до локтя и не превратилась еще в сплошной

кусок мяса. После всего, что было принято Матеробером, который оттирал ее снегом, массировал, жал и давил, кровь вернулась в застывшие жилы, и рука теперь переливалась всеми красками — местами синяя, местами зеленая или желтая. Но при скудном свете едва ли это было возможно разглядеть. Все-таки Штейбмайер сказал:

— Так что в следующий раз доложи о руке. Понял?

— Так точно, — ответил Матеробер.

Но он не доложит о руке, это он знал наверняка. И он знал еще, что с рукой плохо, гораздо хуже, чем могло казаться при беглом осмотре, что по меньшей мере несколько пальцев ему придется потерять.

Бамбергер встал. Он еще пробормотал что-то вроде «поганая сволочь», а затем повалился на койку. Остальные также устроились кое-как, прикорнули за столом, склонив голову на руки. Немного спустя, не было слышно ничего, кроме храпа и неистового завывания метели. Матеробер тоже задремал. Но скоро его разбудил голос Штейбмайера, испугавший его. Оказалось, однако, что Штейбмайер будил очередную смену. Матеробер, шатаясь, поднялся. Вместе с Бамбергером он должен был отправиться на пост, расположенный в ста двадцати метрах от блиндажа.

Когда Матеробер ощупью пробрался наружу из блиндажа, он не предполагал еще, что никогда уже не вернется назад. Решение, назревавшее в нем, пришло позднее и внезапно. Пустота стала подавляющей, и ее нельзя было выдержать. Он стоял в занесенной снегом землянке с винтовкой на левом плече и смотрел в пространство, в бушующую и воющую арктическую ночь. В нескольких шагах поодаль от него (пост состоял еще из одной землянки со столом и телефоном) сидел Бамбергер, а в ста двадцати метрах дальше в блиндаже дремали его товарищи, которые знали, что такое правда и справедливость и молча сносили всякую несправедливость, совершенную над ними, а в двенадцати километрах находился штаб батальона с командиром, который за-

ставлял ползать по снегу людей, стоящих на краю могилы. И этот Бамбергер, эта группа солдат в блиндаже, и этот командир, сидящий у жарко натопленной карельской печи, и вся бесконечная цепь людей, которые пробираются по бесконечным полям сквозь супробы снега, чтобы было больше пушечного мяса, — все это было там, позади, и это было то, что до сих пор удерживало от отчаяния.

Но если сам командир потерял веру в победу и верховное командование из дня в день меняет тон, и вместо того, чтобы трубить в фанфары, как оно это делало вчера, сегодня говорит о «спасении собственной страны», то откуда было взять уверенность и доверие простому заурядному человеку, ничем особенным не отмеченному?

Человеческая жизнь значила очень мало для господ полководцев, теперь, когда они побиты, еще меньше, чем тогда, когда они одерживали победы. Человек без большого, среднего и указательного пальцев правой руки (пальцы эти у Матеробера не сгибались и не двигались) не в состоянии спускать курок, — какая цена такому человеку, ему можно хоть всю кисть, хоть всю руку отрезать. Такого человека ничего не стоит предать военно-полевому суду или бросить в тюрьму, чтобы он там сгнил, чтобы он там погиб от руки охранников. Не беда, если такой человек совсем исчезнет, зарытый в снежных сугробах.

Не было ничего, что могло бы удерживать Матеробера. Он зашел в землянку, где находился Бамбергер. Тот в это время выходил из нее. Матеробер подбавил дров и погрелся у железной печурки. Зазвонил телефон. Это Штейбмайер, как обычно, справлялся, все ли в порядке на посту.

— На посту все в порядке, — ответил Матеробер.

Когда Бамбергер вернулся, Матеробер встал. Он ушел, не бросив на него ни единого взгляда. Порыв ветра подхватил его и погнал вперед, в темную ночь. Сперва он шел прямо по этому снежному морю, потом стал нырять в нем. Он спотыкался, падал, погружаясь в снег по

ояс. И снова пробивался наверх. Винтовку свою он держал крепко. Ни звезды не было на небе. Вообще, как-будто и неба не было, казалось еще, что и земли нет, только ветер и снег, да налетающие со всех сторон порывы ветра, взрывающие снежные горы.

Он должен был идти вперед, все время по прямой линии. И лишь теперь, когда он почувствовал, как ветер толкает его то с одной, то с другой стороны, как хватает его за тонкую шинель и рвет ее, а вместе с ней и его самого, и тащит за собой, когда он почувствовал опасность, что вот он сам начнет кружиться, как эти порывы ветра, и попадет обратно в немецкое расположение, — только в эту минуту он понял, что направляется к русским. Что угодно — и ночь, и снег, и одинокая смерть в снегу — было лучше, чем обратный путь в блиндаж. О пути назад он и думать не хотел, просто пути такого не существовало. Для Эйбингера и других тоже навряд ли существовал путь назад — на родину — он был занесен снегом и загорожен смертью. Безусловно было только то, что для всех них было много путей в ничто. От пути к русским предостерегали, говорили, будто там отрубают головы, — это говорил ротный командир. Матеробер знал, кто отрубает головы, он знал об убитых старухах, и он поплелся дальше.

Вдруг он оцепенел. Он стоял перед возвышением, похожим на окоп, и глаза его различили в темноте сгорбившуюся фигуру. Но это был не окоп, а высокий снежный сугроб, не фигура человека возвышалась на нем, а уродливое кривое дерево. Матеробер попытался обойти сугроб, но ему это не удавалось — не то сугроб был бесконечный, не то виноваты были ноги, отказывавшиеся ходить по снегу. Тогда он решил пробраться через сугроб. Снег вздымался, как волна, налетающая и поглощающая его всего целиком. Может быть, это была та волна, которая должна была навеки поглотить его? Он уже больше не чувствовал ветра, железные зубы перестали вонзаться в него. Что-то теплое струилось по его спине. Снег покрыл

его всего. И это не был уже снег. Это была баварская крестьянская кровать, и Греченция была тут же. Это потом он стал солдатом, а раньше он был батраком, и у него не было никого близкого, кроме этой тетки, на десять лет старше его. И это она приготовила ему теперь постель и натянула одеяло выше подбородка и носа.

Все было прекрасно, и так оно могло остаться навеки. Но вдруг что-то зашверлило, закололо, адская боль в правой руке оборвала его сон и рванула его вверх из снежного сугроба. Матеробер не хотел умереть в карельской деревне, он хотел жить. Как дикий кабан, разгребал он снежную гору, и это было уже последнее напряжение сил: он достиг другой стороны сугроба.

Он едва держался на ногах, но здесь было тише. Кругом стояли деревья, низкие и повыше и совсем высокие — особенность здешнего ландшафта.

Дорога шла теперь по ровной местности и уже не ноги несли Матеробера вперед, а ветер, подталкивавший и подгонявший его. Он дошел до второго такого оазиса из деревьев, а потом до третьего. Он был уже у конца своего пути, как вдруг перед его глазами выросла пуговица, пуговица от шинели, и ему почудилось, что он должен пришить ее, несмотря на то, что пальцы его не могли держать иглу. Но, наконец, Эйбингер пришел ее. И круглая голова Бамбергера слилась с четырехугольной головой майора, а потом слилась с лицом, которое Матеробер тысячу раз видел на плакатах. Из глаз на этом вспухшем плакатном лице струился страх, животный страх за свою собственную шкуру. И этот подлый страх заставляет солдат стрелять из пулеметов в спину собственных товарищей, заставляет их убивать, убивать своих. Пуговица, оторвавшаяся пуговица, и этого достаточно, чтобы какой-нибудь Бамбергер, или подобный Бамбергеру, выстрелил в затылок тому, у кого не оказалось пуговицы на шинели. Зоэка тоже нашли с пулей в затылке, зарытым в снегу. Это Матеробер узнал не от Эйбингера, а от солдата восьмой роты...

Голова Матеробера все тяжелела. Видения, встававшие перед его глазами, перестали сменяться, они не исчезали, а нагромождались одно на другое, застывшие, замерзшие. И лишь одно он знал, — что он вырвался из пустоты, из тисков невыносимой несправедливости, что буря гонит его все дальше вперед и что он очень хочет скорее очутиться среди людей. Свою винтовку он держал крепко. Это была тяжелая ноша и к тому же она представляла собой опасность для него, но он не хотел припсти с пустыми руками.

На краю третьего оазиса из деревьев, из-за высокого сугроба выглядывала пара зорких глаз. Там лежал человек и держал винтовку, приложив палец к курку. Но человек этот как-будто и не старался нажать курок, он видел, что к нему приближается скорее призрак, нежели человек.

— Стой! — прозвучало в ушах Матеробера.

Он остановился и ждал. Когда тот человек подошел к нему, Матеробер отдал ему винтовку и без слов по-

следовал за ним. Спотыкаясь, он спустился по нескольким ступенькам вниз и очутился в блиндаже. Там горела лампа. Было светло и тепло, и живой, веселой группой сидели красноармейцы. Ответить на заданные ему вопросы он не мог, так как не знал русского языка. Он радостно взял протянутый ему кусок хлеба и выпил горячего чаю. Оттаяв, он стал присматриваться к лицам. И это, стало быть, гнусная ложь — такие не отрубают голову.

В ту же ночь он стоял в крестьянской избе. Перед ним сидел за столом молодой командир. Матероберу задавали вопросы на его родном языке, и он отвечал. Он назвал свою фамилию, номер своего полка и сказал:

— Хватит! Не хочу больше воевать. Сил больше нет!

Командир спросил, сколько ему лет.

— Двадцать, — ответил Матеробер.

Ему было столько же лет, сколько Зоцеку, и у него было такое же изможденное лицо и такие же впалые щеки.

Перевел с немецкого МАРК ЖИВОВ.

Два рассказа

АЛЕКСАНДР ДРОЗДОВ

★

ГОСТЬ

За полчаса до отвала на буксирный пароход «Сом» принесли на шнели моряка-балтийца: он дрался под Рыбачьим поселком, и финская пуля нашла его в цепи. Нашла и клюнула в плечо.

Положили моряка в каюте капитана. Вдовый капитан, службист и великий молчаливец, жил чисто, как девушка, но в каюте его так пахло табачищем, что заходило сердце и хотелось сказать: «Ах, мать честна, есть же на свете такой ядерный запах!»

Когда люди вышли, рулевой Нюша, свободная от вахты, присела на корточках и стала расставлять на табурете лекарства — всё, что нашла в паровой аптечке. На пароходе не было ни врача, ни фельдшера, а медицины Нюша боялась, как чумы. Когда у нее болели зубы, она не шла к врачу, а, чтобы утишить боль, вслух читала что-нибудь длинное в стихах, вроде «Евгения Онегина». Девушка она была праздничная: чистые глаза, полные голубого света, яркие губы, широкие плечи, волосы нежные и мягкие, как пена.

Пальцами, привыкшими к штурвальным рукояткам, она перебирала хрупкие пузырьки. Слезы туманили ей глаза. Латынь сигнатурок пугала. Нюша ничего не могла понять в ней, кроме цифр. Моряк лежал, запрокинув голову, изнемогая от своего сопротивления бреду. Он то терял сознание, бормоча бессвязный вздор, то приходил в чувство, гогоча удивленным голосом: «Здрате

вам! Откуда на меня такие напасти?» И это чередование мутной и ясной мысли было для Нюши страшной латыни.

Недалекий бой, меж тем, шел своим чередом. За стенками каюты, за пристанью, за поселком гремела музыка войны, уже привычная для ее слуха. При пушечных ударах гитара, висевшая в изголовьи постели, издавала вкрадчивый, будто из души идущий звон.

Нюша выбрала пузырек, попробовала лекарство на язык. Оно пахло ландышем, и Нюша подумала, что это хорошо помогает от сердца. Рука ее дрожала, и лекарство вылилось моряку на грудь. Что он был за человек? Она не знала его имени, но сильные брови его, добрый рот и большой нос напоминали ей любимого парня, который дрался сейчас под Рыбачьим и которого моряк, вероятно, знал.

Моряк открыл глаза и внятно поглядел на Нюшу.

— Очень болит? — спросила она.

Он ответил сердито:

— Это ты брось, барышня. Списывай меня на берег, к тыловой жизни я способностей не имею.

— Лежи, — настойчиво сказала Нюша, — ты биться не можешь.

— Я всё могу. Я эту вашу речную скорлупку одним матросским дыхом перевернуть могу. Списывай меня на берег.

Он рывком сел на койке, но не удержался и оперся своими большими ладонями о плечи Нюши. Не ожидая толч-

ка, она откинулась к стенке, и моряк свалился на пол, зацепив плечом за табурет. Посыпались пузырьки. Иод разлился, на полу расплзлось пятно, похуже на Балтийское море, как его изображают на карте.

Моряк лежал на боку, щекой на «Балтийском море». Сознание опять покинуло его. Поднять его Нюше было не по силам. Она потянула за угол одеяла с постели, стала вытирать моряку щеку, вымазала иодом одеяло и пальцы. Потом она прижалась лицом к бушлату моряка, пахнущему болотной землей и какой-то терпкой гарью, быть может, боевым дымом.

В речной вокзал ударил снаряд, оскелком на корме сорвало привальный брус. Нюшу шатнуло. Моряк открыл глаза и ясным голосом определил калибр снаряда. Потом он забылся и не слышал, как заработала машина и плиты стали бить о воду: пароход «Сом» уходил в свой рейс.

К вечеру моряку стало легче, он попросил подбить ему под плечи подушку и, устроившись поудобней, глядел в окно. Был виден суглинистый берег с глубокими дуплами, где по весне чайки вьют гнезда. А за кромкой берега — серое небо, муть беспросветная, растрывнотоска. Это были северные сумеречные края, нелюдимые пространства. Разве пройдет когда охотник с собакой, да и скроется в леске, оставив за собой облачко голубого махорочного дыма. Но и облачку долго не жить — разнесет, развеет ветер.

— Нет, мои места противоположные, — сказал моряк, — южные мои места. Солнце у нас вроде помидора, клянусь честью. И такое разнообразие прет из земли, что нет сил его перечислить. А здесь разве можно жить? Здесь только воевать можно.

— Как вас зовут, товарищ моряк? — тихо спросила Нюша.

Сейчас, когда он сидел и говорил, он уже не напоминал ей любимого парня, но ей хотелось думать, что они с парнем дружки — так нравился ей моряк.

— А угадайте ж, — сказал он. — Первая буква «пе».

— Петр!

— Нет, не Петр. Окончание на «ов». Нюша подумала. Мотнула головой. Потом крикнула:

— Пров!

— Не Пров, а Петров.

И хотя шутка была не бог весть, как хороша, оба они засмеялись друг другу, и с этой минуты между ними родилась дружба. Но смеяться моряку было нельзя, — поднималась боль в простреленном плече. Он застонал и, стесняясь не боли, а того, что не может ее скрыть, вдруг насупился.

Вскоре принесли ему обедать в дзсветла начищенном судке. Табуретку застелили снежной салфеткой: чистоту капитан любил строгой, непримиримой любовью. Вежливости ради, моряк поднес ко рту ложку, но есть не стал, только помочил в бульоне губы — ему, видно, опять было худо. Лицо его горело в жару.

Пришел капитан в кожаном реглаче, в форменной фуражке, пожевал свои гнедые усы, присел на край койки и по привычке помолчал. Казалось, весь он был просвистан ветром, кожа на его лице одубела.

Моряк, превозмогая боль, начал беседу.

— Как же ты от бомбардировщиков уходишь? — спросил он. — Расскажи.

Капитан сделал рукой движение прямо, в сторону, назад.

— Эдак вот. Меняю скорость и направление. Ему меня на прицел трудно взять.

— И часто бомбит?

— Не ленится.

— Раньше мы, на флоте, на речников юмористически смотрели, — сказал моряк с подкупающей искренностью. — Плавают, мол, среди берегов, как бабы на курорте. Глядеть неловко. А теперь я мнение переменяю вкорне. И на воде вы, пресняки, хороши, и на суше в бою устойчивы. На воде здорово люди растут. Вода закаляет, подымает человека, на воде человек крепнет. Расскажи мне про свои подвиги, папаша.

— Подвигов нет.

— А чего ж есть?

— Есть рейс по указанному маршруту, — недовольно сказал капитан. —

Лежи и молчи, соленый. Я за твоё здоровье отвечаю, не какая-нибудь посторонняя тетка.

Моряк усмехнулся, замолчал. Нюша помочила полотенце из графина и положила ему на лоб. Он видел её хрустальные глаза, немного навывкате, и прядку светлых волос, выбившуюся из-под штурманской фуражки, — но сейчас не в радость была ему и прядка!

Капитан собрался итти.

Моряк вдруг сделал ему знак рукой, глазами показал на гитару:

— Твоя?

— Поигрываю изредка.

— Люблю гитару, — проговорил моряк, с видимым усилием преодолевая боль, — цыганский инструмент, до слез довести может. Ты мне сыграй, папаша, честью тебя прошу.

Капитан покачал головой с легкой стеснительностью, вовсе не идущей ему. Потом он поглядел на Нюшу, в её осторожные глаза. Она кивнула ему головой, поправила одеяло на койке. Нюша завернула уголок, чтобы капитан не увидел пятна от иода и не расстроился, и не раздумал бы сыграть. Капитан пальцами левой руки сжал пальцы правой, словно отжимал с них воду. Угрюмая стеснительность все не покидала его. У него были грубые пальцы человека, который не боится физической работы. На левой руке кончики пальцев затвердели — вероятно, от гитарных струн.

— Боевую тебе сыграть? — спросил он секретным голосом. — Так ты сам из бою. Не стану играть тебе военного. Сыграю тебе лучше про любовь.

Капитан снял гитару со стены, приблизил волосатое ухо к деке и попробовал строй. Легкий музыкальный ветерок провеял по каюте.

Потом он откинул полосатую ленту на кельшки, выпрямил спину, сделал нездешние глаза и запел относительно приятным фальцетом:

Ручей два древа разделяет,
Но ветви их, сплетясь, растут,
Судьба два сердца разлучает,
Но мысли их вдвоем живут.

Это была песня, которую исстари пели в семье капитана: отец, дед и пра-

дед — всё потомственные водники, шкипера и бурлаки. Пели её на плотках, на вечерней заре, когда в природе остаются только две краски: черная и багряно-золотистая, и душа открыта красоте мира. Пели в приречных кабаках, в чаду, в смраде, в духоте, когда хмель огоньком бежит по жилам и душа не замечает непотребства жизни, которая, видно, не так уж легка, раз ищет пьяного забвения. Пели на людных свадьбах и на укромных свиданьях с девушкой, когда рука её лежит у тебя на плече, а ты не смеешь шелохнуться, чтобы не потревожить этой святой минуты.

Это неумирающая песня, ибо говорится в ней о сердцах, нашедших друг друга в мире и скованных золотою цепью любви. В рокоте гитары, если она под умелыми пальцами — чего только нет в нем, чего только не услышишь! Обширный мир чувств раскрывается тебе: и счастье, и грусть, и веселье, и страсть.

Нюша чуть пообедала.

Моряк слушал, полуоткрыв рот. Пот выступил на его лбу.

Когда песня окончилась, он блаженно закрыл глаза и заснул, как дитя.

На следующий день нехватило дров, и пароход бросил якорь.

Берега попрежнему были нелюдими и лесисты, и такое же нелюдимое небо висело над ними. Стоя у борта, капитан глазами шарил по берегу. Глаза у него видели далеко и зорко. Этот пережат он знал так же хорошо, как и все пережаты на плесе. Бородатый бакенщик подплыл на лодке, сообщил: вчера на опушке видели финнов, сегодня баба ходила туда, будто по шишки, — ничего, тихо. На корме у бакенщика лежала винтовка, а подле нее садовый нож.

В рубке состоялся совет, и сомовцы пришли к решению: подождать, когда затемняет, и нарубить в лесу дров. Пароход подвалил к берегу.

Моряк, плохо прошедший ночь, слушал топот ног на палубе, звон волны у неподвижных плит. Во всем теле он чувствовал истому, оскорбительную для молодого тела слабость. Боль в ране теперь была тупая, непрерывная. Нюша стояла на вахте.

К моряку заглядывали то механик, то повар, то матрос, мешали думать и вы-здоровливать. Его раздражало, что они подмигивают ему, как младенцу в люльке, и хотелось рассердиться, да так, чтобы в плече унялась боль. Больше других ему понравился механик: это был человек, сделанный из боевого материала.

— Разведку выслали? — спросил его моряк.

— В разведке у нас бакенщик и его баба. Очень хорошая баба, ни жизни, ни смерти не боится.

— А кто ж рубить поедет?

— Я поеду, — сказал механик, — со мной матрос Воздухов, отчаянный, и матрос Якин, тоже довольно отчаянный. Вот Нюша просится, да не берем: замах нужен не женский, чтобы дерево свалить.

— Оружие не забудьте взять, — посоветовал моряк, — и обеспечьте связь. Ах, кабы не беда моя, покомиссарил бы я у вас, у пресняков. Желаю успеха.

Он пожал руку механика, повернулся к стене и сказал, что его томит сон. Механик тихо вышел.

Надвигались быстрые, падучие сумерки, какие бывают поздней осенью. Дверь каюты бесшумно открылась, вошла Нюша. Она была свежая от ветра, поводила плечами — прозябла. Протянула руку к окну, чтобы спустить шторку и зажечь свет, но услышала ровное дыхание моряка.

Стакан с чаем стоял на табурете, недопитый. Нюша вынула из кармана лимон с прозеленью на шкурке — заваялся на дне ее сундучка — отрезала ножом ломтик и бросила в стакан. Моряк спал крепко.

Нюша вышла из каюты.

Она поднялась на фонарь и остановилась у гака, вглядываясь в темный берег, куда час назад с пилой и топорами ушли механик и два матроса. Беззвучная ночь легла на воду. В такой тишине все слышно. Вон хрустнул сучок, покатылся комышек глины и упал в воду со звуком «бульк» — это ходят по берегу двое дозорных. Выше по реке, на мутном серебре воды, темнела лодка бакенщика.

В рубке басисто кашлянул капитан.

Нюша прислушалась, сбив волосы с уха, и скоро до нее донесся осторожный шум порубки. Тюкали топоры. Удары падали часто, как шаги бегущего человека. Ей показалось, что она слышит дыхание порубщиков, их побряхтывание при ударе, но она знала, что слышать этого не может.

«Рубят, родные, — подумала она, — только бы все обошлось!» Ей стало тоскливо оттого, что она не с ними, а стоит здесь, как сторонний человек, которому не грозит никакая беда. Ладони ее заскучали по топоричу. Она хорошо умела рубить. Ощущение это — тоски и легкого нытья в ладонях — было так сильно, что она схватилась за бортовой поручень, чтобы хоть немного охладить руки.

Топоры все тюкали, и вскоре послышался шорох сучьев — свалили сосенку. Нюша застегнула ворот куртки и пошла на корму. Здесь ее опажнуло ветром. Она перелезла через борт и прыгнула в лодку на приколе, легко затанцовавшую под ее ногами.

От воды пахло холодком, близким зимой, близким снегом. Раскинув руки, Нюша прошла по мокрым сиденьям, спрыгнула на берег и пошла на стук топоров не стезжкой, на которой темнели фигуры дозорных, а низкорослым кустарником, хватающим ее за юбку.

Нужно было подняться на невысокий склон, Нюша запыхалась. Она шла, не глядя под ноги, и вдруг наступила на ногу человека, сидящего под кустом.

— Кто есть такой? — густым шопотом спросил человек и схватил ее за юбку.

Она так перепугалась, что не ответила ни слова.

— Никак, рулевая, здрасте вам! — сказал человек удивленно. Она нагнулась и увидела широкое лицо моряка и даже невыветрившееся черное пятно нода на его щеке.

— Да как же ты здесь, Петров? — проговорила она, вдруг загораясь женской заботливой тревогой. — Куда ты пошел, больной?

— Командовать, — сказал Петров.

— Сбежал?

— Вы не тюремщики мне, чтоб от вас бегать. Вот сижу, набираюсь сил. А ты чего?

— Я ничего.

— Да ладно, — сказал Петров снисходительно, — насквозь тебя, девушка, вижу.

Перед рассветом их обстреляла финская разведка. Команда сошла на берег, чтобы на канатах таскать срубленные деревья из лесу. Ветви цеплялись за кустарник. Механик сбросил рубаху, тело его белело в сумраке, и Нюша накинула на него шинель, чтобы он не стал легкой мишенью для пули.

Моряк лежал в цепи, изредка покривал на своих и бил из винтовки: ему казалось, что плечо его не болит, и весь он был полон того боевого азарта, в котором жил с первых дней войны.

Разведчики, видимо, часто перебежали с места на место, потому что их автоматы грохотали и справа, и слева, и спереди. Позади моряка, бежком, люди золотили деревья: торопились, пока финны не вытребовали пулеметов. Пули пощрыкивали, срезая ветви, но огонь был бестолковый, по невидимой цели. Но вскоре моряк услышал за собою тихий вопль: подбили механика. Он сел на землю, схватившись за кисть руки. Его тотчас же увела на пароход Нюша.

Когда последние грузчики прошли мимо, моряк передал по цепи:

— Оттягивайся к пароходу!

Винтовки водников стучали непрерывно, обстреливая лес.

Оттого ли, что в прикрытии был боевой моряк, или оттого, что экспедиция сошла удачно, люди вели себя bravо и уверенно, и прикрытые, не понеся потерь, в порядке отошло к пароходу. Только теперь финны обнаружили пароход. Пули застучали по фонарю, по рубке, по обносу.

— Петров! — услышал за собой моряк голос Нюши.

Он обернулся. Она стояла перед ним на коленях, в руках ее что-то белело. Она сказала:

— Петров, уходи. У тебя из ноги кровь хлещет.

Он потрогал набрякшую кровью штанину.

— Скажи на милость, — сказал он досадливо, — то-то, гляжу, мне не очень ловко.

Он приложился и выстрелил.

Нюша нагнулась и, как умела, потуже перетянула его ногу поверх штанины. Ей было неудобно, потому что Петров не переставал стрелять. К тому же она не умела перевязывать. Но чувство уверенности в том, что все должно удасться, что ни делаешь, не оставляло ее. Она вытерла руки о траву.

Перестрелка не стихла, но отчаливал «Сом» традиционно: с уборкой сходен по команде, с постепенным набором скорости. Капитан позволил себе закурить, потому что стало рассветать и в разрывы облачности проглянуло холодное небо.

Место порубки скрылось за кэсой, стрельба оборвалась. Пароход шел вниз по реке, рассекая носом воду.

В каюте капитана моряк бинтовал себе ногу, а Нюша стояла возле него, глядя, как ловко ходит в его руках бинт.

— Учись, — говорил Петров, морщась. — Бинт должен ложиться легко и гладко, как дым на воду. Но и плотно, чтобы воздуху не было доступа. Понимаешь эту науку?

— Понимаю, — сказала Нюша, радуясь всему, что было и что есть, и что будет в этой напряженной жизни, объединившей людей, как родных братьев и сестер.

Сдав вахту, в каюту сошел капитан, посмотрел на моряка волком, сказал, пощрыкивая в усы:

— Что мне делать с тобой, гость любезный? Как с тебя взыскивать?

— Лаской, — усмехнулся Петров, — как и подобает с находящимися на излечении.

Капитан присел на койку и нежно погладил Петрова по здоровому колену.

— Ну, спасибо тебе, соленьый, — сказал он простодушно. — Опытный ты в бою. Без тебя, может, и пропали бы.

«ЛИНКОР»

Выписавшись из госпиталя, старшина 2-й статьи Раздобудько, человек сдержанного и не по годам устоявшегося нрава, отправился домой на пэбывку. Рана его зажила, но требовался месяц домашней жизни, чтобы вернуть телу былую силу.

Домой Раздобудько ехал с душой, отягченной горем. Из письма сестры он знал, что дома у него, по совести говоря, уже не было: немцы, откатываясь на запад, выжгли село до последнего плетня.

«Одни угли остались, — писала сестра, — одни головешки дымят. Осколки стекла во дворе, да снег, да трупы людей и животных под снегом — вот всё, что осталось от нашего любимого дома. Скамейку в вишеннике помнишь? И скамейки нет, и вишенник сгорел. Школа разрушена, ребята мои разбежались кто куда. Мама умерла, Павел. Она умерла в ту ночь, когда немцы вытолкали нас из дома и мы сидели в яме, в снегу. На маме были стоптанные сандалии и та кружевная скатеретка, которую ты ей подарил к именинам. Сначала она тряслась, как трясется человек в телеге, а потом стихла и не отвечала мне ни слова. Немцы всю ночь пели какие-то воющие песни, всю ночь в окнах мелькали тени их голов. К утру я легла на мамино тело, чтобы хоть одним желанием сердца согреть его. Но она была уже мертва. И я впала в глубокий сон и дальше ничего не помню. О чем писать, Павел, и полезно ли плакать? Ты отомстишь за нас, за окочневшую маму, слящую в той земле, по которой ты бегал ребенком. Я пишу тебе из областной больницы, у меня отняты по колена обмороженные ноги, и я уже никогда не войду в класс без костылей.»

Раздобудько не доехал до города тридцати километров и сошел на полустанке, занесенном снегом по самые окна. Было солнечное утро, шустрый морозец. От блеска снежного наста ломило глаза. Начальник полустанка оказался человеком новым, незнакомым Раздобудьке. Потирая пальцем опух-

шие от бессонницы веки, он сказал, что лошадей взять неоткуда, вся округа выжжена на двадцать километров.

— Вот нашуровали немцы! — проговорил Раздобудько, шурясь на снег. — Никогда бездомником не был, а теперь для меня это что же? Где забор — там и двор, где щель — там и постель? Ну, нет! Хочу сообразить, где после войны новый дом ставить.

— Правильно. Свой глазок — смотри, — ответил начальник полустанка, потирая веки. — Я дам вам лыжи. Без них не пройти.

И оттого, что железнодорожник тоже ответил ему пословицей, как человек, почуявший в человеке брата и умеющий говорить с ним в лад, Раздобудьке стало хорошо. Взвалив на плечи лыжи, он зашагал вдоль вешек, понатыканных в снежные сувои. Всё было ослепительно кругом, бело и монументально. Покачивая на ходу плечами, испытывая тепло от валенок, от варежек и от курчавого воротника, Раздобудько ни о чем как будто не думал, но вместе с тем был полон тем, что пережито, и предчувствием того, что будет пережито впереди. Если бы железнодорожник стал спрашивать его о ранении, он отделался бы двумя словами, и вовсе не потому, что был красной девицей, а просто потому, что жил войною и в войну.

Пока о войне он умел говорить только скупыми словами: такого-то числа на побережье был высажен десант, в таком-то часу краснофлотцы пошли на штурм, к такому-то часу была прорвана линия фашистской обороны, в таком-то часу в двух шагах от него рванула мина.

От станции до того, что недавно было Старолетовым, рукой подать. Сначала поле, открытое ветру, потом приземистый ельник, полный сонного шума. Еще дальше — овражек, и за ним Раздобудько увидел печные трубы, черные и полузанесенные снегом, торчащие из сугробов.

Бывшую улицу, все переулочки которой он знал, все ракиты которой он облазил, затянуло чистой пеленой снега. Ни

тропки, ни следа человеческой ноги. Раздобудько постоял на дороге, опершись о лыжи, торопливо и жадно покурил. Морозец имел вкус, знакомый с детства: вкус капустного кочна. Полезно ли тужить — так, кажется, писала сестра? Холодок проник в тело Раздобудьки вместе с широким глотком воздуха. Он встал на лыжи, пристегнул к валенкам ремни и пошел по девственно-мелкому насту просторным шагом, сильно проводя локтями.

Так вот что осталось тебе от родного села, душа мой Павел: две-три избенки без крыш и с высаженными рамами, обугленные остовы раков и развалины усадебки, где до немецкого нашествия, в топленом и чистом доме, старая мать поминала сына, переводя гири на часах: «Что ты делаешь у моря в этот час, рожонный мой?»

Взрывая лыжами снег, Раздобудько прошел улицей. Люди бросили пожарище, опоганенное фашистами, и разбрелись по соседним деревням. То, что осталось от их домачества и не приглянулось врагу — поломанная половая щетка, смятый резервуар лампы, томик стихов, пробитый пулей из фашистского пистолета — все эти печальные останки уюта утонули под снегом.

Из сугроба торчали столбы, на которых прежде держались ворота. Раздобудько сам ставил их, он был радетьельный хозяин. На месте дома сугроб намело повыше, его опоясали птичьи треугольные следы. Сарай уцелел, дверца голубятни была сорвана с петель, и в лазу ее показалась остроносая, с большими серо-рыжими ушами и заснеженными широким лбом собачья морда.

Пес залитыми голодной яростью глазами снизу вверх глядел на Раздобудьку, в груди его заклокотала мокрота, и он гавкнул без звука.

Это была единственная душа здесь!

— Линкор! — крикнул Раздобудько, — Линкор, собачий сын, да как ты уцелел?

Пес прыгнул из лаза в сугроб, утонул по ребра и, работая лапами, поплыл по снегу к Раздобудьке. Старшина схватил его за уши и взвалил к себе на грудь. Они бурно обнялись, потеряв

головы от счастья. На своих губах, чуть омертвевших от мороза, Раздобудько почувствовал горячий язык Линкора.

— Живой, живой! На посту стоишь, братишка? — спросил он.

Слезы подкатили к его горлу. Он сбросил варежку, чтобы голой рукой зарыться в промерзшую шерсть пса.

— Живой, на посту стою, — ответил Линкор одним хрипом, и Раздобудько его понял.

— Экая у тебя в груди гармошка! Ты болен, пес.

— Пустяки делов. Война, хозяин, — ответил пес, и опять Раздобудько его понял.

Сгорая в нежности, он направил лыжи к голубятне, скинул их и вместе с Линкором перевалился за порожек. Здесь Линкор стал кататься по полу, прыгать на Раздобудьку и сипеть ему в лицо. Старшина с колотящимся сердцем сел на полено. Псу нужно было время, чтобы перегореть в счастье. Он сильно изменился к худу, шерсть его сваялась, обросла сосульками. Угол рта у него был разорван и оброс диким мясом.

Он подполз к Раздобудьке, осторожно ухватил валенок зубами и попытался стащить его с ноги. Ах, чудесная собака! Бывало, в мирные дни, собака заходила к Раздобудьке в комнату и помогала таскать сапоги. Но теперь она отошла, и это было ей не по силам.

Раздобудько охватил пса руками и прижался к его шерсти лбом. Пес затих.

— Вот и осиротели мы с тобой, — сказал старшина. — Сколько ж гадов перекусал ты здесь за лыжки?

Пес ответил взволнованно и горячо, но на этот раз Раздобудько не понял его собачьего языка: прошло много времени со дня их разлуки, и в сердце старшины ослабела та струна, на которой Линкор раньше умел так хорошо играть. Опершись подбородком о голову Линкора, Раздобудько оглядел голубятню. Голубей, конечно, перевели фашисты. Валялась грязная и заиндевевшая их кормушка, да в углу, тоже заиндевевший, стоял маленький кованый сун-

дучок, куда Раздобудько складывал свои дневники, конспекты комсомольских докладов и нежные письма девушек. Вероятно, мама отнесла сундучок на голубятню, чтобы на него не позарились немцы.

То спокойное чувство любви, которое Раздобудько испытывал к матери с младенчества, вдруг вспенилось в нем и переплеснуло через край души. Он, бывалый черноморец, человек, который умел вешать замок не только на свои губы, но и на чувства, разрыдался на шее у Линкора, и пес, затихнув, слушал неистовое горе человека, подрагивая кожей, когда слезы скатывались ему на шерсть.

Солнце упало за дальний лес, и сумерки, смелея с каждой минутой, вышли на снега, чтобы раскрасить их сначала в нежноголубой, потом в темноголубой цвет. Линкор хотел повить, но не сумел: простуда съела его голос. Он не мог даже подскуливать, прислушиваясь к тому, как горе в душе человека сменяется ненавистью и жадной мстительного действия. Линкор только сидел, рассказывая о том, как он отстаивал жизнь дома и его хозяев, но сила, пришедшая на гремящих, ревуших, бряцающих и едко пахнувших машинах, была так велика, что его собачьи зубы оказались бессильными против нее. Струна, ослабевшая было в душе Раздобудьки и принадлежавшая одному Линкору, снова натянулась и пела, и Раздобудько понимал всё, что рассказывал ему пес.

Потом Линкор вдоль сарайной стены, где снегу было меньше, провел хозяина на огород. В скоробленном вишеннике насвистывал ветер. Линкор остановился среди снега, поднял морду и снова попытался завить. Когда-то пышный, хвост его скорбно поджался под живот. Снег был чистый, как везде на огороде, весь в ровных молочно-белых начесах. Раздобудько снял шапку, закрыл глаза. Мамино лицо возникло перед ним и погасло.

— Ты увидишь, мама... — сказал Раздобудько, обернулся и ясными глазами стал глядеть на запад, в темнею-

щую снежную даль, туда, где шумела война.

— Пойдем, — сказал Линкор.

— Куда пойдем?

— Пойдем, — повторил Линкор и настойчиво ткнулся мордой в колено Раздобудьки.

Они вернулись во двор, прошли там, где была калитка, и там, где летом мать ставила кадущку, пахнущую стоялой дождевой водой. Под каменным крыльцом, в ледяной зимней тени, Раздобудько увидел труп крепкого детины, опрокинутого навзничь. На нем был немецкий офицерский полушубок, черные офицерские валенки. Горло его было разорвано, оледенелый поток крови покрывал значок с орлом и свастикой. В руке офицер зажал клоч серо-рыжей шерсти. Ни смерть, ни мороз не погасили ужаса в его остекляневших глазах.

Линкор оцетинил рыже-серую шерсть.

— Этот? — спросил Раздобудько и пул ногой окоченевшее тело.

Линкор молчал, не опуская вздыбленной шерсти. В легких его клокотала мокрота.

Пес оскалил зубы, и рваный край его рта высоко обнажил десну. Раздобудько повернулся и пошел на голубятню. Ему захотелось согреться. Забравшись в лаз, он сунул руки в рукава. Линкор еще оставался внизу, у трупa, Раздобудько не стал мешать его упоению.

Больше Раздобудьке здесь нечего было делать.

Когда он вставал, рука его натолнулась на холодные перья. В углу валялась большая птица. Это была сипуха, наполовину съеденная Линкором: уцелела только голова с личным покрывалом в виде сердца, позвоночник и когтистые лапы с жидко оперенной плюсной.

Глаза совы глядели кругло и безумно и были похожи на глаза того немца, что с перекушенным горлом валялся под крыльцом.

Раздобудько вылез из голубятни и повсвистал Линкору. Собаку он решил взять с собой. Надо было ехать в город, к сестре, а потом снова входить в огромное и шумное хозяйство войны.

Связисты идут вперед

АЛЕКСЕЙ КАРЦЕВ

★

ПРИКАЗ ПОЛУЧЕН...

Никольский только-что вернулся с воскресника, проводившегося на прифронтовых участках, когда в комнате раздался звонок: вызывала к телефону контора дистанции.

— Слушаю, Евгений Александрович, — ответил он, взяв трубку двумя пальцами, еще мокрыми после умывания.

Зиновий Иванович Никольский, двадцатичетырехлетний инженер дистанции связи, искренно ценил и уважал своего командира, знатного железнодорожника-орденоносца Турскова.

Однако сейчас так хотелось отдохнуть после жаркого и долгого труда, что Никольский невольно подумал:

«Вот ведь неугомонный... Хоть бы пообедать дал!»

Он ждал обычных расспросов Турскова о сделанной работе, — но ошибся.

Начальник дистанции отрывисто, с непривычной торопливостью сказал, что Зиновий Иванович должен немедленно передать кому-нибудь из подчиненных всю текущую работу и, взяв с собой бригаду ремонтников, тотчас ехать на восстановление связи на станцию Ж.

По названию станции Никольский сразу догадался, в чем дело.

— Есть, — проговорил он спокойно, продолжая вытирать полотенцем пальцы. — Значит, в районе повреждения действовать по приказам военного командования?

Разговор произошел в три часа дня, а к вечеру Зиновий Иванович был со своей бригадой около фронтового узла З.

Вместе со связистами, взятыми им в вагон прямо с работы на разных путевых станциях, у него набралось десять человек. Инструменты, проволока и другое снаряжение взяты были с хорошим запасом, «на всякий случай». Это оказалось кстати, — с поврежденного перегона поступили сведения о том, что связь разрушена на протяжении восьми километров: был там бой не только с десантом фашистов, но и спередовыми их частями, отброшенными контрударом наших войск.

Ближайшая к фронту станция приняла связистов, когда уже наступили сумерки. Низко опустившийся туман, предвестник холодной ночи, медленно стлался над землей.

Бригада, ожидая распоряжений, внимательно осматривалась.

— Недалече были, — вполголоса сказал старший рабочий Григорий Б., самым первым выглянувший из вагона.

И все поняли, о чем он говорит.

В лесном влажном воздухе пахло гарью; на степной стороне, примыкавшей к старому бору с северо-запада, виднелись зарева пожарниц.

Начальник станции, заменявший контуженного накануне дежурного, под-

твердил Зиновию Ивановичу, что еще вчера в пяти километрах отсюда шло жесткое сражение.

— Вон, набрали сколько... — угрюмо мотнул он головой в сторону запасных путей.

От обгорелых и уже полуразобранных пакгаузов красноармейский конвой вел к перрону молчаливую толпу пленных. Они были обтрепанные, отошальные, грязные.

Электромеханик Василевский, немолодой седоватый человек, вдруг присвистнул и пробормотал с ненавистью:

— Ишь, словно петухи ощипанные! А тоже, небось, «Хайль Гитлер» орала, пока не влетело...

— А бандиты — они всегда так, — отозвался угрюмо Григорий Б. — Покуда не попались, до тех пор и храбрецы!

Никольскому разглядывать фашистов было некогда. Он хотел было итти на станцию — отыскивать военное начальство, но увидел: с бронепоезда, стоявшего на главном пути, шагает к нему какой-то командир.

Зиновий Иванович, поспешив на встречу, с непривычки отдал воинское приветствие раньше времени, еще издалека и, смутившись этим, довольно неловко споткнулся о рельсы.

Но командир будто не заметил этого. Он оказался совсем молодым лейтенантом, однако лицо его, не то загорелое, не то закопченное в пороховом дыму, своим выражением встревожило Зиновия Ивановича.

— Во-время явились, товарищи, — глуховатым голосом сказал лейтенант. — Делишек хватит...

Вернувшись к бригаде, Никольский сообщил товарищам: артиллерийским огнем сбито или повреждено до половины телефонных столбов на перегоне и в десятках мест оборваны провода.

А через час связисты, наспех поев тут же на станции, уже грузили новые столбы на платформу, прицепленную к их вагону.

Когда тридцать восьмиметровых бревен были готовы к отправке, Зиновий Иванович дал бригаде поспать часа три, а с рассветом поднял людей и по-

вел по линии, оставив у платформы и у вагона по одному человеку.

Дорога была незнакомая — в этой местности ни разу не приходилось работать Никольскому за все время службы на магистрали. Сначала шли густым лесом, придерживаясь железнодорожного пути.

На пятом километре бригаду неожиданно остановила красноармейская застава. Это случилось у небольшой речушки, которую перекрывал однопроектный мостик; и связисты, увидев в кустах бойцов с винтовками, решили, что имеют дело просто с охраной моста. Но командир заставы, безусый паренек с открытым лицом, сказал негромко:

— Дальше, ребята, шагайте поосторожней. Еще кой-где он, сволочь, в бору прячется... Наши не везде обшарить успели!

Иные из связистов невольно переглянулись. Они знали уже — со станции Ж. выбит не десант, а крупные передовые части немцев с танками и артиллерией, пытавшиеся закрепиться на этом рубеже. Может быть, остатки этих разбитых частей еще бродят в старом лесу, то ли заплутавшись при спешном отступлении, то ли надеясь на вырчку?..

— Ладно, будем глядеть, — ответил Зиновий Иванович таким тоном, как будто и раньше получал подобные предупреждения. А сам подумал, что, пожалуй, не следовало в разговоре с лейтенантом отказываться от вооруженной охраны для бригады.

К РАЗБИТОМУ ПЕРЕГОНУ

Утро, неприветливое и сырое, постепенно прояснилось. В лесу на прогалинах попадались сильно заболоченные места, иные тянулись на два-три пролета, но большинство связистов привыкло к ним за годы работы в здешнем краю. Электромеханик Мацкевич, эвакуированный с одной из пограничных дистанций железнодорожной связи, только посмеивался:

— Вот у нас там болотца попадаются — это да, одно удовольствие,

если влезешь... Верно, товарищ Василевский?

Низенький и толстый, он был полной противоположностью высокого, худощавого электромеханика Василевского. Но Зиновий Иванович знал, что в работе эти два человека удивительно схожи друг с другом. Без лишних разговоров делали они свою работу на столбах, быстро и ловко связывая провода, беря их на блоки, регулируя и навязывая на изоляторы. Это были, что называется, «безотказные» связисты.

Большинство в бригаде были своими, постоянными людьми. Монтер Коптев, старшие рабочие связи Григорий Б. и член партии Василий Семенович Королев, — были тоже отличными знатоками своего дела.

Еще некоторое время шли вдоль пути лесом и вскоре наткнулись на первые повреждения линии.

Началась работа...

Одного из самых молодых связистов, Сергея Соловьева, Никольский назначил наблюдающим за окрестностью и воздухом: был Сережа парнем расторопным и зорким.

— В случае чего — сигнализируй! — сказал ему Зиновий Иванович так, чтобы слышали все.

Пятерых Зиновий Иванович послал вперед — убирать поваленные столбы, освобождать от них сеть и заменять новыми столбами, которые к тому времени уже развезены были по линии паровозом, обогнавшим бригаду в назначенный для этого срок; там же, на месте, эта передовая группа привычно и быстро «обделывала» новые столбы, затесывая их макушки, ввинчивая крючья и ставя изоляторы.

Из-за болот пришлось сооружать для отряда плоты — из стволов молодых елок, связанных проволокой; на них без лишнего шума подплывало к столбам двое-трое людей.

Повреждений оказалось много. Замечать все провода новыми Зиновий Иванович считал недопустимым; поэтому следом за передовыми он направил трех человек специально для распутывания проводов и для связывания их на земле.

Дальше действовал основной состав

бригады — верховая группа во главе с Василевским и Мацкевичем.

В разрушенных местах провода были сильно перепутаны. Кто-нибудь то и дело шопотом, сквозь зубы, ругал фашистов. Помня предупреждение командира патрульной заставы, Зиновий Иванович приказал, чтобы все звенья действовали без малейшего шума.

Даже вблизи можно было слышать только короткое металлическое щелканье плоскогубцев, да изредка — лязганье друг-о-друга «когтей», держащих верхового работника на столбе.

Никто не встречался связистам в лесу, только красноармейские пикеты нередко окликали их, внезапно появляясь около линии. Но бойцы, видимо, были заранее предупреждены о приезде восстановительной бригады, и Никольскому ни разу не пришлось вступить с ними в объяснения.

Потом стали показываться и немецкие самолеты.

В одиночку или по два, они держались очень высоко, но иногда начинали, снижаясь, делать над лесом круги, — и Сережа Соловьев, пристально следивший за ними, тотчас подавал сигнал: по команде Никольского вся бригада скрывалась в бору, на линии не оставалось в эти минуты ни одного человека...

Наконец, лес кончился, путь пошел открытым полем — и тут еще виднее стало связистам, насколько велики повреждения на линии. Впереди вся местность была изрыта воронками от снарядов: ямы в метр глубиной, а в диаметре и больше, зияли всюду.

Среди разбитых патронных ящиков, брошенных фашистами автоматических винтовок и пулеметных лент там и сям валялись убитые немецкие солдаты и офицеры.

— Получили свое! — сказал кто-то из связистов среди общего молчания.

Продолжая работу, бригада попутно собрала немало оружия и боеприпасов и аккуратно свалила их у насыпи; после все это подобрал приехавший патрульный броневичок.

В поле работать было тяжело из-за сильного трупного запаха, далеко разносившегося по ветру.

НОЧЕВКА НА ФРОНТЕ

В первый день бригада трудилась с шести часов утра до самой темноты, не сделав даже короткого перерыва на еду и отдых. На ходу жевали хлеб и рыбные консервы.

Когда люди стали спотыкаться впотьмах, Никольский приказал прекратить работу.

Заночевать собрались тут же, в поле. Болотистая местность сильно давала себя чувствовать, сгустившийся мрак дышал промозглой сыростью.

— Ничего, ребята, останемся! Жалко время на пустую ходьбу трагить, — сказал монтер Коптев.

— А людей тебе не жалко? — отозвался Василий Семеныч Королев. — Топь кругом. Какая — танки вязнут!

В самом деле, в низине, через которую бригада вечером прошла в работе, связисты видели шесть увязнувших, подбитых нашими снарядами немецких танков.

Тащиться на ночевку не хотелось от усталости — сколько раз за день то один, то другой по колена залезал в тину, скрытую высокими травами.

Некоторые разувались, несмотря на холод, а к ночи промокли все, да и от комаров не было спасенья.

Решили, в конце концов, ночевать в Ж., хотя шагать надо было пять километров.

Шли гуськом, осторожно. Когда выбрали на сухие места, путь осветила догорающая в стороне деревня.

На станции Ж., позавчера отбитой у немцев, бригада нашла только военных людей. На главной колее угадывались во тьме контуры бронепоезда, около него и на станционной платформе ходили красноармейцы с гранатами в руках.

Когда Зиновий Иванович явился доложить командованию о ходе работы, он убедился в том, что находится не только на фронте, а, пожалуй, у самой передовой его линии.

Немцы еще держались в соседней деревне, всего в километре справа от станции, а впереди позиция проходила за большим железнодорожным мостом, на том берегу реки.

— До рассвета не задерживайтесь

здесь, товарищи, — посоветовал Никольскому старший лейтенант с бронепоезда, внимательно выслушав доклад. — С утра они, конечно, будут станцию обстреливать в ответ на наш огонь... да пожалуй, еще раньше начнут, — боятся, что мы и переправу захватим.

И, не удержавшись от желания поделиться со свежим человеком хорошей новостью, он рассказал Зиновию Ивановичу, как нашим войскам, во время предупрежденным окрестными колхозниками, удалось разминировать весь район вокруг моста.

Что касалось ночевки, то пришлось подчиниться: совет военных товарищей был очень похож на приказ.

На том же паровозе, который к ночи привез связистам обед на станцию Ж., уехали они обратно, примостившись кто на тендере, кто на передней площадке, потому что в будке локомотива едва нашлось место для троих-четверых.

До рассвета не мог задремать Зиновий Иванович, лежа с открытыми глазами в помещении дежурного соседней станции. Остальные спали крепко — утомление свалило их с ног тотчас, едва они добрались до ночлега.

Там, в короткой беседе на полуразрушенной станции Ж., в напряженной тишине холодной звездной ночи командиры и бойцы обрисовали ему всю серьезность обстановки.

— Сделаем, товарищи, — ответил тогда Василий Семенович Королев. А потом, возвращаясь с Никольским на переднюю площадку паровоза, Королев сказал ему, что надо торопиться со связью, потому что нужна она именно завтра, не позже.

Это понимал и сам Зиновий Иванович. Разве не сказал третьего дня на прощанье Евгений Александрович Турсков, начальник дистанции, что военное руководство на сей раз особенно надеется на помощь железнодорожников?

— Сделаем, — шептал Никольский, насильно закрывая бессонные глаза.

ПОД ОРУДИЙНЫМ ОБСТРЕЛОМ

Рассветало, когда бригада в полном составе вернулась на место прерванной вчера работы.

Зиновий Иванович с удовлетворением заметил, что дело сегодня идет быстрее: почти все столбы были расставлены передовой группой накануне, осталось поставить их лишь у самой станции.

После ночевки поели только хлеба. Но все глядели бодро, даже весело. Ни один не пожаловался и на то, что не удалось вчера просушить намокшую одежду,—с утра показалось солнце, да, как на заказ, такое, будто вернулось лето.

В жарком труде время до полудня пролетело незаметно, и уже опять не думалось Никольскому ни о чем, кроме дела.

Опять закипела напряженная работа на линии. Люди трудились увлеченно и дружно, когда около двух часов дня донесся со стороны Ж. тяжкий глухой удар. Следующий был сильнее, после третьего связисты невольно оторвались от дела, переглядываясь и прислушиваясь.

«В общем, лейтенант-то ошибся немного, — подумал Зиновий Иванович. — Хорошо, хоть с утра не мешали...»

Когда снаряды стали рваться в недалеком лесу, он собрал вокруг себя бригаду и спокойно оглядел людей.

— Артиллерия бьет, ребята, — сказал он, невольно улыбнувшись собственным словам, во-первых, потому, что иные «ребята» были намого старше его, а, во-вторых, потому, что сообщение в такой форме вряд ли было необходимо даже для самых зеленых юнцов в бригаде.

Но никто не улыбнулся ему в ответ, кроме сигнальщика Сережи Соловьева, и Зиновий Иванович заговорил — уже другим тоном — об опасности. Кому охота вернуться, тот пусть честно скажет об этом сейчас, чтобы после не вышло заминки, потому что бригада в целом, конечно, пойдет только вперед...

— Подумаешь, дело какое, — равнодушным голосом произнес Королев, счищая с грязных рук землю. — Постреляют и бросят, а станция-то вот она, работы пустяк осталось.

Это не противоречило правде — до Ж. было теперь, что называется, рукой подать. Но орудийная стрельба все усиливалась...

Связисты совещались лишь несколько минут. Королева решительно поддержал Василевский. Мацкевич, сидевший на столбе, коротко бросил сверху, не прерывая работы:

— Вопрос ясный, товарищи, а тут каждая секунда дорога...

Григорий Б. тотчас отозвался своим глуховатым басом:

— Не убьют никого, Зиновий Иванович, пугают только... Пошли дальше. Рассуждать-то некогда...

— Ну, вперед, друзья! — твердо сказал Никольский.

В этот момент снаряд ударил в болото, начинавшееся всего в сотне метров от места, где собралась бригада. Кого-то повалило воздухом, другой сам упал на землю, спасаясь от ожидаемого разрыва; но у всех Никольский увидел молчаливую решимость — не отступить...

Больше сорока минут продолжали связисты свою работу под непрерывный грохот близкой канонады. Больше сорока минут они двигались ей навстречу, применяясь к местности.

Когда они приблизились к станции, два снаряда упали неподалеку, за семафором: разорвался только один, и молодежь из подсобных рабочих принялась подзадоривать друг друга — кто ближе подойдет или подползет к неразорвавшемуся?

Зиновий Иванович строго приказал ребятам оставить шутки и усилил меры для сохранения людей: линия связи шла в низинке, железнодорожная насыпь полуприкрывала ее со стороны обстрела, и по всем звеньям бригады было передано распоряжение начальника — никому не показываться на насыпи без крайней необходимости.

Ничего не мог он сделать лишь для верховых, работающих на столбах, и то лишь для самых расторопных — Королева, Мацкевича, Б.... Они так и не бросали работу.

Сам же он осторожно, но непрерывно двигался от звена к звену, не оставляя никого без руководства, и голубую его фуфайку люди видели всюду.

Еще с утра он проверил, как всегда,

вооружение бригады: хватает ли вязочной проволоки, в порядке ли у верховых плоскогубцы, блоки для стягивания и регулировки проводов, надежно ли обуты «когти», у «нижних» рабочих сам опробовал напильники для зачистки проводов, «кусачки», «сжимы» и прочий необходимый инструмент, вплоть до лопат, топоров, пил и багров у передового звена.

У всех в бригаде имелись противогазы, но многие досадовали, что железнодорожным связистам не полагается ни огнестрельного, ни холодного оружия, хотя от военной охраны, предложенной им на время работы здесь, все дружно отказались: оставили себе на всякий случай только несколько боевых гранат из «запаса», подобранного вокруг убитых немцев.

Едва затихла артиллерийская стрельба, к связистам от станции прибежал патрульный броневичок.

Из броневика торопливо вылез младший лейтенант — только петлицы с кубиками видны были из-под замасленного синего комбинезона.

— Товарищи, старший где у вас?

Отойдя с Никольским в сторону, он сообщил: за рекой, на том берегу, да и на этой стороне с правого фланга, замечено разведкой подозрительное движение. Возможно, фашисты готовят контратаку. Командованием приказано предупредить бригаду связистов, что они могут либо схорониться вон в том кустарнике, либо вернуться назад...

— А связь? — с недоумением спросил Никольский, поглядев на густой кустарник, который здесь был выше человеческого роста.

— Да связь-то, ясное дело, дозарезу нужна, но приказано предупредить... Конечно, в случае чего мы с вами будем на своем посту, но все-таки переговорите с товарищами...

— А чего же переговаривать, — сказал нетерпеливо Никольский, даже не оглянувшись на своих. — Они и так все понимают, маленьких нет. Передайте командованию, что с работой мы поспешим, насколько возможно...

СВЯЗЬ ГОТОВА!

Пулеметная и винтовочная перестрелка не утихала, но контрнаступление у немцев так и не вышло, свое дело связисты доделали без помехи.

До станционной площадки новая линия была доведена к пяти часам вечера. Один аппарат тотчас поставили в будке стрелочника — возле стоянки бронепоезда, а второй установили в помещении дежурного по станции.

— Вернутся товарищи - движенцы, сразу работать смогут.

Никольский ждал у первого аппарата с группой своих. Он видел: лица у всех серьезные, у иных от напряженного ожидания даже усталость не очень заметна, только глаза на ветру покраснели...

Вряд ли кто, кроме бригадира, понимал, как волнуется электромеханик Макаров, заканчивая установку телефона в стрелочной будке около бронепоезда. Вот он старательно привернул аппарат к стенке, включил в него провода, включил батарею питания...

Почти вся бригада связистов собралась к этому моменту у будки, окружив Никольского. И словно только сейчас заметил он, как отросла за эти двое суток седоватая щетина у электромеханика Василевского, как побледнело и осунулось свежее лицо Мацкевича.

— Все, — негромко сказал Макаров и, оглянувшись, уступил Зиновию Ивановичу место у аппарата.

Никольский неторопливо шагнул к нему, а внутренне весь напрягся, чтобы не выдать своего волнения. Будет ли связь? Не ошибся ли кто-нибудь из бригады, работая в таких необычных условиях? Не повредил ли враг где-нибудь позади восстановленную только-что линию?

Привычным коротким движением Никольский покрутил ручку телефона — и сразу почувствовал по ровному вращению индуктора, еще даже не подняв трубки: связь есть!

— В порядке, — ровным будничным тоном бросил он, не оборачиваясь к своим.

Опытная рука его не уловила в работе аппарата ничего неверного, ненадежного. Если бы на линии возник опять обрыв, индуктор вращался бы слишком легко, а будь вращение чересчур затрудненным, это означало бы, что провода где-нибудь соединились, создав короткое замыкание.

Сняв трубку с рычага, он позвал: — Алло, я инженер связи Никольский...

Ему тотчас ответила дежурная с узловой станции З., — слышимость была отличной, вызовы в обе стороны проходили нормально. Телефонистка сообщила, что у ее аппарата уже находится представитель штаба военного командования. В это время Никольский увидел: знакомый ему лейтенант торопливо вошел в будку.

Зиновий Иванович кратко доложил ему, что связь готова.

— Хорошо, сейчас проверю, — отрывисто сказал старший лейтенант.

Закончив первый короткий разговор с командованием, он быстро обернулся к Никольскому, крепко потряс ему руку, потом четверем связистам, бывшим в будке, сказал:

— Спасибо, товарищи, что сделали во-время. Теперь мы тут такого жару фашистам поддадим, что долго не забудут!

Затем проверили телефон, установленный в помещении дежурного по станции; и там Зиновий Иванович, как бригадир, первым опробовал связь, оказавшуюся также вполне восстановленной.

Грязные потные лица связистов светились улыбками; закуривая, люди рассаживались, кто где.

— Ну что ж, теперь можно и отдохнуть, пожалуй!

Работа, на которую в мирное время ушло бы никак не меньше пяти, а то и шести дней, была сделана бригадой за двадцать восемь рабочих часов.

Вскоре прибыл на станцию — со специальным паровозом — вагон, присланный начальником отделения службы движения. Хлопотливая стройная дивчина выскочила оттуда, приветливо позвала связистов:

— Скорей, товарищи, закусите с устатку-то, специально к вам приехала!

— Нет уж, тут спешить не будем, верно, братцы? — сказал электромеханик Мацкевич, поглаживая объемистое свое брюшко, и этим окончательно разведел всех.

Обеденный стол в вагоне был сервирован с полным комплектом тарелок, вилок и прочего; было вдоволь и еды, хоть и собранной явно наспех: хлеб и масло, селедки и капуста, целый кулечек сахару. Вместо чаю — отличная колодезная вода.

Подзаправившись, связисты в этом же вагоне доехали обратно до станции, от которой начинали работу. Оттуда, пересев уже в свой вагон, тронулись домой — на родную дистанцию, забрав с собой раненых бойцов.

Были это кавалеристы из части, которая в эти дни гнала немцев буквально без остановки; беседа с лихими конниками заставила бригаду совсем забыть об усталости.

Бойцы, раненные кто в руку, кто в ногу, охотно и подробно рассказывали о том, как захватили фашистский штаб вместе с генералом и полковником, знамя и прочие трофеи. Слушая бодрые, задорные их шутки, молодежь вздыхала от зависти.

— Ничего, ребята, и мы с вами свое дело сделали! — утешил их электромеханик Макаров. — Чай, тоже на фронте работали, а не где-нибудь...

А Григорий Б., до этого времени будто дремавший в углу вагона, вдруг пробил оттуда:

— Да не только, что поработали, а и это самое... боевое крещение, как говорится, приняли... Теперь каждому не совестно военным в глаза глядеть, даром, что без винтовок ходим!

Весь обратный путь прошел незаметно — настроение в бригаде было приподнятое, словно в праздник. И когда Зиновий Иванович, шутя, внес предложение — взяться за восстановление связи уж заодно до станции Л., где в то время еще держались немцы, — то многие приняли это всерьез:

— А что ж, не сможем, что ли?

— Поедем сейчас, Зиновий Иванович!

— Погодите малость, друзья, и туда доберемся, — пообещал Никольский, с усмешкой поглядывая на своих соратников.

Они не знали еще, что, прощаясь с Зиновием Ивановичем, старший лейтенант с бронепоезда сообщил ему:

— Через несколько дней, видимо, опять придется вас потревожить, товарищ инженер... И дальше поработать с нами попросим, ежели не возражаете!

Зиновий Иванович ответил полной готовностью, но несколько смущенно. Он всегда смущался, когда его величали инженером, и тотчас объяснил командиру официальным тоном, что хотя на дистанции он и выполняет должность инженера, однако, учился не в институте, а на наркомовских курсах

в Москве и по образованию является техником первого класса.

— Ну, вот оттого и работа у вас — первоклассная! — улыбнулся старший лейтенант.

.....

Домой вернулись в тихое ясное утро. Никольский шел с поезда, когда Евгений Александрович Турсков окликнул его во дворе:

— О, приехал? Ну, иди, иди скорей, рассказывай!

Слушая его, молча рассматривали работники дистанции бронебойные трассирующие пули и осколки снарядов, привезенные бригадой с последнего из восстановленных перегонов.

И каждый был горд за своих товарищей, не посрамивших и на фронте чести советских железнодорожников.

Истра

Б. ЗЕМЕНКОВ

★

Здесь совсем недавно стоял приветливый, веселый город. Каждый, кто проводил в нем хоть несколько дней, делался его патриотом. Город был полон своеобразного уюта и покоя, но люди, жившие в нем, любили и умели работать. Я встречал портных, которые, помяв кусок материала в руках, безошибочно называли место его выделки; по вечерам я слушал миролюбивые цеховые споры часовщиков и сапожников о преимуществах их профессий. Какая-то неуловимая атмосфера творчества была заключена в этих людях. Сторож гаража, у которого я жил, выращивал изумительные яблони, а ветеринар города выводил — здесь, под Москвой! — такой замечательный виноград, что его демонстрировали на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

И потому сейчас, когда предо мной на месте приветливых домиков, пестрых палисадников и резных ворот расстилается бесконечная снеговая равнина, по которой то кучкой, то одиночку разбросаны почерневшие печи, трудно поверить и глазами, и сердцем, что ты стоишь в центре города.

Когда я в первый раз приехал на Истру, луна освещала дорогу с вокзала. Белые, как снег, лепестки кружились по всему городу; в воздухе плыл приятный аромат опадающих яблонь. Как легко здесь дышалось! Я постучался и вошел в дом, где прожил потом четыре лета подряд.

В октябре прошлого года я покидал

город. В домах размещались войска. По переулкам и садикам дымили походные кухни, на площади стояли тяжелые автобусы. Город, привыкший к тишине, вздрагивал от глухих артиллерийских раскатов, доносившихся со стороны Волоколамска.

Война ворвалась в Истру. В субботу 29 ноября 1941 года я прочитал в «Известиях» семь тревожных строчек: «В районе действия нашей Н-ской части противник прорвал линию обороны и овладел монастырем, расположенным северо-восточнее города И. Дальнейшее наступление врага здесь приостановлено. Наши части заняли оборону. Фашисты концентрируют новые силы для лобового удара на город.»

Дальнейшая судьба города на памяти у каждого. Враг был недолгим постояльцем в нем. Но уходя, в звериной ненависти ко всему живому и прекрасному, фашисты взорвали Ново-Иерусалимский монастырь и сожгли Истру, переходя от дома к дому и обливая горячим стены.

Истры нет. Но история этого чудесного города не закончилась. Не может быть здесь пустыни! Когда придет время предъявлять врагу наш суровый счет — мы не забудем Истры.

В XVIII веке городу был пожалован герб: золотое солнце на голубом поле. В XVII веке числились здесь две деревни: Котельниково и Воскресенское, расположенные на реке Истре. Были они вотчиной боярина Бобарыкина. Часто по

теперешнему Волоколамскому шоссе, а по тогдашней терминологии — Волоцкой дороге, проезжал наблюдавший за строительством Иверского монастыря в Новгородской губернии патриарх Никон. Он полюбил речку Истру, тишину окружающих ее лесов и взгорий. Давно уже властолюбивый патриарх, не боявшийся противопоставить свою власть власти царской, лелеял мечту о создании самобытного русского религиозного центра, своеобразного православного Ватикана. Именно с этой целью строился Ново-Иерусалимский монастырь, именно здесь Никон думал обосновать свою резиденцию.

С первых же дней строительства Никон жил на территории монастыря и принимал в работах непосредственное участие. Одетый в рясу простого серого сукна, он работал и каменщиком, и огородником, ловил рыбу в вырытых им же прудах. До наших дней сохранился любопытнейший памятник гражданской архитектуры (1658 год) — скит патриарха Никона, стоявший вне монастырской ограды, почти у самого берега Истры. Экскурсии архитекторов и историков посещали его, делали обмеры, фотографировали, керамики приезжали копировать изразцы, которыми были украшены карнизы и наличники окон. Немецкие солдаты в наши дни не нашли ничего лучшего, как разместить в нем лошадей.

Конфликт с царской властью застал Никона в Ново-Иерусалимском монастыре. Вызванный отсюда в декабре 1666 года в Москву на собор, он уже не вернулся; его ждала Белоозерская ссылка. При сыне Алексея Михайловича, царе Федоре, Никон был прощен собором и новым патриархом Иоакимом, и ему было разрешено вернуться в Ново-Иерусалимский монастырь. Но силы семидесятишестилетнего старика не выдержали. Никон умер в дороге, в окрестностях Ярославля. Однако тело его было доставлено в монастырь и здесь похоронено.

Идея Никона — создать в окрестностях Москвы подобие древнего Иерусалима, конечно, имела в своей основе желание подобной аналогией укрепить и

возвеличить патриаршую власть и поставить ее в большую независимость от патриархов востока. Историю постройки Ново-Иерусалимского храма у нас нередко понимают, как попытку художественно скопировать старый Иерусалим. Это глубоко ошибочное мнение. Архитектура Ново-Иерусалимского храма была абсолютно национально-самобытной. Поэтому смело можно утверждать, что замысел Никона скорее касался повторения топографической номенклатуры, речь шла больше об аналогиях богословских, чем художественных или этнографических.

В этом смысле особенно характерно то обстоятельство, что патриарх Никон назвал палестинскими именами многие окрестности города и монастыря; так, село Чернево было названо Назаретом, село Никулино — селом Скудельничьим, сама Истра — Иорданом, ручей около скита — потоком Кедронским. Любопытно, что некоторые из этих наименований дожили до наших дней, войдя в быт. Помню, как меня удивила афиша:

*...июля в... час
состоится*

ПИОНЕРСКИЙ КОСТЕР

в Гефсиманском саду.

Строительству Ново-Иерусалимского монастыря предшествовало тщательное обследование старого Иерусалима. В Палестину был отправлен келарь Троице-Сергиевской Лавры, старец Арсений Суханов, который привез Никону чертежи, записи размеров, описание вида и украшений Палестинской обители, а также и специально изготовленную модель Иерусалимского храма из кипарисового дерева, богато отделанную перламутром.

Во время поездки Суханова в Палестину на берегах Истры были развернуты колоссальные для того времени подготовительные работы. Гора, на которой стоит монастырь, была выравнена, окружена высокими стенами с бойницами и башнями. Копались пруды, разбивался Гефсиманский сад, работали кирпичные заводы. Но особенно замечательны были керамические мастерские.

Изразцовые карнизы, пояса херувимов, наличники окон по внешним стенам, грандиозные кувшинообразные колонны-изразцы, наконец, целые порталы и иконостасы, — все это сообщает Ново-Иерусалимскому храму сказочную цветистость и пышную декорировку.

Кто же были эти замечательные народные мастера, привлеченные Никоном для отделки собора? Вероятно, главным образом работали и мастера из Дмитрова и Углича, поскольку известны керамические производства в этих краях. Один из них погребен у стен храма. Могильная плита гласит о том, что это Петр Иванович Заборский, умерший в 1665 году «золотых, серебряных и медных, цениных дел, и всяких рукодельных хитростей изрядный ремесленный изыскатель».

Ссылка Никона прервала строительные работы. По личному распоряжению царя много мастеров было переведено в Кремль для работ в Московской Оружейной Палате. Следующие после Никона патриархи Питирим и Иоаким забирали ценности в монастыре и вывозили их в Москву. Так продолжалось около двенадцати лет, пока в одно из своих посещений монастыря царь Федор не распорядился продолжить работы. В 1685 году строительство монастыря было закончено.

В бурные дни царствования Петра Первого монастырь вновь попадает на страницы истории. Всем известна картина Сурикова «Казнь стрельцов на Красной площади», но едва ли многие знают, что Суриков изобразил лишь финал событий, которые произошли в окрестностях Истры, у подножия Ново-Иерусалимского монастыря. Во время пребывания Петра в Вене; среди стрельцких полков, придвинутых к литовским границам, возникли слухи о смерти Петра. Коноводы стрельцких мятежников сочли этот слух весьма благоприятным моментом, чтобы попытаться вторгнуться в Москву, сжечь Немецкую слободу, истребить всех иностранцев и вновь посадить на престол Софью. Четыре стрельцких полка, расположенных в Вязьме, Ржеве, Белом и Дорогобуже, в походном порядке снялись со своих

мест и пошли на Москву. Но споры предводителей о главенстве и другие несогласия значительно задержали этот поход. Стрелецкие полки успели дойти только до Истры. Москва выслала навстречу стрельцам петровскую гвардию под командованием генерала Гордона и боярина Шеина. Никто из противников не успел занять монастырскую цитадель. Чтобы выиграть время и дать отдых своим уставшим войскам, Гордон верхом три раза переезжал через разделявшую противников Истру и склонял стрельцов к повиновению. В это время осторожный полковник де Граге успел искусно расположить артиллерию, которая и решила судьбу боя. Гордон распорядился открыть огонь. Несколько удачных залпов принудили стрельцов к сдаче.

В монастыре долгое время существовало предание, что в 1698 году Петр приезжал осматривать место боя, и в память этого посещения оставил здесь ленту и знаки ордена Андрея Первозванного. Возможно, предание имеет под собою почву, так как в описи ризницы монастыря XVIII века имеются лента и орден Андрея Первозванного и показаны они принадлежавшими Петру.

Двадцатые годы XVIII века были несчастливы для истории монастыря. В 1723 году обвалился каменный шатер, а в 1726 году опустошительный пожар почти уничтожил внутренность храма. 20 с лишним лет монастырь простоял в развалинах. С 1749 года начинается второй этап его истории. На монастырь обратила внимание «зело веселая» императрица Елизавета и поручила своему знаменитому архитектору Бартоломео — или, как его звали у нас — Варфоломею Варфоломеевичу Растрелли — восстановить собор. Связанный петербургскими заказами, Растрелли не смог всецело отдаться этому делу, ограничившись лишь проектной частью. Непосредственное руководство работами перешло к московскому архитектору Карлу Бланку, бывшему для своего времени отличным инженером. Строительные работы были произведены Бланком в период с 1759 года по 1764 год. Необходи-

Ново-Иерусалимский собор.

мо отметить, что Бланка незаслуженно игнорируют, как одного из авторов Ново-Иерусалимского монастыря. Он внес с проекты Растрелли много своего, а решение основного шатра истринского храма целиком принадлежит Бланку, что видно из дошедшего до нас проекта Растрелли.

Чтобы понять всю сложность работы архитектора в данном случае, необходимо помнить, что строители были связаны не только сохранившимися стенами, а подчас и декоративной отделкой их. По существу приходилось здание одного типа надстраивать зданием другого типа. Ярко восточная изразцовая отделка времен Никона никак не вязалась с пышным, совершенно светским барокко Растрелли, где палитра, вместо тяжелой красочности XVII века, ограничивается лишь тремя легкими и радостными цветами: белое, голубое и золото. Надо отдать должное Растрелли и Бланку, им удалось с большим тактом соединить по существу почти несоединимые вещи. Один ансамбль сменяет другой; проходя через бесконечные приделы Ново-Иерусалимского храма, вы как бы путешествуете из XVII века в XVIII

и обратно. То вы оказываетесь в напряженно мистической, почти лишенной света, атмосфере, то перед вами сплошь освещенное пространство, скорее располагающее к балу, чем к молитвам. В центральном зале храма стоит золотая кубикола, спроектированная Растрелли. Не один искусствовед сравнивал ее с павильоном граций или амурной беседкой, по чьей-то прихоти занесенной сюда из «регулярного» парка XVIII века.

С легкой руки Елизаветы Петровны внимание и заботу о Ново-Иерусалимском монастыре стали проявлять влиятельные лица. Екатерина II не раз вносила в монастырь крупные пожертвования, а Павел I в знак своего посещения монастыря распорядился отстроить специальный придел, поручив это знаменитому Казакову. Александр II, еще будучи наследником, в сопровождении своего воспитателя, поэта В. А. Жуковского, посещает монастырь. Каждый из Романовых считал своим долгом побывать в Ново-Иерусалимском монастыре. Естественно, что за Романовыми тянулась и знать. Известны пожертвования Кирилла Разумовского, Шувалова, Дашковой и других. Сын Суворова возобно-

Ново-Иерусалимский собор после взрыва.

вил один из приделов в подземной церкви и похоронил здесь свою мать, жену великого полководца. Популярность Ново-Иерусалимского монастыря была настолько велика, что «в 1888 году в монастырь приезжала помолиться племянница абиссинского негуса Мария Михайловна Амонес, девица 19 лет...»

Посещение Ново-Иерусалимского монастыря стало такой же бытовой традицией, как и посещение Троице-Сергиевской Лавры. Нередко такая поездка обставлялась, как веселый пикник. Именно так она нам рисуется по запискам Юрия Самарина и в мемуарах о Лермонтове. Группа молодежи, под присмотром бабушки поэта, пешком, а бабушка в карете, путешествует из Троице-Сергиевской Лавры в Новый Иерусалим.

Трагическая судьба Никона, властолюбиво стремившегося сделать российскою царя своим вассалом, вероятно, находит какой-то отклик в юной душе Лермонтова, и он обращается к скиту, этому замечательному архитектурному памятнику, со стихами: «Оставленная пустынь предо мной» и «Пред мной готическое зданье».

Городок Истра (Воскресенск до революции) вырос из деревень Котельниково и Воскресенское. Популярность монастыря способствовала росту населения этих деревень. В «Историческом и топографическом описании города Москвы, 1786 года» мы читаем такое сообщение: «...по Всевысочайшему Ее Императорского Величества повелению на поднесенный Московской губернии план Октября 5 дня 1781 года к удобнейшему правлению и доставлению жителям ближайшего суда и расправы и к спешествованию блага, ... удостоено имени, прав и преимуществ города, названного Воскресенским...» В то время город насчитывал всего 135 домов, при населении в 1008 человек. В окрестных лесах, по сообщению того же источника, водились «медведи, волки, лисицы, куницы, зайцы, горностаи...»

Такова далекая история этого города. В недавнем же прошлом он был связан с именем Чехова. Большая семья Чеховых после привольного Таганрога не совсем уютно чувствовала себя в Москве. Один из братьев Чеховых, Иван, ставший учителем

в Воскресенске, получил в заведывание местное приходское училище. «Попечитель этого училища — известный суконный фабрикант Цуриков — не пожалел на него денег.» У Ивана Павловича была просторная, хорошо обставленная квартира, рассчитанная на целую семью. Для Чеховых, живших тогда в Москве тесно и бедно, квартира эта оказалась чистой находкой... «Для меня и сестры Воскресенск казался земным раем...» — пишет Михаил Чехов в своей книге «Вокруг Чехова». Семья Чеховых быстро сошлась с местной интеллигенцией. Вместе совершали далекие прогулки, читали Щедрина, вели оживленные беседы. Культурные интересы характерны для новых знакомых Чеховых. Все до одного толстые журналы тогдашней России, как «Отечественные записки», «Вестник Европы» и т. п., выписывались в складчину, прочитывались, обсуждались. Немало интеллигенции жило тогда в Воскресенске: славянофил П. Д. Голохвостов, занимавшийся древней Русью, но мечтавший о современной конституции, правда, на манер земских соборов, о чем он готовил материал для тогдашнего министра Александра III, Н. П. Игнатьева; врач П. А. Архангельский, заведывавший местной земской больницей; артиллерийский полковник Б. И. Мавевский, чья батарея стояла тогда в Воскресенске.

Городок жил тихой жизнью. Строительство теперешней Калининской железной дороги было закончено лишь к 1901 году. В ту пору в Воскресенск ездили так: по теперешней Октябрьской железной дороге до ст. Крюково, а оттуда двадцать верст на лошадях. Быт в городе был застоявшийся. В Москве на Ходынке уже открылась Всероссийская промышленная выставка, а в Воскресенске полицейского надзирателя все еще почтительно называли «городничим».

Сначала Чехову городок показался незначительным. В первом, дошедшем до нас, его письме из Воскресенска он напоминает своему адресату, что на конверте перед словом Воскресенск надо ставить букву «Г» (город) «и упомянуть: Московс. губ.», так как «Воскре-

сенсков на Руси столько же, сколько в святцах Иванов и среди попов Беневоленских». (Письмо Н. А. Лейкину.)

Однако, наряду с этими шутовскими нотками, в письмах А. П. Чехова чувствуется чисто писательский интерес к Воскресенску. В письме к Лейкину (юмористу, редактору журнала «Осколки»), с которым в эти годы у Чехова была оживленная переписка, он, описывая судебно-медицинское вскрытие, дает сочные зарисовки и места, где разворачивается событие, и взволнованных баб, и следователя, который «до того дряхл, что не только убийца, но даже большой клоп может укрыться от его меркнувшего ока».

Первые годы Чеховы приезжали в Воскресенск на лето без Антона Павловича. Поэтому, когда он присоединился к ним, он нашел уже порядочный круг знакомых, принимал участие в прогулках и очень увлекался рыбной ловлей. Новые знакомые Чехова были не только объектом его писательских наблюдений, но подчас и сами подсказывали ему темы: «Вечером же хожу на почту к Андрею Егорычу* получать газеты и письма, причем копаюсь в корреспонденции и читаю адреса с усердием любопытного бездельника. Андрей Егорыч дал мне тему для рассказа «Экзамен на чин». (Письмо к Лейкину.)

Но самую значительную для Чехова-писателя роль сыграла местная земская больница. До немецкого нашествия она находилась на окраине города, в чеховское же время, когда Воскресенск еще не разросся, находилась от города далеко, в бывшей усадьбе Чикино, красиво расположенной на горе и поросшей березовым и сосновым лесом. У подножья усадьбы — большой пруд. Больницей заведывал известный в то время врач П. А. Архангельский. «Слава его, как врача-терапевта, была настолько велика, что к нему съезжались на практику студенты-медики последних курсов и даже молодые врачи. Не миновал этого и Антон Павлович Чехов. Он скоро сошелся с П. А. Архангельским, стал принимать у него больных и вообще лю-

* Местный почтмейстер.

бил бывать в Чикине», — пишет Мих. Чехов в предисловии к I тому писем А. П. Чехова и дополняет в своей книге «Вокруг Чехова»: «... сам Павел Арсеньевич слыл очень общительным человеком, и около него всегда собиралась для практики медицинская молодежь, из которой многие потом сделались врачебными светилами... Часто, после многотрудного дня, собирались у одинокого Архангельского, создавались вечеринки, на которых говорилось много либерального и обсуждались литературные новинки. Много говорили о Щедрине, Тургеневым зачитывались в запой. Пели хором народные песни, «Укажи мне такую обитель», со вкусом декламировали Некрасова... Эти вечеринки были для меня школой, где я получил политическое и общественное воспитание и где крепко и навсегда сформировались мои убеждения как человека и гражданина».

Вот у этого-то д-ра Архангельского Чехов и проходил медицинскую практику — вначале студентом, а один год — 1884, — уже в звании уездного врача. «Через день хожу в земскую больницу, где принимаю больных... С земским врачом мы давнишние приятели. Votre А. Чехонте». (Письмо к Лейкину.)

«..... Больница сблизила его с большими-крестьянами, открыла перед ним нравы их и низшего медицинского персонала и отразилась в тех произведениях Антона Павловича, в которых изображаются врачи и фельдшера («Хирургия», «Беглец», «Токарь».)» Как дом, где жил д-р Архангельский, так и то здание земской больницы, где Антон Павлович принимал больных, сохранились до последнего времени. Правда, пользовались ими для других целей. Амбулатория уже давно была переведена в другое здание, лучше оборудованное и более современное.

Но не только больница была полем чеховских наблюдений. Он знакомился с рыбаками, охотниками, интересовался воскресенскими трактирами. С одним из них, а именно с трактиром Банникова, здание которого находилось на центральной площади города и погибло при

истринском пожаре, связана, возможно, юмористическая история первого докторского гонорара Чехова. В письме к Лейкину Антон Павлович старательно перечисляет свои медицинские заработки: «..... лечил одной барышне зуб, не вылечил и получил 5 руб.; лечил монаха от дизентерии, вылечил и получил 1 р.;...» и т. п. И не без грусти заканчивает: «...все оные рубли я собрал воедино и отослал их в трактир Банникова, откуда получаю для своего стола водку, пиво и прочие медикаменты».

Не меньшую роль для Чехова, чем дружба с д-ром Архангельским, сыграла его близость с семьей полковника Маевского. У него были дети — Аня, Соня и Алеша, с которыми сдружился Антон Павлович и которых он вывел потом в «Детворе». Для нас встреча Чехова с семьей Маевского существенна и тем, что здесь, в этом доме, так часто посещаемом Чеховым, зарождается идея будущих «Трех сестер». Брат писателя, Михаил, в своей книге «Вокруг Чехова» делает намек на это. «Здесь же брат познакомился с другими офицерами батареи и вообще с военной жизнью, что оказало ему впоследствии услугу при создании «Трех сестер». Поручик этой батареи, Е. П. Егоров, был близким приятелем братьев Чеховых и упомянут Антоном Павловичем в его рассказе «Зеленая коса». Впоследствии Е. П. Егоров вышел в отставку с таким же желанием «работать, работать и работать», как и барон Тузенбах в «Трех сестрах»...

Как-то в теплый осенний вечер я проходил мимо этого дома. Окна были раскрыты и комнаты освещены. Яркое, белое пятно печи бросилось мне в глаза. Конечно, обои много раз переклеивались, но печь осталась все та же, с теми же изразцами с голубыми жилами. Около нее когда-то стоял Чехов, смеялся, шутил, придумывал анекдоты. Я остановился в тени деревьев и старался представить себе эту комнату, какой она была шестьдесят лет назад. Да, конечно, тогда было темнее. Электричества нет. Вяло горит настольная лампа. Тускло блестят погоны артиллеристов. Их зеленые мундиры видятся,

как силуэты. Сбоку чей-то желтоватый чесучовый пиджак.

И вдруг тишина нарушилась радио. Диктор назвал исполнителя. Я стоял, притаившись в тени, напряженно слушал, как Москвин читал Чеховскую «Хирургию», которая родилась здесь же в Истре и которая, может быть, читалась самим автором под веселый смех окружающих в этом доме, может быть, в этой самой комнате.

Чехов часто бывал здесь. Маевские и Чеховы были почти соседи. Широкий переулочек, широкий настолько, что он скорее похож на поляну, соединял Советскую улицу, где стоял дом Маевского, с Первомайской, где помещалось приходское училище, в доме которого жили Чеховы.

Оба дома немцы сожгли дотла. Там, где четыре лета жил и творил Антон Павлович Чехов, остались лишь почерневшие печи, резные ворота да галочьи гнезда на обуглившихся деревьях.

Может быть, это случайность, что дома сгорели? Может быть, люди не ведали, что творили? Нам, привыкшим к охране памятников, к заботе о мемориальных местах, трудно поверить, чтобы подобное дело было сознательным актом. И, однако, это было именно так. Взрывая монастырь и сжигая чеховский домик, на котором висела мемориальная доска, объяснявшая когда и кто жил в этом доме, немцы стремились нанести удар по русской культуре, они сознательно посягнули на исторические и художественные ценности русского народа. Попавший в руки нашего командования приказ генерала-фельдмаршала Рейхенау «О поведении войск на Востоке», приказ, лично одобренный Гитлером, показал всему нашему народу подлинный, звериный лик нашего врага.

Тема «Чехов и Истра» была бы нами не исчерпана, если бы мы не остановились на пребывании Чехова в окрестностях города.

Имение «Бабкино» было расположено в 5 верстах от г. Воскресенска. Принадлежало оно А. С. Киселеву, племяннику знаменитого в свое время дипломата и молдавского господаря графа П. Д. Киселева. Владелец имения был женат на

дочери бывшего директора московских императорских театров В. П. Бегичева, человека весьма популярного, много выдавшего и большого знатока искусства и литературы. Дочь его, М. В. Киселева, тоже не чужда была литературе. Она писала детские рассказы, которые печатались в «Роднике» и «Детском отдыхе». Дружба Чехова и Киселевых, начавшаяся в Бабкине, продолжалась потом долгие годы. Вот как характеризует семью Киселевых Мих. Чехов (предисловие к I т. писем А. П.): «Семья Киселевых была одна из редких семей, которые умели примирять сословные традиции с высокой культурностью. В. П. Бегичев был очень увлекательный человек, чуткий к искусству и литературе». «Ему Антон Павлович обязан своими рассказами «Смерть чиновника» (случай, действительно происшедший в московском Большом театре) и «Володя»; «Налим» так же списан с натуры (действие происходило при постройке купальни); «Дочь Альбиона» — все окружение бабкинское» («Вокруг Чехова»). Прожили Чеховы здесь три года, бывая и в Воскресенске.

Творческий день Антона Павловича начинался рано: «часов в семь утра брат Антон уже сидел за столиком, сделанным из швейной машины... и писал», но работа продолжалась недолго, так как в час уже обедали. Дальше следовали бесконечные летние развлечения: крокет, рыбная ловля, грибы, охота. Страстный рыболлов, Антон Павлович встретил в Бабкине прекрасную компаньонку в лице Марии Владимировны Киселевой. Оба часами простаивали с удочками на берегу Истры. В одном из своих бабкинских писем Чехов не без грусти пишет: «На удочку идет плохо... Поймал впрочем одного голавля, но такого маленького, что впору ему не на жаркое итти, а в гимназии учиться».

Иногда с другого берега раздавался крик: «Крокодил!» Так звал рыб Левитан, спускавшийся к Истре из деревни Максимовки, где он поселился, плененный пейзажами Истры. Друживший еще в школе с братом А. П., художником Николаем, Левитан стал другом и са-

мого А. П. Чехова. Эта дружба продолжалась всю жизнь. С Левитаном Чехов охотился, бил зайцев. Облюбовав маленький, отдельный флигелек, Левитан скоро, при содействии Чеховых, переселился в уютное Бабкино.

Необычаен был Бабкинский быт. «Хозяева имения, Киселевы, типичная семья *bons vivants*, превращали жизнь в сплошной праздник, полный остроумного шутовства и какой-то бесшабашной богемы», — пишет Грабарь в своей монографии о Левитане. «Все население Бабкина принимало в этом участие.» «...вдруг Левитан на ослике и в простынях, одетый бедуином, выезжал на закате на луг, за реку, и устраивал там вечернюю мусульманскую молитву, а Антон Павлович из-за кустов стрелял по нему холостым зарядом; Левитан падал, и всем домом устраивали его похороны» (Из воспоминаний Мар. Павл. Чеховой).

На таком жизнерадостном фоне, конечно, все мрачное и одинокое не могло не поразить творческой фантазии Чехова. Собирая грибы, Чеховы набрали на Полевщинскую церковь. Ее суровая допетровская архитектура поражала воображение. Окруженная глухими лесами, вдалеке от селений и деревень, она, казалось, таила в себе древние легенды и предания. Только на Казанскую, один раз в году, происходила в ней служба. При ней жил сторож. Кроме охраны церкви, ночью он обязан был выбивать часы. Унылые удары колокола долетали по ночам до Бабкина. Этот сторож, живший в старинной сторожке, и дал Чехову мысль написать «Недоброе дело» и «Ведьму».

Год назад в жаркий летний полдень я приезжал сюда из Истры на велосипеде. Кругом звенели детские голоса. С барабаном шли пионеры. Среди елей краснели флажки пионерлагерей. У Полевщинской церкви прошла широкая дорога. Дома разросшейся Максимовки, где когда-то жил Левитан, подступили к церковной ограде. Сторожка тоже была цела. Люди с довольными лицами выходили из нее. Я вошел под низкие своды. Местный колхозный кооператив деловито разместил здесь свои товары. Я смотрел в узенькое решетчатое окно,пил густой черный квас и думал о прихотливых судьбах строений.

Совсем недавно здесь прошла война. Места веселых прогулок и сбора грибов стали боевыми позициями. Во многих местах артиллерийский обстрел повалил любимые нами лески. Вражьи полчища, озлобленные собственным бессилием, уходя, сжигали деревни. Но битва за Москву выиграна. Оставляя на дорогах бесславные могилы, враг откатился на запад.

Мы вновь восстановим Ново-Иерусалимский монастырь. Вновь музыкальные часы его колокольни будут выбивать четверти, получасы и часы. Мы насадим новые леса и построим лучшую Истру. Мы стали более чуткими и нежными к прекрасному. Мы всегда умели и любили создавать. Отстраивая новую Истру и другие города, разрушенные современными варварами, мы вложим в это дело всю нашу любовь к замечательнейшей истории нашего народа, к московской земле.

Война в африканской пустыне

В. ЛИНЕЦКИЙ

★

I

11 июня 1940 года, возвещая «Риму и миру» о вступлении Италии в войну, Муссолини заявил: «У нас есть единственный категорический лозунг, обязывающий всех. Этот лозунг звучит от Альп до Индийского океана. Этот лозунг — победить». В качестве наглядной иллюстрации к триумфальной программе на улицах Рима были расклеены в тот день плакаты, изображающие итальянского солдата, который храбро разрывает цепи, сковавшие Средиземное море. История властно повелевала Италии, как заверял «дуче», уничтожить эти цепи, превратить Средиземное море в итальянское озеро, прочно обосноваться на всех берегах и островах его и прекратить, наконец, тот сквозняк между Гибралтаром и Суэцом, от которого Аппенинский полуостров вечно страдает насморком и бронхитом.

Рим дождался своего часа. С тропинок трусливого колониального разбоя он вышел, наконец, на широкую дорогу военных авантур, в конце которой, как сказочный мираж в пустыне, возвышалась грандиозное здание великой Итальянской империи, включающей в свои границы и черный континент, и берега Малой Азии и Аравии, и — чем только боги не шутят — голубые воды Индийского океана... Прекрасная добыча подошла, наконец, на расстояние вы-

стрела к римской Диане. Оставалось только спустить стрелу.

Стрела еще не успела просвистеть, как в Риме было объявлено, что Италия, собственно говоря, уже выиграла войну и что ключи «Великой империи» окажутся в ее руках в самые ближайшие дни. «С военной точки зрения положение Англии безнадежно», — сообщалось на второй месяц войны в «Реляциони интернационали». — «В Риме можно часто слышать, — телеграфировали из Рима венгерской газете «Мадьяр Немзет», — что война закончится в течение лета». А через несколько дней, когда итальянские войска заняли Британское Сомали, Вирджинию Гайда завопил о том, что один из оплотов английской обороны уже рухнул и всем уже ясно, что «политическая имперская система Англии является нежизненной»...

В те дни в Италии были побиты все рекорды пустого бахвальства и самой низкопробной лжи. Итальянская пропаганда, крикливая, как неаполитанская торговка, расхваливала на всех перекрестках мира свой товар, превознося до небес берсальеров и чернорубашечников, которым цезарь Бенито повелевал стать непобедимыми, как легионы древнего Рима, авиацию, которая изгнала британские эскадры из Гибралтара и Александрии, военно-морской флот, который перерезал Средиземное море, как слоенный пирог, на две части и разорвал жизненный нерв Британской империи

между Гибралтаром и Суэцом. Понадобилось не столь уж много времени, чтобы от этого хитроумного сооружения петрушек из министерства пропаганды не осталось и камня на камне. Они еще держались на высоких нотах в течение целой недели, когда полки маршала Грациани со скрипом вползали в Египет. Им подыгрывали еще из Берлина, ревниво следившего за успехами своего союзника и пытавшегося подпереть шаткую итальянскую военную машину историческими аналогиями... Подумать только! Ведь по дороге, на которую вступили войска Грациани, больше 2.200 лет назад шли победоносные солдаты Александра Македонского к светлому городу Паратойннона, который называется сейчас Мерса-Матрух, и к городу Амможсоасу, именуемому сейчас оазисом Сива! В этом ли не гарантия побед Италии, которая должна послужить трамплином для нового прыжка Германии в Африку? Редакция немецкого журнала «Die Panzertruppe» тщательно уже подсчитала расстояния между отдельными пунктами Египта. Сообщалось, что по воздушной линии от Соллума до Александрии 430 км, от оазиса Сива до Александрии 450 км, а до Каира — 530 км. Не так уж много! Что, кроме того, из оазиса Сива можно пробраться к берегам Нила и по южной старой караванной дороге, которая ведет через Арег, Бахрию к Манихала...

Но недолго кипела на кухне пропаганды держав «оси» вся эта смесь истории с географией...

В начале декабря 1940 года британские войска под командованием генерала Вильсона перешли в Западной пустыне в наступление, и итальянская армия, как песок, гонимый самумом, понеслась на запад, оставляя бесчисленное количество пленных, огромные запасы боеприпасов и продовольствия, склады горючего, не успев даже повредить гудронированную дорогу и прославленный 150-километровый водопровод, над сооружением которого бились десятки тысяч рабов в течение двух месяцев.

Это было первое серьезное испытание огнем, и итальянская армия, доблесть

которой с таким азартом анонсировали со всех балконов Рима и Венеции, не выдержала его. В Африке во время войны 1911—1912 годов она могла глумиться над беззащитными племенами триполитанских арабов, в Абиссинии в 1935—1936 годах она расстреливала из пулеметов иррегулярные войска негуса, вооруженные дедовскими ружьями и пиками, в Британском Сомали, плохо подготовленном к обороне, ее быстроходные танки легко догоняли верблужью кавалерию индийцев, но она лопнула, как мыльный пузырь, и расплзлась, как гнилое сукно, тотчас же, как столкнулась с современной армией, хорошо оснащенной и подготовленной к наступлению. Здесь в пустыне были проверены хвастливые реляции итальянских фашистов, уверявших, что им удалось выковать первоклассную непобедимую армию. Новое Капоретто, обрушившееся на армию Муссолини в Ливии, показало, что итальянские войска умеют попрежнему сдаваться в плен, что итальянские генералы решительно ничему не научились, а маршалы находятся во власти военных доктрин, которые давно уже пора сдать в архив.

В течение двух с половиной месяцев британские войска разметали две итальянские армии, создававшиеся годами, заняли всю Киренаику и подошли к границам Триполитании. Одновременно с этим было начато наступление и на восточно-африканский фланг «Римской империи». Одна за другой появились на этом фланге зияющие трещины — их уже не в силах были заполнить melancholicные рассуждения агентства Стефани о 50-градусной жаре и недостатке воды в пустыне или о проливных дождях в Абиссинии и о реках, выходящих из берегов.

Наступал час отрезвления. Горделивые мечты сменились суровой действительностью. Италия потеряла все свои колонии в Восточной Африке, ее ливийские войска были отброшены далеко от границ Египта. Италию били англичане и австралийцы, индийцы и новозеландцы, а на Балканском полуострове — греки. Ее бомбардировщики после нескольких налетов на Александрию и Хайфу и

рекламного полета на Бахрейнские острова ограничились разбойничьими нападениями на мирных жителей Мальты. Ее флот, оставив на дне моря лучшие свои единицы, укрылся в далеких бухтах, где безработные адмиралы смогли спокойно предаться размышлениям о превратностях судьбы. В первых же раундах африканской битвы перед Италией встала угроза нокаута. Если бы не германская помощь, если бы не переброшенные в Ливию моторизованные отряды Роммеля, если бы не лавина германских войск, обрушившихся на Балканы — ей не удалось бы удержаться на ногах. «Мы слишком много воевали», — оправдывался Муссолини. Да! И все-таки не научились воевать...

Перед кампанией 1941 года итальянское командование поставило несравненно более скромные цели, чем перед кампанией 1940 года. «Перед нами стоят три задачи, — возвещала «Пополо д'Италия». — Ограничить размеры территориальных захватов англичан, заставить Англию потерять возможно больше времени для достижения своих целей и нанести английским войскам возможно больше потерь. Эти задачи настолько важны для общего хода войны, что можно даже утверждать, что исход войны зависит от итальянского сопротивления в этот период.»

Рискованную мерку для определения исхода войны избрал присяжный обозреватель «Пополо д'Италия» сеньер Аппелиус! За «этот период» Италия потеряла Эритрею, Итальянское Сомали, наконец, всю Абиссинию, она потерпела жестокое поражение в горах Албании, она сама растеряла и время и армии, не сумев нанести британским владениям и британским войскам сколько-нибудь чувствительного ущерба. Она не сумела воспользоваться даже плодами побед своего союзника. Острова Корфу, Кефаллиния, Закинф, которые еще Наполеон Бонапарт расценивал как мост к Египту, острова Эгейского архипелага, берега Греции, — все это открывало широкие оперативные возможности, но ни одна из них не пришлась по плечу импотентам из итальянского генштаба.

Военное счастье, которое принесли

итальянцам в Ливии немецкие танки и самолеты в апреле 1941 года, не было продолжительным. Прошло всего лишь полгода, а итальянские войска, на этот раз в компании с немецкими войсками, вновь покатались через всю пустыню на запад. Наступление генерала Окинлека в Ливии, происходившее в декабре прошлого года и январе нынешнего года, исключительное по новизне замысла и смелости осуществления, несомненно войдет одной из заметных страниц в историю войн в пустыне. Только трудно доступных для наступающей стороны оборонительных рубежей Сирта генералу Роммелю удалось привести фашистские войска в относительный порядок и, получив некоторые подкрепления, предпринять контрманевр. Но эта третья по счету волна, направленная в сторону Египта, быстро заглохла в песках пустыни. В сентябре 1940 года маршалу Грациани удалось достичь района Мерса-Матрух, т.-е. проникнуть на территорию Египта, не подготовленного еще к обороне на 150—170 км. В конце апреля 1941 года наступление генерала Роммеля приостановилось в 5 км от Соллума, т.-е. на самой линии египетской границы. А в конце января 1942 года генерал Роммель уткнулся в песок уже в 250 км от Египта. Так ослабевал прибой, угрожавший Египту с запада.

Еще в большей степени укрепились британские позиции на подступах к Египту с востока. Британские войска изгнали вражескую агентуру из Ирака, полностью обеспечили безопасность на Красном море, а главное, закрепили за собою Сирию, издавна служившую плацдармом для вторжения в Египет.

Отсюда к долине Нила прорвались полчища Камбиза, отсюда, овладев непокорным Тиром, шли на Мемфис легионы Александра Македонского, из Сирии ударил по Египту султан Селим, в Сирии была решена судьба египетского хедива Махмеда-Али, поднявшего в 1833 году бунт против Великой Порты. Через Сирию прошли в 1915 году немецко-турецкие войска Кресса фоч-Крессенштейна, неожиданно появившиеся, как грозный призрак пустыни Эт-Тн, на берегу Суэцкого канала.

Огромное значение придавал Сирийскому плацдарму Наполеон Бонапарт. Стремление обеспечить этот правый фланг обороны оккупированного им Египта и вызвало его поход в Сирию, столь неудачно закончившийся у стен неприступной Акры. «Египет не может быть атакован со стороны южной границы, — писал Наполеон в своих «Заметках об обороне Египта». — Если несколько тысячелетий назад он и подвергся нашествию эфиопов, то только потому, что верхний Нил был населен тогда многочисленными и могущественными племенами. Египет не может быть атакован и со стороны своей западной границы. В десятом веке халифы Фатемиты подступили к нему, правда, с этой стороны, но потому лишь, что в те времена в Киренаике имелись крупные города и многочисленное население, которых ныне не существует. Египет может быть атакован: 1) армией, которая сосредоточится в Сирии, выступит из Газа, пройдет пустыней Суэцкого перешейка и выйдет в долину Нила; 2) армией, которая высадится на побережье Средиземного моря; 3) комбинированной операцией обеих армий, из которых та, что выступит из Газа, проникнет в страну через пустыню, а другая высадится на побережье Средиземного моря».

140 лет, отделяющие нынешнюю войну от Восточного похода Наполеона, не изменили основ стратегии Суэца. Этот важнейший центр ближневосточных и африканских владений Англии, этот ключ от Средиземного моря и одновременно открытая дверь в «империю» Муссолини оставался попрежнему наиболее уязвимым с востока. Поэтому, как только зашевелилась в Сирии вражеская агентура и обозначилась угроза налетов вражеской авиации с сирийских аэродромов на Суэцкий канал, британские войска двинулись на Бейрут и Дамаск.

Таким образом Англии удалось отодвинуть линию обороны Египта далеко на восток и на север, укрепить положение Кипра и создать гарантию безопасности линиям Моссульского нефтепровода. «Наши армии на востоке, — говорил в декабре прошлого года в Вашингтоне

английский премьер, — контролируют теперь территории от Тегерана до Бенгази, Алеппо, Кипра и берегов Нила».

Усиление обороны Египта не могло не отразиться на общем укреплении положения Англии в Африке. За исключением Дакарской занозы вся восточная и западная линии африканских берегов принадлежат Англии или находятся под ее контролем. А черный континент для Англии не только защита важнейших морских коммуникаций, не только мост между американским арсеналом и владениями на Дальнем Востоке, но и богатейший источник материальных ресурсов и людских резервов.

Так сложился баланс войны, в которую ринулась Италия, очертя голову, в июне позапрошлого года. Италия, опьяненная несбыточными мечтами о господстве на берегах двух океанов... Италия, потерявшая сейчас все, что прикарманивала она в течение шестидесяти лет и превратившаяся в вассальное княжество Адольфа Гитлера...

II

Пытаясь объяснить или оправдать ливийскую катастрофу, агентство Стефани указывало на то, что «еще никогда в истории и никто не пытался завоевать Египет, наступая с запада». Армия «дуче» была первой, на долю которой выпала эта легендарная роль, и не следует поэтому удивляться, что дебют ее не увенчался успехом и «сорок веков» не смогли узреть ее с высоты египетских пирамид.

Но неудачи итальянской армии в Западной пустыне меньше всего объясняются этим оперативным направлением. Тут итальянское командование выбором не обладало. Между тем выход Франции из войны и «нейтрализация» Алжира и Туниса создали для западного направления, обеспечив ливийский тыл, ту исключительно благоприятную конъюнктуру, о которой маршал Бальбо генерал-губернатор Ливии и мечтать не смел.

Причины провала египетской операции не объясняются и состоянием ли-

вийских баз вторжения. Над сооружением этих баз итальянское командование трудилось не один год, сосредоточило здесь богатые склады боевых припасов, горючего, продовольствия, материалов для строительства дорог и водопровода. Нельзя сказать, чтобы ливийская армия в отношении своей служб снабжения, техники и численности была плохо подготовлена к войне в пустыне. Основная беда ее, не говоря уже о непригодном людском материале, заключалась в том, что она была подготовлена не к той войне, которая должна была произойти, что бездарные ее руководители смотрели не вперед, а назад и не смогли поэтому предвидеть новые методы войны в пустыне и воспитать армию применительно к этим методам. Маршал Бальбо, маршал Грациани, целая плеяда их учеников, отдыхающих сейчас в английском плену где-нибудь на берегах Ганга от непосильных для них военных трудов, — все они были твердо убеждены в том, что новая война в пустыне будет естественным продолжением прежней войны в пустыне, основы которой были намечены еще генералом Китченером в Англо-Египетском Судане в 1896 году, а затем усовершенствованы во время абиссинской кампании 1935—1936 годов в пустыне Огаден. Они жили воспоминанием о прошлом, полагая, что планомерно проводимые инженерные работы в тылу наступающей армии всегда искупят недочеты технического оснащения. Их военная доктрина больше ориентировалась на строителей дорог и акведуков, чем на авиацию, танки и быстроходные машины.

Маршал Грациани, командовавший в абиссинскую кампанию армией южного фронта, был главным поборником метода «масляного пятна», заключавшегося в наступлении отдельными этапами, с продолжительными оперативными паузами, с каждым новым прыжком вперед только после того, как захваченная территория покроется сетью дорог, будет обеспечена водой, а интендантские склады подтянутся к линии фронта. Так действовала итальянская армия в Абиссинии. Таким же медленно рас-

плывающимся пятном вознамерилась она покрыть и территорию Египта.

Вторжение маршала Грациани в Египет заняло в сентябре 1940 года не больше пяти дней. Итальянские войска, не встретив серьезного сопротивления, продвинулись за это время на 150 км по прибрежной полосе и остановились. Считалось, что это расстояние является уже пределом допустимого в условиях пустыни отрыва от основных баз снабжения. Итальянские солдаты, вместо того, чтобы выполнять свои прямые функции, т.-е. воевать с неприятелем, начали прокладывать широкую и комфортабельную автомобильную магистраль и сооружать водопровод, который накануне контрнаступления британской армии начал давать уже по 350.000 литров воды в сутки. Было сделано все для организации прочного тыла, удобных коммуникаций, а, следовательно, и для дальнейшего планомерного продвижения вперед. Командование итальянской армии предусмотрело все возможности, но кроме одной, самой главной: возможности перехода британских войск, пополненных и усилившихся за месяцы предоставленной им передышки, в контрнаступление.

Уже после того, как катастрофа произошла и армия Вильсона, разбив вдребезги итальянские войска, заняла всю Киренаику, маршал Грациани следующим образом объяснял провал своего стратегического плана. «Англичане имели, — писал он в рапорте, посланном Муссолини, — преимущество по сравнению с позициями, занятыми итальянскими войсками в пустынной неровной местности, которая с тактической точки не давала никакой опоры для сопротивления. Они применили крупные массы бронемашин и танков, моторизованную среднюю и тяжелую артиллерию и авиацию. Английская авиация, явно усиленная новыми соединениями, непрерывно затрудняла передвижение итальянских колонн к опорным пунктам сопротивления и подвергала атакам тыл, стратегические базы, аэродромы... Из-за плохих атмосферных условий итальянская авиация не смогла развернуть во всей полноте свою деятельность...»

В этой неуклюжей попытке старого африканского хищника оправдать неудачу своей охоты содержится не много правды. Итальянские войска, открыв для нападения со стороны пустыни свой правый фланг, действительно занимали слабую с тактической точки зрения позицию. Рассчитывая на свое численное превосходство, они пренебрегли теми возможностями, которые открывало в пустыне широкое применение танков и авиации. Но главное заключалось не в этом. Главное заключалось в том, что ливийская армия не была подготовлена к смелым и широким маневренным действиям, что авиация ее оказалась неспособной обеспечить необходимого для свободы этих действий господства в воздухе, что командование ее все время трусливо оглядывалось назад, считая растяжку коммуникаций на сотню километров крайним пределом допустимого.

Только после того, как остатки итальянских армий были отброшены к границам Триполитании, герои «масляного пятна» поняли, что мотор, завоевавший и пустыню, принес сюда совершенно новую тактику войны. Пустыня перестала быть непроходимой. Направление операций уже не ограничивалось тут наличием шоссевых или старых караванных дорог. Это открывало широкие возможности для глубоких рейдов в тыл врага, неожиданных нападений на фланги. Быстроходные танки, приспособленные для действий в условиях сильно пересеченного и бездорожного театра войны, опрокидывали все установившиеся понятия о темпах боевых операций в пустыне. Армия генерала Вильсона продвигалась по Киренаике с боями со скоростью не менее 10 км в сутки. Войска генерала Окинлека продвигались на отдельных этапах наступления со скоростью в 50—60 км в сутки. Такой войны пустыня еще не знала.

Второе наступление британских войск на Киренаику (в декабре прошлого года) явилось дальнейшим развитием глубокой маневренной войны в пустыне. В отличие от первого британского наступления (в декабре—январе 1940—

1941 годов), которое все же ориентировалось в основном на прибрежную магистраль Тобрук — Дерна — Бенгази, новый поход в Ливию вылился в изолированные друг от друга сражения на огромных пространствах пустыни, в глубине, отдаленной на сотни километров от полосы берега. Наступление британских войск началось на этот раз не только с востока, но и с юга, со стороны оазиса Джарабуб. Действовавшая с этого направления 5-я индийская дивизия продвинулась в район, находящийся в 400 км к западу от египетской границы и в 200 км от берега Средиземного моря. Отдельные части италогерманских войск были отрезаны от основных сил, но продолжали сопротивление. В глубине пустыни, в районе Сиди-Резех в течение нескольких дней происходила ожесточенная танковая битва. Английские моторизованные колонны энергично маневрировали на правом фланге противника, создавая, а в отдельных местах и осуществляя угрозу окружения. К концу декабря одна из этих колонн, совершив продолжительный марш по пустыне, вышла к прибрежной низменности южнее Бенгази, преградив путь отступающему противнику. Летучие отряды, состоявшие из новейших танков английского производства, способные совершать длительные переходы и форсированные ночные марши, прокрадывались под прикрытием дюн в глубокий тыл противника, уничтожали склады с припасами, авто-транспорт. В истории войн в пустыне они как бы открывали новую страницу моторизованного партизанства.

Подводя итоги этой кампании, Черчилль говорил в конце января этого года в палате общин: «Киренаика снова занята нами, и задача все еще состоит в том, чтобы ее удержать. Нам не удалось уничтожить армию Роммеля, но почти две трети ее состава убито, ранено или взято в плен. В этой странной и мрачной битве в пустыне мы потеряли убитыми, ранеными и пленными около 18.000 офицеров и солдат. В наши руки попало 36.500 пленных, в том числе 10.500 немцев. Убито или ранено по крайней мере 11.500 немцев и 13.000

итальянцев, а всего потери у врага достигают 61 000 человек. Уничтожено 852 германских и итальянских самолета, а также 386 германских и итальянских танков».

Мотор, завоевавший пустыню, опрокинул также все сложившиеся представления о значении расстояния, отделяющего наступающую армию от исходных баз. Насыщенность тыла автотранспортом и транспортной авиацией значительно уменьшила прикованность армии к базам снабжения, позволила ей удаляться от этих баз на расстояние до тысячи километров. Автомобили и транспортные самолеты, снабжающие войска всем необходимым — боеприпасами, горючим, продовольствием, водой — позволили крупным воинским соединениям вести совершенно изолированные друг от друга операции вдали от исходных позиций. Война в пустыне, так же как и на европейском театре, стала войной моторов, состязанием в технике и в материальных ресурсах. С той только разницей, что пустыня предъявила к технике, так же как и к людям, более повышенные требования. Понадобились специальные конструкции машин, приспособленных для действий в условиях пустыни. И в этом отношении английская техника оказалась на большей высоте, чем техника итальянская. Специальные типы машин повышенной проходимости, испытывавшиеся с 1931 года, тяжелые танки, снабженные особыми приспособлениями для операций в пустыне, быстроходные легкие грузовики, для которых не страшен глубокий песок, — все это немало способствовало успеху английского оружия. В замечании «Полопо д'Италия» о том, что «победа в Ливии одержана не английскими генералами и солдатами, а тяжелыми танками», больше признания превосходства английской техники, чем сарказма.

Новая война предъявила особые условия и к выносливости всех механизмов. Песчаные бури и резкие смены температуры быстро изнашивали материальную часть, приводили в негодность оружие и сложные приборы, что нередко вынуждало командование отменять или откладывать осуществление оперативных

планов. Кресс фон-Крессенштейн, командовавший немецко-турецким отрядом, наступавшим из пустыни Эт-Ти на Суэцкий канал, рассказывает, как в один из февральских дней 1915 года, когда его войска уже изготовились к штурму канала, неожиданно поднялась песчаная буря, которая привела в негодность большое количество винтовок и пулеметов и заставила вследствие этого отсрочить начало атаки. «В пустыне необходимо считаться, — отмечал он, — с более частыми задержками и расстройками в действии оружия и приборов, чем в нормальных условиях. Эти задержки тем более часты и серьезны, чем сложнее и деликатнее конструкция приборов».

В прошлом году, после временного успеха генерала Роммеля в Кирананке германская пропаганда, воспользовавшись услугами некоторых нейтральных агентств, протрубила на весь мир о тех мерах, которые были приняты особым штабом офицеров и инженеров — «Orientmotorstab» — для того, чтобы преодолеть разрушающее влияние пустыни на машины и механизмы. В сообщении агентств указывалось, что в этом штабе было сконструировано около 50 особых механизмов для автомобилей, действующих в пустыне, что в песчаных дюнах Восточной Пруссии были проведены специальные испытания этих механизмов, что эксперты «И. Г. Фарбен-индустри» изобрели химическое средство охлаждения воды и т. д.

Известно, что все эти труды «Orientmotorstab» пропали даром, как и оказалась напрасной тренировка немецких солдат в оранжереях с искусственным тропическим климатом. Ни изобретатели 50 механизмов, ни эксперты химического треста, ни выпущенные из инкубаторов солдаты не спасли генерала Роммеля от сильного удара. Английская техника и на этот раз вышла победительницей.

Новая техника изменила старое представление о пустыне, как о почти непреодолимой преграде. «Из всех препятствий, которые могут прикрывать границы государства, — читаем мы в «Комментариях» Наполеона, — пустыня

неоспоримо самое большое. Горные хребты, как Альпы, занимают второе место, реки — третье, потому что, если вообще трудно перевозить продовольствие для армии, то в двадцать раз труднее брать с собою воду, фураж, дрова, три груза большой тяжести». В записках участников египетского похода Наполеона встречаются потрясающие по своей силе иллюстрации, подтверждавшие полную обоснованность этого вывода французского полководца. Вот выдержка из письма генерала Бойе, рассказывающего о переходе французской армии из Александрии в Даманхур:

«Выехав из Александрии, вы встречаете и проезжаете степь, голую, как ладонь, где на каждых 4 или 5 милях находится дурной колодезь солоноватой воды. Представьте себе армию, принужденную проходить через эти безводные равнины, не представляющие солдату никакого убежища от нестерпимой жары; солдата, несущего на себе пятидневный запас продовольствия, в ранце и в суконной одежде. Через час пути, истомленный жарой и тяжестью несомых им вещей, он бросает съестные припасы, думая только о настоящем. Приходит жажда, а воды нет. Приходит голод, а хлеб брошен. Таким-то образом среди ужасов, представляемых этой картиной, солдаты погибали от жажды, от истомления, от жары. Другие, видя страдания своих товарищей, кончали жизнь самоубийством.»

Завоевав пустыню и изменив тактику войны, мотор позволил решительно изменить и всю службу снабжения армии. Современная война в пустыне не знает ни солдат, бредущих песками с тяжелым грузом продовольствия за спиной, ни армий, подобных улитке, влачащей на себе весь свой дом.

III

Предпринимая поход в Египет, мечтая об Индии, о Дамаске и Константинополе, об основании великой восточной империи, которая должна будет утвердить его имя в веках, Наполеон недооценил важнейший стратегический фактор — силу английского флота. Обманув Нельсона и удачно завершив де-

сант в Александрии, Наполеон был твердо убежден в том, что победа уже в его руках и что английский флот займется в худшем случае только блокадой Мальты. Черный день Абукира показал, насколько призрачны были эти надежды. Средиземное море оказалось полностью во власти англичан. Связь между экспедиционной армией и метрополией была прервана. Минорка и Мальта — навсегда утеряны. Английский флот оказал мощное влияние на ход операции на берегу и определил этим участь похода французской армии в Сирию. «Этот человек помешал моему счастью», — говорил впоследствии Наполеон об адмирале Сиднее Смите, который, взяв под свою защиту крепость Акру, положил предел завоеваниям французской армии на Востоке.

И египетско-турецкая война и первая мировая война также наглядно показали, что власть над Суэцом может принадлежать только той стороне, флот которой господствует на Средиземном море. Но Берлин и Рим не вперые пренебрегают уроками истории. Стратегический план держав «оси» — разъединить британские эскадры, базирующиеся на Гибралтар и на Александрию, затем разбить их по частям или изгнать за пределы Средиземного моря — потерпел полный крах. Британские военно-морские силы сохранили свое положение на всем пространстве от Гибралтара до Суэца и Адена.

«Где же находится английский средиземноморский флот?» — ехидничала «Франкфуртер цейтунг» на третий день вступления Италии в войну. Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать. Ответом был итальянский крейсер «Бартолломео Коллеони», опустившийся на дно моря после короткой встречи с английскими кораблями у острова Крит, ответом были сражения у мыса Пунто Стило в июле 1940 года и у мыса Матапан в марте прошлого года, результатом которых явился разгром двух итальянских эскадр. Ответом послужили и набеговые операции на Геную и Триполи. Английский средиземноморский флот находился там, где он должен был находиться.

Большую роль сыграли военно-морские силы Англии в операциях на берегу Ливии и в особенности в обороне Тобрука, который именно благодаря поддержке с моря мог выдержать восьмимесячную осаду превосходящих сил неприятеля. Английские корабли оперировали в тесном взаимодействии с наступавшей вдоль берега армией Вильсона, помогая ей сокрушать вражеские очаги сопротивления, оказывая ей энергичную поддержку своим огнем. Под охраной военно-морского флота транспорты доставляли на берег боеприпасы, продовольствие, даже воду и разгружали тыл армии от раненых и обильного урожая пленных итальянцев.

Эти операции британского флота, проводимые на расстоянии 400 км от Александрийской базы, открыли глаза даже сеньеру Аппелиусу, глашатаю молниеносной победы над Англией. «Тобрук учит нас, — писал он в «Пополо д'Италия» после захвата англичанами этого оплота Киренаики, — что Италия не станет хозяином положения до тех пор, пока английский флаг будет развеваться в Порт-Саиде и Гибралтаре, пока Аден будет контролировать вход в Красное море, пока Мальта и Бизерта не станут частью итальянской военной системы...»

Так звучал плач на Тибре. В нем было и признание горькой правды и запоздалое сожаление. Действительность уже не оставляла надежд на то, что в Суэце или в Порт-Саиде, где так прочно водружен британский флаг, удастся когда-либо нанести Англии смертельный удар. Да и правда ли это, что удар по Суэцу, если бы даже удалось его нанести, повлек за собой роковые для всей Британской империи последствия?

Историки, изучавшие наполеоновские войны, утверждают в один голос, что основная стратегическая идея Наполеона — разбить Англию в Египте — была столь же неосуществима, как и замысел 1812 года — нанести Лондону удар через Москву.

«Была одна радикальная ошибка, — пишет адмирал Мехэн, — в конечной цели египетской или, вернее, восточной

экспедиции Наполеона — потому, что его мысль витала далеко за пределами долины Нила — и эта ошибка заключалась в расчете его воздействовать этой экспедицией на Великобританию решительным образом. Если бы мечты Бонапарта осуществились и он действительно завладел бы Индией, Великобритания все-таки не была бы побеждена. Британцы обеспечены своим могущественным флотом. И пока эта броневая защита их не пробита над сердцем британского организма, над самими Британскими островами, до тех пор Великобритания хотя и не неуязвима, но непобедима. Она может быть ранена, но не убита».

Стремление пробить непреступный вражеский центр на далеком заокеанском фланге не могло и не может служить иллюстрацией применения оружия с наилучшей целью. «Недалеко уже то время, — писал Наполеон директории за год до своей экспедиции на Восток, — когда мы почувствуем, что для того, чтобы в самом деле разгромить Англию нам нужно овладеть Египтом». Но это время не пришло ни годом позже, ни через 140 лет. Замысел разбить Англию в Египте дорого обошелся Наполеону. Но его еще ждали Ульм, Аустерлиц, Иена, заслонившие своим блеском капитуляцию в Эль-Арише. Но Италию и Германию, расплатившихся за осужденную историей идею Наполеона сотнями тысяч убитых и пленных, бесчисленным количеством вооружения, погребенного в песках пустыни, и лучшими крейсерами, нашедшими могилу на дне моря, не ждет впереди уже ничего, кроме расплаты за преступления.

К этой африканской эпопее также могут быть применены вещие слова о Гитлере, который походит на Наполеона не больше, чем котенок на льва. Наполеон все же проник в древнюю страну фараонов.

Но Гитлеру и его римскому воинству не удалось увидеть Нильской долины даже при помощи лучших изделий фирмы Цейса. Нил и Суэцкий канал очутились за пределами реальных возможностей потрепанной ливийской армии.

Война и стратегическое сырье

Акад. А. Е. ФЕРСМАН

★

РОЛЬ МИНЕРАЛЬНОГО СЫРЬЯ В ВОЙНЕ

Я вспоминаю начало первой империалистической войны, лето 1914 года, когда клубок противоречий империалистического мира начал разрушаться не дипломатической и экономической борьбой за мировые рынки, а сражающимися армиями.

Я помню, как в первые же дни разразившейся войны экономисты и политики буржуазных государств, и в особенности царской России, в один голос говорили, что война не может продолжаться больше четырех месяцев, что исход войны будет зависеть только от успеха действующих армий, от их численности, стратегии.

Но эти предсказания были наголову разбиты действительностью: война продолжалась не 4 месяца, а больше 4 лет. Мобилизационные запасы винтовок, патронов, снарядов, взрывчатых веществ оказались израсходованными в первых же боевых столкновениях. В ходе войны обнаружилось, что фронт и тыл нераздельны, что решает исход войны не только военная техника и стратегия, что один из решающих факторов успеха — запасы сырья в самой стране и даже в ее недрах.

Эти новые черты войны, в неизмеримо большей степени характерные для нынешней войны, тогда, в 1914—1918 годах, только намечались и только начинали сознаться правящими кругами.

Они упорно игнорировались верхушкой царской России, не готовой ни к войне, ни к миру. И действительно, эти черты резко отличали войну 1914—1918 годов от прежних войн всех времен и народов, начиная от походов Александра Македонского, даже от наполеоновских войн, несмотря на то, что военный гений Наполеона подсказывал ему некоторые новые методы войны: и континентальную блокаду, правда, направленную не столько против ввоза сырья, сколько против вывоза товаров, и молниеносность ударов, и хитроумное сплетение стратегии и дипломатии с государственными реформами.

Среди всех острейших проблем, во всем их трагизме вставших перед армиями воюющих стран в 1914—1918 годах, самой острой была проблема сырья — металла, бензина, каучука, селитры, цемента, взрывчатых веществ, а отсюда — проблемы снабжения винтовками, снарядами, патронами и пушками.

В ослеплении мыслью о быстром окончании войны заправили всех воюющих стран в первые годы войны прогледели наступавшую опасность. В России ужас охватил и ставку главнокомандующего, и военное министерство только в 1915 и 1916 годах, когда сказались результаты того, что мужество и самопожертвование русского солдата были преданы самодовольным и беспечным руководством. А между тем в ставке главнокомандующего было хоро-

шо известно, что в мобилизационном запасе имелось всего лишь 4 млн. винтовок, а нужно было для 10 млн. мобилизованных (с учетом убыли) не менее 17 млн. Ставка ведь хорошо знала, что норма артиллерийских снарядов, приготовленных на один год войны, была истрачена батареями юго-западного фронта в две недели!

Просчет русского генерального штаба ровно в 25 раз!

Я помню несколько эпизодов, которые сам пережил в 1916 году на Карпатах. В батарее оставалось по два снаряда на орудие, склады в тылу — ближайшем и дальнем — были лусты, а Макензен поливал наши войска огнем тысяч орудий, наступая из Румынии. Оставались единичные пулеметные ленты, считаны были патроны.

Я не могу словами рассказать, что пережила батарея VII армии, где я находился, имея особые задания от Академии наук, какой ужас беспомощности, ужас голых рук охватил солдат перед необходимостью отхода с завоеванных кровью позиций! Слова «измена» и «предательство» еще не произносились, но читались на бледных и усталых лицах наших солдат.

УРОКИ ПЕРВОЙ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

Металлы, взрывчатые вещества, сталь, медь, селитра, толуол, нефть и прежде всего черный металл — неожиданно для штабов воюющих армий — начали влиять на судьбы военных операций первой империалистической войны. Боеспособность армий в значительной степени стала зависеть от обеспеченности сырьем.

Сражение при Вердене (1916 год), длившееся несколько месяцев, впервые наметило новые масштабы. Немцы использовали около миллиона тонн металла в неудачных атаках на мужественный гарнизон французской крепости Верден, превратив поля и казематы укрепленного района в целое новое «месторождение» стали.

К концу войны количество сырья, расходовавшегося в сражениях, стало расти в грандиозной пропорции.

Так, в сражениях у Сэн-Миеля американцы выпустили свыше миллиона снарядов, то-есть почти в полтора раза больше, чем за всю русско-японскую войну израсходовали русские армии.

Потребность в цементе для германской армии в 1917 году, когда она, зарывшись в окопы, перешла к позиционной борьбе, достигла размеров почти всего годового производства цемента в Германии.

Потребность в соединениях азота, в серной кислоте для взрывчатых веществ, в иоде превысила в несколько раз производственную мощность всех имевшихся в Европе заводов.

Чаша весов военного счастья колебалась то в ту, то в другую сторону. К концу 1917 года во Франции оставалось стали лишь на одну неделю, взрывчатых веществ почти не было. Англия стояла перед кризисом угля и хлеба; недостаток зерна в результате подводной войны угрожал голодом десяткам миллионов людей, а запасы исчислялись лишь неделями и днями.

Но одновременно, и в еще большей степени, исчерпано было сырье в Германии.

Резервов цветного металла больше не было. Никеля, меди, алюминия уже нельзя было достать. Лома и металла, собиравшегося на полях сражений, не хватало.

Немецкое командование судорожно цеплялось то за провоз хотя бы сотни тонн никеля на подводных лодках из Америки, то за сбор посуды, ручек в самой Германии, то за жестокие реквизиции в завоеванных землях.

Отсутствие сырья грозило катастрофой, нараставшей быстрыми темпами. Когда в марте 1918 года немцам удалось прорвать западный фронт, занять Амьен и перед ними в сущности открылась дорога на Париж — армия оказалась парализованной: не было резины и не было бензина; снежная метель не позволяла механизированному транспорту перемещаться на «полуживых», оборванных каучуковых шинах; прекратился подвоз продовольствия и главным образом прекратилось снабжение снарядами.

Армия остановилась.

Участь Германии была решена. Истощение сырьевых ресурсов и истощение моральных сил, ослабление воли, потеря веры в свои силы, с одной стороны, и мощь заокеанского сырья, тысячи броневой снарядов, мощь тогда еще только нарождавшегося нового орудия войны — танка, твердая решимость Англии и Франции бороться до конца — склонили чашу весов и обеспечили победу Англии и Франции.

Уроки войны 1914—1918 годов заставили все государства пересмотреть свою боевую готовность. Создавая технически оснащенные армии, возводя грандиозные линии укреплений с минированными полями, строя сотни и тысячи заводов для новых орудий борьбы — танков, самолетов и авиационных бомб, — державы поставили перед собой прежде всего новую задачу — задачу обеспечения войны сырьем. Стратегическое сырье во всей грандиозности и сложности проблемы сделалось боевой задачей всех стран, и особенно агрессоров, еще задолго до начала самой войны!

ПОДГОТОВКА НОВОЙ ВОЙНЫ

Война готовилась в секретной тиши военных министерств и особых органов снабжения, но очень скоро вопросы подготовки войны вышли за пределы государственных учреждений, прорвали границы секретности, стали широко и детально изучаться в специальных научных органах, сделались темой обсуждения прессы, научных журналов; целые тома специальных исследований были посвящены будущей войне.

Возникла огромная литература, раскрывшая перед нами целый мир новых и сложных проблем, в которых переплетаются экономика и геология, техника и металлургия, политика и стратегия, психология и проблемы социального развития народов.

Передо мной за последние месяцы прошла главнейшая литература по вопросам стратегического сырья. Вот блестящая книга экономиста-геолога Г. Рауша, инженер-майора северо-американ-

ской армии, премированная Обществом американских военных инженеров. Эта книга в 500 страниц озаглавлена «Стратегическое минеральное сырье»; она посвящена «интересам национальной обороны США» и во всей прямоте поднимает проблему дефицитного металла, намечая пути создания мощных резервов.

Передо мной ряд немецких изданий. Среди них — книги и статьи экономиста-геолога Фриденсбурга. В одних он дает анализ роли металла и сырья в первой империалистической войне, в других — ставит остро и решительно проблему дефицита нефти в грядущей войне, в третьих — подсказывает те источники, куда должны идти германская политика и германский капитал, чтобы подготовить резервы сырья для Германии в соседних странах. Он толкает германское правительство на балканскую агрессию*, на захват румынской нефти, югославской меди, венгерских бокситов.

Передо мной и ряд французских книг и всяких иных. Снова все те же вопросы: трудности нефтяного снабжения Франции, необходимость экономической мобилизации страны.

Попытаемся на основании анализа данных международной литературы — стрывочных, неполных (отчасти и заведомо ложных — в этих случаях мы их отбрасываем) — нарисовать картину тех мероприятий по подготовке сырья для новой войны, которые проводились в отдельных государствах.

Работа, проведенная в отдельных странах за истекшие 20 лет, еще никем не подытожена, и только в отношении Америки, не скрывавшей своих мероприятий, мы имеем более ясную картину этой работы поистине грандиозных масштабов.

Американские авторы из ста, примерно, веществ, нужных для обороны, вы-

* Интересные данные о подготовке агрессии читаются между строк в недавно вышедшей в Германии большой книге «Месторождения полезных ископаемых» Г. Шнейдергена, который был еще задолго до войны освобожден от кафедры в Фрейбурге и назначен основным консультантом при Геринге по вопросам обеспечения Германии сырьем.

делили два типа военного сырья. Прежде всего так называемое стратегическое сырье, нужное непосредственно для самой обороны. Рауш насчитывает 25 видов стратегического сырья:

металлическое — железо, алюминий, цинк, медь, свинец, марганец, хром, ртуть, платина, вольфрам, сурьма, олово, никель;

неметаллическое — плавиковый шпат, уголь, сера, серный колчедан, графит, калий, магний, фосфаты, асбест-слюда, иод и нефть.

Военное министерство США приняло цифру, указанную Раушем, — 25 видов, — но ряд американских авторов считает, что по существу только 5—10 видов сырья могут быть отнесены к стратегическому, остальные должны называться критическими; это те виды, которых имеется достаточно на территории страны в мирное время, но потребности в которых во время войны не могут покрываться внутренними ресурсами.

Иначе подошли в Англии к анализу проблемы. Там прежде всего все сырье разделили на сырье, имеющееся в самой метрополии, то-есть на островах, и на сырье в колониях и доминионах. Далее все сырье было расквалифицировано по его значению в производстве, особое внимание при этом обращалось на тоннаж сырья. Рассуждения английских политиков в этом отношении весьма интересны.

Не абсолютная дефицитность сырья определяет постановку проблемы снабжения Англии, а количество весовых единиц. Так, например, сталелитейной промышленности Англии в год необходимо 5—6 тыс. т вольфрама — этого безусловно стратегического сырья высшей марки, без которого не может идти обточка снарядов и орудий. Но привезти 5 тыс. т не так уж трудно даже при наличии самой жестокой подводной войны; из пяти пароходов, груженных тысячами тонн вольфрамового концентрата, два-три во всяком случае благополучно достигнут Англии и обеспечат решение проблемы.

Гораздо сложнее снабжение теми видами дефицитного сырья, потребность

в котором исчисляется многими сотнями тысяч тонн.

Таким образом, каждая страна, не говоря о Германии, которой ниже мы посвящаем особую главу, по-своему решала задачу и по каждому виду сырья по-своему готовился тот цикл мероприятий, который мог обеспечить страну нужным количеством сырья.

Тем не менее наметилась одна общая для всех стран задача: прежде всего расширение собственной сырьевой базы, поиски новых собственных месторождений нужного стратегического сырья.

Ни в один период истории человечества не было проведено такое грандиозное количество геологоразведочных работ по поискам наиболее важных полезных ископаемых, как в последние 20 лет. Эти поиски велись и в европейских странах, и в колониях, и в доминионах. Бросались целые армии проспекторов, ученых и просто авантюристов-поисковиков в малоизученные страны Южной Америки, Центральной Африки, юго-восточной части Азии.

Были открыты крупнейшие новые месторождения вольфрама и ниобия, железа и фосфора, цинка и меди, ванадия и олова.

Практика геологоразведочных работ показала, что Европа не может обеспечить крупными новыми открытиями огромную потребность в стратегическом сырье. Все же открытие замечательных месторождений богатых галлием бокситов в южной Греции, находки новых полезных ископаемых в Югославии и Турции показали, что и в Европе, особенно на юго-востоке, можно еще найти новые крупные месторождения, не говоря о Советском Союзе, о котором будет идти речь в специальной главе.

Второй общей задачей был пуск в эксплуатацию старых, заброшенных месторождений. В штате Мэриленд, в США, были восстановлены рудники хромита, ожили некоторые вольфрамовые месторождения восточных штатов Северной Америки. В Канаде восстановлены были некоторые рудники меди. В Германии вновь начали эксплуатироваться бедные и частью истощенные месторождения никеля и ртути.

Наряду с пуском в эксплуатацию отдельных рудников, другие месторождения сознательно были переведены на консервацию.

Повидимому, Германия очень широко применила этот метод создания запасов в самих недрах. Она прекратила добычу собственного серного колчедана, сохраняя месторождения этого источника серной кислоты на случай войны. Она провела ряд мер по подготовке некоторых рудников, бедных железными рудами, но относительно богатых марганцем, однако не приступила к их эксплуатации.

В еще более широких масштабах началось во всех странах создание запасов сырья.

Англия в 1937 г. ввезла по сравнению с 1932 г. в 2,5 раза больше меди, в 4 раза больше алюминия и в 5 раз больше олова.

Бросая все свои валютные фонды, Германия за последние пять лет развила бешеную энергию, увеличивая ввоз сырья. Она ввезла марганцевых руд в 5 раз больше, чем лет 10 тому назад, стала скупать вольфрамовый концентрат, ввезла большое количество нефтепродуктов.

Особенно широки были мероприятия по подготовке запасов нефти. На нефть были затрачены миллиардные суммы.

Началась подготовка и целого цикла мероприятий по использованию вторичного сырья. Во всех странах велся подсчет ценных цветных металлов, накопленных в виде посуды, ручек, медных кранов и различных украшений.

Вторичное сырье самого разнообразного типа оказалось источником, в ряде случаев сравнимым с крупнейшими месторождениями металла. Достаточно напомнить опыт первой империалистической войны, когда немецкое правительство путем реквизиций у населения сумело собрать до полумиллиона тонн меди и бронзы. Все страны стали создавать организации для сбора сырья — особые конторы и отряды, из которых одни должны были реквизировать металл у населения, другие — собирать

его в отходах крупных фабрик и заводов или на полях сражений.

Целый цикл мероприятий был связан с широким применением и с пропагандой применения заменителей и суррогатов: пластмасса — вместо цветных металлов, алюминий — вместо меди, газогенераторное твердое топливо — вместо жидкого горючего, синтетический каучук и длинный ряд замечательных продуктов, которые могли бы широко и решительно изменить баланс стратегического сырья, если бы и для них не стояла довольно остро проблема их собственных источников сырья и если бы стоимость этих продуктов была ниже.

И, наконец, последний цикл мероприятий связан был с захватом рынков сырья, с подготовкой в союзных и соседних странах возможных источников покрытия дефицита во время самой войны*.

Было бы необычайно интересно показать ту грандиозную борьбу за сырье, которая развернулась за последние 10 лет. Возьмем из американских журналов начала 1941 г. несколько интересных данных о результатах этой борьбы за сырье.

Журналы отмечают, что США добились очень крупных результатов, что во многих отношениях США теперь экономически гораздо более независимая страна, чем в первую империалистическую войну, но что все же и сейчас в ней имеются еще нерешенные задачи.

Вот что пишут в 1941 г. американские экономисты Джордж Монсон и де Уальд:

* Как захватывались месторождения соседних стран, показывает следующий пример. Германия еще во время первой империалистической войны захватила медное месторождение Бор в Югославии. Подчинив его немецкому капиталу и посадив своих немецких инженеров, Германия подготовила для себя это месторождение, которое должно было в период войны удвоить снабжение страны медью, увеличив его, по немецким источникам, на 35 тыс. т металлической меди в год.

По последним сведениям, часть этого предприятия разрушена сербскими повстанцами-патриотами, с успехом борющимися против фашистских захватчиков.

«Химия дала нам новые волокна, как нилон и винилон, синтетическую камфару, смолы и пластмассы и научила нас получать магний в любом количестве из собственного сырья. Мы почти полностью решили проблему азота, и также в значительной степени уменьшилась наша зависимость от Германии и Англии в медицинских и фармацевтических препаратах. Мы стали производить собственный кадмий и почти решили задачу собственного иода. Металлургическая техника позволила нам заменить один металл другим и облегчила использование бедных отечественных руд, но вместе с тем мы не решили двух основных задач — задачи олова и алюминия, — и мы остались все же зависящими от соседей в проблеме марганца, хрома и никеля. Соединенные Штаты полностью готовы к самой тяжелой и долгой борьбе по своим громадным запасам нефти, угля и железной руды; мы довольно успешно подготавливаем чугунный и стальной лом, который соперничает с природной железной рудой для черной металлургии. В 1939 г. мы использовали около 32 млн. т лома черного металла, но марганцем мы обеспечили себя лишь частично в своей собственной стране, хотя спокойно можем рассчитывать на руды Кубы и Бразилии. Мы имеем у себя 90 проц. мировой добычи молибдена, пустили в ход свои урано-ванадиевые месторождения. Мы обеспечили получение вольфрама из Южной Америки и хотя не имеем собственного никеля и кобальта, но соседняя Канада полностью поможет нам в решении этой проблемы. Нас не беспокоит ни медь, ни свинец, ни цинк, — их запасы в нашей стране грандиозны и обеспечивают не только американскую промышленность на много лет. Слабее у нас с хромом: на время войны мы можем рассчитывать только на Кубу, где мы расширяем разведочные работы. Мы должны сознаться, что проведенные у нас разведочные работы на олово не привели к благоприятным результатам. Половину потребности олова мы сможем покрывать из вторичного сырья, другую мы получим из Боливии. На месте оло-

воплавильных заводов в Британской Малайе, Китае, Голландской Индии, Англии мы построили и будем строить свои заводы для переработки боливийской оловянной руды.

Увеличивается применение в авиации и автомобиле металлического магния. Мы полностью обеспечены сырьем, но мы еще не развили достаточную мощность самих предприятий, выпускающих как магний, так и алюминий. Мы сосредоточили все свое внимание на последнем металле, как одном из важнейших видов металлического сырья.»

С тех пор прошел почти год. Америка показала блестящий пример мобилизации сырья и самого производства. Новые цифры говорят о том, что предложения больших стратегов сырья Рауша и Симсона, Лиса и Монсона почти полностью осуществились. Американская сырьевая стратегия создала грандиозные резервы стратегического сырья и борется за разрешение задачи с той же целеустремленностью, с которой она помогает противогитлеровской коалиции в отпоре обнаглевшему фашизму.

ПОТРЕБНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ВОЙНЫ В СЫРЬЕ

Много раз пытались генеральные штабы отдельных стран и специальные комитеты геологов и экономистов посчитать баланс сырья, необходимого для ведения грядущей войны.

Большинство точных подсчетов осталось в секретных фондах генеральных штабов и комитетов снабжения. Однако в литературе мы находим также ряд попыток подсчитать будущий военный баланс сырья.

Методы подсчета применялись весьма различные.

Попытаемся все же подсчитать потребности армии в сырье. В основу положим подсчеты и рассуждения американских и немецких специалистов.

Условно примем действующую армию страны, например фашистской Германии, в 300 дивизий, т.-е. в 6 млн. солдат и офицеров механизированных и

моторизованных войск. Условно учтем и потребности небольшого флота.

Для года войны такой армии нужно примерно:

30	млн. т	железа и стали
250	»	» угля
25	»	» нефти и нефтяных продуктов
10	»	» цемента
2	»	» марганцевой руды
20	тыс.	» никеля-металла
10	»	» вольфрама
		и т. д. и т. д.

Вдумаемся в эти грандиозные цифры и попробуем их осмыслить, — детальный же анализ их во всей сложности каждой проблемы мы дадим в следующей главе.

Годовая производительность всех цементных заводов, находящихся в распоряжении Германии — не больше 18 млн. т в год, а военная потребность — 10 млн. т. Не забудем при этом, что на одну линию Зигфрида немцы в одном только 1939 г. потратили около 6 млн. т цемента.

Что такое 30 млн. т стали? Чтобы выплавить такое количество металла, надо добыть не менее 60—70 млн. т железной руды, т.-е. нужны целые крупные месторождения.

Еще значительнее цифра для нефти — 20—25 млн. т, причем эта цифра скорее преуменьшена, так как механизация армии и тыла, воздушный и морской флот пожирают огромное количество самых разнообразных нефтяных продуктов. Вся Румыния в годы максимального подъема давала до 7—8 млн. т. Иран, на который Гитлер направил свои недавние неудавшиеся интриги, давал в год до 10—11 млн. т.

Помимо указанных видов сырья для войны требуется огромное количество каучука, цветных металлов, крепежного леса, асбеста, слюды, серы для серной кислоты и масса других веществ.

Но не только масштабы применения сырья — эти масштабы становятся фактором геохимического перераспределения металлов, — другая новая черта характеризует современную военную технику. Это — огромное расширение ассортимента веществ, принимающих прямо или косвенно участие в бою,

переоценка основных и решающих видов стратегического сырья, внедрение сотен и тысяч новых продуктов, соединений и сплавов. Вместо железной кольчуги или доспехов и лат средневековых рыцарей, вместо железа и стали, — в недавнем прошлом почти единственных металлов войны — сейчас на арену боя вступили новые силы земли, новые химические элементы и их соединения, редчайшие металлы и особенно черное золото — нефть. В ряде случаев именно они сделались решающим фактором военных операций.

Попробуем химически расшифровать отдельные современные бои и на основании английских и американских источников нарисовать с точки зрения сырья картину сражения.

Вот идет бой между танковыми частями и бронированными машинами. Качество броневой стали в значительной степени определяет успех боя. Хром и никель, марганец и молибден вызывают устойчивость брони, ванадий и вольфрам, молибден и ниобий входят в состав наиболее ответственных частей машин, — осей, передач, гусениц; хромовые краски со свинцом окрашивают машины в защитный цвет; свечи в моторах из чистого берилла обеспечивают бесперебойность их работы; особое стекло с бором, а в лучших танках поляроидные стекла с соединениями иода позволяют водителю видеть противника, несмотря на ослепительный свет прожекторов и фар. Отдельные, менее ответственные части машин сделаны из дюралюминия и силициума — сплавов алюминия и кремния.

Высокого качества бензин, керосин, легкая нефть, лучшие смазочные масла, получаемые из нефти, определяют жизненность машины и скорость ее движения, а соединения брома улучшают сгорание и частично ослабляют шум моторов.

Около 30 химических элементов участвуют в строении броневой машины. Но еще сложнее ее химия: ртутные запалы, сурьма — металлическая и сернистая — в шрапнелях и гранатах, свинец, олово, медь и никель в снарядах,

бомбах, патронах и пулеметных лентах, особо хрупкая сталь, готовая к разрыву, сложный ассортимент взрывчатых веществ, получаемых из нефти и угля как продукты их переработки, — являются новыми соединениями огромной взрывной силы.

В столкновении броневых машин и танков участвуют десятки тысяч тонн металла и различных химических веществ, и руководители боя, танкисты, водители машин в грандиозных масштабах «руководят» химическими реакциями, страшными по своей разрушительной силе, с механическими давлениями, исчисляемыми сотнями тонн давления на единицу поверхности. Между тем даже разрушительные лавины, уничтожающие целые поселки, вызывают давление максимум в 10—15 т на квадратный метр — ничтожная цифра по сравнению с мощностью воздушной волны от разрыва фугасной бомбы! Чем могучее броня, чем выше октановое число бензина, чем разрушительнее сила взрывчатых веществ, тем быстрее и полнее выполняется задача бойца-танкиста. Новое могучее взрывное вещество, только-что открытое в Англии, получило наименование «везувий», напоминая о мощи извержений вулканов.

Но вот другая картина. Почти полуторагодозая бомбежка Лондона позволяет нам дать ее химический анализ. Ее отдельные эпизоды знакомы нам, жителям Москвы.

Летит эскадрилья бомбардировщиков и истребителей в темную осеннюю ночь — алюминиевые коршуны весом в несколько тонн из сплавов алюминия, дюралюминия или силумина. За ними — несколько тяжелых машин из специальной стали с хромом и никелем, с прочными спайками из ниобовой стали; ответственные части моторов — из бериллиевой бронзы, другие части машин — из электрона — особого сплава с легким металлом — магнием. В баках — или особая легкая нефть, или бензин, особые чистейшие марки горючего, с самым высоким октановым числом, ибо оно обеспечивает скорость полета. У штурвала — лет-

чик, вооруженный картой, покрытой листом слюды или специального борного стекла. Ториевые и радиевые светящиеся составы синеватым светом освещают многочисленные счетчики, а внизу, под машиной, — быстро отрываемые движением специального рычага авиационные бомбы из легко разрывающегося металла с детонаторами из гремучей ртути и целые гирлянды зажигательных бомб из металлического порошка алюминия и магния с окисью железа.

То приглушая мотор, то вновь запускающая его на полный ход, так что от шума пропеллеров и моторов эскадрильи бомбардировщиков дрожат дома и трескаются стекла, коршуны противника спускают на парашюте осветительные ракеты. Мы видим сначала красновато-желтое пламя медленно спускающегося факела-люстры, — это горит специальный состав из частиц угля, бертолетовой соли и солей кальция. Но свет постепенно делается более ровным, ярким и белым, загорается порошок магния, спрессованный с особыми веществами в ракете, порошок того металлического магния, который мы так часто зажигали для фотографической съемки, иногда с примесью зеленатовато-желтых солей бария.

Но уже подготовлена оборона города. На тонких стальных тросах, мешая движениям пикирующих самолетов, колеблются защитные шары, наполненные водородом, — в ответственных частях англичане применяют и примесь газа гелия. Улавливая звуки моторов, особые слухачи, при помощи селеновых и цезиевых мембран, даже сквозь тучи определяют положение налетевшего коршуна и автоматически выбрасывают по его направлению мигающие желтовато-красные звездочки, то вспыхивающие, то потухающие, с рядом ослепительных составов, в которых соли кальция играют особую роль.

Десятки ярких лучей прожекторов вонзаются на несколько километров во тьму неба. Золото и палладий, серебро и индий — вот те металлы, отблески которых сверкают на пойманных и бю-

щихся в ослепительных лучах дюралюминиевых вражеских птиц.

Угли электрических ламп прожекторов пропитаны солями 14 редчайших металлов, называемых редкими землями, а англичане приписывают особую интенсивность своих лучей, пронизывающих туманы Лондона, солям тория и циркония и некоторых других специальных металлов.

Но вот к свету ослепительной люстры, подвешенной на парашюте, присоединяется дымовая завеса. Совершая восьмерки над освещенным районом и выбрав место удара, самолет противника из особого снаряда выпускает ленту дымовой завесы — из солей титана или олова, — намечая для бомбардировщиков район пикирования.

Но уже брошены против ослепительного света магниевых люстр тысячи красных и красно-желтых ракет (трансирующих пуль) защитников города. Их ослепительные вспышки мешают летчику разобраться в обстановке, и в лучах солей кальция и стронция он теряет ориентировку, ослепляется поймавшими его лучами прожекторов и бросает бомбы куда придется.

Сотнями разбрасывает он на мирные дома зажигательные бомбы в алюминиевой коробке с начинкой из порошка металлического алюминия и магния, с особым окисляющим веществом, с детонатором из гремучей ртути в головке, иногда с небольшим количеством битума или нефти для быстрейшего зажигания. Нажимом рычагов срываются с петель фугасные бомбы, воздушная волна от разрывов которых производит еще большие разрушения, чем броневой снаряд тяжелых орудий морской артиллерии.

Заговорили зенитки, следящие за пикирующим полетом коршуна. Шрапнели и осколки особых зенитных снарядов осыпают вражеский самолет, и снова хрупкая сталь, сурьма и взрывчатые вещества из угля и нефти вводят в действие разрушительную силу ценных химических реакций. Эти реакции, которые мы называем взрывом, протекают в периоды тысячных долей секунды, создавая колебательные вол-

ны и механические удары огромной силы.

Но вот — удачный выстрел. Пробито крыло налетевшего коршуна, и тяжелым грузом, с остатками бомб, летит он на землю. Взрываются бензиновые и нефтяные баки, рвутся несброшенные снаряды, стораит и превращается в кучу бесформенного окисленного металла многотонный бомбардировщик из алюминия, направляемый фашистской нечеловеческой злобой для уничтожения человека.

«Фашистский самолет сбит», — гласит краткое сообщение прессы. «Сильнейшая химическая реакция закончена, и химическое равновесие восстановлено», — говорят химики. «Еще один удар по фашистской своре, по ее технике, живой силе и нервам», — говорим мы.

Свыше 46 элементов участвует в воздушном бою — больше чем половина всей Менделеевской таблицы.

Но я не закончил еще своих химических картин борьбы. Борьба идет не только на полях сражений. Она неразрывно сливается с фронтом тыла, вовлекая все отрасли промышленности в обслуживание нужд армии.

Какие же виды минерального сырья надо считать сырьем стратегическим и каковы те сложнейшие геологические, технологические, экономические и стратегические проблемы, которые связаны с главнейшими видами ископаемого сырья?

АНАЛИЗ ГЛАВНЕЙШИХ ВИДОВ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СЫРЬЯ

Почти вся Менделеевская таблица химических веществ природы, с ее 90 известными на земле химическими элементами, в той или иной мере втянута в область стратегического сырья. Мы насчитываем сейчас лишь 14 веществ, наиболее редких в природе (металлы рубидий или скандий, благородные газы — криптон или ксенон и некоторые другие), которые не представляют практического интереса с точки зрения войны.

Однако сложность проблемы стратегического сырья заключается не в многочисленности химических элементов, а в тех разнообразнейших соединениях, частью природных, частью искусственных, которые создают грандиозный и сложнейший ассортимент стратегического сырья, или, точнее говоря, полуфабрикатов. Число соединений растет с каждым месяцем, создаются новые отрасли наук — военная химия, военная технология и военная минералогия.

Речь идет не только о разнообразнейших природных минералах, которые находят непосредственное военное применение, как, например, слюда, асбест, берилл, глауконит, плавиковый шпат, кварц и многие другие, но, главным образом, о новых синтетических веществах, как-то: о пластмассах самого различного состава и применения, о различных производных крекинга нефти, о продуктах перегонки угля с их дериватами — бензолом, толуолом и ксилолом, о специфических соединениях иода для поляризующего стекла, брома и теллура для моторных смесей, о целом сложном мире разных типов искусственного каучука, о еще более грандиозной области различных сплавов самых разнообразных свойств и т. д., и т. д.

Намечая ниже перечень этих веществ, я не включаю элементов и соединений химической воздушной войны, хотя необходимо считаться с возможностью немецкой агрессии и в этом направлении.

1. Сталь и легирующие в ней добавки: железо, марганец, никель, хром, молибден, вольфрам, ванадий, кобальт, ниобий и тантал — черные металлы войны.
2. Цветные металлы: алюминий, магний, олово, сурьма, ртуть, висмут, цинк, медь и свинец — легкие и малые металлы войны.
3. Редкие и сверхредкие металлы: цезий, редкие земли, индий, торий и мзоторий, уран и радий, селен, теллур, цирконий; сюда же условно надо отнести стронций, барий, кадмий и титан.

4. Химические элементы — металлоиды: иод, фтор, бром, мышьяк, сера и серный колчедан.
5. Неметаллические ископаемые: слюда, асбест, графит, радиокварц, соединения азота и фосфора.
6. Топливо и химическое сырье: нефть и продукты ее переработки, уголь, сланцы и горючие газы.
7. Прочие вещества: каучук*, спирт, карбид кальция, цементные материалы, лесные материалы, кожа и т. д.

Остановимся последовательно на анализе некоторых главнейших видов стратегического сырья.

Железо

Еще в 1878 г. Ф. Энгельс писал: «...политическая сила на море, покоящаяся на современных военных судах, оказывается вовсе не «непосредственной», а прямо зависящей от экономической мощи, высокого развития металлургии, от наличности искусных техников и богатых угольных копей».

Эти слова сейчас полностью могут быть отнесены и к сухопутной армии. Металлы и топливо и сейчас являются основой стратегического сырья.

Грандиозные танки весом до 60—90 т, вооруженные броней линкоры и крейсера, несущие на себе свыше 10 тыс. т бронестойчивой стали, огромные затраты металла на снаряды, автомашины, броневики, стратегические железные дороги, железобетонные сооружения — все это определяет те 20—30 млн. т железа, которые необходимы в год одной Германии для ведения крупнейших военных операций.

Надо сказать, однако, что этот подсчет носит совершенно условный характер, ибо трудно отделить потребность в сырье военной техники от тех вспомогательных мероприятий, которые, охватывая одновременно и тыл и фронт — начиная с разных видов транспорта и кончая кровлей здания, непробиваемой

* «Если грянет война, то дело будут решать не только люди, штыки, пулеметы и пушки, но и каучук», — говорил С. М. Киров.

бомбой, — являются частью единого фронта войны.

Налицо не только огромный рост потребления черного металла — изменилась и качественная его сторона. Специфические потребности постройки современного танка, особые механические свойства стволов орудий, броневой сталь линкоров — все это потребовало от металла особых качественных показателей, особой механической и химической прочности. Простая сталь и даже сталистый чугун, которыми пользовались широко в первой империалистической войне, заменены высокими сортами легированных сталей самыми различными марок с разнообразнейшими добавками металлов.

Качество металла вызвало необходимость искать высокое качество и в самом сырье.

Не общие мировые запасы железной руды, не обеспеченность той или иной страны вообще железной рудой, а качественные показатели и чистота руды, хотя бы при бедности ее содержания, отсутствие в ней серы и фосфора — вот что определяет значение мировых источников железных руд как сырья стратегического. Таблицы мировых запасов в свете военной техники мы должны читать совершенно новыми глазами.

Не случайно в нынешней войне разгорелась борьба за источники высококачественного сырья, за знаменитые железные руды Кирунаваары в полярной Швеции. Атака Нарвика немецкими войсками, захват полярной Норвегии с закрытием выхода шведских руд на запад и с оккупацией района прекрасных чистых руд Зюдварангер-фиорда, попытки экономического подчинения Швеции Германии — все это в значительной мере борьба фашистской Германии за стратегическое сырье.

Не имея в собственной стране высококачественных руд, не покрывая своих потребностей месторождениями Германии, фашисты предприняли полярную авантюру, за которую еще будут жестоко расплачиваться.

Еще одна новая черта мировой черной металлургии характерна для по-

следних лет: выплавка стали на десятки миллионов тонн превзошла выплавку чугуна.

Грандиозные количества металлического лома и скрапа сделались одним из новых видов стального сырья. Были годы, когда Америка до 40 млн. т скрапа использовала в своей сталелитейной промышленности.

Широко пользовалась ввозом металлического лома Германия, ныне отрезанная от источников.

Борьба за черный металл складывается сейчас очень трудно для германской коалиции. Интересно вспомнить, что в значительной мере борьба за железорудное сырье и в 70-х годах прошлого века толкнула Германию на захват Лотарингии, а в 1914 г. сыграла немалую роль в определении направления ее удара на юг России. Борьба за железо и сейчас является одной из целей фашистской агрессии.

Но еще гораздо острее стоит вопрос о тех добавках, без которых не может существовать черная металлургия в связи с новой потребностью в чистом, закономерном легированном металле.

Марганец

Среди всех легирующих добавок на одно из первых мест по грандиозности тоннажа потребления необходимо поставить марганец, ежегодная добыча которого за последние годы достигла 6 млн. т руды. Следует отметить, что на диаграммах кривые стали и марганца идут почти всегда параллельно.

В этом отражается основная черта применения марганцевого сырья в сталелитейной промышленности: практически без марганца не может быть высококачественной стали.

Марганец раскисляет металл, облегчает образование жидких шлаков, дает ряд особо ценных, легированных сталей, частично заменяя никель или давая устойчивые против химической коррозии сорта.

Без миллионов тонн марганца не может существовать черная металлургия, и поэтому борьба за этот металл является одним из важнейших моментов борьбы за стратегическое сырье.

А между тем при значительном распространении марганца в природе, при существовании железных руд, содержащих небольшую примесь марганца порядка 10—15%, настоящих марганцевых месторождений мы знаем очень немного. География марганца сложна и мало выгодна для некоторых стран.

И по запасам и по годовой добыче марганца на первом месте стоит Советский Союз, на втором — Индия, на третьем — Бразилия; далее следует геологически тесно связанный с Бразилией Золотой Берег Западной Африки, Южная Африка и далеко позади — Египет, США, Куба, Чехословакия и др.

Советский Союз и вся противогитлеровская коалиция полностью обеспечены марганцем. Правда, США не имеют собственных месторождений и считают для себя марганец остродефицитным сырьем*, но они имеют возможность получать необходимую руду из индийских месторождений и в особенности из близко расположенных месторождений Кубы и богатейших руд Бразилии**.

Гораздо острее стоит проблема марганца в странах германской оси и в тех государствах, которые лишены ввоза заморского сырья. И Норвегия, и Северная Франция, и Бельгия с ее заводами, и заводы Шкода в Чехословакии, и металлургический район Быстрицы в Румынии, и вся Германия с ее 25 млн. т ежегодной выплавки испытывают острый дефицит марганца — дефицит в размере не менее 2 млн. т марганцевой руды.

Германия пытается организовать добычу марганцевых руд с низким содер-

* «Он нам, пожалуй, окажется дороже золота в минуту войны», говорил в 1939 г. руководитель одного из крупнейших американских сталелитейных концернов США, Джирдлер. — В глубоких подземных хранилищах в штате Кентукки мы спрятали грандиозное количество золотых слитков. Но, может быть, придет время, когда мы с удовольствием отдали бы все это золото за груды дозарезу нужных нам марганца или хрома».

** По американским данным, добыча марганца в 1930 г. составляла по отдельным странам: в США — около 8% общей потребности, в Великобритании — 0,3, во Франции — 0, а в Германии — 0,07%. Эти цифры в настоящее время в основном не изменились.

жанием металла, использует железные руды с примесью марганца, частично накопила марганец путем ввоза и создания резервов еще до начала войны, форсировала добычу единственных сколько-нибудь приемлемых бедных чехословацких и венгерских руд. И все же она стоит перед опасностью острого недостатка марганца; усилить эту опасность является задачей антигитлеровской коалиции, сковывающей военными фронтами и морской блокадой Германию и ее вассалов.

И тем серьезнее эта проблема, как правильно замечает американский экономист-геолог Рауш, что для марганца нет массового и дешевого заменителя. Все попытки металлургов решить стальную проблему без марганца не увенчались успехом. Без марганца нельзя вести войны.

Легирующие металлы

Я не буду детально останавливаться на отдельных проблемах, связанных с основными легирующими добавками, с металлами войны — никелем и хромом, молибденом и вольфрамом, ванадием и кобальтом, ниобием и танталом; о каждом из них я мог бы много написать, раскрывая прежде всего действительные замечательных законов геохимии, определивших распространение и накопление этих металлов в земной коре и создавших существующую географию сырья.

Я писал бы об истории никелевой промышленности, которая на 90% с лишним, если не считать Советского Союза, связана с Канадой, писал бы о молибдене, единственное крупнейшее месторождение которого — в США, о вольфраме, его богатых рудах в Китае, о ниобии с грандиозными запасами в Советском Союзе и частично в Центральной Африке.

Я должен был бы рассказать о долгой борьбе геологов за открытие месторождений каждого из этих металлов, о борьбе, приведшей к полной перекройке географии месторождений металлов за последние 20 лет. Я должен был бы также рассказать о борьбе за их использование, которая велась в сотнях

научных лабораторий государственных учреждений и сталелитейных концернов, впервые выявивших стратегическое значение таких ранее бесполезных и никому не нужных металлов, как бериллий и ниобий.

Я должен был бы рассказать о том, как в борьбе за никель набрасывалась Германия на маленькие месторождения Норвегии и подчиняла себе то полярную Финляндию, то бедные месторождения Греции; как она хитроумными методами пыталась добыть хотя бы десятки тонн молибдена из своих бедных руд Мансфельда, в которых содержание этого металла едва достигало одной сотой процента.

Я должен был бы рассказать, как она стала скупать железные руды шведского рудника Гренгесбурга, чтобы сложной технологией их переработки спасти себя от ванадиевого голода.

Все это — страницы борьбы дипломатии и капитала, страницы, раскрывающие тайны военных агрессий, сплетающие стратегию с экономикой, геологию и металлургию с острейшими проблемами военной науки.

Я не буду утомлять читателя анализом этих проблем. Я хочу только, чтобы все поняли, что за легирующие металлы идет борьба острая, напряженная, непрекращающаяся.

А л ю м и н и й *

Я перехожу к алюминию — металлу авиации, тому легкому металлу, который наравне с магнием и бериллием создал величие и силу самолета.

Если за последние 20 лет получение таких цветных металлов, как медь, цинк или свинец, повысилось вдвое, выплавка никеля повысилась в 4 раза, то получение металлического алюминия выросло в 8 раз, а магния — почти в 15 раз.

Если мы вспомним, что в 1900 г. мировая выплавка алюминия немного

превысила 6 тыс. т, а в 1939 г., вероятно, превысила 700 тыс. т, что годовая добыча главной алюминиевой руды — боксита — достигла 5 млн. т, то мы убедимся, что произошел грандиозный экономический и металлургический сдвиг, потребовавший новых месторождений, новых заводов и особенно новых источников электрической энергии.

30 тыс. квт/ч электроэнергии требуется суммарно на выплавку одной тонны легкого металла из руды. В экономическом балансе алюминия, в борьбе за расширение его производства часто не сырье, не его стоимость, даже не его качество определяют направление развития алюминиевой промышленности и ее географию, а источник энергии.

Из металлического алюминия путем присадки марганца, кремния и меди получается дюралюминий, путем сочетания с кремнием — новый сплав силумин, путем прибавки церия — особый сплав «церал», очень высоких технических качеств.

Одновременно с грандиозным потреблением мирного времени — с постройкой цельноалюминиевых поездов, с затратой алюминия на машиностроение и особенно на автомобильный транспорт, с расходом алюминия сотен тысяч тонн алюминия на алюминиевые провода — все большие и большие требования на этот металл предъявляет военная промышленность.

Начиная с отражательных зеркал прожекторов, ответственных частей снарядов и пулеметных лент, осветительных ракет, алюминиевого порошка в смеси с окисью железа — в хорошо знакомых нам зажигательных бомбах, — алюминий в грандиозных количествах стал применяться в постройке самолетов.

Все растущие размеры самолетов, превращающихся в летающие крепости, привели к тому, что на средний самолет расходуется сейчас около трех с половиной тонн алюминия, и на бомбардировщик системы «Мартин» в США — около семи с половиной тонн, еще значительно больше — на «Дуглас-19».

Совершенно понятной является по-

* Вспомним замечательные слова С. М. Кирова: «Если нельзя строить социализм без железа, угля и нефти, нельзя его строить и без алюминия».

этому та борьба за алюминий, которая привела к необходимости постановки и решения трех основных проблем: проблемы сырья и его технологии, проблемы постройки алюминиевых заводов и проблемы электроэнергетики.

А. Шпирт в своей статье в «Правде» еще в конце 1940 г. дал первую наметку, как разрешается эта комплексная проблема в целом.

В разрешении первой задачи сделаны огромные успехи, так как, помимо боксита — основной алюминиевой руды, — целый ряд других минералов, как-то: нефелин, алузит, зола углей и лейцит, стал использоваться как сырье в новых, сложных заводских предприятиях комбинированного типа. Были открыты крупнейшие месторождения бокситов, нефелинов и алузитов. Борьба за бокситовые месторождения сделалась одним из моментов стратегической борьбы, напоминая борьбу довоенного времени за рынки хлеба.

Богатой алюминиевым сырьем оказалась Европа, в частности юг Франции, частично Италия, и особенно балканские государства, начиная с Венгрии и кончая югом Греции.

Сложнее разрешение второй и третьей стороны задач — постройки достаточного количества заводов и необходимых для них электростанций.

А. Шпирт указывает, что три четверти всей выработки электроэнергии крупных стран, т.-е. около 15 млрд. квт/ч, в 1938 г. стало расходоваться на выплавку алюминия; но эти цифры относятся еще к довоенному времени, между тем как лихорадочное строительство алюминиевых заводов продолжалось и в последующие годы.

Германия еще в 1939 г. довела добычу алюминия до 200 тыс. т.

В обостряющейся борьбе за уничтожение алюминия, принадлежащего врагу, — надо прямо сказать, Германия имеет в оккупированных странах очень крупные сырьевые ресурсы алюминия — наметилось новое направление: не против сырья, а против электростанций. Английские самолеты, разрушая питающие алюминиевую промышленность электроустановки Рейнской области,

бьют по самому слабому месту алюминиевой промышленности фашистов — по их энергетическим узлам.

Когда мы видим летающие над нами самолеты, не забудем, что 69% веса всего самолета без мотора приходится на алюминий и его сплавы и что даже в авиационном моторе процент алюминия и магния, а также и бериллия — трех легчайших металлов войны — достигает 25.

Борьба за алюминий и магний — борьба трудная, борьба, требующая громадной исследовательской работы, это борьба на два фронта; за всемерное ослабление германской промышленности легких металлов и за всемерный рост и строительство алюминиевых заводов и магниевых заводов в странах антигитлеровской коалиции.

И о д

Я перехожу к характеристике того вида стратегического сырья, значение которого кажется ничтожным по сравнению с перечисленными выше; но мне хочется, давая отдельные примеры стратегического сырья, остановиться и на иоде, который играет особую роль в военном деле, хотя мировая добыча его за год редко превышала тысячу тонн.

В противоположность всем остальным веществам, которые могут оборачиваться при промышленном использовании и для которых вторичное сырье, как, например, для олова и никеля, может достигать 30—40%, использование иода идет до конца. Рауш, дающий очень интересный анализ стратегических проблем, связанных с иодом, остроумно приводит латинское изречение «Здравствуй и прощай!» Иод уничтожается в тех медицинских, биологических и химических применениях, которые мы для него знаем как в мирной, так и в военной технике.

Новая диагностическая техника медицины, значительное расходование иода на поляроиды, применение его в различных специальных видах фотографической военной аэросъемки, — все это вызывает огромную потребность в иоде, для которого мы только частично

или в отдельных случаях знаем замечательных.

Для иода мы имеем интереснейшую картину мировой продукции. Подавляющее количество иода дает Чили — знаменитая чилийская селитра. Около 10 т дает Ява. Отдельные десятки тонн давали Франция, Англия, Италия и Япония. И только США за последние годы, несмотря на возможность пользоваться чилийским иодом, поставили эту проблему остро и решительно и добились на Тихоокеанском побережье ежегодного получения нескольких сот тонн иода путем сжигания водорослей и получения калиевых солей.

Но если мы вспомним, что страной, сумевшей полностью разрешить иодную проблему, является Советский Союз, мы убедимся в том, что почти все 100% источников этого элемента находятся в руках антигитлеровской коалиции и что ни кристаллика иода, ни склянки иодной тинктуры мы не дадим в руки немцев, отрезанных полностью от этого вида сырья.

С е р а

История серы, как основы химической промышленности, представляет ряд острых проблем, ибо всегда — от изобретения пороха до современной роли серы в технике — она являлась одним из важнейших объектов военных столкновений.

История богатых месторождений серы в Сицилии рассказывает нам, какая большая своеобразная борьба, особенно между Италией, Францией и Англией, велась за эти месторождения еще сто лет тому назад.

Получение серной кислоты из серы делало серу в течение многих лет важнейшим и даже единственным видом химического сырья, и только открытие возможности получения жидкой серной кислоты из колчеданов, а потом и из обжиговых газов повернуло борьбу на главный источник: пириты — сернистое соединение железа.

Испания и Португалия, Норвегия и Советский Союз владеют основными источниками этого сернокислотного сырья. Мировая добыча пиритов пре-

высила 10 млн. т. Ввоз пиритов в Германию, Англию и Францию сделался одним из основных моментов борьбы за мировые рынки.

Борьбу Германии за Испанию, нападение ее на Норвегию отчасти следует рассматривать как выполнение силами войны задачи овладения источниками пиритов*.

Главным источником пиритов для немецкой сернокислотной промышленности остаются отходящие коксовые газы, ее цинковые заводы на восточной окраине, ее безумная по сложности попытка на одном из прирейнских заводов и, наконец, разработка единственных немецких месторождений колчедана в Мергене и Раммельсберге, последние годы сознательно переведенных на консервацию.

Борьба за серу, использование дымовых коксовых газов и газов металлургической печи, извлечение серы из пиритов особым норвежским методом, использование отработанной серной кислоты и ее регенерация — все это лишь отдельные страницы той борьбы, которая определяет совершенно иные методы и виды оружия, чем их предсказывала схематическая и формальная экономика довоенных экономистов, не учитывавших всего значения военной стратегии сырья.

Н е ф т ь

Мы кончаем наш обзор важнейшей проблемой — нефтью, этим черным золотом, жидким углем.

В 1927 г. товарищ Сталин сказал: «Воевать без нефти нельзя, а кто имеет преимущество в деле нефти, тот имеет шансы на победу в грядущей войне».

Даже в первой империалистической войне нефть сыграла решающую роль в

* Этим же частично вызывалась агрессия Италии в отношении Албании, в северной части которой немецкие геологи подготовили богатое месторождение колчедана с запасами серы до 3 млн. т, причем немецкие специалисты (Шнейдерген) указывали, что в руках итальянского капитала здесь имеется ценный резерв для химической промышленности Италии. Небольшой источник сернокислотного сырья Германия подготовила и в Югославии, к северу от Салоник.

затруднениях германской армии на западном фронте, и недаром лорд Керзон говорил: «Союзники к победе приплыли на волнах нефти»; мы лишь прибавили бы к этому: «и на судах из каучука».

Значение нефти удесетерилось, если не больше, в современной войне, в которой сражаются грандиозные механизированные и моторизованные армии.

В журналах нефтяной промышленности Америки мы находим указания, что в 1940 г. немцы потратили на нужды армии около 12 млн. т нефти в год. Вероятно, эта цифра при учете потребности мирного транспорта должна быть доведена до 15 млн. В 1941 году, когда Гитлер бросил множество самолетов и танков против Советского Союза, мы должны согласиться с А. Шпиртом, что расход нефтяных продуктов должен достигать примерно 25 млн. т.

Чтобы понять сложность решения нефтяной проблемы для немцев, рассмотрим картину мировых запасов нефти и мировой добычи ее.

По неполным данным, мировая добыча (без Советского Союза) в последние годы достигала 240 млн. т. На первом месте стояли США—165 млн. т, далее следовали:

Венецуэла	28	млн. т
Иран	10	» »
Голландская Индия	8	» »
Румыния	7	» »
Мексика	6	» »
Ирак	4	» »

Далее следует ряд еще меньших цифр, из которых на Японию и Формозу приходится около 500 тыс., а на Германию (по новым данным) — 800 или 900 тыс.

Эти цифры достаточно показательны. Мы видим несколько больших узлов нефтяной промышленности. Прежде всего азиатский узел, включающий Кавказ, Ирак, Иран и прилегающие части Малой Азии. Без советских месторождений он дает в год около 15 млн. т. Второй узел — острова Голландской Индии. Третий — североамериканский с грандиозной добычей в 160 млн. т, далее — центральноамериканский с до-

бычей до 40 млн. т и, наконец, прикарпатский с максимальной суммарной производительностью в 8 млн. т.

Мы приходим к следующему выводу.

Нефть в основном отрезана от германской коалиции. Ее борьба за Иран и Ирак, а также Сирию блестяще провалилась. Ее последняя ставка — Румыния, но советские самолеты сумели побить и этот козырь.

На что может рассчитывать Германия в настоящее время?

При современном состоянии промыслов Плоешти вряд ли Германия может рассчитывать на большее количество румынской нефти, чем 2—3 млн. т в год. Около миллиона она может наскреести суммарно из своих бедных месторождений, из месторождений Венгрии и Албании; вероятно, до 4 млн. т она получает синтетически из различных заменителей моторного топлива, из каменного и бурого угля, спирта, горючих газов и т. д.*.

И наконец, Германия должна рассчитывать на те резервы, которые она, несомненно, накопила в последние годы в размере до 5—7 млн. т, как это вытекает из некоторых данных заграничной прессы.

Если верны эти подсчеты, сделанные по данным иностранной печати, то проблема снабжения нефтью германской армии представляет исключительные трудности.

Борьба за нефть, за нефтепродукты, за смазочные масла, за керосин, мазут — это борьба самая острая из всех видов стратегической борьбы за сырье. Но ее значение мы сможем понять только, когда рассмотрим в целом сырьевые ресурсы современной Германии. К этому вопросу мы переходим в следующей главе.

БОРЬБА ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ЗА СЫРЬЕ

В предыдущих главах мы уже частично касались обеспеченности Германии и Италии стратегическим сырьем. Попы-

* Повидимому, эта цифра не достигнута Германией ввиду трудности добычи большого количества угля: для получения одной тонны бензина необходимо до 15—20 т угля.

таемся сейчас объединить все данные и подвергнуть их анализу.

Нельзя не отметить, что Германия ушла опыт своей сырьевой неподготовленности в первую империалистическую войну.

Первый удар от дефицита сырья и снарядов в войне 1914—1918 гг. был получен Германией еще на Марне, последний — от дефицита резиновых шин — у Амьена, в 1918 г.

Еще в декабре 1915 г. германское командование не понимало грядущей опасности, и лишь отдельные немецкие химики, как знаменитый Габер, погибший впоследствии на пути в изгнание, смело говорили о грядущем сырьевом голоде. Британская блокада довершила внутренний кризис в Германии, и только удачная борьба за заменители, реквизиции сырья, сбор лома, ряд отдельных открытий германских ученых отодвинули, но не устранили быстро наступавший кризис металла, каучука, нефти и хлеба.

Развернувшаяся в значительных масштабах научная работа в Германии лишь частично разрешала отдельные задачи — замену дефицитной селитры синтетическим аммиаком из воздуха, получение глицерина для взрывчатых веществ из чехословацкого сахара, серной кислоты — из ангидрита, замену недостающих олова и меди цинком и алюминием и т. д.

Мало было и того лома никелевой и медной посуды и изделий, которые собирались то путем зверских реквизиций в Бельгии, то путем сбора вторичного сырья в Германии и Австро-Венгрии.

Очень скоро нехватило вывезенного из русской Польши леса, металлов и солей, нехватило галицийской нефти, но прежде всего нехватило цветных металлов.

Постепенно назревавший кризис начал с 1916 г. осознаваться хозяйственными и политическими кругами Германии, позже он был осознан и военным командованием.

И пути стратегии и дипломатии, и чисто военные планы немецких генералов, действовавших еще по старым принципам войны — нанесения ударов только по живой силе противника, —

стали подчиняться повелительному требованию: дать сырье!

Путем дипломатического нажима и ловких торговых сделок Германия стала получать небольшие количества серного колчедана, руд никеля, хрома и молибдена из Норвегии, но главный удар в этой борьбе за цветное сырье и за нефть предназначался Турции и Румынии.

Военный союз с первой и захват второй диктовались не только соображениями военной стратегии, но и необходимостью получить из Турции и Македонии металлы войны — марганец, хром, мышьяк и сурьму, а из Румынии — нефть и хлеб. Срочно должно быть поставлено на колени румынское правительство, ибо в конце 1918 г. в Германии оставалась нефти на полтора-два месяца.

Первая империалистическая война закончилась разгромом германской коалиции в 1918 г. Но уже через 8 лет началась секретная подготовка реванша и прежде всего разработка самой важной для Германии проблемы — сырьевой.

К этой работе были привлечены крупнейшие научные технические силы. Мы не знаем еще полностью всех хитрых приемов, к которым стала прибегать Германия для того, чтобы накопить достаточные запасы стратегического сырья, мы знаем только, что Германия законсервировала некоторые свои рудники меди и колчедана, чтобы сохранить их на время войны, когда может оказаться закрытым привоз металлов и серы.

И наоборот, стали приводиться в порядок некоторые другие старые рудники, которые считались уже выработанными, но практически содержали еще большие запасы бедных руд никеля в Силезии, ртути — на Рейне, свинца — в разных областях Германии.

Началось создание государственных запасов сырья. В 1937—1938 гг. Германия ввезла в 6—7 раз больше руд железа, алюминия, марганца, чем в 1932 г., а коэффициент ввоза вольфрама повысился до 15.

Созданы были подземные хранилища нефти, на учет был взят весь лом и вся посуда, все изделия из никеля,

алюминия, находившиеся у населения.

Началась экономическая и политическая борьба за овладение рынками дефицитного сырья, завязывались новые торговые связи с рядом стран, захватывались капиталы и рынки. Результат — постепенное политическое и хозяйственное подчинение Германией Венгрии и Югославии, запас алюминия и медных руд которых был необходим для готовившейся войны, потом Болгарии, Греции, в особенности ее части — Македонии, наконец, Румынии.

Началось неудачное экономическое заигрывание с Норвегией и Швецией, прежде всего для обеспечения Германией рудами железа, никеля, молибдена и серного колчедана. Началась «дружба» с Финляндией: с одной стороны, постройка линии Маннергейма для угрозы Ленинграду, с другой — захват, сначала чисто экономический, целлюлозно-бумажных заводов никеля полярной Финляндии, меди и серного колчедана Оутокуммо.

Дипломатическая борьба с применением всех немецко-фашистских методов, подкупы, диверсионные акты, залугивание, игра на бирже — вся острейшая борьба за рынки и за сырье Южной Америки и придунайских стран была только прелюдией к началу «стальной войны».

Но вот началась война.

Прошли два года немецкой агрессии, и снова пути военной стратегии генералов Германии и Италии начинают все больше подчиняться стратегии сырья.

Несмотря на все запасы, сделанные в течение 10 лет, несмотря на научные открытия и «эрзацы» (заменители) разного типа, Германия по некоторым очень важным видам сырья приближается к сырьевому голоду, который скоро начнет сжимать своими железными пальцами горло стран оси.

Как решаются вопросы сырья для Германии и Италии в настоящую минуту?

Сведем наши данные о самой Германии с Австрией и об Италии частично с Албанией в таблицу. (См. стр. 197). В графу оккупированных стран и стран, экономически связанных с Германией, я включаю Норвегию, Францию, Югосла-

вию, Венгрию, Грецию, Румынию и Финляндию. Сюда же отнесены и страны, поддерживающие в настоящий момент экономические отношения с Германией, как Испания и др. В последней графе я дам общий вывод баланса сырья, разбираемого по отношению к 25 самым важным видам стратегического сырья.

Подытожим эту таблицу.

Полностью обеспечены сырьем — своим или оккупированных стран, или экономически связанных с ними стран — Германия и Италия по следующим веществам: алюминию, цинку, магнию, сере и углю. При этом все же должны возникнуть большие затруднения, особенно по углю, ввиду необходимости питать своими источниками Италию, Балканы и Норвегию, практически совершенно лишенных угля.

В достаточной мере обеспечена Германия внутренними резервами в отношении фтора и брома.

Путем нажима на ряд стран, особенно на Швецию, Финляндию и Испанию, Германия имеет возможность получать некоторые количества железа, свинца и серного колчедана, однако получение больших количеств этих веществ затруднено тяжелыми транспортными условиями.

С большими трудностями сталкивается Германия по отношению к следующим дефицитным веществам: марганцу, никелю, хрому и молибдену, сурьме, меди и фосфору.

Мы могли бы сюда отнести и очень большие затруднения с добычей ванадия из очень бедных руд.

Но еще острее стоит вопрос о веществах, которые Германия при современной политической и стратегической обстановке ниоткуда получить не может: вольфраму, олове, платине, иоде, слюде, асбесте и гелли.

И наконец, решающим является дефицит нефти и нефтяных продуктов, а по тоннажу особые трудности связаны с необходимостью ввоза многих миллионов тонн руд, железа и особенно марганца.

Дефицит сырья, который в первые годы войны восполнялся довоенными запасами, вторичными металлами, их

Обеспеченность Германии и Италии сырьем (военный потенциал)

Виды сырья	Германия	Италия	Оккупированные страны и страны, экономически связанные с Германией и Италией	Баланс
Железо (сталь)	*	(*)	● —	Трудный
Марганец	0	0	(*) Румыния	Резко отрицательный
Никель	0	0	(*) Норвегия, Греция	» »
Хром	0	0	(*) Югославия, Турция, Греция	Очень трудный
Ванадий	0(*)	0	(*) —	» »
Вольфрам	0	0	0 Испания, Португалия	Отрицательный
Молибден	0	0	* Норвегия, Марокко	Частичный
Алюминий	*	●	● Балканы, Франция	Полный
Магний	●	0	—	»
Олово	0	0	0 —	Отрицательный
Цинк	0	(*)	* Югославия, Польша	Почти полный
Сурьма	0	(*)	(*) Испания, Французская Африка, Македония, Чехословакия ¹	Частичный
Ртуть	*	●	● Испания	Полный
Медь	(*)	*	* Испания, Югославия, Финляндия	Очень трудный ²
Свинец	(*)	*	* Испания, Чехословакия, Югославия	Частичный
Платина	0	0	0 —	Отрицательный
Иод	0	*	0 —	Слабый
Фтор	●	0	0 —	Полный
Бром	*	0	0 —	Достаточный
Серный колчедан	*	●	● Норвегия, Югославия, Северная Албания, Испания	Трудный
Слюда	0	0	0 —	Отрицательный
Асбест	0	*	0 —	»
Фосфор	0	0	● Алжир, Тунис	Трудный
Уголь	●	0	0 —	Довольно трудный
Нефть	0	0	* Румыния, Албания	Очень трудный
Гелий	0	0	0 —	Отрицательный
Сера	0	●	—	Полный
Соли радия и мезотория	(*)	0	(*) Чехословакия	Недостаточный

Условные обозначения: — 0 (ноль) обозначает отсутствие сырья или ничтожность его природных запасов; звездочка — *(*) говорит о наличии некоторых запасов, но недостаточных для полного разрешения проблемы; зачерченный кружок — ● говорит о возможности полностью покрыть внутренние потребности страны и армии.

оборотом, реквизициями в завоеванных странах, оказывает все возрастающее влияние на военную стратегию Германии.

Захват Норвегии был не только овладением подступами авиации к Англии, но и началом борьбы за серный колчедан и молибден и особенно за шведскую железную руду.

¹ Словакия — главный источник снабжения Германии сурьмой.

² При годовой потребности в 400—450 тыс. т меди сама Германия может дать 30 тыс. т, Югославия — до 40 тыс. т, немного Норвегия, Финляндия, Испания и частично остров Крит.

Захват Ламанша и богатых промышленностью районов Северной Франции приводил не только к железной руде, но и приближал к бокситам южных департаментов, к захвату сырья французского Алжира и Марокко с их рудами молибдена, кобальта, сурьмы и полиметаллов.

Превращение Финляндии в вассала Германии не только укрепляло плацдарм на крайнем левом фланге для удара по Советской стране, но и обеспечивало захват сырья — серного колчедана, меди, никеля и древесины.

Особенно острой необходимостью для Германии является борьба за нефть. В значительной мере потребность в нефти толкнула задыхающуюся без нефти и угля Италию на албанскую авантюру, положила начало движению германской агрессии на Балканы.

Атака восточной части Средиземного моря, судорожные, но полностью провалившиеся попытки захвата Ирака и Сирии, долго продолжавшиеся интриги в Иране связаны с борьбой за нефть. Упорно грозя Турции на подступах к Босфору, Германия все еще мечтает завладеть нефтяными месторождениями.

Румыния с ее нефтяными полями Плоешти и нефтеперегонными заводами и галицийская нефть Прикарпатья — вот что понадобилось Германии!

Долой договоры, соглашения, несогласия своего же «друга» — Венгрии, Германии нужна Румыния, — это не только стратегический путь к югу Украины и Черному морю, это борьба за нефть, за черную кровь фашистских армий.

В общей борьбе с фашизмом и Англией, и Советский Союз хорошо знают слабые места германского сырья.

Блокада Германии английским флотом, подводными лодками и самолетами отрезает Германию от заморских и заокеанских источников сырья, одновременно укрепляя антигитлеровскую коалицию этим сырьем.

Приведем табличку, в которой на основании данных американских журналов сопоставляются реальные ресурсы основных видов стратегического сырья у гитлеровской и антигитлеровской коалиций.

Цифры показывают процент мировой добычи данного вида сырья:

	Гитлеров- ская коалиция	Антигит- леровская коалиция	Соотноше- ние
Сталь	24	72	× 3
Уголь	28	65	× 2,3
Нефть	3	97	× 32
Медь	6	90	× 15
Хлопок	0	99	
Каучук	0	99	

Народы антигитлеровской коалиции! Сжимайте же кольцо блокады, лишайте Германию и Италию жизненных соков войны!

Ни грамма нефти, бензина и керосина! Продолжайте бомбить месторождения нефти Румынии, ее нефтеперегонные заводы, уничтожайте очаги искусственного бензина и дизельного топлива в самой Германии! К ним уже проникают английские четырехмоторные бомбардировщики.

Бейте по жизненным ресурсам фашистского игрока, оказавшегося без козырей!

Ни тонны марганца, ни килограмма цветного металла, никеля или хрома, — помните призыв нашего великого вождя товарища Сталина в его историческом выступлении в начале войны 3 июля 1941 г.: «...не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего».

Истощение материальных ресурсов Германии и гораздо более слабой Италии ведет к истощению нервов и воли, к моральному разложению противника. Разложение растет и будет расти угрожающими темпами. Чем более будет развиваться борьба, чем упорнее будет отбивать Красная Армия нажим немецких полчищ, чем смелее будут бомбить советские и английские самолеты Плоешти и Рейн, тем напряженнее будет состояние голодного и усталого германского тыла.

Тиски сжимаются не сразу, напряжение накапливается по мелочам, — как гениально говорил о войне Лев Толстой в «Войне и мире»: по мелочам накапливаются исторические процессы. Мы не можем точно предсказать, когда наступит то сочетание крушения военного и политического с недостатком нефти и металла, которое приведет к уничтожению германского фашизма.

Антифашистская коалиция с грандиозными запасами недр Советского Союза, с неисчислимыми ресурсами английских доминионов Северной и Южной Америки, Австралии, Африки и части азиатского материка, в тесном единении с США крепнет, растет, объе-

диняется, усиливая единый непобедимый фронт.

Как неприступная скала, стоит в этой непобедимой коалиции великий Советский Союз с его необъятными природными богатствами, мощной техникой, невиданным расцветом научной и технической инициативы.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СЫРЬЕ И БОГАТСТВА НЕДР СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы подсчитали стратегическое сырье Германии, частично сравнили его с сырьем Великобритании и Соединенных Штатов Америки, попытались осветить общие проблемы сырья по отношению к его отдельным видам и по отношению к борющимся коалициям.

Но мы почти ничего не говорили о стратегическом сырье Советского Союза и не касались его сырьевых ресурсов. А между тем вопрос об использовании и распределении природных ресурсов Советского Союза, Англии и США имеет исключительно важное значение для ускорения победы над фашистской Германией.

Еще в марте 1939 г. председатель Госплана СССР тов. Вознесенский привел ряд интересных цифр, показав относительный рост отдельных видов нашего стратегического сырья к 1940 г. по сравнению с 1932 г. Он справедливо указывал, что ряд производств увеличивается в огромных масштабах. Нет таких видов сырья, собственными источниками которых СССР не мог бы себя теперь обеспечить.

Но к этому положению, анализ которого мы дадим ниже, наша страна пришла после долгой и нелегкой работы, после рождения новой экономики и нового советского хозяйства, после слома косных традиций горного дела в царской России.

Я вспоминаю старую, царскую Россию и начало первой империалистической войны. Царское правительство не заботилось о развитии производительных сил страны, о снабжении страны на случай войны собственным металлом. Богатства и недра лежали втуне,

лишь вскрываемые отдельными иностранскими концессиями бельгийского, французского или немецкого капитала.

В 1914 г. в начале мировой войны, самые элементарные вещества не только не добывались в нашей стране, но даже не были известны.

У нас не было промышленности алюминия, никеля, сурьмы, молибдена, висмута, вольфрама, мы не заботились о солях фтора, брома и иода, мы выписывали из-за границы соединения фосфора, мышьяка, мы посыпали свои поля фосфором из Алжира или Америки. Всего лишь 14 химических элементов обеспечены были крупными запасами, а все остальное или получалось в виде полуфабриката, или чаще всего в виде готового препарата или изделия.

Я вспоминаю первые собрания Химического комитета при Артиллерийском управлении после объявления войны, в августе 1914 г. Мы, молодые минералоги и геологи, были привлечены, чтобы помочь получить нужное сырье. Ни одного грамма собственной серы не добывалось в стране. Подвоз итальянской серы закрыт. Есть ли у нас месторождения? — спрашивает председатель. — В какой срок и сколько можно получить серы? Где достать соли бария и стронция для ракет? Существуют ли действительно месторождения бариевых солей в России? Есть ли в стране алюминиевые руды? Где добыть сурьму для шрапнелей?

Эти вопросы сыпались со всех сторон, а ответить на них было трудно.

Мы не знали хорошо ни собственной страны, ни ее недр, и идея академика В. И. Вернадского срочно подытожить наши знания и в ряде брошюр осветить запасы и месторождения отдельных видов природного сырья была встречена и военным ведомством, и всей страной как откровение, как идея, которая должна быть немедленно осуществлена.

На заседаниях знаменитой Комиссии естественных производительных сил, специальных военно-химических комитетов и комитетов военно-технической помощи началась подготовительная

работа по созданию сырьевых ресурсов. Усиливавшаяся блокада и военные потребности заставили наметить или наладить целый ряд производств: вольфрама и молибдена, сурьмы, мышьяка и висмута, солей фтора, иода и брома, солей стронция и бария.

Тогда впервые был поставлен вопрос о создании промышленности алюминия, а открытие месторождений тихвинского боксита было новой страницей в истории русского стратегического сырья.

Уже в 1916 г. академик В. И. Вернадский в своей блестящей речи об использовании химических элементов в связи с войной указал, что только 5 элементов как будто бы не обеспечены достаточным количеством сырья. Это были 3 металла войны — калий, кобальт и никель, и 2 газа — гелий и неон.

Но с редкой интуицией академик Вернадский предсказывал тогда же, что речь идет не столько об отсутствии этих элементов в нашей земле, сколько о нашем недостаточном знании ее недр.

Прошло всего несколько лет. Открытие академиком Курнаковым и инж. Преображенским грандиозных месторождений калиевых солей вдоль западного склона Урала поставило Советский Союз на первое место в мире по богатству недр «металлом плодородия земли».

Открытие месторождений никеля поставили Советский Союз на второе место в мире по этому металлу. Новые широкие возможности созданы советскими геологами в снабжении кобальтом и гелием.

И вот в 1932 г. мы могли уже смело говорить, что число используемых химических элементов достигает 60 (принимая все редкие земли за единицу) и что по 47 из них имеются крупные и достаточные для внутреннего потребления запасы.

Наконец, снова мне пришлось подсчитывать наше сырье в 1938 г.

Лишь 7 редчайших элементов не дали нам достаточно ясной картины об их промышленных запасах, тогда как все главнейшие стратегические металлы

и металлоиды заняли первые графы по степени обеспеченности ими.

Что по своему стратегическому сырью Советский Союз занимает совершенно исключительное место, мы лучше всего докажем, используя американскую статистику. Возьмем замечательную таблицу, данную Раушем в его книге о стратегическом сырье в 1939 г.

В этой таблице особыми условными обозначениями он указывает обеспечение 25 видами стратегического сырья следующих стран: США, Великобритании, Франции, Советского Союза, Германии, Италии и Японии. При этом, чем темнее значок, тем менее обеспечена страна данным видом стратегического сырья.

Бросается в глаза в этой таблице Рауша то, что самая белая полоска приходится на Советский Союз.

Обладая грандиозными запасами, обеспечивающими не только наш Союз, но и экспорт, мы по праву гордимся нашими месторождениями марганца и хрома, магния и платиновых металлов, асбеста и фосфора и в особенности нефти и железа.

Мы можем говорить, что имеем вполне достаточное количество железных руд разных типов и качеств, что полностью решили за последние годы проблемы вольфрама и молибдена, что мы блестяще справились с огромным списком неметаллических ископаемых, создав у себя мировые отрасли промышленности по слюде и асбесту, фосфору и ряду других веществ.

Советский Союз сейчас по праву занимает первое место в мире по запасам в недрах нефти, железа, марганца, апатита, солей калия, ниобия и торфа.

Он выдвигается на второе место по запасам угля, цинка, свинца и никеля. Очень видное место занимают наши платиновые металлы, титан, хром, редкие земли, медь и многие другие.

Неисчислимы богатства недр нашего Союза!

Нефть. Запас этого важнейшего сырья в нашей стране очень велик. С нефтью связаны грандиозные запасы газов, превышающие (без территории

Карпат) тысячи миллиардов кубических метров.

Уголь. Огромны запасы угля, выдвигающие СССР на второе место в мире. Большое количество угольных районов, разбросанных по всей территории Союза, обеспечивает новую географию угольных предприятий по всей стране.

Не менее грандиозны запасы железных руд. На первом месте необходимо поставить месторождения марганца, составляющие основу всех мировых запасов.

Я не буду перечислять других полезных ископаемых, лишь укажу на исключительное богатство нашего Союза редкими и сверхредкими элементами — цирконием, бериллием, литием, индием и многими другими.

Грандиозны месторождения слюды в Восточной Сибири, апатитов на Кольском полуострове, месторождения плавленого шпата, кианита, андалузита и глины. Грандиозный соляной пояс протягивается от румынской границы до границы Манчжурии. Древние соляные толщи окаймляют с запада Урал, определяя общие запасы ценнейших солей натрия, калия, магния, кальция, бора и брома, иода и ряда других.

Неисчислимы богатства широко развиты по всей поверхности нашей страны, новая география стратегического сырья родилась за последние 20 лет, наметив новые сырьевые узлы, открыв целые новые районы полезных ископаемых, о которых не догадывалась царская Россия.

Эта новая география наметила грандиозную картину распространения стратегического сырья на территории нашего Союза. Стальной хребет Урала связал в единое грандиозное стратегическое поле многие миллионы квадратных километров прилегающих к нему частей казахских степей, западные предгорья Урала и вершины Алтая.

Но эта новая картина природных богатств нашей страны создавалась не сразу: она создавалась в результате величественной и упорной борьбы многих тысяч геологов, которые в течение почти четверти века в десятках тысяч

экспедиций просматривали нашу землю, проникали в самые труднодоступные районы земли, просвечивали ее своей глубинной геофизической разведкой, освещали светом новых геохимических теорий.

Международный геологический конгресс, который собрался в Москве в 1937 г., наглядно показал, какие сдвиги произошли в русской геологической науке за последние 20 лет и как велики накопленные научные материалы. Количество отдельных точек и месторождений стратегического сырья стало исчисляться десятками тысяч. За всю историю геологической науки в нашей стране не было накоплено такого колоссального фактического материала, как за последние 20 лет.

На предполагавшемся в 1941 г. международном геологическом конгрессе в Лондоне Советский Союз должен был продемонстрировать новую геологическую карту нашей великой страны, обнимающей одну седьмую земной суши, в пестрой раскраске многих десятков цветов и тонов этой карты раскрыть недра нашей страны, ее геологическое прошлое, ее богатства настоящего. Но мировой конгресс в столице Англии не состоялся, свершилось другое единение — на поле сражения в общей борьбе против врага человечества, культуры и науки, против германского фашизма.

За прошедшие 20 лет крупнейшие открытия позволили по-новому осветить запасы нашего стратегического сырья, а многочисленные минералогические и технологические работы — выяснить качественную его сторону и подготовить сырье к эксплуатации.

Крупнейшие открытия были сделаны в области железных руд. В сущности для промышленности Магнитка была открыта только в эти годы борьбы за металл.

Мы смело можем сказать, что неисчислимы резервы нашего стратегического сырья, грандиозны возможности. Прав был В. И. Кржижановский, который, заканчивая передовую статью в «Известиях Академии наук» — «Полезные ископаемые и оборона страны», писал: «Неизмеримы богатства недр»

Советского Союза являются залогом расцвета его производительных сил, его хозяйства и культуры. Навязанная страшная война заставила все силы народа устремить на защиту своей родной страны от попыток захвата всего добытого в творческом упорном труде. Война не остановила наших исследовательских и полевых работ; наоборот, она заставила их значительно усилить и сделать более направленными, так как каждое новое открытие месторождений руд и минералов является новым фактором к победе».

Да! Богатейшие недра нашей страны поднимаются геологами и горняками против врага. В результате исследований последних лет миллионы тонн угля, нефти, металла извлекаются в тысячах точек на земную поверхность, где превращаются в ценные металлы войны, в чистый бензин, в алюминиевые крылья самолетов.

Подобно тому, как на заводах рабочие показывают замечательные примеры роста производительности труда, открывают новые технические и технологические приемы, — так же работает мысль геологов на полях и в горах родной страны, на каждом шагу показывая нам, что могут сделать люди, когда они охвачены единой волей бороться и победить.

В эти исторические месяцы отечественной войны исключительное значение приобретает Восток нашего Союза, связываемый в единое мощное целое великим стальным поясом уральских хребтов, тянущихся от островов Ледовитого океана и вновь возрождающихся за степями и песками Казахстана в мощных хребтах Тянь-Шаня и Алтая.

Уральский хребет — великая геологическая единица нашего Союза — не только сам по себе носитель почти всех химических элементов Менделеевской таблицы: сила и мощь его, кроме того, в тех полосах, которые окаймляют Урал с запада с их богатствами солей, угля и нефти и полосами востока, еще не вскрытыми геологической разведкой, но таящими несметные богатства, о которых мы пока можем ус-

ловно судить по недрам казахских степей.

Металлы Урала, угли Печоры и Караганды, нефть Второго Баку и Эмбы, соль Соликамска и Нижнего Поволжья, мощные источники серной кислоты и длинный список неметаллических ископаемых — вот что лежит в основе этого замечательнейшего во всем мире горного пояса с его 800 различными минеральными видами и свыше чем 85 металлами и металлоидами.

Во всей грандиозной картине богатств Советского Востока совершенно особую роль играет Урал, не только по своему географическому положению, не только по своей связи с углем и солью, не только по разнообразию и запасам полезных ископаемых. Мощь Урала заключается в многовековой истории его горного дела, выковавшей за 200 лет твердых уральских людей, горняков и сборщиков, забойщиков и мастеров производства. Мощь Урала — в его технических навыках, высокой технической культуре рабочего, техника, мастера и инженера. Мощь Урала — в его научных и научно-технических учреждениях — рассадниках новой передовой мысли, начиная от маленьких заводских лабораторий и кончая совершеннейшими институтами крупных заводов и Уральским филиалом Академии наук.

Сейчас на Урал ложится ответственная задача — взять на себя главнейшие линии снабжения Красной Армии, удвоить, утроить выдачу руды, удвоить и утроить выплавку металла, новыми многочисленными поездами направлять на Запад все больше и больше танков, машин, снаряжения, взрывчатых веществ, снарядов и самолетов.

В борьбе за сырье к богатствам недр, к труду и воле человека присоединяется еще один фактор, о котором мы почти не упоминали на предыдущих страницах. Мы говорили языком готовых фактов, не раскрывая того, как эти факты были обнаружены, каким трудом мысли и творчества тысяч научных лабораторий и институтов рождались победа над сырьем и умение его использовать.

Имя великой силы — и созидательской, и разрушающей, — создавшей всю красоту и величие современной культуры и одновременно родившей в руках у врагов человечества весь ужас современной войны с ее орудиями смерти, — имя этой величайшей силы — наука.

К ней мы обращаем последние страсти.

НАУКА И ВОЙНА

Беспредельна эта тема, и много часов надо было бы мне потратить для того, чтобы хоть в краткой форме раскрыть даже не общие проблемы и достижения науки в военной технике, но просто перечислить и осветить огромную творческую работу, которая произведена и производится сейчас учеными нашей страны для обороны.

Не надо забывать, что наука нераздельно связана с жизнью, с хозяйством, промышленностью, культурой и социальными сдвигами.

Наука не есть нечто самодовлеющее. Тысячами нитей она сплетается и с мирным трудом, и с военной техникой. Не всегда знаешь, где большую роль сыграет какое-либо открытие — в хозяйстве ли, или на поле сражения.

Когда знаменитый немецкий химик Габер, изгнанный фашистами из родной страны, сумел в замену дефицитной селитры тонкими технологическими методами использовать азот воздуха, этим он спас Германию от голода на взрывчатые вещества и дал мощное оружие немецкой военной технике, включив самый воздух с его составными частями в список важнейшего стратегического сырья.

Но этот же метод дал тысячи и миллионы тонн селитры для плодородия мирных полей. Он дал человечеству новый хлеб, повысил урожайность, решив одну из острейших проблем сельского хозяйства — проблему снабжения азотом.

Когда талантливый американский металлург Эру открыл новый способ производства алюминия путем электролиза расплавленных фтористых солей, он открыл новую эру в использовании этого металла, снизил цены на него пример-

но в 10 раз, превратил алюминий в сырье для транспорта, автомобилей, посуды, электропроводов. Но одновременно он решил проблему авиации и помог строительству истребителей с их скоростями в 700 и больше километров в час и бомбардировщиков с их грузом в 7 тонн грозного взрывчатого вещества.

Не об общей роли науки я хочу говорить в этих последних словах моей книжки. Я хочу подчеркнуть несколько специфических вопросов, которые поставлены перед нами войной в месяцы ее разгара. Ведь каждый из нас, читая газеты, переживая ночные бомбардировки, участвуя в дневных боях, — каждый из нас не может не ставить ряд острейших проблем обороны, не может не искать на них ответа в научной работе.

В научной работе по проблемам сырья в период войны мы можем выделить две стороны. С одной стороны, сырье противника, его изучение и борьба с ним, увеличение его дефицита, уменьшение его запасов, борьба с его качественными показателями. С другой — наше собственное сырье, усиление его мощи, увеличение его запасов, улучшение его качества, расширение его применения.

Семь основных задач могут быть поставлены перед нашей мобилизованной геологической мыслью, и трудно сказать, которая из этих задач важнее в период войны.

На первом месте стоит открытие новых месторождений стратегического сырья, больших и маленьких, бедных и богатых, но расширяющих возможности добычи сырья, облегчающих транспорт и снабжение заводов.

На втором — увеличение запасов, выявление наиболее богатых участков уже существующих месторождений и работающих рудников.

Третьей задачей является изучение качества, то тонкое химико-минералогическое и технологическое исследование, которое за последние годы дало так много новых открытий, научив из пленок бентонитовых глин получать миканитовую слюду, использовать слабые

природные растворы солей радия и мезотория для получения светящихся составов, облагораживать глины для очистки нефтей и масел, подсказывать наиболее выгодные сорта алюминиевых руд для технологических процессов.

Живая, творческая мысль минера-лога, знакомого с техникой и производством, дает возможность использовать десятки новых веществ. Списки стратегического сырья расширяются и уточняются по мере того, как исследователи, изучая свойства минералов, открывают новые возможности их промышленного использования. Такова четвертая задача.

Пятый путь изучения стратегического сырья связан с изучением его географии. При загрузке транспорта, при напряженной работе железных дорог вопросы географии сырья приобретают огромное значение. Сырье, находящееся вблизи заводов, хотя бы и более низких качеств, приобретает большее значение, чем, может быть, прекрасный материал, но привозимый с неизбежными переборами за тысячи километров по железной дороге.

Из этой географии сырья рождается одна из крупнейших и важнейших задач настоящего момента — шестая задача: я говорю о местном сырье, о широчайшем использовании для нужд фронта и тыла сырья, находящегося непосредственно около завода, фабрики, укрепленного района, родного города или родного села.

Каждая находка угля, хотя бы и низких качеств, может облегчить топливные затруднения в зимние месяцы. Открытие новых залежей известняков решает проблему постройки укреплений и зданий; находка простого точильного камня дает возможность колхознику точить свою косу, мастеру — направить свой инструмент.

Местное сырье, его изучение и использование является одним из острейших лозунгов настоящего момента.

И, наконец, последняя, седьмая задача, стоящая на очереди перед геологической наукой наших дней. Смелый полет мысли, широкая изобретатель-

ность, инициатива в решении задач, творческая мысль, которая нередко или, вернее, всегда решает самыми простыми путями, казалось бы, самые запутанные вопросы, которую жесткая необходимость толкает иногда как будто на совершенно неожиданные, но самые простые и блестящие решения.

История французской буржуазной революции 1789 г., история войн показали нам, как разнообразны и смелы могут быть такие открытия в тяжелые годы войны. Лавуазье по призыву Конвента блестяще усовершенствовал производство селитры. Крупнейшие открытия английской техники сделаны были именно в период германской блокады, когда надо было спасти английские острова от назревавшего голода.

К вам, людям науки, наш призыв: в решающей схватке подымите самые недра против врага! Пусть горы металлов, цемента, взрывчатых веществ вырастут в тот девятый вал, мощной силой которого будет повержена фашистская лавина!

Пусть не будет выхода ей ни на юге, ни на севере, ни на востоке, ни на западе, ни на небе, ни под землей, ибо великая правда, поднятая нашей страной, совместно со всем передовым человечеством, сметет ее силой Красной Армии, волей великого народа, единого в своем порыве!

В этой схватке каждый должен занять свое место, каждый должен посмотреть и проверить, что вносит он в объединенную мощь сопротивления и обороны, как вливается его маленький труд по каплям в великий океан, который захлестнет всю ложь, весь мрак человеконенавистничества и звериной злобы.

К вам, людям науки, наш горячий призыв!

Не забудем замечательные слова, сказанные В. И. Лениным в 1919 г.:

«Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще».

Единство фронта и тыла, их идейная сплоченность и единая воля укреп-

пляют дух бойца, вооруженного новейшей техникой, снабжаемого тылом нужными веществами и орудиями борьбы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я пытался в отдельных, отрывочных картинах обрисовать роль и значение сырья в современной войне. Я хотел показать, как сами недра в грандиозных масштабах, в замечательном разнообразии определяют техническую мощь и обороны, и нападения.

Я хотел показать, как неистощимы запасы стратегического сырья у нас, в Советском Союзе, как бьется фашистский мир в тисках растущего недостатка в металле и нефти.

Я хотел привлечь наших исследователей, — геологов и геохимиков, минералогов и технологов, географов и экономистов — к борьбе за недра.

Больше стали и железа, больше редких и цветных металлов! Больше и скорее, чтобы обрушиться горной лавиной металла, цемента, брони на презренный мир фашизма!

Но я еще не сказал главного. Слабы, бесполезны и немощны металл и камень,

броня и цемент, если за ними не стоит могучий боец, сильный волей, энергией и верой в победу.

Бессильны миллионы тонн лучшей стали, бесцельны самые высокооктановые бензины и не нужны лучшие осветительные ракеты, если ими не управляет великий народ, единый в своей воле, знающий, что он борется за свою родину, за счастье ее и счастье всего человечества, если этими горами металлов не управляет единая твердая воля этого народа и воля великого вождя.

Металл и нефть — только могучие орудия войны; но не они воюют, воюет армия, которая приводит в движение эти горы металла, перемещая целые месторождения, целые леса, сдвигает реки, овладевает заоблачными высотами воздуха, врезается штольнями и дотами в глубины земли, — великая Красная Армия, которая победит бесстрашием русского человека, замечательной сметкой, твердым сознанием, что победа будет за нами!

Да здравствует Красная Армия, подерживаемая мужественным, могучим тылом в едином порыве к победе!

Да здравствует солнце победы, да скроется тьма!

Патриотизм и народность Пушкина

А. ЕГОЛИН

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар, и млад; летят на
дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу
сраженья...
Пушкин

В первые же месяцы Священной Отечественной войны весь мир был изумлен небывальными подвигами и легендарным героизмом бойцов Красной Армии.

Цивилизованный мир признал не только исключительную силу Красной Армии и прозорливость руководства ею, но он увидел и горячий патриотизм всего советского народа, готового к самопожертвованию во имя беззаветной любви к родине.

Просчеты нашу врагов кроются не только в недооценке военной мощи Советского Союза, но и в полном их непонимании природы общественного строя, где равенство народов обусловило всенародный характер обороны нашей родины. Гитлер и его разбойничья банда не представляли себе возможности единства народов, населяющих Советский Союз. Все их подлые замыслы о возможности разногласий в нашей многонациональной стране разбились о невиданную еще в истории спаянность народов, добровольно вошедших в одну братскую семью, именуемую Союзом Советских Социалистических Республик.

Фашистские маниаки проповедают антинародную «расовую теорию».

«И эти люди, — говорит товарищ Сталин, — лишённые совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!..»

Большевики — наследники лучших традиций русского народа, они преемственно связаны с великим наследством прошлого. Мощь, отвага и героизм советских людей, дружба и братство народов СССР выросли исторически. Развитие страны и народа в минувшие века подготовило наше славное настоящее.

Военный подвиг, воля к победе, готовность к жертвам, презрение к смерти, вера в свое правое дело — все эти замечательные свойства русских людей, проявившиеся с наибольшей силой в благородной борьбе за освобождение человечества от фашистского ига, своими корнями уходят в историческое прошлое нашего народа, его культуры и литературы.

Русская литература — литература великих патриотов своей родины.

Величие русской литературы многократно отмечали вожди мирового пролетариата. В. И. Ленин, говоря о национальных задачах русской социал-демократии и роли передовой теории, замечает:

«А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература»*.

Советский Союз хранит творения Пушкина как величайшее достижение русского народа, как классическое наследие своего гениального певца. Страна победившего социализма нашла в творчестве Пушкина близкие революционному духу советского народа национальные черты.

Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Его творчество обогатило нашу культуру произведениями исключительной художественной силы, отобразило мысли и чувства передовых людей своей эпохи.

Достоевский сказал, что Петр I своими преобразованиями «бросил вызов России», и Россия «ответила ему Пушкиным».

Поэзия Пушкина вдохновляет на героические подвиги в бою и в труде. Чутьем гениального художника поэт угадал высокое назначение своей родины.

В царской России, представлявшей тюрьму народов, в мрачную пору николаевской реакции поэт мечтал о братстве народов. Вспоминая о своей дружбе с великим польским поэтом Мицкевичем, Пушкин пишет:

Он между нами жил
Средь племени ему чужого, злобы
В душе своей к нам не питал, и мы
Его любили. Мирный, благосклонный,
Он посещал беседы наши. С ним
Делились мы и чистыми мечтами,
И песнями (он вдохновен был свыше
и свысока взирал на жизнь). Нередко
Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.
Мы жадно слушали поэта.

* В. И. Ленин, 3 изд., т. IV, стр. 381.

С теплотой и искренностью Пушкин изображал жизнь цыган, их быт и нравы. В «Капитанской дочке» поэт рисует с большим вниманием черты характера уральского казачества и башкир. Пушкин одним из первых в литературе отметил поэтические особенности народа Грузии, храбрость и одаренность грузин. Русский поэт сознавал себя певцом многонациональной страны и с изумительной проницательностью предсказывал:

Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне
дикой
Тунгуз, и друг степей калмык.

Эти желания поэта осуществились теперь, в эпоху Великой Октябрьской революции.

Замечательную характеристику Пушкина, выражающую конкретно-исторические черты его творчества, еще при жизни поэта дал Н. В. Гоголь: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В самом деле, никто из поэтов наших не выше его и не может более назваться национальным; это право решительно принадлежит ему. В нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет».

★

На развитие русской литературы оказала большое влияние Отечественная война 1812 года. Под ее впечатлениями вырастал пушкинское поколение. И. И. Пущин в своих записках вспоминает: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготавливалась гроза 1812 года. Эти события сильно отразились на нашем детстве».

События двенадцатого года показали Пушкину, что в каждом ратнике России следует видеть богатыря, у которого «цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья».

Как истинный сын своей родины, поэт понимал силу патриотического чувства русских:

Восстал и стар, и млад; летят на
дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.

В отличие от наций, легко побежденных Наполеоном, русские дают сокрушительный отпор иноземному завоевателю:

Надменный, кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Пушкин гордится своей родиной, своей Москвой:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!
Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавно гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя
К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.

Проникновенно, голосом человека, для которого боль родины — его личная боль, а счастье родины — его личное счастье, Пушкин говорит о трагической судьбе Москвы в 1812 году:

Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Где прежде взору град являлся
величавый,

Развалины теперь одни.

Москва! Сколь русскому твой зрак уныл
и страшен...

Не блещут уж в огнях брега и светлы
рощи:

Все мертво, все молчит.

Утешься, мать прадов России,
Воззри на гибель пришлеца...
Взгляни: они бегут, озреться не дерзают,

Их кровь не престаёт в снегах реками
течь;
Бегут — и в тьме ночной их глад и
смерть сретают,

А с тыла гонит россос меч.
О вы, которых трепетали
Европы сильны племена,
О галлы хищные! и вы в могилы пали.

Разгром армии Наполеона, блестящая победа русского оружия рождают вдохновенные стихи:

И все, как буря, закипело,
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И дань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Поэт прославляет Кутузова как мудрого полководца, кровно связанного с народом и армией, как спасителя отечества от иноземного порабощения:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой...
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех ее врагов...

В твоём пробужден восторг живет!
Он русский глас нам издает;
Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас

Возвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас...

Историческая роль Кутузова блестяще определена Пушкиным:

«Слава Кутузова неразрывно соединена со славой России, с памятью о величайшем событии новейшей истории. Его титул: спаситель России; его памятник: скала святой Елены! Имя его не только священно для нас, но не должны ли мы еще радоваться, мы, русские, что оно звучит русским звуком?»

Лучшие русские полководцы дорожили тесной связью армии с народом. Это особенно проявилось в 1812 году, в эпоху величия и славы русского народа и армии. Недаром о 1812 годе говорили: «Вся Россия пошла в поход».

По словам знаменитого партизана, поэта Дениса Давыдова, источником победы в 1812 году были «оскорбленная народная гордость и пламенная любовь к отечеству».

Мысль о решающей роли народа в Отечественной войне разделял Пушкин. В противовес официальной точке зрения о спасительной миссии царя Александра I, названного «благословенным», поэт говорит о роли народа (лишь иронически, намеками, не имея возможности высказаться открыто и прямо):

Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остережение народа,
Барклай, зима, иль русский бог?

Пушкин любил рисовать картины войны, подъем народного духа, энтузиазм защитников отечества. Ему принадлежат незабываемые, ставшие классическими, изображения батальных сцен в поэме «Полтава».

Как истинный патриот, с восторгом описывает он победу Петра Великого и торжество русского оружия:

Верхом, в глуши степей нагих,
Король и гетман мчатся оба,
Бегут. Судьба связала их.
Опасность близкая и злоба
Даруют силу королю.
Он рану тяжкую свою
Забыл. Поникнув головою,
Он скачет, русскими гоним,
И слуги верные толпою
Чуть могут следовать за ним.

Поэт любит «воинственную живость потешных Марсовых полей», он прославляет Петербург — военную столицу России. Тема родины, ее слава и величие выражены в образе Петербурга:

Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия.

★

Народ и родина — коренные темы творчества Пушкина. Думы о России составляют центральный мотив его произведений. Идеал поэта — свободная родина.

Всем памятно трогательное послание борцам за этот светлый идеал — ссыльным декабристам:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Реакционные силы царской России угнетали подлинных патриотов.

Пушкин много лет провел в ссылках и всю жизнь подвергался гонениям и преследованиям. Любимейший и никем не превзойденный народный певец, «поэт в поэтах первый», был убит на дуэли, — как писал А. И. Герцен, — «одним из тех иностранных драчунов-забияк, которые, как средневековые наемники или швейцарцы наших дней, отдают свою шпагу за деньги к услугам всякого деспотизма. Он пал в полном расцвете сил, не окончив своих песен, не досказав того, что имел сказать».

Затравленный великосветской придворной чернью и убитый на дуэли агентом дворянской реакции, великий поэт, перешагнув столетие, продолжает жить в социалистическом обществе, в сердцах миллионов освобожденного советского народа.

Пушкин, обогативший человечество дивными художественными творениями, дорог нам, занятым гигантской работой по созданию культуры и литературы социалистического общества.

Он писал: «Только революционная голова, подобная М. Орлову и Пестелю, может любить Россию — так, как писатель только может любить ее язык. Все должно творить в этой России и в этом русском языке».

По справедливому определению М. Горького, «Пушкин был первым русским писателем, который обратил внимание на народное творчество и ввел его в литературу, не искажая — в угоду государственной идее «народности» — лицемерным тенденциям придворных поэтов — он украсил народную песню и сказку блеском своего таланта, но оставил неизменными их смысл и силу».

В период крепостничества поэт отстаивал свободу личности. Он был гуманистом в самом лучшем смысле этого слова, так как его творчество преисполнено — по замечательному определению В. Г. Белинского — «бесконечным уважением к человеку».

Любовь к родине у него органически связана с борьбой против крепостничества, против самодержавного гнета:

Но в нас горит еще желание,
 Под гнетом власти роковой
 Нетерпеливою душой
 Отчизны внемлем призыванье.
 Мы ждем с томленьем упованья
 Минуты вольности святой,
 Как ждет любовник молодой
 Минуту верного свиданья.
 Пока свободою горим,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы!
 Товарищ, верь: взойдет она,
 Звезда пленительного счастья,
 Россия вспрянет ото сна,
 И на обломках самовластья
 Напишут наши имена.

С лицейских лет Пушкин усваивает идеи политической свободы. «...Кипит в груди свобода; во мне не дремлет дух великого народа» (стихотворение «К Лицинию», 1815 г.). «Пушкин дебютировал революционными стихами большой красоты», заметил А. И. Герцен.

Ода «Вольность», «Деревня», многочисленные стихотворения и эпиграммы послелицейского периода красноречиво говорят об идеалах Пушкина, передового человека своего века. Творчество его органически связано с развитием революционных идей, подготовивших декабрьское восстание 1812 г., оно отразило влияние буржуазной французской революции и освободительных национальных движений в Европе. Доминирующим мотивом произведений молодого Пушкина является воспевание политической свободы:

Отступник света, друг природы,
 Покинул он родной предел
 И в край далекий полетел
 С веселым призраком свободы.

В «Борисе Годунове», как и в последовавших за ним других исторических произведениях — в «Полтаве», «Медном всаднике», «Капитанской дочке», «Истории Пугачева» — тема родины освещается в образах прошлого.

В своем творчестве поэт отражает существенные стороны действительности, без чего, как говорил Ленин, не может быть подлинно великих художественных произведений. Мысль Пушкина прикована к важнейшей проблеме эпохи: к взаимоотношениям помещиков и крепостных крестьян.

С исключительной остротой изображены им картины народных восстаний и бунтов крестьянства против рабовладельцев («Капитанская дочка», «История Пугачева», «Дубровский»).

Пушкин правдиво воспроизвел многие черты вождя крестьянства Пугачева.

«Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны» («Общие замечания» к «Истории Пугачева»). По характеристике Пушкина, Пугачев крепко связан с народом, человек умный, сметливый, исполненный чувства собственного достоинства.

В условиях реакции, наступившей после восстания декабристов, многие из передовых людей дрогнули, некоторые стали рабоблепствовать перед престолом, другие впали в скептицизм и пессимизм.

Пушкин и в 30-е годы был верен идеям просветительной философии XVIII в., он никогда не покидал своего «уважения к человеку, как к человеку» (Белинский).

Историческое место Пушкина, нам кажется, правильнее всего определил А. И. Герцен: «Одни думали, что ни к чему не придет, если оставить Россию на буксире Европы; они полагали свои надежды не на будущее, а на возврат к прошедшему. Другие видели в будущем только несчастье и разорение. Они проклинали ублюдочную цивилизацию и апатичный народ. Душой всех мыслящих людей овладела глубокая грусть.

Одна лишь звонкая и широкая песнь Пушкина звучала в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполняла мужественными звуками настоящее и посылала свой голос отдаленному будущему. Поэзия Пушкина была залогом будущего и утешением»*.

★

Пушкин — народный поэт. Его творчество выражает прогрессивные стремления эпохи, мысли и чувства передовой части общества. Белинский справед-

* А. И. Герцен. Соч. т. VI, стр. 364.

ливо считал творения поэта «совершенным выражением» своего времени.

Духом свободолюбия и просвещения, гуманизма и прославления разума проникнуты произведения Пушкина. Разум и поэзия органически слиты в представлении поэта:

Да здравствуют музы, да здравствует разум!

Говоря о роли сословий и классов в освободительном движении России, Ленин писал:

«Эпоха крепостная (1827—1846 г.г.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бесчисленных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли разбудить народ»*.

Пушкин принадлежит к тем «лучшим людям» из дворянской среды, которые содействовали пробуждению широких слоев русского народа.

В эпоху 20—30-х гг. прошлого века передовая часть дворянства выступала против самодержавия, за освобождение крестьянства от крепостной зависимости, за прогрессивное развитие своей родины. При отсутствии развитого народного движения в стране, дворянские революционеры явились представителями пробудившегося общественного сознания.

В представлении Пушкина дворянство еще не противопоставлялось народу, как это станет в период развития народного движения в эпоху 60-х гг.

Отсюда и народность революционно-демократических писателей, скажем, Щедрина или Некрасова, иная, чем Пушкина, творчество которого связано с движением первого поколения русских революционеров.

В «Исторических замечаниях» 1822 г. Пушкин писал, что «существование народа не отделилось вечною чертою от существования дворян». «Просвещенное дворянство», по его мнению, является выразителем интересов народа, а народная свобода представляет «неминуемое следствие просвещения». Проблема

* В. И. Ленин. Соч., 3-е изд., т. XVI, стр. 575.

судьбы «просвещенного дворянства» рассматривалась Пушкиным как проблема страны и народа в целом: «Желание лучшего соединяет все состояния против общего зла, и твердое, мирное единодушие может скоро поставить нас наряду с просвещенными народами Европы».

Подобно Н. Тургеневу, поэт, «преследуя свой идеал», мог сказать о передовом слое дворянства:

... рабство ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

Белинский, характеризуя творчество Пушкина, убедительно доказал, что его народность совмещалась с отстаиванием принципа своего класса, что Пушкин — сын своего времени, выросший в определенной среде и условиях. И в то же время Пушкин — народный поэт, так как его творчество выражало передовые тенденции эпохи и тем самым было поставлено на службу народа; его творчество помогало народу успешнее идти вперед по пути своего освобождения. Поэт был связан с дворянской культурой, но, тем не менее, его творчество в своих истоках было народным.

Народ, его язык, его устное поэтическое творчество — вот та почва, в глубину которой уходят корни пушкинского гения. В его произведениях отразились думы великого русского народа, с его верой в свои силы и могущество своей родины.

Вслед за Радищевым Пушкин «восславил свободу», «в жестокий век» поэт создавал народное искусство, близкое и понятное массам. Он пел и веселые песни, будучи «веры полн», и грустные, передающие тяжкий стон народа:

И выстрадавший стих, пронзительно унылый,
Ударит по сердцам с неведомою силой...

Пушкин был первым поэтом, связанным с действительностью как источником художественного творчества. Все стороны жизни нашли в нем своего певца.

★

Пушкин высоко ценил прошлое русского народа. Поэт часто обращался к эпохе Петра I, ко времени Пугачева, писал о «прозе двенадцатого года» и т. д. С большим уважением относился он к историческим деятелям России.

Сердце русского

В. КИРПОТИН

Нет слаще награды, чем недовольство и раздражение врага. Публицистические статьи Толстого вызвали злобный отклик Геббельса. Значит, — они попали в цель. Значит, — они явились оружием, укрепляющим дух нашей страны в борьбе с вероломным врагом. И в самом деле, Толстой выступил как выразитель русского патриотического общественного мнения, исполненного гнева и решимости победить.

В произведениях почти каждого крупного писателя есть свой стержень, свой центральный круг идей, превращающий отдельные книги, статьи, очерки, написанные им, в целостную систему. Такой стержень есть и во всем том, что написал Алексей Толстой. У Толстого бьетса в груди сердце русского. Все его лучшие произведения родились из размышлений о судьбах русского народа и предназначенной ему исторической миссии, из любви к родине. Только тогда, когда Толстой обращает свой талант на разработку проблем, касающихся России и русского народа, он творит в полную меру своих сил.

Алексей Толстой начал свою писательскую жизнь в промежутке между двумя революциями — в 1907 году. Авансцену литературы заполняли тогда люди, оторванные от народа, создававшие произведения искусственные и нежизнеспособные. Это было результатом разобщенности между частью интеллигенции того времени и народом. Антинародный характер части тогдашней ли-

тературы выразился особенно ясно в воспевании смерти, как высшего блага. Неестественность декадентской ветви тогдашней литературы становится особенно наглядной при сопоставлении с тем, чем жил русский народ, молодой, свежий, рвущийся к будущему. Народные массы России, уже руководимые рабочим классом, верили в свои силы. Они полны были предчувствием победы. Их представление о жизни носило оптимистический характер. Их отличали твердые идейные и моральные устои. Подлинным выразителем идей и чаяний русского народа в те годы были в литературе не декаденты, а Алексей Максимович Горький.

Алексей Толстой, как писатель, прошел через литературные влияния, характерные для начала нашего столетия. Однако Толстой, усваивая на короткое время некоторую долю модных тогда литературных приемов декадентов, основы их мировоззрения не принимал. Всем своим существом он понимал, в отличие от декадентов, что жизнь есть благо. Сердце русского человека влекло его не к чарованию искусственных вымыслов, а к реальной русской действительности. Вступая в литературу, А. Толстой хорошо знал только небольшую часть русской действительности—жизнь и быт заволжских дворянских гнезд, находившихся уже в полосе упадка и тлена. Он и стал писать о том реальном, что знал—о дворянах Заволжья, он создал целую кунсткамеру людей, потерявших ориентиров-

ку в жизни, иногда бесполезных чудачков, но большей частью злых и диких самодуров. Но главное заключается не в этом. Главным было то, что Алексей Толстой не хотел отрываться от реальной русской почвы, не хотел быть с теми, в ком иссякали жизненные соки, кто увядал и клонился к гибели. Алексея Толстого не привлекали ни смерть, ни скучное, беспросветное мещанское существование, ни атмосфера малых дел, приятных сердцу многих тогдашних интеллигентов. Писатель ищет полноты жизни. Это стремление явилось у Алексея Толстого своеобразным и, может быть, в то время даже неосознанным отражением действительной национальной атмосферы в России, не проникавшей в эфемерные «башни из слоновой кости», куда пытались спрятаться от суровых ветров истории люди, боявшиеся жизни.

Оправдание жизни, ее полноту и смысл молодой Алексей Толстой видел в любви. Роман «Хромой барин» — это книга об искуплении всех грехов и всех несовершенств человека любовью. Однако любовь слишком отвлеченное понятие для того, чтобы только через нее осмыслить действительность и для того, чтобы придать творчеству писателя общенациональное значение. Прославление любви, как выражения полноты жизни, может привести к слишком узкой, эгоистической философии. Но тема любви может быть расширена настоящим художником, может вырасти в своем значении и органически соединиться со святым беспокойством о судьбе социального и национального коллектива. Алексей Толстой пошел по второму из этих возможных путей.

Не теоретические размышления, не программные схемы, а сердце русского человека руководило Алексеем Толстым в его писательском призвании. Сердце писателя стало все более и более проникаться болью за Россию и русский народ. То, что он видел вокруг себя, было мало привлекательным. Алексей Толстой мечтал о счастье. Все его герои стремились к счастью, искали счастья. Счастьем человека мешали порядки, господствовавшие тогда на русской земле.

Эти же порядки мешали проявлению удали, размаха, талантов русского человека. А тут началась война 1914 года. Сердце писателя стало болеть острее и острее, потому что бездарность правительства, продажность господствующих классов, притеснение народа подготовили России в этой войне неудачи и поражения.

Алексей Толстой задумался о причинах, приведших могучую страну, населенную молодым, энергичным, способным народом, на край пропасти. «Обидно и совестно, — говорит один из героев Алексея Толстого. — Подумайте — талантливый народ, богатая страна, а какая видимость? Видимость: наглая писарская рожа. Вместо жизни — помещик и чернила...»

Россией управляло враждебное народу правительство, затормозившее проявление всех его жизненных сил. Оно было главным виновником всех неудач и несчастий нашей родины. Алексей Толстой это понял и осудил правящую клику, как врагов своей родины. Потянувшись всем сердцем к родному народу, Толстой отвернулся от неорганической, не народной, не национальной культуры той части интеллигенции, которая тогда заполняла еще поверхность общественной жизни. Как накипь на поверхности огромной водной стихии, бурлила в столице бредовая «урбанистическая» нездоровая ночная жизнь, в которой писатель видел самый красноречивый симптом ущемленности, ненародности существования людей, оторванных от созидательного труда и переставших думать о судьбах родины. «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком. Никто не любил, но все жаждали и, как отравленные, припадали ко всему острому, раздирающему внутренности». Сердце русского человека мучительно переживало эту отчужденность верхушки интеллигенции от того, чем жили народные массы. Тогда-то Алексей Толстой и обратился к теме Петра. У Толстого возникла потребность осмыслить и выразить в художественных образах, откуда и как пошла русская земля и какие при-

чины довели русский народ до того положения, которое писатель видел накануне и в период войны 1914 года. Первые размышления писателя, воплощенные в рассказы о Петре, были печальны. Царь Петр, своей страшной волей, один — полагал он — перестроил русскую землю и укрепил русское государство. И казалось Алексею Толстому, что ни к чему не привели гигантские усилия Петра. Но ведь это только царский режим, а не народ русский потерпел поражение в 1914 году. Народ русский к двадцатому столетию создал, несмотря на молодость своей истории, изумительную по силе и богатству литературу, живопись, музыку, науку. Народ русский проявил свой талант в неисчерпаемом богатстве, гибкости, точности, ясности и живописности своего языка. В песнях и былинах народ русский раскрыл свои думы о настоящем и излил свои мечты о будущем. Это был великий народ, который не хотел довольствоваться своей горестной участью, народ, накопивший под гнетом огромные силы, народ, перед которым раскрывались необозримые просторы.

Алексей Толстой почувствовал отвращение к тем, кто предал Россию и русский народ.

Для Алексея Толстого нет более позорной, более уничтожающей квалификации человека, чем имя «житель без отечества». «Житель без отечества» — это человек-пыль, человек-гниль, человек, заслуживающий презрения и ненависти, и хуже того — человек, обреченный, которому не дано ни личное счастье, ни сделать что-нибудь великое для потомков. Что представляет собой «житель без отечества», Толстой очень хорошо показал в романе «Черное золото» и в некоторых повестях, описывающих существование эмигрантов. Всем сердцем, всем помышлением своим верил Алексей Толстой в Россию, в неистребимость русского народа, в то, что его родина переживет всякое лихолетье, всякую беду, что, очнувшись, наверстает она упущенное и светлой явится изумленному человечеству, не просто как равная с другими народами, но как учитель и вождь других народов.

Обращаясь взором своим к прошлому, Алексей Толстой видел: сколько раз, казалось, погибала русская земля. Но народ поднимался, выдвигал мужицкое ополчение, спасал родину и изгонял иноземцев. «Уезд от нас останется, — говорит любимый герой Алексея Толстого Телегин, — и оттуда пойдет русская земля».

Размышление о судьбах России и об ее историческом пути вывели творчество Алексея Толстого в широкий мир. Писатель понял, что в дни больших народных испытаний, в эпоху, когда решаются судьбы народа и страны на многие десятилетия вперед, нельзя уйти ни в любовь, ни в природу. «Попытки запереться с Дашей на ключик от бешеных порывов революции — жалки и смешны», — размышляет Телегин, главный герой романа «Хождение по мукам», писавшегося с 1921 по 1940 год. — «Ему стыдно было и вспоминать о том, как он год тому назад суеустился, устраивая квартиру на Каменноостровском». Судьбы народа важнее судьбы отдельного человека. Судьба отдельного человека зависит от судьбы народа, а не наоборот, как это раньше казалось Толстому. Алексей Толстой становится политиком. История не ждет, народ не ждет, если ты действительно русский писатель, — дай ответ на все поставленные временем вопросы, найди, где дорога в будущее, пойди за теми, кто возглавляет народ и помоги другим также вступить на этот путь.

В Октябрьской революции русский народ вместе с другими народами, населявшими старую русскую империю, взял свою судьбу в собственные руки. В революции большевики, люди смелые и отважные, возглавили русский народ. Толстой приобщился к советской правде. «Понимаете, — я никогда не интересовался политикой, — сознается Телегин. — Это как так не интересовался? — отвечает ему рабочий Рублев. — А чем же ты интересовался? Теперь — кто не интересуется, знаешь кто? — Он бешено взглянул в глаза Ивану Ильичу, — нейтральный... враг народа». Телегин — тип русского человека у Алексея Толстого, выражает, по сути дела, то, к че-

му пришел сам писатель. Настали такие сроки, когда ничто не может спасти русскую землю и русский народ, кроме революции, кроме советской власти. Великая человеческая программа большевиков, несущая счастье людям независимо от их языка и цвета кожи, есть в то же время единственная возможная программа счастливой и вольной жизни для русского человека. Алексей Толстой стал русским советским писателем.

Трехтомный роман Алексея Толстого «Хождение по мукам» имеет эпиграфом слова: «О, русская земля!», взятые из «Слова о полку Игореве». Начиная с этого романа, Алексей Толстой стал искать и рисовать русских людей, способных возродить Россию, вывести ее из упадка и унижения, в которые ее вверг царизм. Надежда русского народа — стал думать писатель — простые, не разложившиеся, честные русские люди. Героем Толстого становится человек, сферой жизни которого является труд. Телегин — инженер, справедливый, деловой, работоспособный. На заводе он завоевал сочувствие рабочих. Телегин не уходит от народной судьбы. Народ пошел в армию — и он со всеми в армии. «Точно так же, в грязи и сырости, не раздеваясь и по неделям не снимая сапог, как и другие, жил и Телегин». В любой обстановке, благодаря общительности, отсутствию эгоцентрических и эгоистических черт, он становится в о ж а к о м и организатором других людей. Телегин безумно смел — не от рисовки и не по аффекту, а от честности и сознания необходимости выполнить свой долг перед родиной. И любовь его к Даше — прямая, здоровая, целеустремленная, благоговейная обыкновенная любовь всякого честного человека к своей возлюбленной, а не изысканная, надуманная и беспочвенная любовь человека декадентской культуры.

Телегин — болеющий горем своей родины, мечтает о том, что и у нас когда-нибудь будет хорошо, «не хуже, чем у людей». Мечту его сначала интуитивно, а потом и вполне сознательно разделяет Даша. Они любили Россию и русский народ. Они думали о будущем, о счастье, славе и величии своего народа,

во имя этого будущего отреклись от старого мира, хотя лично они и пережили в нем много радостных и беспечных дней.

Революция — самое глубокое проявление народной воли и народных идеалов, а «где народ, там и правда». Сердцем поняла Даша величие и правду Ленина. Она слушала Ленина, который говорил о судьбе революции и звал рабочих в крестовый поход за хлебом. Даша была ошеломлена, потрясена. «Даша могла только сказать: видела и слышала «другое»... Во-первых, это «другое» было очень сурово моральное, значит — высшее... Говорилось о хлебе. Раньше она знала, что хлеб можно купить или выменять. Цена ему известна: пуд муки — две пары штанов без заплаток. Но оказалось, что этот хлеб революция гневно отталкивает от себя. Хлеб этот нечистый. Лучше умереть, но этот хлеб не есть. Три тысячи голодных людей отказались сегодня от нечистого хлеба. Отреклись во имя... во имя униженных и угнетенных... Ведь так и сказал: отдать все силы, поставить все на карту, жизнь — за последний строй трудящихся и эксплуатируемых... Вот почему у них эта трагическая суровость». Ленин — вождь народа, того настоящего народа, который производит, строит и создает, без которого не было бы ни пищи, ни одежды, без которого не было бы оружие, чтобы защищать свое национальное существование и национальное достоинство. Большевики — спасители национального достоинства и единства русского народа и организаторы братского сотрудничества русского народа с другими нациями. Патриотическое, свое, кровное, национальное соединилось с наивысшим идеалом, в какой когда-либо верило человечество.

Русский народ добился и правды, и воли. Теперь Алексей Толстой, обогащенный опытом настоящего, мог вновь вернуться к исторической теме, к теме Петра, к теме России, к теме исторических судеб народа русского.

«Петр I» — это конкретно историческое художественное произведение, это роман о Петре и его эпохе. Но в то же время Алексей Толстой разрешает в

этом романе целый ряд исторических проблем, имеющих прямое отношение к настоящему его великой родине. Главное в романе — ответ на вопрос о смысле крутых исторических поворотов. Алексей Толстой пришел к выводу, что исторические переломы, если они возглавляются исторически прогрессивной силой, благодетельны для счастья народов и государств.

Тема Петра всегда вызывала в сознании русских писателей пылкий и трудный вопрос: куда движется, в каком направлении будет развиваться русский народ? Как сложится история страны, в которой мы родились и в которой мы живем?

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта? —

спрашивал гениальный Пушкин, обращаясь к Медному всаднику и думая о судьбах своей родины. «Русь, куда ж несешься ты, дай ответ?» — спрашивал Гоголь, сравнивая Россию с быстро несущейся вдаль тройкой. Оба гениальных писателя ждали ответа, искали ответа.

Русский писатель XX века Алексей Толстой знал этот ответ. Его дало время, события, свидетелем которых был Толстой. У него было нечто большее, чем простое сознание, что он является русским писателем. Его патриотизм, как патриотизм всех советских писателей и всех современных советских людей, приобрел новую окраску. В прошлом у каждого искреннего русского патриота, в его изъявлении любви к России звучали и горестные ноты. Да, русский народ в прошлом любил свою необъятную и могучую родину, свой многочисленный и даровитый народ. Но в то же время в прошлом сердце настоящего патриота всегда ощущало боль, потому что этот народ жил в условиях, не соответствовавших его достоинству и его таланту, потому что эта страна не могла развернуть всех заложенных в ней возможностей. Теперь Алексей Толстой, вместе со всеми нами, мог всем сердцем своим, свободно, нестесненно отдаться своей любви к родине. В нашей стране он обрел все, что он искал раньше. В совет-

ской земле истоки всех правд слились в один могущественный поток. Писателю не приходится уже скорбеть о разобщенности интеллигенции и народа, интеллигенции и родины. На советской земле выросла, сложилась и закалилась новая интеллигенция, плоть от плоти и кость от кости народа, в жизни своей, в творчестве своем целиком спаянная с массами, обогащающая и народный труд, и народную оборону.

Единство народа и интеллигенции создает особую моральную атмосферу, в которой сгорает все нечистое. Эта атмосфера — результат неслыханного раньше морально-политического единства народа, о которое любой враг расшибет себе голову, как о железную стену.

В истории литературы приходится встречаться с писателями, размышлявшими: не противоречит ли органическое национальное начало силе развития, не будет ли так, что народ, устремляясь в будущее, потеряет то, что образует особенность его национальной физиономии? Советская власть сочетает стремление к неустанному развитию, к неустанному движению вперед с бережным отношением к национальным особенностям культуры всех народов, в том числе и русской культуры. Остановка в развитии исторической жизни народов подобна смерти. Отставшего перегоняют другие, отсталых бьют. Кто хочет защищать свое национальное достоинство, отстаивать свое место в семье других народов, тот должен неизменно и неустанно совершенствоваться, освобождаться от слабостей, накапливать новые силы, уметь чувствовать новое и утверждать новое в сегодняшнем существовании. Вот что вычитал теперь Алексей Толстой в великой книге истории русского народа, вот чему он поучает, рассказывая о Петре и его преобразованиях.

Как часто в прошлой истории различные идеологи противопоставляли друг другу общенациональные и общечеловеческие идеалы. Алексей Толстой сейчас всем опытом своим, всем сердцем своим понял, что нет никакого противоречия между национальным и общечеловеческим. Общечеловеческое создается со-

трудничеством разных народов. «Теории» расовой исключительности характеризуют тупиц и варваров. Пропаганда расовой исключительности в итоге враждебна не только человечеству, но и своей собственной нации. Общечеловеческие идеалы советской власти стали выражением лучших национальных качеств русского народа.

На советской почве Алексей Толстой сумел впервые как следует оценить и великую славу исторических традиций русского народа, понять во всем объеме значение эпохи Петра, и «Смутного» времени, и деятельности Грозного. Окончательно определились в его сознании смысл и значение культурных традиций русского народа. Толстой освободился от элементов модернистского, «левого» письма, которые были в первых его произведениях. Характерно, что для советских изданий Толстой правил свои первые вещи, улучшая их слог, освобождая их от чуждой ему теперь стилиевой накипи. Алексей Толстой учится в славной школе великих русских классиков — Пушкина и Льва Толстого, Гоголя и Лермонтова, и Горького. С творчеством Горького как-то своеобразно перекликаются и первые его литературные выступления, ибо по жизнелюбию своему они, конечно, были ближе к автору «Детства», чем к декадентским повестям, славящим смерть.

Алексей Толстой не отказался от мечты о счастье для каждого отдельного человека, о счастье в любви, воспеваемой всеми писателями и всеми поэтами мира. Теперь писатель понял, что счастье отдельного человека является производным от счастья народа, и поэтому тема любви и в «1918 году», и в «Хмурым утре», и «Хлебе» разработана не так, как в «Хромом барине». Смысл завершения жизни героев, за судьбой которых автор следил на протяжении трех томов романа, состоит в том, что свободно предаваться своему счастью человек может только тогда, когда родина его свободна, защищена, живет в правде и справедливости.

Нилде национальное чувство Алексея Толстого, горящее ярким пламенем на страницах всех написанных им книг и

разгорающееся все сильнее в наши, советские, годы, не приходит в столкновение с уважением и любовью к другим народам. Алексей Толстой охотно и с симпатией избирает своим героем не только русского, но и украинца, и калмыка, и узбека, — представителей тех народов, с которыми русский живет в одном социалистическом государстве.

Русский советский патриот, Алексей Толстой стал рисовать в своих произведениях образы Ленина, Сталина, Ворошилова, как наших национальных героев, как лучших людей нашего народа, выводящих его из тяжелых испытаний на светлый и верный путь.

Патриотическое чувство русского человека придает единую творческую силу и единые национальные краски всему лучшему, написанному Алексеем Толстым.

★

И вот началась война, Великая Отечественная война нашего времени. На советскую родину, на русский народ, не посягавший ни на чужие земли, ни на чужую судьбу, напал враг лютый, варварский, стремящийся не только оккупировать нашу землю, но и истребить цвет русского народа, лучших советских людей, а остальных сделать рабами. Возмущенное, разгневанное сердце русского человека приказало Алексею Толстому взяться за оружие, не совсем обычное для него. Алексей Толстой выступил, как публицист, сочетающий логический ход доказательств с художественной образностью.

Сборник его публицистических статей озаглавлен «Родина». Да, это слово о родине! Со страниц ее раздается голос ненависти к врагам, голос любви к своим единокровным братьям, к нашей чудесной земле, голос веры в нашу победу.

Жестокая опасность обострила любовь писателя к родине. «Все наши мысли о ней, весь наш гнев, ярость — за ее поругание, и наша готовность — умереть за нее. Жертвенность, как тень, всегда сопутствует напряженной и большой любви. Как юноша говорит своей возлюбленной: дай мне умереть за тебя!

Родина — это движение народа по своей земле из глубин веков к желанному будущему, в которое он верит и создает своими руками для себя и своих поколений. Это — вечно отмирающий и вечно рождающийся поток людей, несущий свой язык, свою духовную и материальную культуру и непоколебимую веру в законность и неразрушимость своего места на земле».

Родина наша образуется не просто природой, среди которой мы живем. Это не только поля и леса, реки и горы, наша родина это люди, от которых мы произошли, у которых мы научились всему, чем мы владеем, и которой мы отдаем все, что мы творим. И люди, составляющие родину, являются хранителями, стражами родины нашей. В злой час, в лютую грозу, в момент опасности наш долг бережно, как зеницу ока, охранять родину нашу, быть воинственными сторожами незыблемости наших рубежей. Наш долг — выгнать, вышвырнуть супостата, опрокинуть его на землю, уничтожить его, если он не уйдет. Вот, о чем говорит Алексей Толстой каждой строчкой написанных им статей о родине.

История поставила нас снова перед испытанием, перед лихолетием. Черная тень легла на нашу землю, — говорит Толстой, и он призывает, — «что жизнь, на что она мне, когда нет моей родины?.. — По-немецки мне говорить? Подогнув дрожащие колени, стоять, откидывая со страха голову перед мордастым, свирепо лающим на берлинском диалекте гитлеровским охранником, грозящим добраться кулаком до моих зубов. Потерять навсегда надежду на славу и счастье родины моей! Забыть навсегда священные идеи человечности и справедливости — все, все прекрасное, высокое, очищающее жизнь, ради чего мы живем... Видеть, как Пушкин полетит в костер под циничскую ругань белобрысой немецкой сволочи и пьяный немецкий офицер будет мочиться на гранитный камень, с которого сорван и разбит бронзовый Петр, указавший России просторы беспредельного мира?»

Никогда, никогда не откажется русский от своего родного русского языка.

Никогда, никогда не изменит русский славу и счастье родины своей. Никогда, никогда не забудем мы, что в нашей родине все прекрасное, высокое, очищающее жизнь соединилось с национальным, кровным, своим, с Пушкиным и Лениным. Потекла кровь народная, русская, советских людей. «Боль, испытанная нами, показала, что мы еще сильнее, еще мучительней, еще горячее любим тебя, родина!»

В лучших статьях Толстого лирическое выражение любви к родине соединено с историческими размышлениями и боевыми призывами. Толстой зовет уничтожить врага. Первая слава Москвы пошла в тот день, когда московский князь Димитрий на поле Куликовом свергнул татарское иго, — напоминает Алексей Толстой. Величайший завоеватель, действительно гениальный полководец, не чета Гитлеру, Наполеон в огне московских пожаров сжег свою былую славу.

Советской Москве не пришлось и не придется никогда принести ту жертву, которую вынужден был принести русский народ сто тридцать лет тому назад. В разгар октябрьского бешеного наступления Гитлера на Москву, когда фашисты уже расписывали, где и как разместят они по московским зимним квартирам свое охолодавшее воинство, Толстой писал:

«Москва в опасности. На этом и закончится вторая фаза войны — отчаянного, бешеного наступления Гитлера, но не его победой, о чем он уже широко оповещал мир, не зимними квартирами немцев на Тверской, Мясницкой и Арбате, не фотографическим снимком самодовольно ухмыляющегося Гитлера у Спасских ворот Кремля! Нет, поход его на Москву закончится нашей великой победой: в эти грозные дни германские армии будут остановлены перед Москвой и лягут в снега...

Но жертвы самой большой, но Москвы в жертву мы не принесем. Пусть Гитлер не раздувает ноздри, предвкушая этот жертвенный дым.»

В своих патриотических статьях Алексей Толстой, как это свойственно его поэтическому и публицистическому

мышлению, не раз обращается к прошлому, не раз вызывает в памяти читателя славные деяния русского народа. Но он не забывает добавить, что современный русский человек во много раз более могущественен, более вооружен, чем русский человек прошлых столетий. Современный советский человек завоевал право устраивать свою жизнь по правде — и это уже одно удесятяряет его силы. А кроме того, современный русский, как и вообще советский, человек владеет страной, вооруженной самой передовой техникой. Прошли те времена, канули в вечность, когда наша родина была отсталой страной, которую били за отсталость.

Родина в опасности. На защиту родины поднялся весь народ и народ выводит в поле уже не просто отдельных богатырей, воодушевленных жадой героических подвигов, а богатырей, вооруженных передовой военной техникой и передовым военным искусством: рати танкистов, артиллеристов, автоматчиков. Он посылает в небо тысячи и тысячи летчиков. Сыны его спускаются и на дно морское, и бороздят поверхность водных пучин, оберегая родные берега.

«Снова поднялся на великое ратное дело весь народ, как в былые времена, но уже не в теглях, с топорами и рогатинами, а закованный в стальную броню, ошестиненный прозными русскими штыками, крылатый и грозный, ведомый в бой отцом, чьи замыслы — победа, чья воля — победа.»

Алексей Толстой цитирует старые русские былины и классические русские произведения, в которых говорится о том, как удалой русский человек расправляет могучие плечи, выходя на страшный бой, на последний бой с басурманским сыном. Эти стихи украшают его статьи. Они звучат свежо и своевременно. Они приобретают новый смысл, ибо слова, заключенные в них, ассимилируясь с новыми понятиями, созданными советской властью, приобретают особо выразительный смысл, свежесть и актуальность современности.

В художественных произведениях и

в статьях Алексей Толстой не перестает подчеркивать, что национальная русская доблесть сейчас совпадает со всечеловеческой доблестью. Национальная русская программа строительства будущего несет силу, молодость, добро и красоту русским людям, а сила, молодость, добро и красота русского человека находятся в гармонии с этими великими дарами у людей всех других народов. Вот поэтому-то ненависть, люта́я ненависть к врагу, к которой призывает Алексей Толстой, является, как он выражается, «светлой ненавистью», ибо рождена она не желанием поработить других, а стремлением к своей свободе и к свободе других народов. Ненависть, о которой пишет Толстой, объединяет во имя защиты своей земли и своей правды, она родит героев, подвигам которых стремятся подражать.

На долю русского народа выпало встретить своей грудью самый тяжкий удар фашистских варваров. Борьба русского народа ведет к освобождению русской земли, в то же время она ведет к освобождению всех других народов, угнетенных фашистами, — поэтому, говорит Алексей Толстой: «Русский — станет именем, которое дети с колыбели привыкнут благословлять, как избавителя от удушающего, смертельного кошмара фашизма».

Война, которую фашисты ведут против нас, является тотальной войной. Это латинское слово «тотальная» обозначает беспощадное разрушение мирных жилищ, больниц, очагов культуры, истребление не только вооруженных мужчин, но и женщин, детей, стариков. Алексей Толстой очень удачно противопоставляет «тотальной» войне фашистских варваров в сенародную войну, которая и приведет к нашей полной победе. «Война всенародная, — говорит он, — против тотальной — это смотр и мобилизация всех волевых сил, всего творчества страны».

Небольшая книжечка Алексея Толстого насыщена любовью к родине, она горит волей к победе, уверенностью в победе, она обращена к будущему, потому что безопасность наших границ, свобода нашей родины нужны нам для

неустанного, каждодневного, никогда не прекращающегося творчества. Самое драгоценное, что создает наша родина, — это не вещи, а люди, Человек с большой буквы. Об этом часто напоминает Алексей Толстой.

Немецкие варвары, звери, сжигающие книги на кострах, расстреливающие и вешающие прежде всего интеллигентов, с глумливым бахвальством называют себя «сверхчеловеками». Народы, которые они хотят покорить, они окрестили кличкой «недочеловеков». На самом деле «недочеловеками», попросту говоря, дикими зверями в человеческом образе, являются фашистские людоеды. А на нашей советской земле вырос и воспи-

тался Человек, Человек с большой буквы, Человек, о котором мечтал Горький, Человек, который очистил свою землю от скверны для того, чтобы неустанно шествовать вперед, в будущее. Об этом говорит Алексей Толстой. Эти мысли находят широкий ответный отклик в сердцах советских читателей. Это приводит в ярость заправил фашистской пропаганды. Советский же читатель, прочитав книжечку статей Алексея Толстого «Родина», разделит воодушевляющие ее чувства, близкие и родные его патриотическому сердцу, и смело выполнит свой долг защиты нашего отечества, которому пока еще угрожают фашистские звери.

Рождение современного эпоса

О. РЕЗНИК

★

1.

На наших глазах возникает эпос, к которому предстоит сиять в истории величавой легендой мужества. Он ощутим не только в безмерных подвигах на полях битвы, но и во всем, что создает повседневный облик страны, ставшей единым военным лагерем.

Душа народа особенно ясно познается в моменты грозных испытаний. Наши люди сейчас явили миру непреклонную воинскую стойкость, неустойчивость сил в отстаивании отечества.

Как объять это художнику? Как выразить сегодня то, что в будущем займет огромные полотна романов, исторических хроник, поэтических эпопей?

Искусство зачастую десятилетиями воссоздавало образ народа, вставшего во весь богатырский рост в переломную пору своей судьбы. То, что в летописи выглядело будничным и незначительным, позже всплывало как исключительное, достойное восхищения, возникло вновь как классическое.

Творческие силы революции возвысили наш народ в его деяниях. Отсюда почерпнута глубина дыхания, правдивая зоркость, просторная емкость сердца тех советских художников, чья жизнь слита с народом. Таким художником показал себя Николай Тихонов. Характер творчества этого талантливого поэта и прозаика закономерно подготовил пронзительную проникновенность его ленинградских рассказов, стихов о войне, поэмы о двадцати восьми гвардейцах.

Всем памятен благородный пафос баллад Николая Тихонова, где многие строки видятся издалека, словно высеченная на камне хвала революционной доблести.

Поэт пришел в литературу прямо с гражданской войны с неостывшей винтовкой в руке, с героической романтикой в душе. Жизнь его связана с Ленинградом. Грозный, величавый город — первенец революции — только-что отстоял свою жизнь от натисков немецких и белогвардейских полчищ. Город оживал на глазах поэта. И поэт всем существом вошел в эту гордую радость обновления и стал ее деятельным участником. Николай Тихонов с тех пор сделался пламенным глашатаем города Ленина в советской литературе. Но писатель всегда умел видеть в делах и думах ленинградцев весь духовный мир советской эпохи.

Темперамент воина, страсть к открытиям неизведанных черт нового бытия породили яркие туркменские очерки Николая Тихонова. Среди немногих, «придавших очерку формы высокого искусства», Максим Горький первым назвал Николая Тихонова, как владеющего «подлинным искусством изображения жизни словом».

Написанное писателем в последние месяцы, особенно его рассказы о Ленинграде «Черты советского человека», еще раз подтверждают прозорливую меткость горьковской оценки. Покоряющие красотой и силой, эти суровые и простые

зарисовки отмечены высоким искусством художника видеть в малом, случайном — большое, типичное, вечное. Тихонову чужда инерция привычного, примелькавшегося. Творческое вдохновение поэта побуждаемо всегда движением вперед, созидательной сущностью большевизма.

2.

В ленинградских рассказах писатель не сторонится горьких и тяжелых видений. Он обращает взгляд к будничному, к повседневному борению миллионов. Но за непритязательной простотой поступков, естественной правдивостью человеческих сетований и радостей, помыслов и упований писатель удивительно точно, умно, любовно раскрывает красоту и величие сердец советских людей. Художник насытил лаконичные повествования таким жаром чувств, таким романтическим уважением к своим героям, что они видятся как бы приподнятыми над временем и входят в память накрепко, надолго.

«Черты советского человека», несомненно, большая удача автора. Необходимо раскрыть ее смысл, чтобы понять особенности советской литературы в дни войны, своеобразную роль подобной творческой работы для развития нашего искусства.

Предвидя титанические задачи, которые будут поставлены перед искусством ходом исторических судеб нашей страны, Максим Горький в заключительной речи на съезде писателей сказал, обращаясь к художникам советской земли: «Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем. Мы вступаем в эпоху, полную величайшего трагизма, и мы должны готовиться, учиться преобразовать этот трагизм в тех совершенных формах, как умели изображать его древние трагики. Нам нельзя ни на минуту забывать, что о нас думает, слушая нас, весь мир трудового народа, что мы работаем перед читателем и зрителем, какого еще не было за всю историю человечества.»

Перед таким читателем нашей вели-

кой эпохи и выступает в своих ленинградских рассказах Николай Тихонов.

История советской культуры отметит Тихонова, как одного из достойных борцов за ее процветание. Это почетное место завоевано писателем не только личным участием в боях за родину, но и всей творческой биографией. Поэта всегда увлекал шумный мир народного творчества. В жажде живых впечатлений, общения с массами творцов социализма, Тихонов исколесил всю страну. Он участник многочисленных выступлений на ленинградских предприятных, авторитетный руководитель писательского коллектива — знатный гражданин города Ленина. Так сложился морально-политический облик писателя. Общественный опыт, политический темперамент придали творчеству Тихонова эпический размах и внутренне подготовили его к встрече с «эпохой величайшего трагизма» во всеоружии.

Несколько лет назад поэт писал:

Если новая война
Тыл отбросит к дьяволу,
Встанет фронтом вся страна,
Где б война ни плавала.

Тихонову довелось в Ленинграде лицом к лицу увидеть тыл, который стал фронтом. Фронтом ожесточенным, упорным, несокрушимым.

То, что фашистской солдатне ни окружением, ни ежедневной канонадой, ни измором не удалось сломить сопротивления защитников Ленинграда — высшая похвала их героической отваге.

Крепость бетона, сила железа, мастерство фортификаций, первоклассная боевая техника, — все это во много раз усилено патриотической волей ленинградцев и всего советского народа к победе. Город бессмертного величия русского народа вновь так высоко поднял знамя славы, что оно уже реет в веках.

Чувство всего советского народа, его настороженное любовное внимание направлены на город Ленина. Чувство это как бы несет в себе оттенок легенды. Невольно думаешь: «Там каждый дом, каждый камень стережет герой».

Загоревшись гневом, содрогаясь от боли за прекрасный родной город, пи-

сатель услышал в его тяжком упорном дыхании симфонию трагического и величавого эпоса наших дней. Рассказанное Тихоновым выбрано как бы наугад из безбрежного моря сходных явлений и этим достигнута их особенная достоверность. Каждый из десяти рассказов книги «Черты советского человека» — поэма о неистребимости нравственных сил советского человека. Они противопоставлены «психологии» убойного «всемогущества» немецко-фашистских войск.

В рассказе «Поединок» перед нами единоборство вооруженного немецкого бомбардировщика с безоружным товарным поездом.

После первого промаха, хладнокровно и точно рассчитав второй заход, немец вновь промазал, бомбы разорвались в стороне. Преимущества были на стороне летчика. Трудность «охоты» даже увлекла его, но тут началось то, чему не нашлось потом объяснения в птичьем мозгу немецкого асса. «Он начал рассчитывать, строго и внимательно озирая пространство. Казалось, он врежется в паровоз. Но кто-то будто вынул из-под него поезд в последнюю минуту...» Уже были сброшены все бомбы, замолкли пулеметы, а поезд шел по просторам вперед к своей цели... В этом поединке воли и бесстрашия психологически примечательн кульминационный момент. «Немец откинулся в изнеможении... Патроны кончены. Поединок кончен. Русский там внизу победил. Ударить в него всей машиной? Безумие остановить безумием? Дрожь прошла по спине фашиста... Он снизился и с любопытством и ненавистью прошел над поездом. Он не мог видеть, что за ним следит пристальный взгляд машиниста, машинист сказал только: «Что, гад, взял?»

Непонятное, страшное в русском человеке — то, что враг назвал безумием — знаменует недоступную фашистам нравственную черту нашего народа — презрение к смерти во имя свободы и чести родины. Хвастливая, истерическая удаль немецких оккупантов движима чувством безнаказанности, жаждой наживы, надеждой на толщину броневоего заслона.

Исчерпав запасы бомб и свинца, немецкий асс опустошен, обезоружен внутренне. Представления о жизни, расовая теория фашизма подсказывают вражеским летчикам простую «истину» — изворачивайся и ценой любых злодеяний спасай собственную шкуру. Для передовых русских людей, даже в годы самодержавного гнета, смысл личного существования всегда был связан со стремлением к жизни вольной, ясной, независимой. Жажду борьбы за нее народ выразил устами гениального Лермонтова в поэме «Мцыри»:

Я мало жил, но жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б смог.

Торжество Октябрьской революции, уничтожившей плен подневольного существования, высоко подняло ценность человеческой жизни. Именно поэтому советские люди, вкусившие счастье свободы, кровью своей готовы вновь и вновь отстаивать идеал современного Мцыри. Об этом прекрасно написал Тихонов в поэме о двадцати восьми гвардейцах:

Я грузчик. Я простой рабочий,
Я жизнь люблю. Я жил, Иван,
Но дай сейчас две жизни сразу —
Не пожалео их в бою,
Чтоб бить немецкую заразу
И мстить за родину свою!

Машинист из тихоновского «Поединка» — единокровный брат двадцати восьми героев. Писатель выбрал его из тысяч, как одну из искорок блеснувшей перед ним зари победы, как теплое дыхание земли, где:

...слился мирный гул работ
С непревзойденным гулом боя,
Как переключка двух высот,
Перепоясанных грозой.

3.

Писатель увидел, как отступает смерть перед славными подвигами храбрецов. Ленинград стал одной из неприступных крепостей. На темных, изведенных воронками улицах среди тысяч смертей поселилось бессмертие. Народ, умеющий жить честно, плодотворно и красиво, создавший выдающиеся образцы

техники, памятники зодчества, культуры и искусства, своей героической борьбой утверждает торжество завоеванной им жизни.

Глубина и зрелость тихоновского мастерства сказались в том, что писатель показывает это не как видимое со стороны, но как ставшее чувством очень многих.

Режиссер одного из детских театров ночью на темной улице размышляет о гибели своих сотоварищей по фронтовым выступлениям. Мысль его переносится в переживаемую им героическую эпоху. «Да, все стало просто... Вот это и есть новая классика, о которой спорили, которую не могли ясно представить. Величественная простота вечера, темных зданий, пустынных улиц, — и такая же простота жизни и смерти».

Сказанное принадлежит одновременно и автору рассказа, и его герою. Чувства и размышления писателя неотделимы от ощущений персонажей ленинградских рассказов. Их значение не ограничивается достоверностью обнаруженных благородных поступков. Автор раскрывает их как естественное влечение души. Писатель утверждает не простую правдивость наблюдения — «так было», а философию нравственного долга советских людей — «иначе быть не могло и не будет».

То, что совершают герои рассказов, осмыслено великой идеей отечественной войны. Ее очистительным пламенем озарены их повседневные стремления, и поэтому большим масштабом меряются незаметные дела.

Да! Так и должно было случиться, что возникший перед режиссером образ классики не заслонил от него фигуру падающего прохожего, а, может быть, подтолкнул быстрее притти ему на помощь. Режиссер бережно, как дорогого человека, проводил старика к его дому. В эти минуты он вряд ли думал о новой классике, но она билась в нем не только грузом добрых мыслей, но действенной силой товарищества.

Литература, главным образом, западная, знает немало произведений, подвергавших сомнению стойкость человеческих добродетелей. Зачастую эти

книги выражали довольно распространенное мнение о том, что превратности судьбы огрубляют сердце, несут одиочание нравов. Литераторы могли сослаться на многочисленные жизненные примеры — хотя бы на историю некоторых полярных экспедиций, трагедий в осажденных крепостях. Сильные отталкивали слабых, «гумашные» бросали жребий на истребление своих коллег, вооруженные вырывали последний кусок у безоружных... Они не были бездушными зверями, лишенными совести. Многие из них до страшного часа отрешенности от мира считали себя людьми широкой души, отзывчивыми романтиками. И писатели, изобразившие их, старались показать, что подобные трагедии гнездятся за пределами человеческой природы, что они возникают там, где начинается всесильная власть обстоятельств.

В советском читателе такие книги должны порождать горечь и обиду за принижение человека. Право на гордость человеком приобретено советскими арктическими походами, челюскинской эпопеей, розысками экспедиции Амундсена и в особенности ежечасным героизмом наших дней — таким, как подвиг капитана Гастелло, двадцати восьми гвардейцев...

Тихонов показал, что в нашей стране от пресловутой «власти обстоятельств», делающих человека рабом страстей, решили уже миллионы. Это словно новое свойство природы советского человека, когда осознание чудесной значимости действия зачасую приходит после его свершения.

Фотограф из рассказа «Люди на плотах», пожалуй, ничем не примечателен, кроме любви к своему ремеслу. Он готов был покорно принять гибель, когда немцы разбомбили пароход. Но когда сознания достиг вопль женщины и он увидел, что сидевшие на плоту рядом с ней трое мужчин онемели в растерянности, — его властно потянуло вмешаться, бороться, заставить этих людей успокоить женщину, проявить великодушие, волю. Это ощущение вернуло ему силы и спасло его самого. Фотограф не задумался над смыс-

лом своего поступка. В его памяти этот эпизод сохранился только, как сожаление об утонувшей «лейке». И наверное, покажется ему чудной мысль о том, что родившееся тогда в нем чувство принадлежит новой классике. Но к ней причастны и безвестный прохожий, ночью разыскавший родильный дом, чтобы оказать помощь рожавшей на улице женщине, и медицинская сестра Ирина, принимающая на снегу под разрывом снарядов новорожденную, которую назовут ее именем (рассказ «Новый человек»), и хрупкая Поля-разведчица ПВХО, откопавшая и вынесшая на своих плечах сотню раненых («Девушка»). Всех их роднит одна общая черта характера — чувство братства, единения перед общей грозной бедой вражеского нашествия.

В героях ленинградских рассказов нет ни сусальности, ни показного бесстрашия, ни героической позы. Они все обычные люди. Прохожий — «зол и растерян». Он устал после ночной смены. Добраться до дому трудно. «Казалось, никакого Ленинграда нет, есть дикая темная пустыня, заметаемая зимней бурей под вой вражеских снарядов. Напрасно стучать в эти наглухо закрытые ворота — улица пустыня, до утра по ней может не пройти ни один человек». В другое время этот прохожий, возможно, прошел бы мимо человека, лежащего на снегу. Теперь, рискуя жизнью, он разыскал Ирину, и та, шагая через сугробы и воронки, под градом осколков, только твердила одно: «Ох, не задело бы ее», т.-е. роженицу.

Поля в ответ на иронию подружки «ишь, сидит на ступеньках — бесстрашная какая», говорит искренне и просто: «Я не бесстрашная, я — разведчица». Поля не кичится бесстрашием. «Втянув голову в худенькие свои плечи, закрыв глаза, слушала она нарастающий вой...» Но эта худенькая девушка научилась управлять своими нервами, ежечасно глядя в лицо смерти, поборолa страх, обрела спокойную твердость. Она понимала, что ее долг не только подобрать раненого, но и ободрить, и это удесятряло силы чудесной девушки. Когда, спасая девяносто восьмого,

тяжело раненная, теряя сознание, «Поля сказала чистым звонким голосом: «возьмите его, он ранен тяжело в бедро...» — это было выше бесстрашия.

Невидимые нити душевной стойкости и отваги разных людей, населяющих тревожный мир ленинградских рассказов, сходятся в одном — в чувстве патриотизма. Любовь к родине в грозную минуту ускорила вызревание в людях нового, героического в характере. Писатель нигде прямо не говорит о патриотизме. Тихонов, как истинный художник, видит свою задачу в том, чтобы показать, как разнообразны и чудесно просты осязаемые в каждомжитом сегодня дне чувства патриота.

Патриотизм проявляется в самых различных поступках. Образ матери, бредущей десятки километров под обстрелом к переднему краю, для того, чтобы самой увидеть, храбро ли сражается ее сын, — незабываем.

В рассказе «Семья» патриотизм предстает, как ощущение всенародной ненависти, зовущей каждого в бой — на фронте и в тылу. Ладная, крепкая семья рабочих. Семену Ивановичу тяжело сразу сообщить жене свое решение: итти добровольцем на фронт, где погиб его брат. Он пытается подойти издали, но, оказывается, его намерения и мысли узнаны, предугаданы близким сердцем и нашли в нем поддержку, отклик. Ни единого вздоха, ни слова горечи не услышал Семен Иванович от любящей Даши. Ее тихое «все будет в порядке» означает, что сердце этой жены и матери исполнено высокой ненавистью к фашистским мерзавцам. Она благословляет на бой. Провожая мужа, Даша уже нашла для себя место в сражении — там, где работал ее муж — на заводе. Дети? Тревога за их судьбу в осажденном городе казалась неодолимым препятствием. Но и его столь неожиданно и трогательно помогла преодолеть сама двенадцатилетняя Оля: «Теперь маленьких нет. Все мы большие. Идите оба, раз нужно, — идите...» Читая этот рассказ, словно видишь весь уклад народа, обращенного помыслами к победе, и познаешь особенную истину нынешней вой-

ны: вместо распада семьи — у нас кровная любовь и дружба крепнут, сцементированные большой любовью к родине. Живой водой вспрыскивает весть о разгроме немцев под Москвой умирающего старика-военного. Напуганной дочери, которая застает отца на ногах, старик говорит: «Я вскочил, чтобы закричать: да здравствует победа! Ведь это нельзя кричать лежа, понимаешь, дочка!»

Любовь к родине поборола минутное малодушие старого художника. В его сознание родина вошла образом грозной красоты родного города, неповторимым обаянием пейзажа, чудесной красавицей-яблоней («Яблоня»). Эту особую тему ленинградских рассказов нельзя обойти.

Грандиозный общий счет нашего народа к фашистским разбойникам стал уже и личным счетом каждого на фронте и в тылу. Заставляя врага расплачиваться за поруганную землю нашу, за разорение и неслыханные зверства, каждый мстит и за свой город, свой дом, родных и близких, за любимые улицы, памятные березы, яблони и сосны, заветные дорожки парков, чудесное небо юности, за музеи, галереи, памятники, библиотеки, театры, за надежды, стремления и радости, за любовь нашу... Ведь все это осквернено там, куда вторглась подлая вражья свора.

Русская литература богата изображениями незабываемой прелести щедрой и величественной природы нашей необъятной страны. Патриотическая гордость нашей литературы сказалась и в этих описаниях. Теперь, когда враг разрушает и топчет то, что мило и дорого взору, особенно берedit сердце, воодушевляет на подвиг, усиливает любовь к родному краю. Тихонов напоминает о нем. Память героев ленинградских рассказов согрета красотой земли, за которую они сражаются. О веселых огнях Ленинграда вспоминает Поля, просторное синее небо распростерто над поездом, выигравшим поединок, прелестен даже опустелый Петергоф, по которому шагает мать, разыскивая сына. Красавица-яблоня, величественный парк, залитый лунным светом. Все это ожило и засверкало сквозь свинцово-грозный кон-

тур осажденного города, чтобы помочь полнее увидеть его людей. И всем понятны волнение художника, его решение. «Как? Уехать из этого изумительного мира красоты, героизма, труда, великолепия! Разве отсюда уедешь? Никогда и никуда. Этот город надо защищать до последнего вздоха, до последней капли крови. Надо отбросить от его стен врага, надо истребить его без остатка, а уехать — нет, никогда! И художник все стоял и смотрел, и не мог насмотреться и надивиться, полный великой радости и гордости».

4.

Николай Тихонов дал циклу ленинградских зарисовок очень точное заглавие — «Черты советского человека». Герои рассказов внутренне раскрыты в самом главном, определяющем качестве. Они живут единым стремлением, но переживают его по-разному. Они руководятся в жизни одной идеей, но выражают ее разнообразными поступками. Они думают об одном городе, об одной земле, об одном деле. Но их слова самобытны, неотъемлемы от их характера. Этим восприятием мы обязаны таланту автора. Характеристики его точны и метки. Портреты скупы и рельефны. Язык героев выражает их сущность, пейзаж аккумулирует душевную настроенность людей, оттеняет смысл событий. Тонкость писательского слуха, острота наблюдения, творческое воображение — делают одинаково живыми образы людей, сложных и простых, рабочих и интеллигентов, стариков и детей.

В ленинградских рассказах каждый герой возникает сразу, как бы освещенный прожектором в главной точке его бытия, за которой угадывается вся биография и судьба. То, что свершили современники Тихонова, достойно долговечной памяти, и в рассказах Тихонова черты советских людей приобрели особенную, далекую видимость, как всякая подлинная жизнь, преображенная высоким искусством.

Мы говорили уже о том, что автор не сторонится горького, тревожного, тяжелого. Но рассказы получились героич-

ческие, оптимистичные, возвышенные. В этом нет противоречия. Ведь люди, о которых написал Тихонов, живут той же уверенностью в победе, тем же широким эпическим ощущением страны, чем живет и сам писатель. Оно заслоняет мелкое и случайное. Оно создает основную мелодию уверенности и стойкой решимости. Пояснение этой мысли требует возвращения к рассказу «Встреча». Прохожий, которого ночью режиссер провожал к дому, видимо, был очень обессилен и несчастен. Он чувствовал в случайном спутнике дружеское участие. Оно располагало к сетованиям на трудности, невзгоды, болезни. Старик был расстроган. Может быть, гордость не позволила ему жаловаться, но уж во всяком случае ничто не могло сдерживать простые слова благодарности. Однако писатель остался и здесь верен общему направлению рассказов, где герои говорят о самом волнующем.

«Старик медленно поднял голову, осмотрел улицу, взглянул на темное, холодное небо и пристально всмотрелся в своего спутника.

— Молодой человек, — сказал он, и бледная тень улыбки появилась на его тонких, почти черных губах, — знаете ли вы, в каком городе вы живете?

Режиссер молчал. Старик приблизил свое исхудалое лицо к его лицу.

— Вы живете в Илионе, — сказал старик громко.

— В Илионе, — повторил режиссер, — почему вам пришла эта мысль сравнивать наш город с Троей древних?..

— Простите меня, я — старик, я старый преподаватель древней истории... Я не знаю города, легенда о котором была бы так величественна, как легенда о Трое, и только наш город сегодня, не кажется ли вам, не только сравнялся с Илионом, но... — сказал он совсем тихо, — но и превысил его своим героизмом...

Режиссер ответил не сразу. Они стояли друг против друга в безмолвной тишине у входа, черного, как пещера, и, как крепостные стены, подымались дома вокруг них.

— Пожалуй, вы правы, — сказал режиссер, — но в нашей Трое не будет троянского коня! Не будет — никогда!»

Этот разговор знаменателен для всего цикла. Герои ленинградских рассказов несут в себе глубокую величавую гордость, эпическое ощущение событий, которое выразил старый учитель. Эти чувства возвышают их дух в невзгодах и лишениях. Но ленинградцы богаты еще и неведомым для древних оружием социалистического патриотизма. Оно выковало единство и сплоченность народа — преграду троянскому коню.

Возникающая уже сейчас ленинградская Илиада, которая обязательно будет сложена, как великий памятник искусства, вберет в себя фронтовое творчество Тихонова, как чистую, честную и глубокую летопись славы.

И пусть те, кто еще напишет о борьбе ленинградцев в дни осады, вспомнят прекрасные стихи Тихонова из поэмы о двадцати восьми гвардейцах:

И стих обуглится простой
От раскаленной этой мощи,
Пред этой простотой святой,
Что всяких сложных истин проще.

Эти стихи могут служить к рассказам Тихонова эпиграфом, полным особого значения.

Духом высокой поэзии проникнуты ленинградские рассказы. Тихонов запечатлел оборону Ленинграда в чудесной героической поэме «Киров с нами» и других вдохновенных стихах. Поэма возникла и прозвучала в дни грозовой поры как воинская клятва мужества и преданности. Ее простой стих рожден эпическим талантом поэта-воина.

Творчество Тихонова в дни отечественной войны стало выдающимся явлением советской поэзии. Всеобщее признание поэзии Тихонова выражено в присуждении ему Сталинской премии 1-й степени за 1941 год.

Пожелаем лауреату Сталинской премии дальнейших успехов в творческом служении родине.

Родина — большое слово

Н. ЗАМОШКИН

★

Родина — понятие большое и многогранное. Перед советской литературой стоит задача раскрытия и толкования величайшего содержания этого понятия. Читателю уже известны замечательные художественно-публицистические выступления лучших советских писателей на тему о Родине. Перед нами два новых ярких опыта этого рода.

★

Крохотную по объему и формату книжку Бор. Горбатова «Родина» можно читать и читать... Она содержит в себе восемь «писем к товарищу». Кто этот товарищ, — узнаем ниже.

Книжка притягивает, воодушевляет, зовет. Написанная в грозно-тревожные, мужественные дни августа — октября прошлого года, она и сейчас, своей благородной патетикой, искренностью своего тона, возбуждает в читателе высокие чувства к Родине.

«Для каждого человека родина начинается в том селении и в той хате, где он родился. Для нас с тобой, — говорит писатель, обращаясь к своему безымянному другу, — она на руднике, в Донбассе. Родина наша началась там. Там ее начало, а конца нет. Она безбрежна. Чем больше мы росли с тобой, тем шире раздвигались ее границы». В государстве трудящихся каждый уголок родной земли кажется своим, обжитым, родным, каждое поле возделанным тобой. Дом — это мир. Так чувствовал свой дом и свою родину великий писатель земли русской Лев

Толстой, за такой дом боролся всю свою жизнь великий Горький.

Бывают встречи, в которых все сокровенное раскрывается и становится особенно ясным, отчетливым. В приднепровском селе, на расстоянии двух километров от боя, Бор. Горбатов повстречался с группой колхозников. «Вежливо откланявшись, они спросили. О чем? О бое, который кипит рядом? Нет! О Ленинграде!

— Ну, как там Ленинград? А? Стоит, держится?»

Явление, которое нельзя забыть: рушится в огне боя родное село, полыхают дворы, гибнет скарб, а простые русские люди тревожатся о далеком от них Ленинграде. Это и есть — патризм.

Сто лет тому назад великий русский патриот Белинский задавал себе вопрос: почему русские люди так сердечно привязались, так полюбили полководца Кутузова, — ведь они не видели его в лицо, ведь он непосредственно не одарил ни одного из них ни лаской, ни рублем, и пространственно он был от них где-то далеко, а вот они все вдруг потянулись к нему, затрепетали? Почему так?

Живя постоянно в мире высших запросов духа, Белинский сохранил в себе живую потребность говорить открыто о самом первичном — в том числе даже и о рубле. У приднепровских колхозников на глазах полыхало их достояние — насущный хлеб, их имущество, дома, они тяжело страдали, но, кроме хлеба, был в

мире другой их дом — «далекий» северный город Ленинград. Они и за него страдали. Почему так? Потому что Ленинград наших дней, как и имя Кутузова в дни войны 1812 года, воплощает образ Родины, на которую напали, которую уже начали терзать враги. То же вот и наш современник, советский писатель-фронтовик, Бор. Горбатов: он не только ствлеченно, но и практически показал, что означает Родина для советского народа.

Война обострила все чувства, само восприятие действительности стало чутче. Перед нами пейзаж: рвутся снаряды, и чем ближе они рвутся, тем ярственнее слышен запах гречишного меда, доносящийся вместе с пороховым дымом с колхозных, теперь уже не мирных, полей. Хорошо пахнет жизнь. Но рядом война, «а старик Овчаренко сидит под дубом и думает свою думу, словно никаких мин нет». Старик говорит: «Пять лет прэжил в колхозе, горя не видел. Про горе думать забыл. Эх, военный товарищ! Як бы время, повел бы я вас к себе в хату, богатство свое показал, похвастался б. Что хлеба в амбаре! Что кавунов! Меда! Птицы на дворе! И все — колхоз».

Сейчас этот Овчаренко, может быть, проливает свой нагруженный соленый пот на каком-нибудь «экономическом дворе» под нагайкой немецкого коменданта. Но, потерявши на время родину-колхоз, он не «плачет», и все, что он «имел», он всегда «хранил» и сейчас продолжает хранить в сердце своем. «Крушения жизни», о чем он запечатловалось было, не произойдет. Настает возрождение. Война за Родину высекла в сознании старика Овчаренко новую искру большой мысли о Родине, как огромном, безбрежном колхозе.

Такие встречи, такие слова, какие услышал наш писатель у линии огня, не проходят бесследно. Бор. Горбатов делится с нами в своей книжке опытом познания войны и жизни.

После разговора со стариком он записывает: «Вот я проехал по прифронтовой полосе. Чорт побери! Я и сам не знал, как наша земля богата. Война выплеснула все на дорогу. Ка-

кие огромные стада у нас! Какие хлеба, какие сады шумят под ветром! И все это богатство отдать немцу? Разве для него мы украшали города, строили дороги, откармливали скот, сады растили!» Нет, миллионы Овчаренок строили и растили все это для себя, т.-е. для Родины.

Добрые, героические воспоминания облагораживают человека. Родина — это живая история великих деяний, дерзаний, побед. Каждый гражданин почерпает в таких воспоминаниях новый прилив сил для борьбы с врагами Родины. То же произошло и с Горбатовым. Об этом его «третье письмо».

Он слышит на эстраде прифронтового городка, как баянист «торжественно серьезно, словно гимн», играет Каховку — песню, еще недавно прошедшую победным маршем по всей нашей земле. Это — песня о славе нашего оружия, о южных бранных степях, где вчера еще шумели легендарные битвы, «где шумилась легенда» о героях гражданской войны, об изгнании немецких оккупантов. Недалеко гремит бой, — «а мы, потомуки дел великих, сидели и слушали баяниста. И нащупывали наган на боку. Вот и наш черед пришел, товарищ, для великих дел. В этой песне о Каховке нехватает куплетов про нас с тобой. Они будут! Отцы и дети смотрят на нас с надеждой: ну-ка, не опозорьте нас! Херсонские курганы зовут и нас к славе. Матрос Железняк учит пробиваться штыком и гранатой сквозь вражий строй. Пули поют над нами, сонный ветер хлопает крыльями, бронепоезд вышел с запасного на боевой путь. И девушка наша в походной шинели горящей Каховкой идет...»

Образы героического прошлого молодят душу. Каховка ли, песня ли приамурских партизан — это наша ближняя память, это из личного нашего опыта. Старый писатель Сергеев-Ценский хорошо говорит в «Севастопольской страде» о том, что существуют две памяти: жизнеутверждающая память и память мертвая, старческая, ущербная. У наших врагов память служит делу смерти и разрушения, она вся — в культе огня и металла, как соедств по-

рабощения, умерщвления, насильственного онемечивания. Наша же память служит делу освобождения народов. И потому так важно, чтобы жизнеутверждающая память скрепляла священную дружбу поколений, чтобы революционные боевые традиции всегда жили в сердце бойцов отечественной войны. Родина—это алмаз, сверкающий всеми своими гранями. Бор. Горбатов увидел сверканье в такой важнейшей ее грани, как боевые традиции освободительной войны 1918—20 гг.

В книжке Горбатова восемь коротеньких писем. И в каждом из них есть своя «точка опоры», — преобладающая мысль, мелодия. И чем тревожнее была та фронтовая обстановка, в которой письма писались, тем тревожнее, но и мужественнее становился голос автора, тем острее его взгляд. «Письма» связаны не только единством настроения и темы, но и некоторыми формальными принципами. Наиболее наглядны в книжке концовочные и начальные повторы. Первые три письма кончаются так: «Товарищ! Если ты любишь родину и власть нашу, и богатство, и наше приволье, и славу ее, и боевые традиции ее, — бей, без пощады бей, без жалости бей, без страха бей оккупантов!» Такие аккордные концовки-призывы с естественной необходимостью вытекают из всего содержания писем. Пять других писем организованы уже иначе; все они начинаются ожиданием рассвета, когда, согласно приказа, начнется атака. «Вот и наш черед пришел, товарищ!» «Семь часов осталось до рассвета», потом пять, три, два часа, наконец, — «светает, товарищ...»

«Загрохотали гаубицы. Артподготовка.

Сейчас и мы пойдем.

Над родной донской степью встает солнце. Солнце боя.

Под его лучами я торжественно клянусь тебе, товарищ: я не дрогну в бою, раненный — не уйду из строя, окруженный врагами — не сдамся». Час рассвета — это час победы, и солнце боя — это солнце Родины.

Символика лирико-публицистической повести Горбатова, как видим, не нова.

Но зато всегда ново и живо то древо жизни, которое прославляется в этой книжке. Любя Родину, Горбатов ненавидит врагов ее. Всей страстью своей души он зовет подрубить под корень то древо яда и смерти, которое насаждает враг на своей и чужой земле.

К нему и птица не летит,
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набезит
И мчится прочь уже тлетворный.

Книжка Горбатова славит жизнь. Когда взошло солнце и похорошела донецкая степь, когда в лучах дневного светила заиграли меловые горы и все с минуты на минуту ждали сигнала боя, автор невольно признался в своей бесконечной человеческой привязанности к жизни: «Никогда еще жизнь не казалась мне такой прекрасной, как в этот час. Товарищ! Очень хочется жить. Жить, дышать, ходить по земле, видеть небо над головой. Я очень люблю жизнь, — и потому иду сейчас в бой. Я иду в бой за жизнь».

«Но не всякой жизнью хочу я жить, не на всякую жизнь согласен», — тут же признается писатель, и рисует нам картину согбенной, покорной жизни под ярмом палачей. В окопы приютил «с того берега» русский человек. Увидев бойцов, он заплакал, подобострастно жал всем руки. «А я глядел на спину этого человека. Страшнее всяких рассказов была эта спина. Слово хребет ему переломали. Слово все полтора месяца ходил он, кланяясь, извиваясь, вздрагивая всей спиной в ожидании удара. Вот когда увидел я, с предельной ясностью увидел, что несет мне немец: жизнь с переломанной, покорной спиной». Но человек этот не просто несчастный, жертва голого насилия. В том-то и дело, что, живя под ярмом, он не нашел в себе мужества выправить спину. Уже очутившись среди своих, на родине, он попрежнему идет — согбенный, хныкающий. И писатель справедливо говорит о рабской душе этого ничтожного человека. Родина отвергается от таких людей.

И другой образ набрасывает Горбатов — образ шкурника, предателя, с

которым довелось ему повстречаться на передовой линии войны. Случай этот жжет его сознание. Для обличения его нет в языке достаточно выразительных, исчерпывающих слов.

«Товарищ!

Сегодня днем мы расстреляли Антона Чувырина, из третьей роты» — расстреляли всем взводом, — «ведь это он нас предал». Глаза дезертира Чувырина подло бегали по сторонам, когда смотрели на него бойцы. «Хотел ли он победы немца? — спрашивает автор. — Нет, конечно, как всякий русский человек. Но у него была душа зайца, а сердце хорька. Свою судьбу он рассудил так: «Моя судьба — в моей шкуре». «Эх, просчитался ты, Антон Чувырин! — восклицают вместе с автором все его сослуживцы по роте. — Никто за тебя драться не станет, если ты отойдешь в кусты. Здесь каждый дерется за себя и за родину! За свою судьбу и судьбу родины. Не отдерешь, слышишь, не отдерешь нас от родины: кровью, сердцем, мясом приросли мы к ней». Сорную траву с поля вон. «Вот он лежит в бурьяне, Антон Проклятый, — человек, сам оторвавший себя от родины в грозный для нее час. А мы проходим по-ротно, железным шагом. С рассветом пойдём в бой. В штывки. Может, умрем. Но никто не скажет, что мы трусили, что шкура наша была нам дороже нашей отчизны».

Два образа: человека с согбенной спиной и человека, спрятавшегося в кусты — поучительны и назидательны. Они — как предостережение, как голос возмущенного чувства патриота, для которого Родина — большое слово. Два этих случая в опыте писателя составляют исключение, но он справедливо не хочет и не может пройти мимо них, не заметив всего ужаса совершенных этими людьми преступлений, одинаково направленных против нравственного величия русского народа, против долга перед Родиной.

В книжке Горбатова немало ярких страниц, но правдивы — все страницы без исключения. Строки ее продиктованы самой жизнью, безграничной пре-

данностью Родине. Отсюда ее пафос, ее бурлящий ритм, ее добротное немногословие и неподдельная искренность содержания. Она должна находиться в арсенале нашего бойца, лежать в мешке красноармейца, рядом с «неприкосновенным запасом» и «индивидуальным пакетом», — это содержательная, портативная, горячая книжка.

★

Адресат писем Горбатова нам известен, хотя в книжке он и не назван. Нельзя сомневаться в том, что «товарищ» — это все мы, бойцы, защитники своей Родины. И когда автор обращается: «Если ты любишь Родину...», то это прежде всего риторическая фигура, прием наведения на единственно возможный ответ: «Да, любим!»

К этому товарищу обращены многие произведения современной советской литературы, независимо от того, написаны они в форме писем или нет. В качестве примера можно указать сборник фронтовых стихотворений поэта Алексея Суркова «Декабрь под Москвой», написанных поистине кровью сердца. Но кроме стихов, в сборнике помещена в прозе «Клятва воина» за подписью Иванова Петра. Лицо это, конечно, не собственное, а собирательное, вымышленное, но и как бы совершенно реальное. Иванов Петр, наверно, и есть тот самый безымянный товарищ, с которым мы уже заочно познакомились по книжке Горбатова. Само собой разумеется, образ Иванова Петра возник в представлении поэта совершенно независимо от образа горбатовского товарища и поэтически существует самостоятельно. Но любое явление, когда оно названо, становится от этого живее и конкретнее. То же и в нашем примере. Однако отождествление этих двух образов осталось бы формальным, если бы их не сближало, не сливало воедино дело жизни, которому они оба служат — дело защиты Родины, а также и единство их мыслей, чувств. Мы увидим сейчас, что Иванов Петр воплощает в себе все самые дорогие чувства и мысли советских отважных за-

щитников Родины, которые раскрыл в своей книге Бор. Горбатов. «Клятва воина» — это как бы ответ на письма Бор. Горбатова.

Советская поэзия, советская литература сейчас более, чем когда-либо, — действительное оружие борьбы. Подлинный советский литератор выступает ныне в роли певца в стане воинов. И потому ему легко как бы передоверить свое творчество любому из этих воинов, товарищу-другу. А. Сурков поступил именно так.

Иванов Петр прошел многие прифронтовые земли. И ему открылась правда освободительной войны и правда жизни. И что же он увидел, что пережил, к чему пришел? Он увидел, пережил, пришел и еще сильнее укрепился в любви к родной стране и ненависти к врагу. И интонационно голос клятвы Иванова Петра близок к горбатовским письмам к товарищу, но в ее ритме, прежде всего, слышится не лиризм, а тяжелый, четкий размер торжественного обещания.

«Я — русский человек, Иванов Петр, боец Красной Армии», — так начинается клятва.

Проходя по местечкам и селам западного края родины, он видел торжество смерти. Тогда сердце сказала ему: «Здесь летали железные коршуны Гитлера — запомни это».

Воин говорит дальше: «Я шел по полям моей родины. Выше головы подымались колосья ржи и пшеницы. Колосья наклонялись ко мне близко-близко. Они шептали мне в уши:

— Ты наш хозяин. Ты своими руками взметал пары, взрыхлил землю для сева...», но вот пришел «голодный разбойник, который ни пахал, ни сеял...»

«Я иду по городам моей родины, каждый кирпич в домах и корпусах, мной возведенных, говорит мне...» И все, что было сделано, добыто рукой советского труженика, требует от него мести: «Встань, мститель и защитник! Всей силой своей ненависти и ярости опрокинь чужеземца!»

Рефрен этот звучит в клятве страстно, набатно. Клятву, данную во время присяги, Иванов Петр дополняет новыми, идущими от сердца словами: «Пока сердце мое бьется в груди, пока в жилах моих останется хоть капля горячей крови, я пронесу мою ненависть, как знамя... Ненавистью свою присягаю родине я, русский человек, красноармеец Иванов Петр. И присяга моя крепче стали». Это грозное обещание, в выполнении которого невозможно сомневаться, порождено сознанием принадлежности человека Родине. Родина зовет к отмщению за все неслыханные злодеяния.

Мы не рецензируем здесь стихотворений Алексея Суркова. Многие из них займут прочное место в истории советской поэзии и особенно в поэзии эпохи отечественной войны с фашизмом. Сурков поет о ненависти. Чеканная, отличая форма и глубоко человеческое содержание некоторых из этих стихотворений производят сильнейшее впечатление. Иванов Петр должен их знать. Приведем два стихотворения.

Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семьей сгорел,
Он от невыплаканных слез
Лицом и сердцем почернел.
Под елью он сидит в тени,
У ног его бежит река,
В глаза товарищу взгляни,
И ты поймешь, как месть сладка.

Он мне сказал, отходя ко сну:
— Черные тени в глазах ребят.
Только забудусь — вижу жену,
Только забудусь — вижу ребят.
Мертвые дети мерещатся мне.
Дрожь пробегает с волос до пят.
...Вот почему в ночной тишине
Крепкие зубы его скрипят.

★

Перед нами два образца советской военно-художественной публицистики. Как-будто два писателя условились начать переключку двух фронтов — южного и западного. Но не все ли равно: условилась или нет. И в том и в другом выступлении писателей горят огни эпохи, — единственной по силе патриотического сознания и подъема.

Стефан Цвейг

ВЛ. ЛИДИН

★

Цвейг вызвал меня телеграммой. Было портовое дождливое утро, когда приехал я в Гамбург. На пузырящейся от дождя воде Внутреннего Альстера вдоль Альстердама плавали мокрые белые лебеди. Цвейг жил на маленькой улочке где-то возле Гольстенаваль Ринга. Он жил один в большом Гамбурге. Он любил писать свои книги в чужих, незнакомых городах. Слишком много людей знали его в Вене и Зальцбурге. Здесь, в квартирке какой-то вдовы, сдавшей ему на месяц жилище со своей обстановкой, не знал его никто. Цвейг писал в Гамбурге «Марию Антуанетту», очередной психологический портрет одной из сложных исторических фигур. Он любил эти противоречия одаренных или гениальных натур, мятежный их путь, скорбный закат. Пытливый мастер, приглядываясь он к психологическим противоречиям одаренных характеров, воссоздавая с достоверной психологической правдой облик людей, отделенных столетиями. Фуше и Мария Антуанетта, Эразм Роттердамский или утонченная Марселлина Дебсрд-Вальмор, неутомимый искательский гений Магеллана или Мэри Эдди и Фрейд. Великие спутники были для него, как комнатные сожители. Он знал их жизнь в подробностях. Он, как врач, определял их недуги, мании и психические повреждения. Одна из его книг о Ницше, Клейсте и Гельдерлине так и называется «Борьба с безумием». В этом мире психологических наблюде-

ний Цвейг был дома — это была его жизнь. Он собирал автографы — рукописи выдающихся или знаменитых людей. В его собрании была партитура Бетховена. Ему нужен был почерк людей, их словесные поправки и искания слова — в этом тоже был ключ для разгадки их личности.

Цвейг работал днем при глухих, отодвигающих день шторах, лежа в постели, при свете настольной лампочки. Он писал свои книги карандашом. Он встретил тостя в ночной пижаме и утренних туфлях. Рукопись с недописанной карандашной строкой осталась лежать на подушке. Ни один из докучливых журналистов не знал, что Цвейг сейчас в Гамбурге. Ему нравилась эта незаметная жизнь, в затерянной квартирке какой-то вдовы, среди чужих вещей нехитрого мещанского обихода. Я сразу после простора дождливого утреннего Гамбурга попал в ночную тишину глухой темной квартиры. Цвейг стал одеваться. Полчаса спустя он был уже выбрит, волосы его были лаково притерты, черные усы аккуратно подстрижены. Он походил на доктора, может быть, на делового человека и меньше всего на писателя. Только в его умных темных глазах была глубина и та лирическая, чуть меланхолическая теплота, которая сразу определяла натуру художника.

Цвейг был рад, что ему помешали работать. Мы познакомились с ним несколько лет назад в Москве, куда приезжал он на толстовские торжества. В Яс-

ной Поляне этот человек, привыкший к европейскому порядку жизни и к европейским удобствам, долго стоял в сводчатой низкой комнате, где Толстой писал «Войну и мир».

— Дворник моего дома не согласилась бы жить в такой комнате, — сказал он, обращенный к новому образу Толстого, который возник для него в этом предметном мире толстовского обихода. — Но в такой комнате мог работать именно гений.

Казалось, какие-то поправки к «Трем певцам своей жизни» возникли для него в этом доме, где жил и дышал один из самых близких ему, Цвейгу, спутников.

Мы вышли из дома и пошли под зонтом по улицам Гамбурга. Прекрасны большие, особенно портовые, города в дождливые дни. Было в этом дожде нечто от морских непогод, которыми изобилует Северное море. Я спросил у Цвейга: почему он, автор умных и тонких новелл, ушел в последние годы в мир жизнеописаний? Цвейг задумался.

— История жизней выдающихся людей — это история больших душ... даже если это души подлецов, вроде Фуше. В конце концов, история Франции девятнадцатого века без разгадки таких личностей, как Фуше или Тьер, была бы неполной. Меня интересуют пути, по которым шли эти люди, создавая гениальные ценности, вроде Стендаля или Толстого, или поражая мир преступлениями, вроде Фуше. Но роман я напишу... нет, конечно, роман я напишу.

И Цвейг рассказал о романе, который он хотел написать. Это должен был быть роман о молодой девушке после мировой войны 1914 года. Душа Цвейга была легко ранимой душой. Мировая война глубоко потрясла, оставила неизгладимый след в душе Цвейга. Он прожил ее всю в нейтральной Швейцарии. У него есть рассказ о человеке, который бежал от войны именно сюда, в Швейцарию, и война все-таки настигла его. Цвейг писал этот рассказ почти с ошущимым для читателя ужасом. Он был добрым великодушным человеком в широком, всечеловеческом смысле этого слова. Он делал множество добрых дел. Он безмянно помогал десяткам людей,

посылал им деньги, устраивал для них поездки. Он возмущался человеческой алчностью или жестокостью.

Мы шли под дождем по широким улицам Гамбурга. Цвейг бережно держал зонтик над нами, чтобы меня не замочил дождь. Он вел меня в какой-то самый старинный и самый дорогой ресторан обедать.

— Мне нравится, — сказал он, когда мы сели в старом зале с портретами Мольтке и Бисмарка и чуть ли не с газовыми рожками конца прошлого столетия, — сидеть рядом с богатыми людьми, которые предполагают, что я тоже богат... а я плюю на все богатства. Приятно поражать их, заказывая, например, самые дорогие блюда, которые они из скупости ни разу в своей жизни не заказали.

И Цвейг, внутренне довольный, заказал какой-то необычайный черепаховый суп и после обеда потребовал особенный кофе, для изготовления которого была привезена на тележке целая химическая фабрика из колб и перегонных трубок. Его необыкновенно занимало, как капля за каплей натекал кофе в чашку из перегонной трубки и что богатые ганзейские люди с недоброжелательством косились на его прихоть. Ему, человеку, за которым устремилась бы целая свора журналистов, нравилось, что ни один человек не знает его в этом городе и что он здесь — не знаменитый Стефан Цвейг, а обыкновенный, незнаемый никем рядовой человек.

Он был застенчив, строг к себе и скромн. Его книги переводились во всех странах мира, он был богат, но это богатство было для него только источником добрых дел, которые мог он делать, и возможностью жить независимой жизнью, ни в ком не нуждаясь и ни для кого не поступаясь в своих нравственных принципах.

— Самое большое впечатление, которое останется для меня на всю жизнь, это была поездка в Россию, — сказал он, отпивая свой чернейший, накапавший, наконец, в чашку кофе. — Я знал русских по Толстому и Достоевскому, но я увидел, какой народ русские... Какой народ! — повторил он задумчи-

во. — Конечно, они призваны обновить и освежить мир... и они это сделают, я в этом уверен. Вот поэтому, когда свершаются такие великие события в истории, не хочется выдумывать в искусстве. — Он снова возвратил себя к прерванной теме о романе. — А эта девушка была бы все-таки выдумкой.

Книги Цвейга любили особенно женщины. Очень часто и тонко возвращался он в своих книгах к женской душе. Со вниманием и нежностью живописал он эту женскую душу, сам немало обласканный ею. Цвейг жил обычно в Зальцбурге, недалеко от Вены. В Вене, одном из самых романтических и прекрасных городов мира, еще не так давно, в пору детства моего поколения, звучали имена Шницлера, Германа Бара, Альтенберга, Гофманстала. Не одна лирическая записка была связана со старым Пратером. Вена не изменила в своей привязанности к Штраусу. В Вене жил близкий друг Цвейга — старый Фрейд. Цвейг приезжал из Зальцбурга в Вену. Здесь находил он своих героинь. И «Смятение чувств» и «Роковые мгновения» — темы этих книг были даны Цвейгу Веной. Этот несколько чувственный, чуть меланхолический, как всё, что связано с чувством, с любовью, мир — был близок Цвейгу. Он жил в кругу этих чувств, он был обласкан, он не хотел стареть. Он очень боялся старости — в ту пору ему должно было исполниться через год пятьдесят лет.

— Я боюсь старости, увядания сил, своей неполноценности, — сказал он почти со страхом. — Дело не только в том, что я перестану быть мужчиной, а в том, что я сам почувствую в себе спад физических сил, что я буду дряхлеть.

Ему нужно было продолжить этот необычный обед с химической фабрикой, изготавливавшей ему кофе. Он должен был закончить день именно в каком-нибудь портовом кафе, где собираются самые поврежденные личности, со странностями, которые неизменно хотел он разгадать. Был уже вечер, и над старой Ганзой лежала портовая ночь с гудками пароходов на Эльбе, ходовыми

огнями на мачтах и ветром, гнавшим дождь с Северного моря. Опять, держа аккуратно зонт, чтобы спутника не замочил дождь, наслаждаясь дождливой этой ночью и ночным путешествием, и тем, что ни один человек не опознал его в этом городе, шел Цвейг рядом.

— Здесь есть очень много несчастных существ, в этих гамбургских кафе и пивнушках... биографии многих из них заслуживают целой повести. Писатель должен много ходить по жизни и видеть.

Цвейг уверенно шел к своей цели — к какому-то избранному им кафе в порту возле Эльбы. В кафе было малолюдно и сидело несколько девушек, искавших ночного знакомства.

— Поглядите на лицо этой девушки, — сказал Цвейг, заказав чашку кофе. — Я уверен, что только большое, пережитое ею несчастье привело ее сюда.

Он был немножко старомоден в поисках пострадавшей души, но ведь это именно он сопоставил с великими тенями Бальзака и Диккенса — Достоевского. Это были «Три мастера», особенно привлекавшие Цвейга. Полчаса спустя он был уже знаком с этой девушкой, час спустя он уже знал всю ее биографию, находя в обычности этой женской судьбы некоторые необычные черты, приукрашенные его фантазией художника.

Он был думающий художник. Широко обобщая историческую личность, он старался в ней выразить всю эпоху, в которой личность эта созревала и действовала. Оттого его книги-биографии перерастают задачу характеристики той или другой выдающейся личности. Они становятся документами эпохи, и мастерство Цвейга дает жизненную правдивость всем его догадкам психолога и художника.

Он не хотел стареть, Цвейг. Он не хотел пережить упадок своих жизненных сил. Он любил жизнь, украшенную чувством. Он хотел видеть мир, направленный к лучшим и благородным целям совершенствования человеческой личности. Он был душевно благороден, и множество людей во всех странах, лю-

дей, знавших Цвейга, навсегда полюбили чистоту и благородство его души.

— Я до этого не доживу, — сказал он горько, в поздний час, когда уже закрывалось гамбургское это портовое кафе. — Но я завидую тому, кто напишет когда-нибудь жизнь Ленина.

Цвейг до этого не дожил. В день своего 60-летия в Рио-де-Жанейро, в Бразилии, они по уговору с женой, одновременно покончили жизнь самоубийством. Опять — знаток и любитель книг, описатель судеб исторических личностей — он видел перед собой пример супругов Лафаргов или Кюри. Выброшенный войной, наступлением фашистских войск на Австрию — из родного Зальцбурга, он оказался на положении эмигранта в Лондоне. «Я потерял все, что имел, — написал он мне из Лондона в письме, — но самое страшное, что я потерял Германию, которая была второй моей родиной».

Фашисты заняли Зальцбург и Вену, уничтожили независимость Австрии, сожгли книги Цвейга. Война обрушилась на Лондон, в котором в качестве изгнанника он жил. Он пересек океан, как некогда пересекал его описанный им Магеллан, и оказался в Южной Америке. Жизнь Цвейга завершила свой

круг. Ему стало шестьдесят лет. Родина была временно потеряна. Европа была растоптана фашистами. Стареть Цвейг не хотел. Он не был борцом, он был наблюдателем жизни. В шуме исторических потрясений он думал, что можно, задернув шторы в своей комнате, попрежнему писать тонкие анализы человеческой души. Жизнь вторглась в его дом, и Цвейг оказался в безнадежном кругу. Бразильское правительство приняло похороны знаменитого писателя на свой счет. Его последняя книга была «Бразилия — страна будущего».

Это был дружественный нам писатель. Ни в одном слове, написанном им за его литературную жизнь, он не мог раскаиваться. Он жил и писал, как большой человек и писатель, для которого нравственная правда являлась единственным побудительным началом его большого и тонкого таланта. Будет время — прах Стефана Цвейга перевезут в родной Зальцбург, и среди австрийских писателей займет он, Стефан Цвейг, одно из самых достойных мест и по таланту, и по нравственной чистоте его творчества, и потому, что человек Цвейг всегда сопутствовал писателю Цвейгу на всем его жизненном и творческом пути.

Библиография

ПРАВДА ИСТОРИИ*

«В грозные дни истории, подобные тем, которые мы переживаем сейчас, не только воздух, окружающий тебя, становится как бы более прозрачным и ты стоишь, словно на возвышении, но и глаза твои делаются больше и ты видишь далеко впереди.

Ты видишь всю правду истории!»

Так начинается одна из статей Всеволода Иванова, включенная писателем в сборник «Мое отечество». Эти слова могли быть поставлены эпиграфом ко всему сборнику, ибо они очень точно определяют его характер.

Истинный художник, по меткому определению А. М. Горького, «чувствительнее своей страны, своего класса, уха, око и сердце его; он — голос своей эпохи». В его произведениях мы ощущаем биение народного сердца. В годы больших потрясений и массового движения народа, в дни, когда родине угрожает смертельная опасность и когда весь народ поднимается на защиту страны и живет единой волей, основное лучшее в жизни народа выступает на первый план. Именно это и позволяет художнику постичь великую правду народной жизни.

Советская страна ведет священную войну против своего ожесточеннейшего врага, германского фашизма, за свою свободу и независимость. Участие писателей в этой великой борьбе дает им ясность понимания происходящих событий, возможность простыми словами рассказать о том, что чувствует и переживает родной народ.

Сборник «Мое отечество» представляет собою прекрасное подтверждение этого. Сюда вошло все, написанное Всеволодом Ивановым за первые месяцы войны. Наряду с чисто публицистическими статьями сборник объединяет и очерковые материалы, например, рассказы раненых, очерк о зенитчиках, защищающих воздушные подступы к Москве. Но каждое произведение, независимо от его жанра, представляет собой по существу мысли писателя о великом патриотическом духе советских людей.

«Мое отечество» взволнованная книга. Мыс-

ли, наполняющие ее, — это мысли, близкие каждому из нас.

Статьи Всеволода Иванова не обычные публицистические статьи. Художник не может не воспринимать мира, как художник; в непосредственном общении с действительностью он ищет, может быть, интуитивно, подтверждения тому, что волнует его, и уже обогащенный самой жизнью приходит к обобщениям. Многие статьи в книжке начинаются, как рассказ, как очерк. Глаза писателя стали как бы зорче, острее, и за теми черточками действительности, которые могли раньше пройти незамеченными, теперь он видит великую правду истории.

В переполненном трамвае возле окна старушка с сыном. Она провожает его на фронт, материнское сердце болит, глаза заплаканы. Навстречу мчатся грузовик с мобилизованными. И когда грузовик проскочил, она озабоченно обращается к сыну:

«— Это как же, Крохалец-то вперед тебя успел в машину попасть? Стало быть, он раньше тебя на фронте будет?»

В короткой реплике сказала душа советского человека. Вероятно, большинство свидетелей этой сцены не обратило внимания на эти слова, но они не прошли мимо писателя и наполнили его гордостью за свой народ. Запечатлев этот образ советской матери, он заставляет читателя также испытать это чувство.

По радио говорил Сталин. Его слушали рабочие, колхозники, служащие, поэты, художники. Каждый из них по-своему выражает свое впечатление от речи.

У старого колхозника в армии два сына и четверо внучат. «Что же теперь я?» — спрашивает он и сам отвечает:

«— А вот я должен с сынами вместе встать и бросить врага наземь, чтоб из него кости выпали!»

По-иному, бережно повторяя сказанные Сталиным слова, говорит пожилой художник и поднимает «вверх руки, как бы помогая народу подняться. Жест был естествен и прост, как и то, что недавно говорил колхозник».

* Всеволод Иванов. «Мое отечество», «Советский Писатель», М., 1941.

Всего несколько скупых подслушанных фраз, но за ними верно уловил писатель замечательное явление советской действительности — монолитную сплоченность народов СССР вокруг своей партии — и просто рассказал об этом читателю.

Всеволод Иванов становится случайным свидетелем встречи на фронте сына Чапаева с сыном Пархоменко. И за этой случайной встречей для него раскрывается другое, значительное явление нашей действительности, то, «что дети идут тем же путем славы, которым шли их отцы, путем творчества и выявления все новых сил личности, тех сил, которыми только и измеряется сила народа, его мужество, его великая правда».

Основная ценность небольшой книжки Всеволода Иванова, пожалуй, именно в том, что

в ней раскрывается самый процесс постижения писателем истины, и читатель не просто получает готовые формулировки, а переживает этот процесс вместе с писателем, воспринимает его книгу творчески. Такую книжку мог создать только подлинный художник.

В ней бьется живое сердце советского гражданина, она наполнена чувствами, которые переживает весь народ, — суровой мужественностью, верой в свои силы и победу, бушующими волнами гнева. «Кусочек звездного неба живет у каждого в сердце, у каждого, кто в бою ли, в труде ли, защищает нашу землю». Ощущение этого «в звездах пятиконечных неба» и дало возможность писателю Всеволоду Иванову рассказать о сердце и мыслях народа.

А. Макаров

★

ПОДВИГ НАРОДА*

В наши дни русская история далеких времен читается заново. Она стала нам особенно близка и понятна. Мы с трепетом вчитываемся в каждую строчку старинной летописи, повествующей о трудах, страданиях и подвигах русского народа. Имена деятелей его героической истории совсем по-особому оживают в нашей памяти. Подвиги героев Дмитрия Донского и наши дни тесно переплелись между собой. Куликово поле перестало быть поэтическим символом. Теперь, как и тогда, русский народ борется за свое счастье и свободу со всей самоотверженностью, достойной его славной истории. Вот почему роман из этой далекой эпохи должен звучать, как нечто близкое нам. Вот почему мы, естественно, требуем от автора изображения единого национально-исторического процесса во всем его своеобразии. В этом плане правильная обрисовка действующих лиц на первом месте. Нужно исходить из основной роли каждого героя, прежде всего помня его общенациональное значение. В то же время нужно создать живых людей, сквозь далекое увидеть близкое, найти в страстях и политических задачах того времени созвучие и связь с другими эпохами.

«Дмитрий Донской» Бородина выдающийся роман. Автор нашел именно ту суть эпохи, которая нужна нам в наши дни и при этом нашел ее счастливо, в неподдельном чувстве. Роман его написан в плане лирического сказа, где отдельные мотивы сплетаются в некое единство, обусловленное одной целью и мыслью эпохи — борьбой с татарским игом. На первом плане старая Русь, с непосильным трудом пробивающаяся сквозь дебри лесов и болот к далекому будущему. Бревенчатая Москва, которую Дмитрий Донской замыслил окружить каменным кремлем, хмуро вырисовывается в предрассветных сумерках. — там,

далеко, в степях вечный враг — татары. Это основная тема романа. Ее нужно было расширить узором не только исторических событий, но и бытовых подробностей, характерных поступков, всем своеобразием жизненного уклада. Это своеобразие в сочетании русской природы, суровой и нежной, и цельности народной души, ощутившей свою историческую задачу. Дмитрий Донской, естественно, задуман автором как носитель этой национальной идеи. Он весь проникнут только одним великим делом, которое ему предстоит совершить — отсюда его простота и цельность. Его «княжеское» положение умело оттенено несколькими характерными штрихами. Но нет и тени отчужденности от народа, самодержавного противопоставления ему себя.

Гораздо противоречивее Олег Рязанский, метавшийся между ордой и Москвой. Олег Рязанский обрисован как характерная для эпохи историческая фигура. И, наконец, третий, основной персонаж — Сергей Радонежский. Сказание о нем дошло до нас в житийной обработке, над которой работали церковники. Святитель благословил перед битвой дмитриев знамена — на этом его роль и кончилась. Церковь и благочестивая историография сделали его слишком святым. Ломая традицию, автор показал Сергея более «земным». Он не только смиренный монах и прозорливец, но и человек, умеющий тонко разбираться в политических вопросах. Это вышло у Бородина без натяжек и предвзятости, в чем мы видим несомненную удачу автора.

Таковы три изображенных в романе основных героя этого периода русской истории. Пропорции, в которых они взяты, намечены правильно, потому что их тесно охватывает море народной жизни. Это, так сказать, малый круг, помещенный в другом, большом кругу. Народ дан в лирическом плане, в разнообразных проявлениях жизни, начиная от самой обычной до самой героической. Простота, крепость и сила, жоренная связь с землей

* Сергей Бородин. (Амир Саргиджан.) «Дмитрий Донской», «Советский Писатель», М., 1941.

и вера в предстоящий подвиг — таков его облик в романе. Среди народной массы выделяются несколько любопытных образов. Намечен будущий великий художник Андрей Рублев. Ярко, хотя и очень скупо дан строитель Кремлевской башни Кирилл. Он способен на любую крайность, обиженный Дмитрием Донским, готов почти на преступление, но кончает тем, что сражается на Куликовом поле. В нем дано то буйство сил, которое отличало энергических людей той эпохи. Другой, враждебный мир — татарская орда и Мамай — задуман автором в двух планах. Тут и азиатская хитрость, и тонкие политические расчеты, и сложный узел причин, толкающих орду на Россию. Здесь на первом плане задача бытописания. Отдельные пейзажи, сцены, встречи, зарисовки создают тот яркий и красочный колорит, который передает своеобразие мамаевой орды. Пожалуй, лучше, что автор воздержался от длительных описа-

ний, перегруженности археологией и т. п. Благодаря этому роман приобретает необходимую динамичность — он весь в движении, начавшемся утром в Москве и закончившемся битвой на Куликовом поле. Самое описание сечи принадлежит к лучшим страницам книги. В упорстве боя, решившего судьбу России на столетия, подчеркнуты черты народного характера. Высокое сознание национального долга отличает воинов Дмитрия Донского. Все это положительные стороны романа Бородина. Самой же лучшей его чертой мы считаем отсутствие сочинительства, натянутости в обрисовках персонажей: автор не подгоняет их под известный исторический трафарет, и поэтому они приобрели хорошую свежесть. Иными словами, книга удалась, потому что она выпелась из сердца, и мы принимаем ее как своего рода лирическую песню, исполненную высокого патриотизма.

К. Локс.

ТЕМА ЖИЗНИ*

Беллетрист Вл. Лидин пишет публицистические статьи.

На первый взгляд это обращение писателя к новому роду словесности, чуджодому, казалось бы, его устоявшемуся дарованию, кажется неожиданным. В Лидине мы привыкли видеть ортодоксального романиста и рассказчика, зато красиво звучащего слова. Порою проза его бывала чопорна и холодновата, но всегда культурна и умна. В каждой строчке, написанной им, чувствовался мастер слова. Литературное развитие Лидина шло плавно, катилось, как степная река, не знающая ни шумных разливов, ни крутых водопадов, ни опасных порогов. Казалось, границы его дарования вычерчены раз и навсегда: Лидин был писателем сложившейся традиционной формы.

Когда, в дни отечественной войны, к публицистике обратились такие писатели, как Эренбург, А. Толстой, Гладков, Вс. Иванов, это казалось естественным. Эренбург всегда тяготел к журналистике, и еще можно поспорить, каким оружием он владеет лучше: тяжелым ли копьем романа или быстрой папирой фельетона. И Толстой, и Вс. Иванов были частыми гостями в газете. Но за Лидиным никто не знал тяготения к прямому высказыванию мысли, к разговору с читателем без посредства литературного героя.

А тяготение это существовало, как мы видим теперь, и только ждало своего часа, чтобы разбудить в Лидине продуктивного и — что интересно — темпераментного публициста. Статьи его выделяются в общем потоке газетной публицистики: в ней он остается художником. Он проявляет в газетной статье свою писательскую индивидуальность, и

в этом совершенно прав: газете, как и литературе, нужны литераторы оригинальные и «разные».

Чем же обусловлено это новое явление писателя, и только ли жанровой формой оно отмечено? Понятно, нет. Не то примечательно, что Лидин перешел к новому для него жанру, а то, как и что в этом жанре он пишет, и почему публицистика стала его потребностью.

Рассмотрим явление изнутри советской литературы, а не как поворот одинокой писательской судьбы, и тогда станет ясно, что приход Лидина в газету не случаен, а имеет свою закономерность, что это не пересмотр формальных позиций, а поиски самого доходчивого способа поговорить с читателем о самом главном, о самом кровном, чем писатель живет в наши дни.

Кипит война, самая беспощадная и бескомпромиссная из всех войн, которые знал мир. Решается вопрос жизни или смерти нашей страны, рабства или свободы народа. В такое время всей работой писателя руководит чувство действенного, активного патриотизма. Чем я могу помочь стране сейчас, сегодня, сию минуту? Какое мое умение она может использовать с наибольшей для войны пользой? В какой форме и какого качества нужно ей мое слово? — вот единственная забота советского писателя в дни войны.

Весь ход развития передовой русской литературы подготовил писателя к такой норме поведения. Честность, искренность, гражданское мужество, непримиримость в борьбе, совестливость всегда были чертами русского литератора. «В наше время писателю, чтобы достойно проходить литературное поприще, недостаточно одного таланта; самая личность его много значит», — писал Некрасов в шестиде-

* Вл. Лидин. «Зима 1941 года», «Советский Писатель», М., 1942.

сятых годах. Тогда лучшие деятели литературы были подвижниками, борцами. Они были глыбистами истины в еще не разбуженных просторах царской империи, где, по слову того же Некрасова, —

Наперечет сердца благие,
Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.

Наше время круто изменило социальный и политический профиль страны. Всё иное: и силы народа, и самое содержание его жизни. Сердца благие не только не «наперечет», им нет счета. Они исчисляются миллионами. Вот почему в дни войны народ наш встает как единая монолитная сила. Писатель — в толще народной, работает с народом и для народа и всей работой своею выражает стремление народа раздвинуть врага.

При таком положении вещей, характерном для советской литературы, становится понятным тяготение писателей к публицистике, как к основной, атакующей форме словесности. Однако и оружие «большой литературы» не брошено и не ржавеет на складах до времени, когда зазвонят колокола мира. Музы не подавлены громом пушек. Работу над публицистическими статьями писатели ведут не в отрыве от своей чисто художественной работы, но параллельно с нею: Эренбург, помимо неутомимой газетной деятельности, пишет роман, Л. Славин — повесть, Толстой — историческую пьесу, Вс. Иванов написал повесть и ряд рассказов. Мы стоим, несомненно, перед большим оживлением литературной жизни в условиях войны, и это тоже факт, характерный для советской литературы.

Этому процессу, в основе которого лежит советский активный патриотизм, и обязаны своим появлением публицистические работы Вл. Лидина. Они могут нравиться одним, не нравиться другим, но двух значительных свойств их оспорить нельзя: глубокой, взволнованной искренности и художественной формы выражения.

В книжке «Зима 1941 года» собрано далеко не все из написанного Лидиным в этом роде. Но она дает полное представление о содержании лидинской публицистики. «Мужество — это значит победа, — говорит Лидин в статье «Рождение мужества», — а победа будет за нами, какой бы тяжелой ценой, какими бы лишениями, какими бы испытаниями она нам ни досталась. Ветер этого мужества распахнул человеческие сердца, и мы увидели их такими, что каждый из нас с величайшей гордостью называет себя русским».

Гордость тем, что ты советский гражданин, — вот чувство, согревшее страницы этой книжки, написанной с ясным, безыскусственным пафосом и с очень искусным писательским мастерством.

Гордость своей принадлежностью великому народу, сумевшему не только противостоять, но и подорвать силы врага, не оставляет Лидина, каких бы проблем войны он ни касался, ка-

кие бы факты ни обобщал, какие бы события ни описывал. Как чуткий художник, он видит жизнь широко и нестесненно, видит малое и большое, и большое в малом.

Он прошел Украину, затянутую пороховым дымом, и видел ее трудолюбивый, веселый народ, на который катились бронированные волны вражеских армий. «Через пространства и степи летит весть от одного человеческого сердца к другому, и на ваш далекий молчаливый вопрос: «Вернетесь ли вы?» мы отвечаем: «Вернемся! Вернемся, потому что в этом сейчас цель и смысл нашей жизни» («Мы еще придем!»).

Всюду, где ни ступала нога фашиста, она топтала памятники русской культуры: разграблен дом Льва Толстого в Ясной Поляне, разграблен дом Чехова в Таганроге, разграблен музей Чайковского в Клину. Но «Ясную Поляну не затоптать и не сжечь: Толстой останется жить, если и уничтожат мемориальный памятник его жизни. К могиле Пушкина не зарастет народная тропа, даже если бы эту могилу сровняли с землей... Памятники русской культуры — это памятники духа народа, а дух народа не угасает никогда и не меркнет» («Дух народа»).

Советский патриотизм не слеп, он зиждется не на мистической вере в абстрактную надчеловеческую справедливость, а на реальном соотношении сил, на стойкости народа, объединенного великой идеей. «И она будет, эта победа; соединятся разорванные ныне части страны, и мы встретим наши старые разорванные войной города, как самых близких друзей, на перекалке неугасающей славы нашего народа» («У карты»).

Публицистика раскрыла в даровании Лидина черты, ранее ему не свойственные: она расширила, если можно так сказать, горизонт его чувств и с головой окунала в жизнь. И если раньше изысканность литературной речи порой приглушала в прозе Лидина тему жизни, то сейчас эта тема главенствует, подчиняя себе форму. В ней много ясной простоты, той простоты, которая сообщает картине глубину и рельефность. «Простое и безыскусственное может быть нехорошо, но не простое и искусственное не может быть хорошо», — слова эти, оброненные Львом Толстым о литературе, хорошо идут к случаю, разобранному нами в этой рецензии.

Вл. Лидин переживает несомненный подъем в своем творчестве, и нужно думать, что живой темперамент, подлинное чувство действительности, широкий круг творческих интересов, взволнованная искренность — все то, чем отмечены его теперешние статьи, останутся на его творческом вооружении и в ту пору, когда он вернется к большому искусству романа.

«Когда-нибудь будет написана книга о трудных славных днях», — говорит Лидин в одной из статей. Но книги эти уже пишутся. И нельзя сомневаться в том, что автором одной из них явится Вл. Лидин — писатель, открывший в себе силы подняться на более высокую творческую ступень.

А. Дроздов

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ *

Чувство истории всегда отличало поэзию Павла Антокольского, начиная с первых, самых ранних его стихов и кончая произведениями последних лет. Даже явления близкой ему действительности неизменно осмысливались поэтом в исторических параллелях. Так от современного Парижа протягивались нити к Парижу 1793 года, так война 1914 года, свидетелем которой был в юности поэт, вошла в его творчество лишь после того, как отодвинулась на целое десятилетие, сделалась объектом исторического изучения.

История, как ощущал ее в прошлом Антокольский, была и сильной, и слабой стороной его поэзии. Заполняя страницы его многочисленных стихотворений и поэм, она нередко приводила к налету книжности, мешала увидеть сегодняшний день во всей его своеобразной неповторимости, оценить его вне исторических аналогий.

С тех пор прошло немало лет. Свидетель и участник огромных мировых событий, поэт давно переосмыслил свое отношение к истории. Теперь она входит в его творчество не пестрой вереницей деятелей прошлых веков, но живым существом масштабности и величия переживаемой нами эпохи, сознанием колоссальности тех исторических сдвигов, которые происходят на наших глазах. Если же поэт и обращает свой взгляд в глубь прошлого, то, обогащенный правильным пониманием современности, этот взгляд и в былом едит острее и зорче, чем видел раньше. Эту характерную особенность зрелого Антокольского можно проследить в его последней книге «Железо и огонь», вышедшей в свет в грозные дни отечественной войны.

День 22 июня 1941 года навсегда войдет в летопись мировых событий, как одна из самых значительных дат новой истории. Каждый из современников великой освободительной войны ощущает это с особенной силой. Сознание исторической значимости памятного дня должно было отразиться и в творчестве Павла Антокольского. И поэт открывает свою книгу стихотворением «Страница новой истории», где первый день войны предстает перед нами в грозном величии.

В норвежских льдах, в ущельях Фермоппа,
На верфях Гавра, в переулках Праги
Мир ненависть к стервятникам копил
И мщенье торопил... —

пишет Антокольский о кануне войны. Нарисовав картину обесчещенной, задавленной Гитлером Европы, поэт переходит к взволнованному рассказу о начале великой битвы, развернувшейся на рассвете исторического дня между двумя враждебными мирами.

Был ранний час, наверно, лучший в мире,
Начало жизни, песен и труда.

* Павел Антокольский. «Железо и огонь», Гослитиздат, М., 1942.

Младенцев кротких матери кормили.
Пылили по степным шляхам стада.
Шла в пионерском лагере зарядка,
Трава тянулась к свету. Дивный рост
Дремучих клубней пестовала грядка.
Пел песенку задумчивую дрозд.
Страна дышала в мирном изобилии,
В сверкании жизни, песен и труда.
В то утро раннее враги бомбили
Советские порты и города.

Голос поэта приподнят и встревожен. В изображении начала новой войны нет и тени холодноватой рассудочности былого Антокольского (вспомним цикл «1914—1924»). С горечью и болью пишет поэт о первой, пролившейся в это утро родной русской крови, с гордой уверенностью в победе говорит о выступлении по радио товарища Молотова. И, ощущая себя в неразрывной близости с родиной и ее историей, горячо изливает чувства, нахлынувшие на него в эти незабываемые мгновения первого дня войны.

Я рядовой советский человек
Священной той минуты не забуду,
Мы все, закинув головы, могли
Почувствовать, как, задрожав от гула,
Страницу медленно перевернула
История пылающей земли.

Читатель явственно ощущает в этих строках чувства нашего товарища и современника. Но, оставаясь верным самому себе, поэт вызывает из глубины веков свои излюбленные образы, чтобы и они служили делу сегодняшнего дня.

Париж дышал осадами Бастилий.
В Брюсселе Уленшпигель бил в набат.
В Белграде песни русские гостили...

В заключительных строках Антокольский обращается к народам угнетенной Европы, с надеждой взирающим на развернувшуюся схватку.

— Мы боремся, чтобы и вам помочь, —

говорит он от имени родины и ее великой победоносной армии. Это стихотворение является во многом программным для всей книги. В нем органически сочетаются и историзм поэта, и тема Запада, занимавшая столь значительное место в его раннем творчестве («Запад» — назвал он одну из первых своих книг), и главный, основной мотив поэзии Антокольского последних лет — советская родина в ее могуществе и величии.

Страницу за страницей перелистывая новую книгу, мы находим в ней как бы поэтическую летопись событий первых месяцев войны. «Московская ночь», рассказывает о налете на нашу столицу фашистских стервятников, «Черноморская баллада» повествует о славных подвигах советских летчиков, «Послание в Ленинград» воспевет славный город и его защитников, наконец, прекрасная новгородная «Москва» — все эти стихи этап за

этапом воскрешают перед читателем волнующие перипетии нашей борьбы с фашистскими ордами.

Немалое место отведено в книге изображению омерзительного облика тех, с кем мы боремся — наших заклятых врагов, представителей гитлеровской клики. В ряде стихов Антокольский дает выразительную галерею коричневых выроdkов и убийц.

Наиболее значительна в художественном отношении фигура безымянного фашистского солдата — героя «Баллады о парне из гитлеровской дивизии «Великая Германия». Никогда еще враг, изображенный которого Антокольский посвятил немало стихов, не выросал под его пером в такую типическую, завершенную фигуру, никогда еще ненависть и презрение поэта не находили таких веских, полноценных слов.

Антокольский рисует «систему воспитания» гитлеровской молодежи.

Парня выбрали по росту между сотен
низколобых,
На год заперли в казарму, сны проверили
в мозгу.
Ровно год скучал и ждал он, с разной
сволочью бок-о-бок,
Не писал домой открыток и оттуда ни
гу-гу.
Силу парня разьедала тошнотворной скуки
язва.
Рядом с ним, как волки в клетке,
терлась тысяча парней.
Был «Германией Великой» этот полк
отборный назван,
Чтобы дух закалки бравой укрепить
в парнях верней.

Вымуштрованного и натасканного таким образом молодчика отправляют с тысячами подобных ему на далекий и неведомый Восток, и здесь гитлеровский выкормыш, мечтающий о заманчивой Москве, находит свою смерть от советского снаряда.

И когда в глаза сверкнуло и свернуло
парню шею,
И швырнуло наземь грузно, и лежал он
в спелой ржи,
И над ним сияло небо, беспощадно
хорошея, —
Он спросил у неба тихо:
— Как же это так? — скажи.
— В этом надо разобраться, — отвечало
парню небо, —
Не пришлось тебе подрасться. Продад
ты себя за грош.
Сын Тюрингии иль Гарца, может, ты на
свете не был:
Не твои леса и реки, не твоя созрела рожь.
— Через год придут ребята, пыльный
череп твой поднимут
И твою могилу примут за некошеный
овраг.
Крепко спи, германский парень, скован
стужей, ливнем вымыт.
Здесь у нас хороший климат: не
проснется мертвый враг

Отравленный гитлеровской погромной демagogией, герой баллады изображен как опасный враг, подлежащий беспощадному уничтожению. Недоумение и растерянность парня перед лицом наступающей его гибели ярче оттеняет тупую и покорную роль, на которую обрекли его заправила гитлеровской Германии.

Если в «Балладе о парне» показан бессловесный исполнитель преступной воли коричневых властителей, то образы этих последних выразительно нарисованы в гневном, негодующем стихотворении «Мы знаем их». Верный своему чувству истории, Антокольский ведет генеалогию современных Герингов и Риббентропов от их далеких предков «ливонских псов и торгашей Ганзеи». Поэт предвидит их неминуемую бесславную гибель.

... Мы знаем их в лицо, по именам,
Вот вся лихая шатня, как в раме!
Вот почему сегодня ясно нам,
Что их конец уже не за горами.

Этот грядущий конец отчетливо нарисован в стихотворении «Волчий вальс». Поставив эпиграфом к нему газетное сообщение о том, что Геббельс рекомендует фронту легкую музыку, Антокольский рисует жуткую фантастическую картину пляски под «последнюю запетку» пластинок» гибнущих гитлеровских солдат.

С гневной ненавистью говоря о врагах, Антокольский находит на своей творческой палитре новые, теплые и мягкие краски для изображения единомышленников и друзей — людей советского лагеря. В таких стихах, как «Черноморская баллада», «Письмо в Среднюю Азию», «Жан Ришар Блок в Казани» и «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», перед нами встают любовно очерченные образы сынов советской родины, ее верных защитников. Особенно примечательна в ряду этих образов фигура героического мальчика, бросившего гранату в машину гитлеровских мерзавцев. Фашисты расправились с матерью и сестрой ребенка, и он, затаив священную ненависть к врагу, жестоко отомстил палачам.

Рассказ о смелом подвиге юного героя передан с лирической напряженностью и страстностью.

Он всматривался, твердо зная в лицо
мишень свою: SS
Где же машина та штабная, что мчится
всем наперерез?
Всегда сверкающая лаком, кривым
отмеченная знаком,
С гудком певучим, с полным баком,
франтиха фронта «Мерседес»
Она прошла крутым виражем, кренясь
и шинами визжа, —
Машина та с начальством вражьим,
опухшим, словно с кутежа.
И мальчик подбежал, и с ходу гранату
в стекла им швырнул.
И вырвавшийся на свободу, огонь из
стекла им швырнул.
Два офицера с генералом, краса полка,
штурмовики,

Шарахнулись в сияньи алом, разорванные
на куски.

А что же мальчик в серой кепке? Его
приметы: смуглый крепкий.

Не знает кто-нибудь из вас, ушел ли он,
где он сейчас?

Но не одни только безымянные герои привлекают внимание Антокольского. В стихотворении «Жан Ришар Блок» он проникновенно рисует колоритную фигуру французского писателя, «гонимого черной сворой» и нашедшего свою вторую родину в советской стране. Этот образ нашего друга и современника продолжает собой галерею поэтических портретов, знакомую нам по стихам Антокольского последних лет («Нико Пиросмановичи», «Тидиан Табидзе»). Такие портреты нельзя было встретить в ранних книгах поэта, где живых людей заменяли бронзовые монументы деятелей былых исторических эпох.

Теперь и прежние, излюбленные Антокольским исторические персонажи предстают в его стихах более живыми и полнокровными. Если двадцать лет назад первую книгу поэта открывал образ демонического «освистанного буряи» Петра, то теперь в «Послании в Ленинград» Петр предстает перед нами, как «рослый шкипер, моряк из Кронштадта», «механик и зодчий», «старый друг вдохновенья в России». Излишне доказывать,

что такое изображение Петра несравненно ближе и к исторической правде, и к нашему пониманию образа гениального русского деятеля.

Нельзя, конечно, сказать, что в новом своем сборнике Антокольский избавился от всех, присущих ему в прошлом, недостатков. Некоторая абстрактность и риторическая декларативность нередко дают себя знать и сейчас в иных строках книги, а в стихотворении «После антифашистского митинга молодежи в Москве 28 октября 1941 года» чувствуются весьма ощутимо.

Крупным творческим достижением Антокольского надо признать уже упомянутые баллады «О парне из гитлеровской дивизии «Великая Германия» и о «Мальчике, оставшимся неизвестным». Высокое художественное мастерство, с которым выполнены эти произведения, дает себя знать в любой строчке. Поэт легко справляется с изысканными внутренними рифмами, добивается филигранной завершенности каждой строфы.

За четверть века своей литературной работы Антокольский проделал сложный и нелегкий творческий путь. В Великой Отечественной войне поэт участвует как сын и патриот советской родины, который стремится, чтобы железо и огонь его стихов яростно разлили озверелых врагов.

Вл. Афанасьев

★

ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ*

В дни Великой Отечественной войны всем гражданам нашей страны надо знать свое героическое прошлое. Надо представить себе во весь рост тех великих людей русской земли, которые укрепляли ее мощь и единство, которые боролись с ее врагами. Среди них одно из первых мест занимает московский великий князь Димитрий Донской, имя которого прозвучало с Красной площади в исторической речи товарища Сталина на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года — в день празднования XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Куликовская битва уничтожила легенду о непобедимости татар, она показала, на какие подвиги способен русский народ, объединившийся под знаменем Московского князя; она показала, что Москва сделалась центром борьбы за национальную независимость и представляет собой большую силу, с которой впредь должны считаться соседи как на Западе, так и на Востоке.

М. Андреев написал популярную брошюру, в которой дает характеристику северо-восточной Руси, рисует татарское нашествие, возвышение Москвы, описание Куликовской битвы и заслуг Димитрия Донского.

Брошюра, нужно сказать, получилась интересной и содержательной.

Конечно, небольшой популярный очерк М. Андреева имеет лишь познавательное значение и не может идти в сравнение с той широтой и яркостью художественного обобщения, которое дано в замечательном романе С. Бородин «Димитрий Донской».

Но в брошюре умело использован исторический материал, документы и народные сказания.

Окрепшее национальное сознание русских требовало активных действий против угнетателей-татар.

По всем городам были разосланы гонцы, которые читали грамоты о начале войны с Мамаем и призывали на борьбу.

«То не орлы слетались, съехались все князья русские к великому князю Димитрию Ивановичу на помощь, говоря такое слово: «Господин великий князь! Уже поганые татары на поля на наши наступают, а боютину нашу у нас отнимают, стоят между Доном и Днепром на реке на Мече».

«Кони ржут на Москве, бубны бьют на Коломне, трубы трубят в Серпухове, звенит слава по всей земле русской, чудно стяги стоят у Дону на берегу... светятся калантыри (кольчуги) злачены», — так рисует подготовку к

* М. Андреев. «Димитрий Донской», Госкиноиздат. М., 1942.

походу «Задонщина» — старинное сказанье о Куликовской битве.

Под командой Дмитрия собралось громадное, невиданное до тех пор на Руси войско в 150 тысяч человек. Оно состояло из владимирцев, ростовцев, суздальцев, нижегородцев, костромичей и выходцев из других княжеств.

Только немногие не приняли участия в этом общенародном деле.

20 августа русское войско выступило в поход в Рязанскую землю, на которую обычно нападали татары. Сбор был назначен в Коломне. На Оке, при впадении в нее реки Лопасни, встретился Дмитрий Иванович со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем, князем Серпуховским, который шел во главе большого отряда. Здесь 1 сентября 1380 года русские переправились через Оку и двинулись на юг к верховьям Дона.

Когда 6 сентября русские войска достигли Дона, то пойманной пленный татарин сообщил, что Мамай находится недалеко — всего в трех переходах от русских.

Войско Мамаю пришлось с низовьев Волги на Дон и поднялось вверх по Дону до реки Вороней.

Перед князьями и воеводами встал вопрос: переправляться ли на правый берег Дона или ожидать татар, оставаясь на левом берегу. Более осторожные советовали князю Дмитрию: «Не ходи за Дон, потому что врагов много, не одни рязанцы». Более решительные, в том числе и литовские князья Ольгердовичи, настаивали на переправе, потому что русские войска, имея за собой Дон и не имея возможности спастись бегством, будут лучше биться. Они приводили в пример Александра Невского, который таким образом победил шведов. Дмитрий Иванович стал на их сторону: надо было во что бы то ни стало помешать Мамаю соединиться с Ягайлом, и лучшим средством для этого были быстрые и решительные действия. Он разрешил спор такими словами:

«Братья, лучше честная смерть, чем позорная жизнь, лучше же идти против безбожных татар, чем, пришедши и ничего не сделав, возвратиться обратно; пойдем немедленно все за Дон и там сложим свои головы за святую церковь, за православную веру, за наш народ».

Большим достоинством книжки М. Андреева является то, что он старается передать своеобразие военных действий в эпоху Дмитрия Донского, обусловленное уровнем развития техники и особенностями воинской психологии. Вот описание битвы:

По древнему обычаю Дмитрий перед боем снял с себя великокняжескую одежду и надел ее на любимца своего боярина Бренка, который сел на димитриева коня и подъехал к знамени. Сам же Дмитрий в одежде простого воина стал в первые ряды сражающихся.

Начался бой поединком между двумя богатырями. С татарской стороны выехал Темирмурза, а с русской — монах Троице-Сергиевского монастыря Пересвет.

«Был же этот Пересвет, — сообщает летописец, — еще в миру славный богатырь, обладал большой силой и крепостью, всех прево-

сходил высотой и крепким сложением и был очень способен к воинскому делу... Итак, иннок Пересвет пошел против татарского богатыря Темир-мурзы. Ударились крепко, так громко и сильно, что земля затряслась, и оба пали на землю мертвыми; так же и кони их в тот же час были мертвы». В 12-м часу дня начался бой.

«И было страшно видеть две великие силы, сходящиеся на кровопролитие, на верную смерть, — говорит летописец. — И сошлись в схватке оба войска и крепко бились и не только оружием, но и руками хватили друг друга, умирали под конскими копытами... На том поле сошлись вместе сильные полки, из них выступили кровавые зори, от блеска мечей точно молнии блистают. И был грохот от ломающихся копий и стука мечей; нельзя было видеть грозный час смертный; в один час, в мгновение ока, сколько погибает тысяч божьего создания».

Русские полководцы так сумели расположить свое войско, что громадной армии Мамаю негде было развернуться. «Татары же идут по обе стороны (реки Непрядвы), негде им разойтись; татар много, а места для них нет. Узко место между Доном и Непрядвой», — говорит старинное сказание.

Трехсоттысячное войско Мамаю оказалось втиснутым между двумя речками на пространстве всего трех километров. Несмотря на это, сказалось количественное превосходство татар, армия которых была вдвое больше русской. Во втором часу дня фронт русских был поколеблен. «Начали татары одолевать наших, многие вельможи были побиты татарами, удалые же витязи, как деревья в дубраве, склонялись на землю под конские копыта; многие русские люди смутились», — говорится в «Сказании о Мамаевом побоище». Сам великий князь Дмитрий был ранен. «Он отошел от войска и побоища и сошел с коня, потому что нельзя ему было сражаться». Видя, что разбит Большой полк, в рядах которого он сражался, как простой воин, он не бежал, как другие, а направился к левому флангу, где находился Засадный полк. Татары между тем, потеснив русских, выиграли пространство, и битва развернулась на линии в 10 километров. Но прорвать центр расположения русских татарам не удалось. Тогда они направили свой главный удар на полк левой руки: если бы они разбили здесь русских, они отрезали бы их от переправы через Дон и прижали бы к реке Непрядве. Бой здесь был настолько ожесточенным, что вся трава была окроплена кровью, озера от переполнивших их трупов вышли из берегов. Военачальники полка левой руки, князья Белозерские, были перебиты, части полка начали отступать.

Стоявший в засаде князь Владимир Андреевич не мог более терпеть и сказал Дмитрию Волинцу (Боброку): «Беда великая, брат, чему помогает наше стояние, будет оно нам в посмешище, кому будем помогать?». Но

* Сказание о Мамаевом побоище. Хрестоматия по истории СССР Лебедева и др., т. 1, стр. 149.

опытный и осторожный Боброк сдерживал нетерпение князя и других воинов. Около 8 часов дня татары прорвали полк левой руки и неслись в обход его галопом, мимо Засадного полка. Они рассчитывали окружить все русское войско. В этот-то момент «Волынец закричал громким голосом: «Час пришел, а время приблизилось... Братья мои и друзья, держайте!» Воины Засадного полка внезапно ударили в тыл татарам, «как выдержанные соколы ударили на стаи гусиные, были же воины, как львы, напавшие на овечьи стада»*.

Много татар было изрублено на месте, другие бросались к Непрядве, где нашли себе могилу. Вся русская армия перешла в наступление, и около Красного холма, где находился стан Мамай, произошла упорная сеча.

Русские захватили татарский стан «и доспехи, и кони, и волю, и верблюды, и сахар», и золотой кубок самого Мамай. Остатки татар бежали на юг, и Засадный полк под начальством Боброка преследовал их на 40 километров.

Дмитрий получил прозвище Донского, и с тех пор его имя стало упоминаться наряду с именем его знаменитого предка — Александра Невского. Двуродный брат и ближайший помощник Дмитрия в ратном деле Владимир Андреевич Серпуховский получил прозвище Храброго.

Завершается книга М. Андреева главой «Смерть Дмитрия Донского», где дается краткий вывод о значении деятельности этого русского великого полководца в истории России.

Он живет в нашей памяти как великий победитель на Куликовом поле. Но для побед одних военных талантов мало, для них нужен был еще ряд условий. В восточной Европе

«интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»**.

Одним из строителей такого централизованного государства, нанесшим первый удар татарам, явился Дмитрий Донской, который сумел стать во главе народных масс для борьбы за независимость.

Ровно через сто лет после Куликовской битвы, в 1480 г. татарское иго было окончательно свергнуто.

В наши дни ожесточенных боев и блестящих побед над гитлеровскими захватчиками особенно актуально звучит высказывание товарища Сталина о татарском иге. В марте 1948 года, когда немцы захватили Украину и хотели «отнять хлеб и свободу», И. В. Сталин писал:

«Империалисты Австрии и Германии несут на своих штыхах новое, позорное иго, которое ничуть не лучше старого, татарского»***.

Но никогда немцам не установить кровавого «татарского ига» над народами нашей страны, какие бы зверства, превосходящие зверства времен Батыя и Тохтамыша, ни производили эти варвары XX века. В Дмитрии Донском мы чтим нашего великого предка, который первым поднял борьбу за освобождение русских земель от позорного ига.

Брошюра М. Андреева входит в большой цикл книжек о великих деятелях земли русской, предпринятый Госкиноиздатом. И она является в их ряду одной из наиболее удачных.

И. Шмелев

★

БИБЛИОТЕЧКА ГАЗЕТЫ «КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ПРАВДА»****

Пять небольших книжечек, любовно написанных и оформленных, с типографского станка отправлены прямо на фронт, как отправляют с заводского станка заряды, пулеметы, винтовки.

Авторы напечатанных в них стихов, очерков, фельетонов — Алексей Сурков, Вадим Кожевников, Цезарь Солодарь, Михаил Матусовский, М. Слободской, Константин Симонов, Н. Баканов, художник О. Верейский — единый творческий коллектив.

Библиотечка «Красноармейской правды» начала серию выпусков книгой о героях отечественной войны. Это правильно, ибо наши герои — гордость Красной Армии.

«... идея защиты своего отечества, — говорит товарищ Сталин, — во имя чего и воюют наши люди, должна породить и действительно порождает в нашей армии

героев, цементирующих Красную Армию». В библиотечке «Красноармейской правды» героям отдано вдохновение поэта, мастерство писателя.

В первом выпуске мы знакомимся со старшим лейтенантом Муравицким. Он ровесник Великого Октября. И как сын своего времени, он — олицетворение военного мужества, беспредельной любви к своей родине. Муравицкий — Герой Советского Союза, отважный и смелый воздушный боец. Узнав, что его но-

** И. Сталин. Марксизм и национально-колонизальный вопрос. ОГИЗ, 1939, стр. 97.

*** И. Сталин. Статьи и речи об Украине. Партиздат, 1936, стр. 40.

**** Выпуск первый — «Герои отечественной войны», выпуск второй — «Фронтовые стихи», выпуск третий — «Гриша Танкин», выпуск четвертый — «Ежи» (сборник сатиры), выпуск пятый — «Лицо врага». Действующая Армия. Западный фронт, 1941.

* Сказание о Мамаевом побоище. Хрестоматия по истории СССР Лебедева и др., т. I, стр. 149.

ворожденный сын в честь великого летчика назван Валерием, Муравидкий отправляется в небо «добыть сыну подарок».

«Подарков» он преподнес родине двадцать штук, каждым из них избавляя нашу страну от смертей и разрушений.

В числе героев и санитар тов. Печонка.

Среди пуль и гранат, в пыли ожесточенного боя, шагает он по окопам бойцов с санитарной сумкой и кричит:

— Эй, ребята! Это я, Печонка! Кто скачет по мне?

Зачастую от тяжести груза «спирает дыхание и сердце колотится так, что в глазах пылают алые пятна», но отважный санитар бережно уносит раненых с поля битвы.

Спасший десятки жизней бойцов, нимало не заботясь о своей, вырастает он в человека чудесной силы.

...В шеренге героев и красноармеец Иван Пашков, расстрелянный и погребенный, «воскресший» и вновь дерущийся за честь и славу своей отчизны.

Огромное впечатление производит подвиг связиста лейтенанта Исмагилова, вступившего в бой с семью немецкими танками.

Автор не скрывает, что «несколько человек бросилось к кустам». И здесь-то показал себя герой. Мужественно и просто прозвучала его шутовская команда:

— По фашистским черепахам из поллитровок, огонь!

Так началась эпопея упорной борьбы со смертью в неравном бою. «Бойцы прыгнули в окопы, где находился их лейтенант». А в результате... «трое суток сидели бойцы Исмагилова в своих полураздавленных окопах, трое суток без капли воды, без пищи, ни на минуту не смыкая глаз, отражая атаки врага. А их командир, прижав трубку, сквозь вой и грохот разрывов, выкрикивал команды батарея».

Кончилась эпопея торжеством жизни над коричневой, чумной смертью. На следующий день Исмагилов вернулся к «прямым своим обязанностям — кабелям и проводу». Рассказ закончен, а читатель все еще думает о нем, — совсем простом, ясном человеке — советском герое.

В первом выпуске четырнадцать очерков и немногим больше имен. Очерки почти документальны. Как правило, авторы не дают пейзажа, избегают детализации фактов. Читатель понимает, что названы лишь единицы из тысяч тех людей, которые в боях работали уже право на всенародную известность. Но очерки в целом дают возможность увидеть хотя бы некоторые основные черты обобщенного образа героя отечественной войны, о котором в будущем создадут большие художественные полотна...

Второй выпуск библиотечки «Красноармейской правды» — «Фронтные стихи» — отмечен творческим темпераментом, глубиной дыхания.

...На ветру полахают
знамена.

Под запекшейся кровью не видно осенней
травы.

Это люди с Трехгорки, с Бромлея,
с «Динамо», с Гужона

Гневным шквалом атаки гонят врага
из Москвы.

(А. Сурков)

Это — 19-й год.

Теперь у ворот Москвы... Пятьдесят одна дивизия выдрессированных, одетых в броню гитлеровцев. Москва на осадном положении. На улицах баррикады. Взволнованный голос поэта-патриота выражает общее чувство защитников родины:

Враги не пройдут к Москве.

Защита Москвы — основной лейтмотив всех стихов (Цезаря Солодаря «Батальоны москвичей», Матусовского «Московская баррикада», «Родному городу», Суркова «Москвичи идут в бой», «За нашей спиной Москва», «Враги не пройдут к Москве» и др.).

В каждой их строчке огромная любовь к советской столице:

Что ни видишь вокруг — все московское,
наше, родное!

И бетон корпусов, и холодный багрянец
листвы.

И улыбки — в сердцах батальоны уносят
с собою

Как привет, как тепло, как напутствие
нашей Москвы.

(Ц. Солодарь)

Стихи проникнуты решимостью биться до конца, отстоять Москву от фашистских полчищ:

Мы тебя окружим бронированной грозною
силой

И любую ценой в беспощадном бою
сбережем,

Чтобы подступы к городу стали для
немца могилой

И рубеж под Москву — последним его
рубежом.

(М. Матусовский)

Стихи писались в дни октябрьского и ноябрьского наступлений немцев, когда каждый миг мог потребовать от их авторов-фронтовиков крови и жизни. Чувство готовности к подвигу во имя Родины облагораживает стих.

Набатно звучат «Песни смелых»:

Слушай, Родина! —

В грозное время войны

Присягают победой твои боевые сыны.

... Жизнью наших детей мы клянемся

сегодня тебе

Смять фашистскую гадину в грозной
суровой борьбе.

Слова оказались пророческими. Враг смят. «Фронтные стихи» звучат сейчас в окопах как героическая симфония недавних дней. Велика заслуга коллектива фронтовиков-поэтов, работающих в газете «Красноармейская правда»: книжка приобрела силу огромного воздействия. Она учит мужеству, раскрывает лучшие стороны человеческой личности.

И вдруг после огромного эмоционального напряжения «Фронтных стихов» в сборниках идут стихи, рассказывающие о повседневном и обычном:

На исходе темной ночи
Из разведки, вдоль обочин,
На передний край полка
Выбирались три стрелка.

Это про Гришу Танкина и его двух боевых друзей — Пулькина Петра и Саблина Прова.

Гриша Танкин — вымышленный герой — собирательный образ. В нем все лучше, чем богата наша красноармейская масса. Он — олицетворение красноармейской суровой совести, красноармейской требовательности к себе и товарищу, требовательности, не знающей снисхождения и поблажки.

Жизнерадостный, прекрасный боевой товарищ, он учит, как надо воевать с немцем.

Вот он в засаде. В дозоре. В борьбе с десантом. Он воюет с «мессершмиттами» и «юнкерсом». Он ловит шпиона. Портит немецкие пушки. Выходит из окружения. Снимает автоматчиков и т. д.

Гриша Танкин — центральная фигура в кругу своих боевых друзей. Он «подтягивает» отсталых: Филе вправляет мозги, рохлю жучит, Тараса стыдит, нерадивого корит, вралю и шептуна разоблачает и... прививает храбрость.

Гриша Танкин беседует с друзьями про немецкую пехоту, танки, «про длинные уши и длинный язык». Стихи эти превратились в своего рода учебник красноармейской смекалки, боевой выучки.

Гриша Танкин воспринят красноармейской массой как живой герой. Они просят представить его к награде. Это лучшая похвала Ц. Солодарю и А. Суркову, создавшим доходчивый, живой образ нашего героя из рядовых бойцов.

И новый подарок читателю. После «Гриши Танкина» — сборник сатиры. (Авторы — Слободской, Солодарь, Сурков.) Жанр, как известно, редкий в художественной литературе. Хороших сатирических вещей совсем мало.

И тем приятнее отметить удачи авторов. «Ежи» больно и метко колят фашистского гада, выворачивают наружу его мерзкое нутро.

Сурков превратился в баснописца — он пишет про Сома и Головастика:

Однажды малый головастик,
От зависти сойдя с ума,
Решил достигнуть высшей власти
И проглотить сома...

И мораль есть:

Так ныне некая персона,
Копируя Наполеона,
Надев коричневый мундир,
Завоевать решила мир.
Персоне не поможет свастика,
Вороне не взлететь орлом,
Ее ждет участь головастика,
И поделом!

Как видит читатель, сделано просто, мастерски, остро. Не в бровь, а в глаз!

Немецким офицером Грабильгеру и чистокровному арийцу Мародернгеру, после французских вин, оказался не по нутру смертельный русский нарзан — бутылки с зажигательной смесью!

Баллада о трех мародерах повествует о том, как курица расстроила узы крепкой «боевой дружбы» румына, итальянца и прусского капрала. Капрал, конечно, взял верх над своей челядью:

— Эй, макаронщик, как ты смел
Награбить то, что я хотел!

Но штык партизана прикончил их спор — и... курица спасена!

За № 09763Д полевой немецкой почты приведен подлинник удостоверения, выданного старшему стрелку Вайсу на «право ношения русских форменных брюк», ибо его собственные больше ни на что уже не пригодны, а новых германская армия выдать не может. Их просто-напросто нет. Читатель понимает, в чем дело, и смеется. Очевидно, без шансов придется немцам заканчивать свою «молниеносную войну».

В шутках, картинках, эпиграммах авторы сатирического выпуска добились краткости и выразительности.

«Найден новый способ получения ветчины, но нужна картофельная шелуха для эрзац-ветчины.

— Теперь остается выяснить главное.

— Что именно?

— Из чего сделать картофельную шелуху!»

Сборник сатиры — веселая и полезная книжка. Она скрашивает досуг бойца, вызывает смех над врагом. Красноармейская масса несомненно ждет следующего сатирического сборника.

Пятый выпуск библиотечки — «Лицо врага». Стихи Слободского, рисунки Верейского. Левая сторона — рисунок, правая — текст. Работы поэта и художника тематически едины. Временами убедительнее рисунок. Мы видим виселицы. Памятник Пушкину валится наземь. В развалены превращен музей. «Похотливый, плюгавый и страшный, как смертный грех», враг. Это — скоты. Палачи. Иногда

в перчатках. Это воры, хотя бы с приставкой «фон» — фон-Вор. Гут и полковник из уголовников, и генералы, которые воровали и прежде, и министры из рецидивистов.

И над всем этим сбродом сидит
Обер-ворюга и обер-бандит.

Лицо врага раскрыто с беспощадной правдивостью. Вот она «Волчица» — мать бандита, любовно рассматривающая посылку с кровавыми пятнами, немymi свидетелями того, как добывал вещи ее сынок. Автор гневно выражает затаенную мысль нашего народа:

Сын твой заплатит втрое,
Будет расчет с лихвою,
Будешь скулить, гнена,
Вить над трупом щенка!

Детоубийцы, поработители, трусы находят смерть на нашей земле за все:

За наши сожженные села,
За мир, превращенный в костер,

За наших, когда-то веселых,
Замученных жен и сестер.
Своей ненавистью к врагу эта книга перекликается со стихотворением Суркова «Я пою ненависть».

В этом стихотворении поэтический голос Суркова звучит с особенной силой. За время войны диапазон поэтических достижений Суркова необычайно расширился:

О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поразить могли!
Всю ненависть, что в сердце наikipела,
Прямым ударом, наотмашь, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в шею
Пресыщенного кровью палача.

Так может написать человек большого патристического сердца, проникшийся духом нашего героического времени.

Библиотечка газеты «Красноармейская правда» — пример вдохновенной фронтовой работы писателей.

А. Зорин

★

ГЕРОИЧЕСКАЯ МОСКВА *

Живой интерес, непосредственное воодушевление возникают при чтении сборника «Героическая Москва», воссоздающего яркую, надолго остающуюся в памяти картину обороны Москвы в дни октября — ноября 1941 года. В сборнике, изданном шестью отдельными выпусками, собраны статьи, военные корреспонденции с фронта, очерки и официальные материалы, опубликованные в «Правде» и других газетах, характеризующие героическую борьбу на подступах к Москве и жизнь Москвы в октябре — ноябре 1941 года.

Теперь, когда дикие орды Гитлера отогнаны от Москвы и продолжают пятиться назад, отступая под непрерывными ударами победоносной Красной Армии, чрезвычайно интересно и поучительно перечитать все эти материалы в последовательном порядке и восстановить в памяти незабываемые дни беспримерной борьбы советского народа за Москву с фашистскими захватчиками. Перечитывая их, мы переживаем заново важнейшие этапы гигантской битвы, длившейся более 100 дней, битвы, в которой участвовали многие сотни тысяч людей, тысячи танков и самолетов. Это было сражение, подобного которому мир еще не видел.

Первые два выпуска сборника посвящены жизни Москвы и борьбе за Москву в октябре. Здесь мы находим известные читателям по «Правде» статьи Г. Александрова «Москва», А. Толстого «Москве угрожает враг» и

«Кровь народа», очерки Б. Галича, О. Курганова, стихи поэтов М. Рыльского, Ал. Суркова, А. Жарова, Хаида Алимджана. Здесь же напечатаны статьи генерал-лейтенанта П. А. Артемьева, секретаря МГК ВКП(б) И. Соколова, статьи и очерки о рабочих батальонах столицы, о строительстве оборонительных укреплений и о героическом труде москвичей на фабриках и заводах для фронта.

Для характеристики боевого духа и патристизма москвичей очень интересны статьи старшего политрука Б. Фрадкина «Рабочие батальоны» и В. Владимирова «Идут батальоны». Они рассказывают о том, как по призыву партии тысячи москвичей вступали добровольцами в рабочие батальоны. Это были передовые люди Москвы — рабочие-стахановцы, начальники цехов, директора предприятий, представители советской интеллигенции.

Батальоны добровольцев Кировского, Красногвардейского, Фрунзенского и других районов Москвы один за другим уходили на фронт, на огневые рубежи, на подступы к Москве. Они строили укрепления, учились военному делу и готовились несокрушимым огнем встретить ненавистного врага. В боевой переключке районов вновь воскресли традиции героических лет гражданской войны.

Достойными наследниками героев Пресненского восстания и гражданской войны проявили себя трудящиеся Красной Пресни. О них рассказывает С. Ухолин в статье «Красная Пресня взяла в руки оружие». В рядах Красной Армии сражались десятки тысяч красно-

* «Героическая Москва». Сборник. Выпуски 1, 2, 3, 4—5, 6, ОГИЗ, 1941.

пресненцев. Трехгорка и другие предприятия района дали сотни и тысячи бойцов, командиров, комиссаров, политработников. Желаяющих вступить в рабочий батальон района было так много, что многим пришлось отказать в отправке на фронт.

О героизме защитников Москвы, о беспримерно мужественном сопротивлении в дни Октября Красной Армии против полчищ и танков Гитлера рассказывает дивизионный комиссар Д. Лестев в статье «Героизм защитников Москвы».

Статья Д. Лестева, как и другие материалы сборника, отражает уверенность советского народа в том, что враг не пройдет, что он будет разбит.

В ноябре защитники Москвы получили могучий, вдохновляющий к борьбе с ненавистным врагом стимул в исторических речах великого вождя народа и полководца И. В. Сталина, произнесенных в дни XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Выступления товарища Сталина мобилизовали дух защитников Москвы, вдохновили их на еще более стойкое сопротивление, дали им перспективу победоносной борьбы за Москву. В сборнике напечатаны отчет о торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся, посвященном празднованию XXIV годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, и речь И. В. Сталина на Красной площади 7 ноября. Во многих статьях и очерках, корреспонденциях с фронта, представленных в 3, 4, 5 и 6-м выпусках, даны отклики славных защитников столицы и трудящихся Москвы на призыв вождя ковать как можно больше оружия и производить возможно больше боеприпасов для разгрома врага.

Перечитывая статью генерал-лейтенанта К. Рокоссовского и дивизионного комиссара А. Лобачева — «Закроем врагу путь на Москву!», корреспонденции с фронта А. Хамадана, П. Лидова, О. Курганова и других, мы видим, как в ноябре все более крепло сопротивление защитников Москвы, как все больше изматывалась сила врага.

Особый интерес представляют фронтовые дневники специальных корреспондентов «Правды» П. Лидова и О. Курганова о ходе боев за Москву в период с 21 по 30 ноября. День за днем они характеризовали сжато и конкретно положение и изменения в боевой обстановке и операциях на важнейших направлениях Западного фронта, назревание перелома в ходе боев, все усиливающееся истощение наступательной силы немецко-фашистских войск. Это был период, когда Гитлер, торопясь, как сказано в его сумасшедше-хващливом приказе, «любой ценой разделаться со столицей Москвой» до зимы, бросил в наступление 51 дивизию, среди них тринадцать танковых дивизий. В дневнике П. Лидова от 30 ноября мы читаем о развитии блестящего контрудара гвардейцев генерала Белова на Сталинградском направлении, где враг был остановлен и перешел к обороне, к отступлению, а отдель-

ные его части в беспорядке бежали от наших войск.

В статье Героя Советского Союза Мих. Водопьянова «Защищаем родную столицу» показаны те труднейшие условия, в которых нашим летчикам приходилось бомбить вражеские аэродромы и узловые станции. Сквозь снегопад, ночью в свете вражеских прожекторов, под яростным обстрелом зениток, мужественный экипаж советского воздушного корабля настойчиво искал заданную командованием цель и, только выполнив боевое задание, пошел на обратный курс.

Очерк А. Денисова и В. Озерова «Сокольный удар» рисует обаятельный образ Героя Советского Союза А. Катрича, мастера советского тарана. А. Катрич сбил ударом пропеллера фашистский бомбардировщик на высоте восьми километров, уничтожил несколько вражеских самолетов на подступах к Москве и стал настоящей грозой для фашистских асов.

Новая, перестроившая на военный лад всю свою жизнь, весь свой облик и быт Москва запечатлена в статье Н. Яковлева «Москва героическая» и в очерках А. Хамадана «Москва ноября 1941 года», Евг. Воробьева «Москва под ружьем». По улицам столицы непрерывно шагали рабочие батальоны, двигалась артиллерия, мчались машины с защитниками города на Запад, на фронт. Туда же шли бесконечными веренищами автомобили со снарядами, минами, мотопехота, отряды мотоциклистов.

Чудеса трудового героизма показали москвичи на строительстве оборонительных сооружений, дотов, блиндажей, противотанковых рвов, проявляя подлинную стахановскую инициативу и изобретательность. Люди работали под дождем и в снежную вьюгу, не зная усталости, определявая все существующие технические нормы. Москвичи осваивали новые и новые виды оборонного производства, перевыполняли нормы на 300—400 процентов. Не только крупные предприятия перешли полностью на работу для обороны, но и многие мелкие промысловые артели, раньше выпускавшие примусы или елочные украшения, перешли на производство боеприпасов.

За всеми этими яркими фактами и примерами, характеризующими роль Москвы, как кузницы победы, вырисовывается образ великого советского народа и его достойных сынов-москвичей, поклявшихся в дни октября — ноября не допустить врага к столице.

Картину финала великой битвы Красной Армии за Москву с ордами Гитлера читатель найдет в материалах недавно изданного шестого, заключительного, выпуска сборника «Героическая Москва». Он найдет здесь волнующий рассказ о том, как славная родная столица была ограждена, словно железной стеной, самоотверженностью, непоколебимой стойкостью и беззаветным мужеством ее защитников.

Вся советская страна участвовала в битве за Москву. Братские народы Советского Союза дали своих лучших сынов для защиты столицы, их общей матери-родины. Русские и

узбеки, украинцы, белоруссы, грузины, армяне сражались здесь плечом к плечу.

По корреспонденциям-дневникам О. Курганова и П. Лидова можно проследить, как развивались бои за первые пять дней декабря, предшествовавшие нашему контрнаступлению против ударных гитлеровских армий.

В эти дни бои шли со все возрастающим ожесточением. Воздух на фронте, несмотря на мороз, казался накаленным от пожаров, горящих сел, взрывов, от сокрушительного огня артиллерии и минометов. Особенно жестокие бои развернулись на Клинском, Волоколамском, Можайском, Малоярославском и Сталиногорском направлениях. В этих боях немецкие войска несли огромные потери, их дивизии изматывались. Они напоролись на несокрушимую стену защиты Москвы.

Все усиливалась наша активная оборона, учащались смелые контратаки. Многие села за день три-четыре раза переходили из рук в руки. На Клинском направлении враг принужден был уже к первому декабря зарыться в окопы и перейти к обороне. На Сталиногорском направлении немцы под сокрушительными ударами гвардейцев генерала Белова продолжали отступать к югу, потеряв из ста танков сорок.

Все попытки немцев «клиньями», «клещами», обходами, отчаянными бросками танковых и пехотных дивизий прорваться к Москве наталкивались на растущую стойкость Красной Армии. В эти памятные дни раскрывалась не только сила автоматизированной, бездушной бронированной военной машины, но и ее слабость, ее оторванность от своих баз, авантюризм немецкого командования.

Корреспонденция О. Курганова от 5 декабря характеризует этот день, как день нашего контрнаступления. Рядом наступательных операций Красная Армия выбивала врага из укреплений, деревень и сел, выгоняла немцев в поле, в лес, на мороз. Наступление развивается уже не только на Клинском направлении, но и на Волоколамском, Наро-Фоминском.

Напечатанные в сборнике сообщения Совинформбюро от 13 декабря, передовая «Правды» «Славная победа в боях за Москву» и статья Г. Александрова «О провале немецкого плана окружения и взятия Москвы» подводят блестящие итоги нашего контрнаступления с 6 по 11 декабря против ударных фланговых группировок фашистско-немецких войск.

Части генералов Лелюшенко, Кузнецова, Власова, Рокоссовского, Говорова, Болдина, Белова и Голикова разбили лучшие танковые и мотопехотные дивизии немцев и освободили от захватчиков города Рогачев, Яхрому, Сол-

нечногорск, Истру, Венев, Сталиногорск, Михайлов, Елифань и свыше 400 различных населенных пунктов. За это же время немцы потеряли сотни танков, орудий, минометов, пулеметов, автоматов и огромное количество другого вооружения, боеприпасов и разного имущества.

Вместо «молниеносного» захвата Москвы Гитлер добился разгрома своих отборных дивизий, его орды обовшивших мародеров и бандитов покатались на запад и на юг, дороги были завалены трупами, сожженными и подбитыми машинами и орудиями.

Так бесславно для Гитлера кончилось громогласно провозглашенное им в приказе от 2 октября 1941 года «последнее, большое, решающее сражение этого года».

Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы имел серьезные последствия для дальнейшего хода войны и для судьбы гитлеризма. Эти последствия конкретно анализирует в своей статье Г. Александров. Поражение немцев под Москвой разоблачило перед всем миром хвастливую ложь Гитлера об уничтожении Красной Армии. Оно нанесло сильнейший удар по фашистской легенде о хваленной «необходимости» гитлеровских армий. Это поражение ослабило боеспособность и моральные качества немецко-фашистских войск, вызвало в гитлеровцах потерю веры в возможность победы и разоблачило Гитлера, как лжеца и обманщика, перед германским народом.

По материалам сборника можно получить яркое представление и об огромной роли в памятные дни советской печати. Наша печать воспитывала и укрепляла в москвичих и во всех советских людях понимание громадного значения Москвы, как воплощения завоеваний Октябрьской революции, мудрости и счастья советского народа. Печать усиливала патристическое чувство гордости столицей, напоминая о героическом прошлом Москвы. Особую роль сыграли в те дни передовые «Правды», посвященные обороне Москвы, полные страстных призывов удештерить сопротивление полчищам фашистской гвардии, выполнить завет родины: «Ни шага назад!»

Было бы очень полезно вместо отдельных, разрозненных выпусков переиздать материалы сборника в одной книге, отобрав для нее все наиболее ценное из опубликованного в печати и дополнив ее некоторыми важнейшими военными обзорами газеты «Красная звезда» и наиболее интересными корреспонденциями и очерками. Такой сборник может стать весьма поучительной книгой для широкого советского читателя.

А. Оборин

НОВЫЕ КНИГИ

К. СИМОНОВ. «НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ». Очерки. Воениздат НКО СССР, 1942.—В книжке шесть коротких очерков-зарисовок, написанных под свежим впечатлением очевидцем и участником событий — военным корреспондентом. Они рассказывают читателю о мужестве, воле и бесстрашии советских воинов.

Большое впечатление производит очерк «В лапах у фашистского зверя». Бесхитрый рассказ красноармейца Михаила Компанейца, бежавшего из фашистского плена, убедительно рисует бесчеловечное обращение немецких фашистов с пленными бойцами Красной Армии. Их содержат, как диких зверей, за рвами и колючей проволокой, морят голодом, лишают одежды и воды, подвергают мучительным побоям и издевательствам. Очерк этот может служить одной из бесчисленных правдивых иллюстраций к известной ноте товарища Молотова.

Другие очерки описывают боевые дела разведчиков, летчиков, моряков. Читатель видит в них, как подвиг во славу родины, во имя победы растит наших людей. Герои очерков — простые советские люди — любят свое оружие, умеют владеть им для победы. Они верны воинскому долгу и полны чувства, что ведут справедливую освободительную отечественную войну.

О том, что приносит бойцам победу, прекрасно сказал один из командиров торпедного катера: «Быстрота, неожиданность, дерзость — вот и все, что нужно для удачи. Ну и, если по правде сказать, еще одно нужно — золотое русское сердце — то самое, которое есть у каждого из моих ребят.»

«Золотое сердце» советского бойца бьется в каждом из очерков и в этом их поучительная ценность.

АЛЕКСАНДР ЖАРОВ. «ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ». «Северный флот», 1941.—Советская поэзия сильна боевыми традициями. Ее гварь — Маяковский — писал: «Песня и стих это бомба и знамя». Призывные лозунги, частушки, песни, стихи о доблести и геройстве всегда сопровождали советских воинов, подымая их дух и волю к победе во всех схватках с врагами родины.

Сейчас, в дни отечественной войны, на всех фронтах звучит голос бойцов поэтического оружия. Они воспевают отважных и смелых.

Одним из примеров фронтовой работы поэта может служить книжка А. Жарова «За полярным кругом». В нее входит двадцать стихотворений. Здесь и лирика, и юмор, и песни. Книжка целиком посвящена боевым делам краснофлотцев Заполярья. Она отвечает их настроениям, отражает пережитое, хорошо знакомое, близкое и понятное.

Есть в ней и воодушевляющий призыв:

Над нами бушует Октябрьское знамя.

Вперед, краснофлотцы, врагов не щадя!

В бой, североморцы! Победа — за нами!
За нашу свободу! За жизнь! За вождя!

Есть и слово о боевой дружбе советских моряков:

Дружба боевая, выручка морская —
Крепче и надежней каменной стены.

Добрая половина стихов отведена юмору — этому наиболее доходчивому, веселящему душу агитационному жанру. Тут и разоблаченная моряками хитрость врага («Приманка»), и победа «малютки» (подлодки) над «великаном» (линкором), и издевка над фашистскими войсками, подстегивающими свой воинский пыл водкой.

Стихи А. Жарова несомненно дойдут до сердца широкого читателя.

С. ВАСИЛЬЕВ. «ГНЕВНЫЕ СТРОКИ». Фронтовые стихи. «Советский Писатель», М., 1941.—Эта небольшая книжка — поэтический отклик на происходящие события. Одинадцать помещенных здесь стихотворений посвящены героям отечественной войны — летчикам, мужественным партизанам, отважным защитникам Москвы, передовикам наших колхозов, героическим женам и матерям русских бойцов, славному городу Ленина. С большинством из них читатель уже знаком по газетам и журналам.

Стихи передают патриотический подъем народа, его ненависть к врагу.

Наиболее удачны у Васильева те стихи, в которых присутствует народная ироническая интонация. («Фашисты», «Дело было на рассвете в небольшой деревне А.») В этих стихах автору удалось найти простую правдивую интонацию, свои собственные слова, передающие всю моральную возгнот и злобную истеричность оголодевшего врага.

Героические стихи автора менее самобытны и выразительны, но в них ощущается искреннее чувство гнева и ненависти к врагу, столь понятное и родное всем.

НИК. БОГДАНОВ. «ЗАПИСКИ ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА». «Советский Писатель», М., 1941.—В книжке пятнадцать записей-очерков и зарисовок. Почти все они посвящены боевым делам летчиков, танкистов, артиллеристов и пехотинцев одного из фронтов отечественной войны. В целом они дают представление об обстановке и характере современного боя, о моральном лице Красной Армии, о единстве советского фронта и тыла и, наконец, о коварстве и подлости врага.

Книжка Н. Богданова показывает, что советский народ уже убедился на деле в том, что означает «тотальная война» и ответил на это мощным подъемом патриотизма, рождающего доблесть и отвагу Красной Армии.

Военный корреспондент тепло и любовно рассказывает о наших бойцах, чьим девизом стала простая формула мужества. «В бою самое безопасное быть храбрым». Эта истина могла родиться только в сердцах, воодушевленных преданностью родне. Следуя ей, Красная Ар-

мия не только продолжает исторические боевые традиции нашего народа (упомянутые в записках), но и преумножает «науку побеждать» беспримерной советской отвагой.

В записях Н. Богданова очень ясно ощутим источник непобедимости советского народа и в этом их ценность.

НИКОЛАЙ ШПАНОВ. «МАЙОР КОШЕВОЙ». Рассказ. «Советский Писатель», 1941.— В грозных упорных сражениях второй Отечественной войны выросла славная стая воздушных героев — сталинских соколов. Об одном из них рассказывает Ник. Шпанов.

Отряд, которым командует майор Кошевой, совершил немало подвигов. Летчики его эскадрильи не раз прибегали к тарану — этому оружию бесстрашных патриотов советской авиации.

Прекрасное знание обстановки, боевых особенностей самолетов и тактики воздушного боя позволило автору показать всю сложность и остроту решительных схваток наших летчиков с фашистскими стервятниками.

Рассказ правдиво и просто передает то, высокое сыновнее чувство к родине и ее полководцу Сталину, которое приносит нашим летчикам победу даже в неравном бою.

«РОДНАЯ ЗЕМЛЯ». Рассказы о Великой Отечественной войне. «Советский Писатель», 1941. — В сборнике участвуют девять авторов: украинские советские писатели Петро Панч и Юрий Яновский, народный поэт Белоруссии Якуб Колас, польская писательница Ванда Василевская, немецкий писатель антифашист Вилли Бредель и группа русских советских писателей: Б. Галин, К. Финн, Л. Никулин и К. Клосс. Но все рассказы в нем проникнуты единым чувством, одним грозным дыханием. Война, навязанная нам гитлеровской кликой, подняла всенародную ненависть к захватчикам. Она взрастила мощное партизанское движение. В лесах, в деревнях и селах, на дорогах и по оврагам Украины, Белоруссии, РСФСР, Западной Украины и Белоруссии — всюду враг встречает народных мстителей — партизан.

Стар и млад взяли оружие, чтобы не выпустить его из рук до полной победы над гитлеровцами.

Образы партизан, изображенных в этой книге, насыщены патриотическим величием и душевной стойкостью, которые знаменуют неминуемую победу.

Н. А. БРОДСКИЙ. «ПОЭТ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ». Гослитиздат, 1941.— В своей популярной брошюре автор дает характеристику Лермонтова как великого русского патриота.

В священной отечественной войне народов СССР за свободу, за честь и славу своего отечества, наряду с другими великими русскими деятелями, вспоминается автор «Бородина» — Лермонтов. Подлинный, гениальный поэт всегда с народом. Его стихи, рожденные лю-

бовью к родине, к народу, всегда созвучны с чувствами и думами миллионной массы.

«В грозные дни, когда над нашей родной нависла опасность, когда народы СССР поднялись на отечественную освободительную войну против фашистских поработителей, Лермонтов, поэт войны 1812 года, закончившейся победой русского народа, продолжает жить вместе с нами, вместе с советскими людьми, уверенными, что наша всенародная отечественная война приведет к освобождению всех народов Европы, стонущих под игом германского фашизма.»

«РОДИНА И ВОЙНА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ». ОГИЗ, Кировское областное издательство, 1942.— В сборник вошли патриотические стихи русских поэтов от Ломоносова до Маяковского, посвященные родине и многовековой борьбе русского народа с иноземными захватчиками. Содержание книги: М. Ломоносов — «Ода» (отрывки); Г. Державин «На переход Альпийских гор» (отрывки); И. Крылов — «Волк на псарне»; В. Жуковский — «Певец во стане русских воинов» (отрывки); П. Вяземский — «Петербург» (отрывок); Д. Давыдов — «Элегия», «Партизан»; А. Пушкин — «Из поэмы «Полтава», «Москва, как много в этом звуке»; Н. Языков — «Баян к русскому воину»; «Д. В. Давыдову» (отрывок); М. Дмитриев — «Кремль»; Е. Гребенка — «Были у орла два сына»; М. Лермонтов — «Баллада», «Два великана», «Бородино»; А. Подолдинский — «Могила солдата», «Звезда»; Ф. Глинка — «Москва»; М. Кольцов — «Военная песня»; Н. Соколов — «Он»; Н. Никитин — «Русь» (отрывки), «Воздадим хвалу русской земле»; А. Апухтин — «Солдатская песня о Севастополе»; Ф. Тютчев — «Славянам»; А. Майков — «Никогда» (отрывок); «Сказание о 1812 г.»; Н. Некрасов — «Великое чувство»; А. Блок — «Петроградское небо мутилося дождем»; Ф. Сологуб — «Год испытаний, год суровый»; В. Брюсов — «Россия», «Серп и молот»; В. Маяковский — Из поэмы «Хорошо».

Составил сборник Павел Вячеславов.

АЛЕКСЕЙ ГЛЕБОВ. «МОСКВИЧИ». ОГИЗ, 1941.— Книжка А. Глебова состоит из ряда очерков о москвичах — защитниках своего славного города, своей родины от немецко-фашистских банд.

Москвичи любят свой город, как родную мать. Их жизнь неотделима от Москвы. В Кремлевских залах они слушали Ленина и Сталина. На Красной площади они присягали на верность родине и коммунизму. На просторных улицах родного города они встречали своих героев.

Герои очерков А. Глебова — москвичи Пахомов, Лекарев, Герасимов, Тоня Сигельникова, Тэруен Мулмеджан, Калашников, Галя Жильцова — командиры, бойцы, медсестры. Об их подвигах рассказывает писатель.

МАКС ЗИНГЕР. «ПАТРИОТЫ НАШИХ МОРЕЙ». Библиотека «Огонек», 1941.—

Книга М. Зингера состоит из рассказов о боевых действиях Красного Военно-Морского Флота. Наши моряки вписывают новые слабые страницы в историю нашей родины. Герои рассказов Зингера на миноносцах, подводных лодках, военных транспортах, самолетах военно-морской авиации совершают подвиги во славу советского оружия. В книгу «Патриоты наших морей» вошли следующие рассказы:

«Морская кавалерия», «Полный вперед!», «Десант», «Морские пахари», «На операцию», «Боевые орлы».

Е. ДОРОШ. «ВОЕННОЕ ДЕЛО». «Советский Писатель», 1941. — Тема книги Е. Дороша — действия армии Буденного в годы гражданской войны, дальнейшая судьба его бойцов. В книге собраны следующие рассказы: «Отец», «Батрак», «Мужицкое счастье», «Старые времена», «Смерть Гордея», «Платовцы», «Исход», «Военное поле», «Ночь на хуторе Кузюрине», «Маршальские звезды».

«ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО». ОГИЗ, Киров, 1941. — В небольшой книжке помещены стихи поэтов Кировской области, являющиеся откликом на события Великой Отечественной войны. Содержание книги:

В. Заболотский — «Грозное время»; А. Григулис — «Вековая ненависть»; О. Любчиков — «В строй», «Москва», «Капитан Гастелло», «Таран»; С. Малахов — «Ленинград»; П. Вячеслав — «Слава летчикам»; А. Мильчаков — «Наша ненависть»; Л. Чулицкий — «Дед»; С. Зыков — «Их было семь», «Народные частушки»; Павел Вячеслав — «Песнь о великой стране».

«ЧЕСТЬ ГВАРДЕЙЦА». «Молодая Гвардия», 1942. — Гвардеец — это звучит на фронте наградой. От гвардейца ждут подвиги.

Чтобы понять, что такое гвардеец, из чего складываются его личные боевые достоинства, нужно знать подвиги нашей гвардии.

В книжке собраны следующие очерки о подвигах гвардейцев:

А. Кривицкий — «О 28 павших героях»; Вл. Рудный — «Юбилей в бою»; И. Пудалов — «Честь гвардейца»; Леонид Гринь — «Бесстрашие».

Наиболее ярко написан и занимателен очерк А. Кривицкого «О 28 павших героях гвардейцах-панфиловцах».

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ. «МУЖЕСТВО И ДОБЛЕСТЬ». Государственное издательство художественной литературы, 1941. — В настоящей книжке даны отрывки из «Севастопольской страды» С. Сергеева-Ценского — трехтомной эпопеи, за которую автор награжден Сталинской премией первой степени.

Ярко изображенные С. Сергеевым-Ценским беззаветная любовь к родине, самоотверженность, мужество и доблесть славных защитников Севастополя, осажденного в 1854 году превосходящими силами прогиенника, — высокие качества эти всегда были свойственны нашему свободолюбивому народу. Но никогда еще наш народ не был таким могучим, каким он является теперь, на двадцать пятом го-

ду социалистической революции, — могучим своей сплоченностью, своей индустрией и своим вооружением. И это несокрушимое могущество его, помноженное на самоотверженность и героизм, разгромит и уничтожит нового врага — германских фашистских варваров, вероломно напавших на нашу священную землю.

Ал. ИСБАХ. «НА ФРОНТЕ». ОГИЗ, 1941. — В книге «На фронте» собраны рассказы и очерки, написанные автором в конце 1941 года на фронте. В них рисуются различные эпизоды фронтовой жизни. О содержании и характере их дает представление оглавление книги: «Два командира», «Делегат связи», «Сын», «Орелики», «Политрук Ситников», «Минометчик Александр Королев», «Капитан Павел Лысенко», «Разведчики», «Штурмовик Миронов», «Рассказы разведчика», «Юные патриоты», «Две пули», «Пулеметчик Ванюхов», «Прямой наводкой», «Эскадрилья капитана Тодкого», «Воспитание мужества», «Дневник младшего политрука Сидорова», «Ночь в политотделе», «Зоркий глаз народа».

«НАШИ ГЕРОИ». Литературно-эстрадный сборник. Издательство «Искусство», 1941. — В сборнике объединен разнообразный материал: стихи, монологи, короткие одноактные пьесы, предназначенные для эстрадного исполнения. Несмотря на разнообразие жанров, все произведения сборника объединены единой темой, выраженной в заглавии. Герои всех стихов и пьес — наши бойцы, героика Красной Армии и Красного Флота. Авторы произведений: Ванда Василевская, Ник. Асеев, Ник. Тихонов, А. Твардовский, Мих. Голодный, Б. Лапин, З. Хащевин, Антон Пришелец, Осип Колычев, Вас. Лебедев-Кумач, Р. Ландис, Ник. Богданов, Мих. Светлов, С. Кирсанов, С. Маршак, К. Симонов, В. Гуран, В. Потемкин и Х. Херсонский.

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ. «ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИИ». ОГИЗ, 1941. — Прошло девять месяцев Великой Отечественной войны советского народа против гитлеровской Германии и ее союзников. С помощью своих лакеев — Муссолини, Маннергейма, Антонеску, Хорти, Павелича, Тиссо и им подобных предателей народа, вопреки воле народов Италии, Финляндии, Венгрии, Румынии, Хорватии, Гитлеру удалось погнать на войну против СССР армии этих стран в качестве дешевого пушечного мяса. Озверевшие орды Гитлера, ворвавшись на территорию СССР, убивают лучших сынов советского народа, уничтожают города и сеча во имя «нового порядка», который хотят они навязать кровью, огнем и железом народам мира. Этот «новый порядок» уже выявил свои отвратительные, гнусные черты самой реакционной, террористической диктатуры финансового капитала господ крупно и герингов. Теперь для всего мира ясно, что «новый порядок» означает превращение всех европейских государств в колонии и полу-

колони Германии, означает рабство и бесправие, уничтожение их культуры, обнищание Европы.

В истории войн эта война является самой кровопролитной, ибо никогда не было на полях сражений такой могучей техники, таких страшных средств истребления человеческих жизней, как в этой войне, никогда воюющие не доходили до такого ожесточения, как в этой войне.

В своей книжке Ем. Ярославский освещает основные события и характер отечественной войны советского народа против фашистской Германии.

Книжка является полезным пособием для пропагандистов и агитаторов.

П. ЮДИН. «ЧТО НЕСЕТ ФАШИЗМ РУССКОМУ НАРОДУ». ОГИЗ, 1941. — Книга П. Юдина состоит из следующих разделов: «Разбойничье нападение Гитлера на Советский Союз»; «Кто такой Гитлер, кто такие немецкие фашисты»; «Почему гитлеровская Германия напала на Советский Союз»; «Немецкие фашисты — лютые враги русского народа»; «Что несут немецкие фашисты русскому народу»; «Гитлер и его озверелые банды будут уничтожены».

П. Юдин кратко и популярно в своей книге разъясняет грабительский человеконенавистнический характер планов Гитлера.

«ЛАДО КЕЦХОВЕЛИ», Сборник материалов и документов. ОГИЗ, 1941. — К числу замечательных людей большевизма принадлежит Ладо Кецховели — ближайший соратник товарища Сталина на заре революционного движения в Грузии и Закавказье.

Во вступительной статье к книге тов. Л. Берия пишет:

«Под руководством товарища Сталина в 1898—1900 гг. зародилось и оформилось революционное ленинское крыло социал-демократии Кавказа.

Товарищ Сталин вместе с Кецховели и Цулукидзе перевел тифлисскую и бакинскую социал-демократические организации к руководству политическими стачками, осуществляя решительный переход от пропаганды и агитации к организации массовой политической борьбы рабочего класса.

Ладо Кецховели являлся профессиональным революционером, выдающимся организатором ленинско-искровского подполья. Он умело сочетал глубокую и тщательную конспирацию с повседневной связью с рабочими Тифлиса и Баку, организовывая самые сложные и трудные революционные мероприятия».

Статьи и висьма товарища Ладо Кецховели, напечатанные в сборнике, ярко характеризуют облик несгибаемого революционера.

Сборник «Ладо Кецховели» в высшей степени полезная и поучительная книга.

М. ШЕЙНМАН. «ФАШИЗМ — ДУШИТЕЛЬ СВОБОДЫ СОВЕСТИ». ОГИЗ — ГИИЗ, 1941. — Господство фашистов в Германии принесло неслыханные бедствия и страдания народным массам.

Германский фашизм целиком несет ответственность за кровавую войну, происходящую сейчас во всем мире. У народных масс Германии (не говоря уже о других странах) никогда не было столь заклятого врага, как нынешние правители этого государства.

В брошюре М. Шейнмана рассказано о том, как подавляется свобода совести в фашистской Германии, как издеваются приспешники главаря бандитской шайки Гитлера над людьми, как они пытаются создать новую религию, которая бы освящала и оправдывала бандитизм и разбой.

Многочисленные факты, приведенные в брошюре, показывают, что, несмотря на ужасающий террор, фашистской банде не удастся подавить волю масс к борьбе с ненавистным фашизмом.

«БОРЬБА ЗА ОСТРОВА». Библиотека красноармейца, второе издание, Воениздат НКО СССР, 1941. — Книга содержит воспоминания участников боев с белофиннами. Она рисует героический ледовый поход частей Красной Армии, бои за острова и выход на северное побережье Финского залива, чем была создана серьезная угроза тылам Выборгской группировки войск белофиннов.

Все воспоминания, помещенные в настоящей книге, взяты из двухтомного сборника «Бои в Финляндии».

В книге напечатаны следующие материалы: Герой Советского Союза генерал-полковник М. Кирпонос — «70-я ордена Ленина стрелковая дивизия»; А. Андриянов, Н. Белов — «По приказу командующего фронтом товарища Тимошенко»; Капитан В. Круглов — «Через минное поле»; Герой Советского Союза капитан А. Краснов — «Штурм острова Ханнукалан-саари»; Вл. Ставский — «Молниеносный удар»; Г. Днепровский — «Герой-пулеметчик»; Майор Андреев — «Бои за Тронгсунд и Раван-саари»; лейтенант М. Онипко — «Рейд в глубокий тыл противника»; лейтенант П. Крючков — «Как тракторы стали «танками»; лейтенант Д. Федоренко — «Минометы на огневых позициях»; капитан П. Каверзнев — «Бой на острове Еси-саари».

Н. БЯКАНОВ. «В ОГНЕ БОЕВ РОЖДАЮТСЯ ГЕРОИ». «Молодая Гвардия», 1942. — В вечернем сообщении Советского Информбюро 29 ноября 1941 года было написано:

«Получено сообщение о большом успехе партизан, действующих в оккупированных немцами районах Московской области. 24 ноября несколько партизанских отрядов под командованием тт. Ж., К., П., Б., объединившихся для совместных действий против оккупантов, совершили налет на крупный населенный пункт, в котором расположился штаб одного из войсковых соединений немецко-фашистской армии. Ночью после тщательной разведки советские патриоты обрушились на ничего не подозревавшего врага. Прервав сначала всякую связь немецкого штаба со своими частями, партиза-

ны затем огнем и гранатами уничтожили несколько больших зданий, в которых располагались воинские учреждения фашистов. Разгромлен штаб немецкого корпуса. Захвачены важные документы. Отважные бойцы-партизаны перебили около 600 немцев, в том числе много офицеров, и уничтожили склад с горючим, авторемонтную базу, 80 грузовых машин, 23 легковых машины, 4 танка, бронемашину, обоз с боеприпасами и несколько пулеметных точек.

При подготовке этой операции разведкой партизанского отряда был разгромлен карательный отряд гестапо. Гитлеровцы потеряли при этом около 40 человек убитыми и ранеными солдат и офицеров. Разведка партизан расстреляла десятника лесничества Багана, сообщавшего гестапо о местах расположения партизан в лесах.

В своей книге Н. Баканов рассказывает о смелом партизанском руководителе товарище Иовлеве, о том, как тот приобрел свою новую специальность. Автор стремится показать, как рос командир, как воспитывалась его железная воля, как созревало и выковывалось в нем искусство партизанского руководства.

«ИЗМЕНА РОДИНЕ — ТЯГЧАЙШЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ». Библиотека красноармейца. 2-е, переработанное издание. *Воениздат НКО СССР, 1941.* — Советский народ любит и ценит своих героев. Он по заслугам награждает тех, кто, не щадя своей жизни, сражается за счастье социалистической родины. Но советский народ ненавидит трусов и изменников и беспощадно уничтожает их.

Нет и не может быть более гнусного преступления, чем измена родине. Изменникам нет и не может быть никакой пощады!

М. Горький сжато и ярко выразил всю силу презрения и ненависти народа к изменнику и предателям. Он писал:

«Предатель — это настолько своеобразное отвратительное создание природы классового государства, что сравнить предателя не с кем и не с чем. Я думаю, что даже тифозную вошь сравнение с предателем оскорбило бы.»

В брошюре сжато и популярно разъясняется закон о каре за измену родине, принятый 8 июня 1934 года.

Як. ШУР. «ЖЕНЩИНЫ, НА ТРУДОВОЙ ФРОНТ!». *«Московский рабочий», 1941.* — На фабриках и заводах, в учреждениях, на колхозных полях работает больше 30 миллионов женщин. Немало среди них инженеров и агрономов, врачей и педагогов, талантливых деятелей науки и искусства.

Священная отечественная война, призвавшая под красные знамена миллионы мужчин, возлагает ответственнейшие задачи и на женщин. Победы Красной Армии куются не только на фронте, но и в цехах наших предприятий, на колхозных и совхозных полях. И здесь самоотверженный труд, готовность к жертвам и подвигам не менее важны, чем воинская доблесть на фронте.

Когда вся страна охвачена одним стремлением — сокрушить врага, советские женщины спрашивают себя: все ли мы делаем, что должны сделать для блага народа? Где и в чем можем мы заменить призванных на фронт? И советские патриотки находят ответ, достойный дочерей нашей страны: они на трудовом фронте показывают чудеса самоотверженности.

В брошюре Як. Шур приводится много примеров самоотверженной работы советских женщин.

Редколлегия: М. М. Розенталь, В. П. Ставский, А. А. Сурков, А. Н. Толстой, К. А. Федин, М. А. Шолохов, В. Р. Щербина (ответственный секретарь).

Редакция: Москва, 6, Пушкинская площадь, 5.
Издательство: «Известия Советов депутатов трудящихся СССР».

А 50225. 16 печ. листов. Тираж 40.000. Зак. 392.
Подписано к печати 3/IV—24/IV 1942 г.

Типография «Известий Советов депутатов трудящихся СССР»,
Москва, Пушкинская пл., 5.